

Научный журнал по политологии и социологии

Теории и проблемы
политических
исследований

Том 11, № 4А, 2022.

С. 1-306.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Journal of Politics and Sociology

Theories and Problems of Political Studies

August 2022, Volume 11, Issue 4A.

Pages 1-306.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Теории и проблемы политических исследований»

Том 11, № 4А, 2022

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 6 номеров в год. Периодичность части В – 6 номеров в год. Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Митрохина Татьяна Николаевна, доктор политических наук (5.5.1), профессор, заведующая кафедрой политических наук, *Саратовский социально-экономический институт (филиал), Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова* – главный редактор журнала по направлению «Политология» (5.5).

Дзуцев Хасан Владимирович, доктор социологических наук (5.4.4), профессор, директор *Северо-Осетинского центра социальных исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук*, заведующий отделом социологических исследований и политологического мониторинга *Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева*, заведующий кафедрой социологии политических и социальных процессов *Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова* – главный редактор журнала по направлению «Социологические науки» (5.4).

Стровский Дмитрий Леонидович, доктор политических наук (5.5.1), *Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина* – заместитель главного редактора.

В журнале публикуются научные статьи, а также сообщения о выходе книг по вопросам теоретической и прикладной политической науки. Авторами статей выступают политологи и социологи, работающие в академических институтах и вузах, политики, а также аспиранты и докторанты. В журнале рассматриваются важнейшие проблемы теории и истории политологии, социологии, культуры, массовых коммуникаций на уровне общества (общественной группы), государства и международной системы, а также вопросы методологии политических и социологических исследований, теоретические поиски, новые концепции и проблемы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Теории и проблемы политических исследований» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор по направлению «Политология» (5.5)	Т.Н. Митрохина, доктор политических наук (5.5.1)
Главный редактор по направлению «Социологические науки» (5.4)	Х.В. Дзуцев, доктор социологических наук (5.4.4)
Заместитель главного редактора	Д.Л. Стровский, доктор политических наук (5.5.1)
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Корректоры	Л.Л. Куприянич, Л.Н. Икитян, О.Г. Лысяк, М.Б. Шишелева
Переводчики	В.Н. Ермаков, Р.Э. Бокова, И.С. Злобина, М.Б. Шишелева
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г. Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43673 от 24.01.2011.

ISSN 2223-5442. Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России»:

43047 «Теории и проблемы политических исследований».

Цена договорная. Подписано к печати 15.08.2022. Печ. л. 21,25. Формат 60x90/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7400.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сушевский вал, 49.

"Theories and Problems of Political Studies"

August 2022, Volume 11, Issue 4A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 6 times a year. The frequency of part B is 6 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Mitrokhina Tat'yana Nikolaevna, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of political sciences, *Saratov Socio-Economic Institute (branch), Plekhanov Russian University of Economics* (Russia) – editor-in-chief (Political science section).

Dzutsev Khasan Vladimirovich, Doctor of Sociology, Professor, Head of the *North Ossetian Centre for Social Research of the RAS Institute of Social and Political Research*, Head of the Department of social research and political monitoring, *Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research*, Head of the Department of sociology of political and social processes, *Khetagurov North-Ossetian State University* (Russia) – editor-in-chief (Sociological science section).

Strovskii Dmitrii Leonidovich, Doctor of Political Sciences, *Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin* (Russia) – deputy editor-in-chief.

The journal publishes scientific articles and information about books on theoretical and applied political science. The authors of articles are political scientists and sociologists working in academic institutions, politicians, postgraduate students and PhD candidates. The journal deals with the major problems of the theory and history of political science, sociology, culture, mass communications at the level of society (a social group), a state and an international system, as well as issues of the methodology of political and sociological research, theoretical studies, new concepts and challenges.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Theories and Problems of Political Studies" ("*Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief (Political science section)	T.N. Mitrokhina, Doctor of Political Sciences
Editor-in-chief (Sociological science section)	Kh.V. Dzutsev, Doctor of Sociology
Deputy editor-in-chief	D.L. Strovskii, Doctor of Political Sciences
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik, L.N. Ikityan, O.G. Lysyak, M.B. Shisheleva
Translators	V.N. Ermakov, R.E. Bokova, I.S. Zlobina, M.B. Shisheleva
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43673 of 24.01.2011.

ISSN 2223-5442. Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"

Subscription index of the union catalogue "The Press of Russia":

43047 "Theories and Problems of Political Studies".

Contract price. Passed for printing on 15.08.2022. 21.25 printed sheets. Format 60x90/8.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7400.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.4.1. Теория, методология и история социологии

Дмитриев Анатолий Васильевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель группы конфликтогенности миграции, Почетный доктор Института социологии Российской академии наук.

Островская Елена Александровна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Осьмук Людмила Алексеевна – доктор социологических наук, профессор, директор Института социальных технологий и реабилитации, Новосибирский государственный технический университет.

Шахматова Надежда Владимировна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

по направлению: 5.4.2. Экономическая социология, 5.4.3. Демография

Лопухин Владимир Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и экономики труда, Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина.

по направлению: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

Гусякова Людмила Герасимовна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента информационных ресурсов и социальной работы, Алтайский государственный институт культуры.

Дзуцев Хасан Владимирович – главный редактор журнала, доктор социологических наук, профессор, директор Северо-Осетинского центра социальных исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук, заведующий отделом социологических исследований и политологического мониторинга Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, заведующий кафедрой социологии политических и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.

Савинов Леонид Иванович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.

Черняева Татьяна Ивановна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных коммуникаций, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Чойропов Цырен Цыдыпович – доктор социологических наук, профессор, завкафедрой социологии и политологии, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления.

по направлению: 5.4.6. Социология культуры

Бармин Николай Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, ректор, заведующий кафедрой теории и практики управления, Нижегородский институт развития образования.

Карпова Галина Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующая кафедрой «Медиакоммуникации», Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина.

Кононова Татьяна Михайловна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Тюменский государственный институт культуры.

Тисовский Роман Романович – кандидат социологических наук, государственный советник Российской Федерации 1-го класса, государственный советник Республики Крым 3-го класса, заместитель начальника Государственного казенного учреждения Республики Крым «Служба автомобильных дорог Республики Крым».

Яковлев Лев Сергеевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальной политики, Поволжский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

по направлению: 5.4.7. Социология управления

Ананьева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, профессор, проректор, Российский государственный университет туризма и сервиса.

Мамедов Агамали Куламович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем, социологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Шарков Феликс Изосимович – доктор социологических наук, профессор, член рабочей группы Координационного Совета Общественной палаты РФ по противодействию терроризму, Заслуженный деятель науки РФ, проректор по науке Академии труда и социальных отношений, заместитель руководителя отделения журналистики Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

по направлению: 5.5.1. История и теория политики

Асонов Николай Васильевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и социологии, Московский педагогический государственный университет.

Глухова Александра Викторовна – доктор политических наук, профессор, завкафедрой социологии и политологии, Воронежский государственный университет.

Глушкова Светлана Игоревна – доктор политических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета, заведующая кафедрой прав человека, Гуманитарный университет.

Гоптарева Ирина Борисовна – доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой общих правовых дисциплин и политологии, Оренбургский государственный университет.

Дергунова Нина Владимировна – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и политологии, Ульяновский государственный университет.

Елисеев Сергей Михайлович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии политических и социальных процессов, Санкт-Петербургский государственный университет.

Митрохина Татьяна Николаевна – главный редактор журнала, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических наук, Саратовский социально-экономический институт (филиал), Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова.

по направлению: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры конфликтологии, связей с общественностью и журналистики ИМО, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, руководитель центра этнополитических исследований, сотрудник Научно-исследовательского Института стратегических исследований, Пятигорский государственный университет.

Баранов Николай Алексеевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.

Васецкий Андрей Анатольевич – доктор политических наук, профессор, директорат (Санкт-Петербург), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Гайнутдинов Рашид Ибрагимович – доктор политических наук, профессор, сотрудник центра социально-экономических и политических исследований и технологий, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Жаде Зуриет Анзауровна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории государства и права и политологии, Адыгейский государственный университет.

Исаев Борис Акимович – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Пеньков Владимир Фёдорович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина.

Скиперских Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики (Пермский филиал).

Слатинов Владимир Борисович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Курский государственный университет.

Слинько Александр Анатольевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и мировой политики, Воронежский государственный университет.

Шешукова Галина Викторовна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных, социально-экономических, математических и естественно-научных дисциплин, Оренбургский институт (филиал), Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

по направлению: 5.5.4. Международные отношения

Ачкасов Валерий Алексеевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных политических процессов, Санкт-Петербургский государственный университет.

Конышев Валерий Николаевич – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.

Корконосенко Сергей Григорьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Мухаметшин Рафик Мухаметшович – доктор политических наук, профессор, ректор, Российский исламский институт.

Савельев Александр Георгиевич – доктор политических наук, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук.

Хаски Юджин – доктор политических наук, доктор экономических наук, профессор, советолог, Университет Стэтсона, Делэнд, Флорида (США).

Редакционная коллегия

Адилова Людмила Фёдоровна – доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

Богомяков Владимир Геннадьевич – доктор философских наук, профессор кафедры политологии, Тюменский государственный университет.

Василенко Инна Викторовна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии, Волгоградский государственный университет.

Дагбаев Эрдэм Данзанович – доктор социологических наук, завкафедрой политологии и социологии, Бурятский государственный университет.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Стровский Дмитрий Леонидович – заместитель главного редактора журнала, доктор политических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Ханалиев Нурадин Умарпашаевич – кандидат политических наук, Первый секретарь Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД России (отдел антитеррористического и антиэкстремистского сотрудничества).

Editorial Board

Achkasov Valerii Alekseevich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of international politic processes of the faculty of political science, Saint Petersburg State University (Russia).

Anan'eva Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Sociology, Vice-Rector, Russian State University of Tourism and Service (Russia).

Asonov Nikolai Vasil'evich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of sociology and political sciences, Moscow University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Astvatsaturova Maiya Artashesovna – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of innovatics, administration and law, Pyatigorsk State Linguistic University (Russia).

Bakhlov Igor' Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of universal history and world political developments, Ogarev Mordovia State University (Russia).

Baranov Nikolai Alekseevich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of culturology and global studies of Baltic State Technical University "Voenmech", Head of the Department of international relations, Saint Petersburg Institute for International Economic Relations, Economics, and Law (Russia).

Barmin Nikolai Yur'evich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Rector, Head of the Department of theory and practice of management, Nizhny Novgorod Institute of Education Development (Russia).

Chernyaeva Tat'yana Ivanovna – Doctor of Sociology, Head of the Department of social communications, Stolypin Volga Region Institute (branch), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Choiropov Tsyren Tsydyповich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of sociology and political science, East Siberia State University of Technology and Management (Russia).

Dergunova Nina Vladimirovna – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of sociology and political science, Ulyanovsk State University (Russia).

Dmitriev Anatolii Vasil'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Conflict Migration Group, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Dzutsev Khasan Vladimirovich – Editor-in-chief, Doctor of Sociology, Professor, Head of the North Ossetian Centre for Social Research of the RAS Institute of Social and Political Research, Head of the Department of social research and political monitoring, Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research, Head of the Department of sociology of political and social processes, Khetagurov North-Ossetian State University (Russia).

Eliseev Sergei Mikhailovich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of sociology of political and social processes, Saint Petersburg State University (Russia).

Gainutdinov Rashid Ibragimovich – Doctor of Political Sciences, chairman of the supervisory board of the Saint Petersburg Institute of Regional Innovation Systems, Professor at the faculty of political sciences, Saint Petersburg State University (Russia).

Glukhova Aleksandra Viktorovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of sociology and political sciences, Voronezh State University (Russia).

Glushkova Svetlana Igorevna – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of human rights, Vice-Dean of the law faculty, Humanitarian University (Russia).

Goptareva Irina Borisovna – Doctor of Political Sciences, Head of the Department of political sciences, Professor at the Department of the theory of state and law and constitutional law, Orenburg State University (Russia).

Guslyakova Lyudmila Gerasimovna – Doctor of Sociology, international master in social work, Head of the Department of social work, Gorno-Altai State University (Russia).

Huskey Eugene – Doctor of Political Sciences, Doctor of Economics, sovietologist, Professor, Stetson University in Deland, Florida (USA).

Isaev Boris Akimovich – Doctor of Sociology, Head of the Department of political science of the faculty of international communications, Ustinov Baltic State Technical University "Voenmekh", Saint Petersburg (Russia).

Karpova Galina Gennad'evna – Doctor of Sociology, Head of the Department of media communications, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin (Russia).

Kononova Tat'yana Mikhailovna – Doctor of Sociology, Head of the Department of foreign languages, Tyumen State Academy of Culture, Arts and Social Technologies (Russia).

Konyshev Valerii Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of theory and history of international relations of the faculty of international relations, Saint Petersburg State University (Russia).

Korkonosenko Sergei Grigor'evich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of theory of journalistic, Vice-Dean for scientific work of the faculty of journalism, Saint Petersburg State University (Russia).

Lopukhin Vladimir Yur'evich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Department of economic theory and labor economics, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin (Russia).

Mamedov Agamali Kulamovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of sociology of communicative systems, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Mitrokhina Tat'yana Nikolaevna – Editor-in-chief, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of political sciences, Saratov Socio-Economic Institute (branch), Plekhanov Russian University of Economics (Russia).

Mukhametshin Rafik Mukhametshovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Rector, Russian Islamic University (Russia).

Os'muk Lyudmila Alekseevna – Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Social Technologies and Rehabilitation, Novosibirsk State Technical University (Russia).

Ostrovskaya Elena Aleksandrovna – Doctor of Sociology, Professor at the Department of theory and history of sociology of the faculty of sociology, Saint Petersburg State University (Russia).

Pen'kov Vladimir Fedorovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of Public Relations, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Russia).

Savel'ev Aleksandr Georgievich – Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, National Research Institute of World Economy and International Relations named after E.M. Primakov, Russian Academy of Sciences (Russia).

Savinov Leonid Ivanovich – Doctor of Sociology, Head of the Department of social work, Ogarev Mordovia State University (Russia).

Shakhmatova Nadezhda Vladimirovna – Doctor of Sociology, Professor, Professor at the Department of history, theory and applied sociology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Russia).

Sharkov Feliks Izosimovich – Doctor of Sociology, Professor, member of the working group of the Coordination Council of the Public Chamber of the Russian Federation on Counteracting Terrorism, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Vice-Rector for Science of the Academy of Labor and Social Relations, deputy head of the department of journalism, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Sheshukova Galina Viktorovna – Doctor of Political Sciences, PhD in Philosophy, Professor at the Department of humanities, socio-economic disciplines and management, Orenburg Institute (branch), Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Skiperskikh Aleksandr Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of humanities, National Research University "Higher School of Economics", Perm (Russia).

Slatinov Vladimir Borisovich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of state and municipal management, Kursk State University (Russia).

Slin'ko Aleksandr Anatol'evich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of international relations and regional studies, Voronezh State University (Russia).

Tisovskii Roman Romanovich – PhD in Sociology, State Counselor of the Russian Federation of the 1st class, State Counselor of the Republic of Crimea of the 3rd class, Deputy Head of the State Treasury Department of the Republic of Crimea "Service of highways of the Republic of Crimea" (Russia).

Vasetskii Andrei Anatol'evich – Doctor of Political Sciences, Professor, Vice-Rector and Head of the Institute of Additional Professional Education for Public Servants of North-West Academy of Public Administration (Russia).

Yakovlev Lev Sergeevich – Doctor of Sociology, Professor, Professor at the Department of sociology and social policy, Povolzhsky Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Zhade Zuriet Anzaurovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of the theory of state and law and political science of the law faculty, Adygei State University (Russia).

Advisory Board

Adilova Lyudmila Fedorovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Russian State University for the Humanities (Russia).

Bogomyakov Vladimir Gennad'evich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of political science, Tyumen State University (Russia).

Dagbaev Erdem Danzanovich – Doctor of Sociology, Head of the Department of political science and sociology, Buryat State University (Russia).

Strovskii Dmitrii Leonidovich – Deputy editor-in-chief, Doctor of Political Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Russia).

Vasilenko Inna Viktorovna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of sociology, Volgograd State University (Russia).

Содержание

Политические институты, процессы, технологии

Ван Юаньсин Развитие социального предпринимательства в России: результаты и перспективы.....	7
Суслов Михаил Григорьевич К вопросу о воспитании у курсантов устойчивости к воздействию идеологии экстремизма	16
Араев Сергей Иванович Функционирование политической системы Российской Федерации в условиях антироссийских санкций 2022 г.....	24
Го Сюйтин Трансформация тележурналистики.....	32
Слабкая Диана Николаевна Новиков Алексей Валерьевич Уголовная политика государства. Предупреждение организованной преступности.....	40
Чжан Чживэнь Использование сетевых технологий в условиях цифровой трансформации.....	48
Чжан Чживэнь Цифровая экономика и медиа	56
Карпикова Анна Юрьевна Специфические характеристики виртуальных сетей как канала политической коммуникации	65
Давыдов Дмитрий Владимирович Асимметрия территориальной системы как предпосылка объединения регионов в процессе развития российского федерализма	71
Зайцева Ирина Александровна Зайцев Дмитрий Сергеевич Роль институтов гражданского общества в реализации социальной политики (на примере социально-ориентированных некоммерческих организаций).....	77
Денисов Юрий Петрович Стаурский Евгений Станиславович Стаурский Станислав Станиславович Административно-правовые аспекты политики памяти в Российской Федерации.....	85
Войнов Даниил Игоревич Проблемы и перспективы работающей молодежи в Российской Федерации как субъекта гражданского общества	94
Глушкова Светлана Игоревна Летунов Евгений Дмитриевич О развитии цифровых прав человека в государствах «Группы двадцати» (G20): основные направления и особенности развития	104
Николенко Анастасия Алексеевна Русская локальная цивилизация как особый тип государства и общества.....	120
Яшкова Татьяна Алексеевна Меметов Энвер Рустемович Идея «Особого пути» в контексте кризиса неолиберализма (на примере современной ФРГ).....	127
Мазанаев Наби Курбанович Некоторые аспекты межэтнической толерантности в России	138

Борцов Дмитрий Валерьевич Анализ основных российских институтов управления в сфере экономической дипломатии	143
Пань Вэньшо Медиапространство в XXI веке: основные тенденции	154
Го Чжи Новые медиа в информационном пространстве России: проблемы и перспективы	162
Международные отношения	
Ермолаева Юлия Вячеславовна Особенности формирования политики устойчивого развития рынка труда в России в контексте стран БРИКС	170
Капитонов Алексей Александрович Система ценностей как средство легитимации внешней политики США	181
Чинь Куок Винь Нгуен Тунг Шон АСЕАН и гуманитарная безопасность: вызовы и возможности	190
Чинь Куок Винь Бутко Александр Александрович Ха Ле Тхань Чунг Сотрудничество Китая и Вьетнама: современный научно-экспертный дискурс	198
Данилов Алексей Витальевич Данилова Елена Валерьевна Воздействие политических процессов на развитие экономики Кипра 1960–1974 гг.	206
Зайнуллина Полина Рифовна Махнёв Владислав Александрович Проблемы развития российско-китайского сотрудничества в авиакосмической отрасли	215
Крючков Илья Викторович Геополитические факторы национальной безопасности Российской Федерации	224
Айлифэйжань Влияние глобализации на китайские и российские СМИ: сравнительный анализ	232
Кучаренко Даниил Сергеевич Воплощение принципа разделения властей в политической и правовой системе США	240
Осипов Евгений Александрович Э. Макрон и относительное большинство. Итоги парламентских выборов во Франции в 2022 г.	247
Абдулрахман Ханфвр Фахад Современная политика великих держав на Ближнем Востоке: стратегия и тактика	255
Абдулрахман Ханфвр Фахад Современное состояние и перспективы политического развития Ближнего Востока в контексте применения технологий политического доминирования	263
Медушевский Николай Андреевич Ермакова Анастасия Николаевна Мягкая сила: американский и китайский подходы	273
Хлопов Олег Анатольевич Эволюция энергетической стратегии США и перспективы ее реализации в XXI	283

Йовашевич Живан

Тамганян Давид Мхитарович

Шмелев Алексей Максимович

Торговые и финансовые санкции США как инструмент внешней политики США в АТР294

Contents

Political institutions, processes, technology

Wang Yuanxing	
Development of social entrepreneurship in Russia: results and prospects	7
Mikhail G. Suslov	
About the question of fostering cadets' resistance to the influence of extremist ideology.....	16
Sergei I. Araev	
Functioning of the political system of the Russian Federation in the context of Anti-Russian sanctions in 2022.....	24
Guo Xuting	
The transformation of TV journalism	32
Diana N. Slabkaya	
Aleksei V. Novikov	
Criminal policy of the state. Organized Crime Prevention	40
Zhang Zhiwen	
Use of network technologies in the conditions of digital transformation	48
Zhang Zhiwen	
Digital economy and media: political aspects.....	56
Anna Y. Karpikova	
Specific characteristics of virtual networks as a channel of political communication.....	65
Dmitrii V. Davydov	
Asymmetry of the territorial system as a prerequisite for the consolidation of regions in the development of Russian federalism	71
Irina A. Zaitseva	
Dmitrii S. Zaitsev	
The role of civil society institutions in the implementation of social policy (using the example of socially oriented non-profit organizations).....	77
Yurii P. Denisov	
Evgenii S. Staurskii	
Stanislav S. Staurskii	
Administrative and legal Aspects of Memory Policy in the Russian Federation.....	85
Daniil I. Voinov	
Problems and prospects of working youth in the Russian Federation as a subject of civil society	94
Svetlana I. Glushkova	
Evgenii D. Letunov	
On the development of digital human rights in the states of the "Group of Twenty" (G20): the main directions and features of development.....	104
Anastasiya A. Nikolenko	
Russian local civilization as a special type of state and society.....	120
Tat'yana A. Yashkova	
Enver R. Memetov	
The idea of a "Special Path" in the context of the crisis of neoliberalism (on the example of modern Germany)	127
Nabi K. Mazanaev	
Some aspects of interethnic tolerance in Russia	138

Dmitrii V. Bortsov	
Analysis of the main Russian governance institutions in the field of economic diplomacy	143
Pan Wenshuo	
Media space in the XXI century: main trends	154
Guo ZhiYi	
New media in the information space of Russia: problems and prospects	162

International relationships

Yuliya V. Ermolaeva	
Features of the formation of the policy for sustainable development of the labour market in Russia in the context of the BRICS countries	170
Aleksei A. Kapitonov	
System of values as a means of legitimization of the US foreign policy	181
Chin Quoc Vinh Nguyen Tung Son	
Challenges and opportunities in ASEAN humanitarian security	190
Chin Quoc Vinh Aleksandr A. Butko Ha Le Thanh Chung	
Cooperation between China and Vietnam: modern scientific and expert discourse	198
Aleksei V. Danilov Elena V. Danilova	
The impact of political processes on the development of the Cyprus economy of 1960–1974	206
Polina R. Zainullina Vladislav A. Makhnev	
Problematic aspects in the development of Russia-China cooperation in aerospace industry	215
Il'ya V. Kryuchkov	
Geopolitical factors affecting the national security of the Russian Federation	224
Alifeiran	
The impact of globalization on Chinese and Russian media: a comparative analysis	232
Daniil S. Kucharenko	
The embodiment of the principle of separation of powers in the political and legal system of the United States.....	240
Evgenii A. Osipov	
Emmanuel Macron and a relative majority. The results of the 2022 French legislative election	247
Abdulrakhman Khanfvr Fakhad	
Modern policy of the great powers in the Middle East: strategy and tactics	255
Abdulrakhman Khanfvr Fakhad	
The current state and prospects of the political development of the Middle East in the context of the application of the technologies of political domination	263
Nikolai A. Medushevskii Anastasiya N. Ermakova	
Soft power: American and Chinese approaches.....	273
Oleg A. Khlopov	
The Evolution of the US Energy Strategy and the Prospects for its Implementation in the 21st Century	283

Zhivan Iovashevich
David M. Tamganyan
Alexey M. Shmelev

USA trade and financial sanctions as a tool of USA foreign policy in the APAC region294

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2022.13.52.001

Развитие социального предпринимательства в России: результаты и перспективы

Ван Юаньсин

Аспирант,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: w942208@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается формирование социального предпринимательства в Российской Федерации с точки зрения социально-политического анализа, показаны возможные пути решения различных проблем современного общества посредством предпринимательской деятельности как инструмента, с помощью которого становится возможным одновременно повысить уровень частного и общественного благосостояния. Проанализированы типичные особенности социального предпринимательства в современных условиях, показаны перспективы для дальнейшего роста. Тема социального предпринимательства является актуальной, так как данный институт в России, находится в стадии развития и постоянной трансформации, и, соответственно, вопрос его исследования является важным для дальнейшего становления и роста национальной экономики. Социальное предпринимательство является достаточно актуальным для российской экономики в силу наличия большого количества существующих проблем в социальной сфере в сложных геополитических условиях: возросла необходимость в сборе гуманитарной помощи жителям Донбасса в условиях проходящей в данный момент специальной военной операции на территории Украины, постоянный рост числа беженцев, социальной напряженности, экологических проблем и др. По нашему мнению, социальное предпринимательство может оказать весомую помощь государству в решении вышеперечисленных задач.

Для цитирования в научных исследованиях

Ван Юаньсин. Развитие социального предпринимательства в России: результаты и перспективы // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 7-15. DOI: 10.34670/AR.2022.13.52.001

Ключевые слова

Социальное предпринимательство, социальные инновации, предпринимательский подход, некоммерческая организация, институциональная среда, бизнес-модель.

Введение

На данный момент одним из ключевых направлений государственной экономической политики России можно обозначить развитие социальной сферы, того фундамента, на котором базируется качество жизни населения страны, являющееся, в свою очередь, важным показателем развития государства. Весомая роль в улучшении социальной инфраструктуры отводится социальному предпринимательству, как особому виду коммерческой деятельности, сосредоточенной не только на получение прибыли предприятием, но и на борьбу с социальной напряженностью [Кисова, 2020, 25]. Бесспорно, любая организация – даже самая коммерческая – подчиняется определенным правилам и ожиданиям людей [Барков, 2008, 56].

Как справедливо отмечают представители экспертного сообщества, современное общество представляет собой по большей части мир организаций [Барков, Земляков, 2021, 163]. Сфера бизнеса не является исключением. Бизнес, будучи самостоятельной деятельностью, направленной на регулярное получение прибыли от реализации различной продукции, выполнения различных видов работ или оказания услуг, постепенно трансформируется и разбивается на особые группы в зависимости от построенной бизнес-модели. Одним из таких видов становится социальное предпринимательство, которое уже успешно функционирует на территории Российской Федерации и становится все более и более популярным [Беспалый, 2020, 35]. Стоит отметить, что социальное предпринимательство можно охарактеризовать как новое направление, и, как следствие, малоизученное.

Основная часть

Согласно официальному определению, термин «социальное предпринимательство» – это вид предпринимательской деятельности, призванный решать социальные проблемы общества. При этом организация для получения подобного статуса должна соответствовать определенным критериям, таким, как: создание рабочих мест для социально незащищенных категорий граждан; часть доходов в обязательном порядке должна распределяться на дальнейшее развитие объединения, а главное условие – это реализация общественно-значимых целей, сосредоточенных на решении социальных вопросов [Осколков, Митрухина, 2019, 170].

Иными словами, социальным предпринимателем можно считать субъект малого или среднего бизнеса, реализующий бизнес-модель, конечная цель которой является не только коммерческий успех организации, но и реальная помощь социально уязвимым категориям граждан, одновременно с решением всевозможных общественно-важных проблем [Лебединцева, Дерюгин, 2021, 157]. Это важно учитывать, т.к. социологические опросы проведенные, в частности, в г. Москве обозначают проблему наличия экономического неравенства в российском обществе [Осипова, Елишев, Прончев, 2020, 17].

Также отметим, что для успешной реализации всех поставленных задач российские бизнесмены достаточно часто копируют зарубежный опыт, в частности, опыт государств азиатского региона [Кицай, 2016, 195-200], направляя свой бизнес на социально незащищенные слои населения, таким образом преследуя несколько целей сразу – выполнение социальной функции и привлечение инвестиций со стороны за счет всеобщей огласки и социальной рекламы.

Если говорить о московском опыте, то в столице Российской Федерации, как и во многих других регионах страны уже реализовано большое количество бизнес-идей социальной

направленности, таких, как: магазины с товарами первой необходимости с гибкой ценовой политикой для малообеспеченных граждан; социальные парикмахерские для инвалидов и пожилых людей; социальные такси для большой группы нуждающихся граждан, в том числе и для многодетных семей [Евстратова, 2019, 10].

Ярким примером является московская служба «Инватакси», специализирующаяся не только на перевозке инвалидов, но и на проведении экскурсий для лиц с ограниченными возможностями. Нужно отметить, что подобные социально-значимые инициативы часто получают дополнительные инвестиции со стороны. Заслуживает внимания их слоган: «Не бизнес, а миссия». Также в Москве существует несколько мастерских, где есть возможность приобрести сувенирную продукцию, сделанную руками малообеспеченных людей или детей с особенностями развития. Таким образом, предприниматели дают возможность дополнительного заработка социально уязвимым группам людей и получают прибыль сами.

Безусловно, социальное предпринимательство можно считать делом достойным и экономически выгодным, так как благодаря ему появляется возможность развить свой бизнес в финансовом смысле и при этом оказать весомую поддержку нуждающимся социальным группам [Ромащенко, Кисова, 2017, 1141].

Представляется важным в рамках данной статьи упомянуть о субсидировании социального предпринимательства, как важной составляющей этой отрасли, без которой большинство проектов были бы не осуществлены и не работали на данный момент. На сегодняшний день в Российской Федерации успешно функционирует Федеральная программа поддержки малого и среднего предпринимательства. Социальный предприниматель имеет право получить безвозмездно денежные средства и распорядиться ими в рамках развития своего бизнес-проекта или запуска стартапа.

Кроме того, на сегодняшний день существуют специальные фонды, оказывающие поддержку субъектам социального предпринимательства, такие, как Фонд поддержки социальных проектов. Содействие Фонда заключается в бесплатном обучении, консультации предпринимателей и содействие в получении финансовых льгот. Также необходимо упомянуть о Фонде региональных социальных программ «Наше будущее»: с помощью него можно одобрить кредит по выгодной ставке на улучшение и развитие своего дела.

Безусловно, решение социальных вопросов приводит к снижению прибыли предприятия и должны быть компенсированы со стороны государства. Перечислим основные меры поддержки, которые актуальны на данный момент времени для российских территорий: льготы на оплату коммунальных услуг; непосредственное финансирование в формате грантов и субсидий; предоставление материальной, методической и информационной поддержки; консультации по различным юридическим вопросам, организационная помощь в деле международного взаимодействия; содействие в организации процесса по обучению работников и многое другое.

Нужно отметить, что на практике вышеперечисленные меры поддержки оказываются как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации и различных муниципалитетов. Это подтверждает наличие малой дистанции между органами государственной власти и управления и институтами гражданского общества, что, в свою очередь, стимулирует развитие частной предпринимательской инициативы [Ковальчук, 2017, 61].

Для развития и совершенствования данного направления в 2022 году в российской столице открылась Школа социального предпринимателя, занятия проходят на бесплатной основе под руководством Фонда поддержки социальных проектов. Агентство стратегических инициатив и

Департамент предпринимательства и инновационного развития города Москвы являются учредителями и создателями данного Фонда.

Настоящий проект ставит перед собой ряд амбициозных задач – оказать содействие начинающим предпринимателям в воплощении их собственных идей и превращении их в грамотную бизнес-модель для того, чтобы в будущем они могли самостоятельно разрабатывать выгодные предложения для клиентов и партнеров. Представителям же малого и среднего бизнеса в рамках проекта показывается на примере, каким образом можно выработать ключевые навыки и развивать свое дело с точки зрения социально-ориентированного подхода, при сохранении и постоянном увеличении прибыли предприятия. Такая инновационная Школа социального предпринимателя ориентирована на москвичей от 16 лет, планирующих запуск своего социального стартапа или развитие уже существующего бизнес-проекта.

Важно отметить, что при этом для прохождения обучения в данном учебном заведении опыт ведения своего бизнеса не обязателен, важна инициативность, амбициозность и желание развиваться и развивать «добрый» бизнес. Лучшие практикующие специалисты в области социального предпринимательства в ходе обучения детально объясняют тонкости ведения бизнес-процессов; разбирают трудности, возникающие при открытии дела; с юридическим обоснованием подходят к преподаванию не только теории, но и на практике показывают важные детали при разработке бизнес-плана, генерировании грамотной финансовой бизнес-модели.

Учеба в приведенной выше школе разделяется на модули, в первых блоках рассказывается об основных понятиях социального предпринимательства и их различиях с благотворительными организациями и некоммерческими партнерствами, а также о важности на начальном этапе определения целевой аудитории своего социального проекта. В последующих модулях представлены алгоритмы разработки бизнес-плана и построение маркетинговой стратегии абсолютно каждого проекта участника. Крайне важен блок знаний о популяризации социально-значимой разработки и способах привлечения новых клиентов. Также заслуживает внимания модуль, рассказывающий и показывающий искусство продаж и важность языковой компетентности при проведении деловых встреч и коворкингов с клиентами и партнерами по бизнесу [Батаева, 2015, 221].

Завершающий, седьмой блок посвящен организационным действиям по созданию презентаций готовых проектов обучающихся с последующим выступлением лучших из них перед компетентным жюри.

Хочется отметить, что выпускные бизнес-проекты первого и второго потока главным образом имели отношение к области образования, помощи инвалидам, их реабилитации и абилитации, социальному сервису россиян.

Как пример, можно отметить проекты, отвечающие за предоставление парикмахерских услуг для незрячих и слабовидящих людей, инклюзивный центр хореографии, учебно-воспитательский проект, поддерживающий воспитанников детских домов в развитии своих литературных талантов.

Актуальность исследования социального предпринимательства в Российской Федерации заключается в том, что данное направление только начинает развиваться в отличие от зарубежных коллег, российские предприниматели только осваивают тонкости ведения подобной бизнес-модели. Результатом работы должна стать не только решенная социальная проблема, но и денежная прибыль для популяризации и роста собственного предприятия. Для этого важно уметь применять инновационные методы с привлечением инвесторов и заинтересованных лиц, а для этого, в свою очередь, должна быть реализована самокупаемость

бизнес-модели, так как инвестиции со стороны и поддержка государства не бесконечны [Соловьева, 2022, 170].

Не вызывает сомнения тот факт, что, социальное предпринимательство, являясь достаточно новым явлением в российской экономике, на данный момент требует постоянного развития и совершенствования для успешной реализации наравне с международным сообществом. Необходимость развития данного вида предпринимательства очевидна, так как целевую аудиторию ее составляют самые социально уязвимые слои населения: инвалиды и люди с ограниченными возможностями здоровья; многодетные семьи, матери-одиночки, воспитывающие в том числе и детей-инвалидов; пожилые люди, пенсионеры; выпускники детских домов и многие другие.

Также на сегодняшний момент, учитывая геополитическую обстановку в мире, разворачивающиеся военные действия на Украине, возросло число беженцев и вынужденных переселенцев, которым требуется помощь по самым разным направлениям в социальной сфере, начиная от материальной помощи и заканчивая трудоустройством и юридическими консультациями. Постоянно растет число малоимущих граждан и лиц, признанных нуждающимися в социальном обслуживании в связи с потерей жилья и имущества на территориях Российской Федерации, где ведутся военные действия в данный момент времени. Не вызывает сомнения тот факт, что в развитии этой сферы просто необходима поддержка государства.

Одной из таких поддержек можно назвать организацию акселератора в сфере образования, спорта и медицины, организованного Фондом поддержки социальных проектов, в котором смогут принять участие столичные социальные бизнесмены, а также проведение совместных мероприятий, таких, например, как слет социальных предпринимателей «Бизнес с душой», прошедший осенью 2022 года [Космачев, www].

Данное мероприятие было организовано для людей, ищущих способы решения проблем и создания позитивных изменений в обществе посредством собственных инициатив, заинтересованных в открытии бизнеса для общественного блага, а не только в погоне за прибылью. Основной мыслью докладов был тезис о том, что, когда люди преследуют свои собственные интересы, они будут руководствоваться решениями, которые принесут пользу другим. Все усилия должны быть направлены на удовлетворение потребностей в социально уязвимых группах граждан, которым не уделялось должного внимания или которым не был предоставлен доступ к услугам, продуктам или базовым предметам первой необходимости, доступным в более защищенных социальных группах. Также было уделено внимание тому факту, что социальный предприниматель должен быть финансово подкованным, с этой целью в будущем необходимо организовывать подобные конференции чаще с целью обучения финансовой грамотности слушателей.

В современном мире социальное предпринимательство должно сочетаться с технологическими разработками и инновационными подходами: например, обеспечение высокоскоростного подключения к Интернету в удаленных селах и деревнях, с целью получения детьми школьного возраста широкого доступа к информации и ресурсам знаний.

Хорошим примером может служить разработка мобильных приложений, отвечающих потребностям конкретной социальной группы. К примеру, мобильное приложение, с помощью которого станет возможным моментально сообщать в городские администрации о возникающих проблемах, таких, как прорыв водопровода, обрыв линий электропередач или повторяющиеся дорожно-транспортные происшествия.

Безусловно, на мероприятиях, подобных слету «Бизнес с душой», где проходят различные дискуссионные площадки, мастер-классы, легче продвигать новые идеи и находить инвесторов для воплощения в жизнь различных инициатив.

Такие мероприятия очень важны и необходимы на данный момент, так как способствуют обмену опытом формирования бизнес-идей и содействуют развитию сообщества социальных предпринимателей. На дискуссиях, в частности, была затронута тематика работы по социальному контракту. Исходя из статистических данных, в 2020 году было заключено 459 таких договоров, а в 2021 – 1151, а за 8 месяцев 2022 – 1300. 16 процентов предпринимателей, заключивших такой контракт, смогли выйти на стабильный доход [там же].

Принимая во внимание то обстоятельство, что основные темы, озвученные на данном мероприятии – это различные сложности и проблемы на пути развития социального бизнеса, который за последние три года развивается в непростых условиях, связанных с ковидными ограничениями, внешним санкционным давлением, разрывом логистических цепочек и падением потребительского спроса, то становится очевидным тот факт, что без поддержки государства развиваться на фоне происходящих событий достаточно сложно, к этому выводу приходят все участники слета «Бизнес с душой».

Несмотря на то, что российское социальное предпринимательство только начинает развиваться, многочисленные исследования по этой тематике позволяют сделать вывод о том, что предпринимательство, направленное на решение социальных задач, является драйвером экономического роста России.

Семенова Д.А. в своей статье о социальном предпринимательстве строит положительные прогнозы относительно развития его в России и отмечает, что принятие закона о социальном предпринимательстве – это лишь дело времени. По мнению большинства авторов по данной тематике, в России наблюдаются положительные шаги в становлении социального предпринимательства как массового движения, благодаря историческому наследию благотворительной деятельности, расширению деятельности некоммерческого сектора и распространению практики социальной ответственности российского бизнеса [Семенова, 2016, 178].

Наконец, учитывая специфику потенциала российских граждан – наличие большого количества воплощенных бизнес-идей, а также грамотное использование бизнес-средой зарубежного опыта и активного его внедрения с учетом особенностей отечественной социально-экономической действительности, представляется возможным то, что при успешном объединении экономических ресурсов и человеческого потенциала, решится большое количество социальных проблем и противоречий [Московская, Соболева, 2016, 110].

Также появится возможность привлечь в предпринимательскую деятельность широкий круг слоев населения, что, в конечном итоге, позволит выстроить новую социально-экономическую структуру общества.

Заключение

Учитывая все вышесказанное, при грамотно сформированной социально-ориентированной экономике, можно прогнозировать в ближайшем будущем быстрое развитие социального предпринимательства, как инструмента для дальнейшего экономического роста в России.

Также хотелось бы отметить тот факт, что сформировавшийся на данный момент государственно-ориентированный подход в решении вопросов социального

предпринимательства недостаточно эффективен, поскольку зачастую касается лишь вопросов нормативного регулирования и финансирования, тогда как требуется адресный и целевой подход.

На сегодняшний день социальные бизнесмены должны иметь возможность отстаивать свои интересы при формировании политики государства в направлении институционализации социального предпринимательства как совместного проекта государства, общества и бизнеса.

Кроме того, необходимо добавить, что социальное предпринимательство является достаточно актуальным для российской экономики в силу наличия большого количества существующих проблем в социальной сфере в сложных геополитических условиях: возросла необходимость в сборе гуманитарной помощи жителям Донбасса в условиях проходящей в данный момент специальной военной операции на территории Украины, постоянный рост числа беженцев, социальной напряженности, экологических проблем и др. По нашему мнению, социальное предпринимательство может оказать весомую помощь государству в решении вышеперечисленных задач.

Библиография

1. Барков С.А. Социальные и экономические аспекты эффективности современной организации // Труд и социальные отношения. 2008. № 5. С. 52-58.
2. Барков С.А., Земляков Д.Н. Современная теория менеджмента – парадоксальный симбиоз психологии, социологии и риторики // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2021. № 1. С. 151-167.
3. Батаева Б.С. Подходы к социальному предпринимательству в России и за рубежом // Предпринимательство и бизнес в условиях экономической нестабильности. 2015. С. 221-223.
4. Беспалый С.В. Социальное предпринимательство и его роль в социальном воздействии на общество // Grand Altai Research & Education. 2020. № 1 (12). С. 33-43.
5. Евстратова Т.А. Молодежное социальное предпринимательство на примере конкретных бизнес-моделей г. Москвы // Материалы XV Афанасьевских чтений. М.: Перспектива, 2019. С. 10-20.
6. Кисова А.Е. Социальное предпринимательство как одна из форм социальных инноваций // The Scientific Heritage. 2020. № 44-3 (44). С. 24-27.
7. Кицай Ю.А. Особенности правового положения социальных корпоративных организаций в Азии: социально-предпринимательский аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 195-201.
8. Ковальчук В.К. Культурный синдром и его влияние на развитие предпринимательства // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2017. № 2. С. 59-62.
9. Космачев М. Предприниматели ищут новые пути развития. URL: <https://nb-fund.ru/press-center/news/predprinimateli-ishchut-novye-puti-razvitiya-mikhail-kosmachev/>
10. Лебединцева Л.А., Дерюгин П.П. Бизнес и социальное предпринимательство: обзор основных моделей // Журнал исследований социальной политики – The Journal of Social Policy Studies. 2021. № 19 (1). С. 155-165.
11. Московская А.А., Соболева И.В. Социальное предпринимательство в системе социальной политики: мировой опыт и перспективы России // Проблемы прогнозирования. 2016. № 6. С. 103-111.
12. Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Восприятие социального неравенства московскими студентами // Образование и право. 2020. № 3. С. 11-25.
13. Осколков А.В., Митрухина С.В. Социальное предпринимательство в современной России как социально-экономический феномен // Modern Science. 2019. № 4-2. С. 165-170.
14. Ромашенко Т.Д., Кисова А.Е. Концептуальные основы социального предпринимательства // Экономика и предпринимательство. 2017. № 11 (88). С. 1140-1143.
15. Семенова Д.А. Социальное предпринимательство как драйвер экономического роста России // Научный альманах. 2016. № 7. С. 178-184.
16. Соловьева Т.С. Социальное предпринимательство как проводник социальных инноваций в современной экономике // Вестник МИРБИС. 2022. № 2 (30). С. 165-178.

Development of social entrepreneurship in Russia: results and prospects

Wang Yuanxing

Postgraduate,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: w942208@gmail.com

Abstract

The article discusses the formation of social entrepreneurship in the Russian Federation from the point of view of socio-political analysis, shows possible ways to solve various problems of modern society through entrepreneurial activity as a tool that makes it possible to simultaneously increase the level of private and public welfare. The typical features of social entrepreneurship in modern conditions are analyzed, and prospects for further growth are shown. The topic of social entrepreneurship is relevant, since this institution in Russia is in the process of development and constant transformation, and, accordingly, the issue of its study is important for the further development and growth of the national economy. The author of the paper concludes that social entrepreneurship is quite relevant for the Russian economy due to the presence of a large number of existing problems in the social sphere in difficult geopolitical conditions: the need to collect humanitarian aid to the residents of Donbass has increased in the context of the ongoing special military operation on the territory of Ukraine, the constant increase in the number of refugees, social tension, environmental problems, etc. In the author's opinion, social entrepreneurship can provide significant assistance to the state in solving the above problems.

For citation

Wang Yuanxing (2022) Razvitie sotsial'nogo predprinimatel'stva v Rossii: rezul'taty i perspektivy [Development of social entrepreneurship in Russia: results and prospects]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 7-15. DOI: 10.34670/AR.2022.13.52.001

Keywords

Social entrepreneurship, social innovations, entrepreneurial approach, non-profit organization, institutional environment, business model.

References

1. Barkov S.A. (2008) Sotsial'nye i ekonomicheskie aspekty effektivnosti sovremennoi organizatsii [Social and economic aspects of the effectiveness of a modern organization]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya* [Labor and social relations], 5, pp. 52-58.
 2. Barkov S.A., Zemlyakov D.N. (2021) Sovremennaya teoriya menedzhmenta – paradoksal'nyi simbioz psikhologii, sotsiologii i ritoriki [Modern management theory: a paradoxical symbiosis of psychology, sociology and rhetoric]. *Menedzhment i biznes-administririvanie* [Management and business administration], 1, pp. 151-167.
 3. Bataeva B.S. (2015) Podkhody k sotsial'nomu predprinimatel'stvu v Rossii i za rubezhom [Approaches to social entrepreneurship in Russia and abroad]. In: *Predprinimatel'stvo i biznes v usloviyakh ekonomicheskoi nestabil'nosti* [Entrepreneurship and business in conditions of economic instability].
 4. Bespalyi S.V. (2020) Sotsial'noe predprinimatel'stvo i ego rol' v sotsial'nom vozdeistvie na obshchestvo [Social entrepreneurship and its role in social impact on society]. *Grand Altai Research & Education*, 1 (12), pp. 33-43.
-

5. Evstratova T.A. (2019) Molodezhnoe sotsial'noe predprinimatel'stvo na primere konkretnykh biznes-modelei g. Moskvy [Youth social entrepreneurship on the example of specific business models in Moscow]. In: *Materialy XV Afanasiev'skikh chtenii* [Proceedings of the XV Afanasiev Readings]. Moscow: Perspektiva Publ.
6. Kisova A.E. (2020) Sotsial'noe predprinimatel'stvo kak odna iz form sotsial'nykh innovatsii [Social entrepreneurship as a form of social innovation]. *The Scientific Heritage*, 44-3 (44), pp. 24-27.
7. Kitsai Yu.A. (2016) Osobennosti pravovogo polozheniya sotsial'nykh korporativnykh organizatsii v Azii: sotsial'no-predprinimatel'skii aspekt [Features of the legal status of social corporate organizations in Asia: social and entrepreneurial aspect]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2 (109), pp. 195-201.
8. Kosmachev M. *Predprinimateli ishchut novye puti razvitiya* [Entrepreneurs are looking for new ways of development]. Available at: <https://nb-fund.ru/press-center/news/predprinimateli-ishchut-novye-puti-razvitiya-mikhail-kosmachev/> [Accessed 08/08/2022]
9. Koval'chuk V.K. (2017) Kul'turnyi sindrom i ego vliyanie na razvitie predprinimatel'stva [Cultural syndrome and its impact on the development of entrepreneurship]. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy* [Representative power of the XXI century: legislation, comments, problems], 2, pp. 59-62.
10. Lebedintseva L.A., Deryugin P.P. (2021) Biznes i sotsial'noe predprinimatel'stvo: obzor osnovnykh modelei [Business and social entrepreneurship: a review of the main models.]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 19 (1), pp. 155-165.
11. Moskovskaya A.A., Soboleva I.V. (2016) Sotsial'noe predprinimatel'stvo v sisteme sotsial'noi politiki: mirovoi opyt i perspektivy Rossii [Social Entrepreneurship in the System of Social Policy: World Experience and Prospects for Russia]. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], 6, pp. 103-111.
12. Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. (2020) Vospriyatie sotsial'nogo neravenstva moskovskimi studentami [Perception of social inequality by Moscow students]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 3, pp. 11-25.
13. Oskolkov A.V., Mitrukhina S.V. Sotsial'noe predprinimatel'stvo v sovremennoi Rossii kak sotsial'no-ekonomicheskii fenomen [Social entrepreneurship in modern Russia as a socio-economic phenomenon]. *Modern Science*, 4-2, pp. 165-170.
14. Romashchenko T.D., Kisova A.E. (2017) Kontseptual'nye osnovy sotsial'nogo predprinimatel'stva [Conceptual foundations of social entrepreneurship]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship], 11 (88), pp. 1140-1143.
15. Semenova D.A. (2016) Sotsial'noe predprinimatel'stvo kak draiver ekonomicheskogo rosta Rossii [Social Entrepreneurship as a Driver of Russia's Economic Growth]. *Nauchnyi al'manakh* [Scientific Almanac], 7, pp. 178-184.
16. Solov'eva T.S. (2022) Sotsial'noe predprinimatel'stvo kak provodnik sotsial'nykh innovatsii v sovremennoi ekonomike [Social entrepreneurship as a conductor of social innovations in the modern economy]. *Vestnik MIRBIS* [Bulletin of the Moscow International Higher School of Business], 2 (30), pp. 165-178.

УДК 37.013

DOI: 10.34670/AR.2022.36.67.002

К вопросу о воспитании у курсантов устойчивости к воздействию идеологии экстремизма

Суслов Михаил Григорьевич

Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры военной педагогики и психологии,
Пермский военный институт войск национальной гвардии РФ,
614038, Российская Федерация, Пермь, ул. Гремячий Лог, 1;
e-mail: suslovmi@yandex.ru

Аннотация

Представленное исследование посвящено вопросам противостояния идеологии экстремизма в современной России. Цель данной работы сводится к рассмотрению некоторых вопросов воспитания у курсантов военных вузов устойчивости к воздействию идеологии экстремизма. Методология исследования построена на системном анализе и 50-летнем личном опыте преподавания истории, политологии, геополитики, политического анализа, проблем политического прогнозирования и других дисциплин в пермских военных и гражданских вузах. Последние 40 лет автор данной статьи проводил анкетные опросы до 600 студентов разных вузов в год. Обращение к ответам студентов за достаточно длительный период времени позволяет отследить динамику изменений взглядов и представлений обучающихся на многие вопросы. Сделан вывод о том, что проведение анкетных опросов позволяет учесть в преподавании конкретные интересы курсантов и студентов, сделать занятия в вузе более содержательными и эффективными не только с познавательной, но и воспитательной стороны, в том числе в противостоянии идеологии экстремизма. В связи с обозначенной темой можно касаться еще множества вопросов, высказывать многочисленные рекомендации и пожелания. Только изучение и осмысление истории без навязанных крайностей в оценках прошлого позволит успешно решать очень важную задачу воспитания у курсантов устойчивости к воздействию идеологии экстремизма и быть стойкими защитниками государства, государственной и общественной безопасности.

Для цитирования в научных исследованиях

Суслов М.Г. К вопросу о воспитании у курсантов устойчивости к воздействию идеологии экстремизма // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 16-23. DOI: 10.34670/AR.2022.36.67.002

Ключевые слова

Образование, военные вузы, опросы обучающихся как метод повышения эффективности в противостоянии идеологии экстремизма, экстремизм, педагогика.

Введение

Обстановка в мире и вокруг России в последнее время заметно усложнилась. Обозначился перечень стран, занимающих недружественные к России позиции. Он обозначен в списке Президента Российской Федерации и на 16 августа 2022 г. включал 51 государство [Недружественные страны России, [www](#)].

Недружественные страны не только участвуют в санкционном давлении на Россию, но поддерживают идеологическое давление на нашу страну, которое выражается в публикации или распространении недостоверной информации, фейков и фальсифицированных данных о положении дел в России и на Украине во время проведения нами специальной военной операции [Иванов, [www](#)].

Недружественными нам странами проводится глобальная массированная идеологическая обработка населения в разных странах мира, в том числе и граждан Российской Федерации. Особое внимание уделяется в этом деле молодежи, которую провоцируют на антиобщественные и антиправительственные действия и выступления, а также военнослужащим, участвующим с спецоперации, склоняя их к дезертирству или сдаче в плен вооруженным силам Украины.

Целенаправленная и агрессивная идеологическая работа враждебных нам государств начинает представлять угрозу стабильности ситуации в стране, угрозу для целостности нашего государства, а потому вынуждает правительство и органы власти на местах принимать меры противодействия идеологическому давлению, пропаганде терроризма и экстремизма вообще.

В условиях обостряющейся борьбы и противостояния Западу очень важное значение приобретает стойкость народных масс и прежде всего тех, кто стоит на страже наших рубежей, кто ведет борьбу с бандеровщиной и фашизмом на Украине, терроризмом и экстремизмом в самой России. Это силовые структуры и учреждения готовящие кадры защитников Отечества, т.е. студентов вузов и курсантов военных учебных заведений.

В условиях жесткой конфронтации с Западом и нарастающего давления на Россию недружественных ей стран очень важна идейная позиция и убежденность тех, кому государство доверяет, и будет доверять защиту своих границ, государственную и общественную безопасность. К числу будущих защитников следует относить не только представителей всех силовых структур, но и сегодняшних, и будущих курсантов военных учебных заведений.

Основная часть

Чтобы воспитывать устойчивость курсантов к воздействию идеологии экстремизма, надо разъяснить курсантам, что такое идеология и что такое экстремизм. Под идеологией вообще можно понимать совокупность всех форм общественного сознания, а под идеологией экстремизма лишь те идеологические установки, которые объясняют, обосновывают и оправдывают существование и деятельность экстремистских организаций и самих экстремистов.

Если разные виды и формы идеологии существовали во все времена от каменного века и первобытного общества до наших дней, то с экстремизмом все сложнее. Появление экстремизма, как явления, можно связать с появлением с проявлением рынка и капитализма. Именно с появлением буржуазии начинается острая классовая борьба против феодальных элементов и отношений.

История знает на земле более 200 буржуазных революций. С точки зрения феодальной знати

и феодальных отношений, всякая революция есть проявление экстремизма. Многие революции были успешными, и они дали дорогу буржуазным отношениям и буржуазным государствам.

В рамках буржуазных государств наряду с буржуазией зарождается и рабочий класс. Различие взглядов вынуждает тех и других создавать политические партии для защиты своих личных, групповых и классовых интересов. Среди этих партий появляются партии левого революционного экстремизма, которые пытались доводить дело до восстаний и революций. В ответ на их появление начинают формироваться и партии правого экстремизма, готовые применять внеправовые формы репрессий.

К крайним формам борьбы следует отнести погромы и терроризм//. Если погромы в царской России были эпизодическими, то терроризм в разных формах существует издревле, когда государство применяет упреждающие формы насилия, аресты, ссылку, казни [Белозерцев, 2017].

С конца 60-х годов XIX века в России революционный терроризм проявляется у народников и социалистов-революционеров в двух видах: индивидуальный, направленный против вполне конкретных лиц, и эксцитативный, т.е. возбуждающий, призванный терактами возбудить людскую массу на борьбу против власти [Фельдман, www].

Большевики признали террор как коллективное действие масс во время революции [Ленин, 1967].

В XX веке терроризм приобретает масштабность и организованность, но в начале XX века он ограничивается национальными границами государств, а в конце века появляется международный терроризм, т.е. он обретает международный характер, когда появляются террористические организации из представителей разных государств и действующих на территории многих государств.

Опасность терроризма в любых формах, масштабах и проявлениях признана ООН, а также другими международными организациями и правительствами отдельных конкретных государств [Шмид, 2006].

Признает опасность терроризма и Российская Федерация. Правительством РФ не только составлен список террористических запрещенных организаций, но осуществляется и борьба против них [Единый федеральный список организаций..., www].

На переднем крае борьбы с терроризмом, национальным, религиозным и политическим экстремизмом находятся силовые структуры государства, и в первых рядах этой борьбы находится национальная гвардия Российской Федерации.

Чтобы успешно и профессионально вести борьбу с экстремизмом нужны хорошо подготовленные кадры. Их готовят в специальных военных образовательных учреждениях, в том числе военных институтах. В настоящее время работают четыре института войск национальной гвардии, в которых готовят специалистов разного профиля. Основная задача вузов – профессиональная подготовка кадров по всем необходимым для Росгвардии специальностям.

Специфика военных вузов сегодня заключается в том, что в отличие от гражданских вузов, здесь много внимания уделяется не только образованию, но и воспитанию курсантов, их психологической подготовке к действиям в нестандартных и экстремальных ситуациях.

Поскольку Росгвардия принимает самое активное участие в борьбе с терроризмом и всеми другими проявлениями экстремизма, то в учебном процессе много внимания уделяется воспитанию у курсантов устойчивости к воздействию идеологии экстремизма.

Направления этой работы указываются в Приказах и других руководящих документах Министерства высшего образования, Министерства Внутренних дел, Росгвардии и высших

учебных заведений. Практическая работа выполняется коллективом преподавателей и руководителями подразделений, которые непосредственно работают с курсантами.

Насколько умело и эффективно проводится эта работа каждым преподавателем, зависит от опыта, знаний, умений и желаний педагога, наставника, руководителя. Как проводить воспитательную работу на устойчивость курсантов к воздействию идеологии экстремизма, написано пока очень мало [Белозерцев, 2017], а потому преподаватели делают это по своему разумению, т.е. очень по-разному.

Что же должно лежать в основе воспитания у курсантов устойчивости к воздействию идеологии экстремизма? Многое, но главное – патриотизм и гражданственность. Эти качества закладываются в ребенка с ранних лет, начиная с семьи, детского садика, школы, дружеского окружения, социальной и политической среды, в которой живет молодой человек.

Результаты этого воздействия очень разные. Чтобы понять, с чем пришел в военный вуз выпускник школы, желательно проводить анкетный опрос курсантов на первом курсе на первом занятии по истории. Поскольку автору пришлось работать со студентами и курсантами гражданских и военных вузов в переломные 80-е и штормовые 90-е и последующие весьма непростые годы, то важно было отслеживать, как и в каком направлении, с какой скоростью и эффективностью происходит изменение настроения и поведения учащейся молодежи. Учащиеся не скупилась на оценки исторических и действующих в стране персонажей, и целых исторических периодов нашей истории.

С конца 80-х, да и после, когда шла ломка старых общественных отношений, важно было понимать, что происходит в сознании молодежи. Из ответов на вопрос: «Какая историческая личность вызывает Ваши симпатии?» было видно, что большинство молодых людей питали симпатии к царям и деятелям царской России (Петру 1, Александру II, П.А. Столыпину, С.Ю. Витте), а также некоторым историческим персонажам зарубежных стран (Цезарю, Клеопатре, Рузвельту и др.). В ответах явно проявлялись следы монархического сознания, царистских иллюзий и преклонения перед Западом.

Вопрос «Кто Вам неприятен в истории?» позволял увидеть, как оцениваются не только исторические личности, но и целые периоды, и пласты нашей истории. В конце 80-х – первой половине 90-х годов очередность несимпатичных личностей выстраивалась в таком порядке Ленин, Сталин, Гитлер и другие.

Во второй половине 90-х Ленин вообще исчез и на первое место выдвигается Сталин. В нулевые годы Сталин и Гитлер набирали примерно равное количество голосов, а с 10-х годов XXI века на первое место стал выдвигаться Гитлер.

Менялось отношение студентов и курсантов к нашей стране. Если до конца 90-х было очень много резких оценок России, типа: «Не страна, а отстой!», «Тмутаракань», «Выкидыш», «Одно недоразумение», то позднее оценки становились более сдержанными, а потом и уважительными. При том, что положительная тенденция в оценке нашей страны стала преобладать, есть еще студенты и курсанты, которые с иронией, пренебрежительностью или откровенным неприятием высказываются о прошлом и настоящем нашей страны.

Анкетными опросами можно получить представление о том, как обстоит дело с патриотизмом и гражданственностью у начинающих учебу курсантов. Это позволит вести более целенаправленную и успешную воспитательную работу с курсантами в процессе вузовского обучения.

Правда, в этой работе есть свои сложности. Руководство и органы власти дают установку осуществлять патриотическое воспитание. Установка верная, но в настоящее время патриоты

России не представляют собой чего-то единого, однородного. Есть патриоты, которые любят царскую Россию, есть патриоты, которые продолжают любить советскую страну, но есть и те, кто любит современную Россию.

Как показывают многочисленные телевизионные передачи, эти виды современных патриотов никак не могут найти общий язык, прийти к единым оценкам нашего прошлого. Они не только ведут жаркие словесные дуэли, но нередко в идеологических схватках в ход пускают и кулаки (Шевченко – Сванидзе, Жириновский – Немцов и др.) [Драка Шевченко и Сванидзе..., www].

Такая же картина наблюдается среди курсантов и преподавателей военных вузов. Они любят нашу страну, но не одинаково любят разные периоды ее истории, чем нередко приводят в замешательство друг друга, а иногда и курсантов на лекциях и семинарах, да и вне аудиторных занятий.

Что же делать в такой ситуации. Пожелание одно. Любой преподаватель и наставник в общении с курсантами на занятиях и вне аудиторий не должен особо выделять и восхвалять какой-то один период российской истории. Желательно взвешенно и продуманно обозначать достижения и недостатки, которые были у России на каждом отрезке ее истории.

Что касается патриотизма и особенно гражданственности, то педагог должен быть образцом и примером для курсантов, иначе все разговоры о гражданственности и патриотизме пройдут впустую. Конечно, молодому начинающему преподавателю еще трудно являть себя образцом, но он всегда может ссылаться на старших коллег-преподавателей, которые проявляли и проявляют свои патриотические и гражданские качества.

Очень важно, чтобы воспитательная работа опиралась на науку, научные знания, а не на представления и только личные мнения преподавателей. С научным знанием по истории дело не так просто. Сегодня все еще в ходу десятки учебников по истории, в которых доминируют личные предпочтения, представления и оценки авторов. Пора для системы образования в школе и вузе давать единые учебники по истории. Эта работа ведется и надо довести ее до логического конца.

Касаясь научного знания, очень важного для образования и воспитания молодежи, следует высказать упрек и большой науке по истории. Мы ежегодно отмечаем годовщину Победы над Германией, но до сих пор нет научного объяснения причины неудач в начальный период войны. Называются десятки причин и это хорошо, но главная причина не названа даже в очень солидных и ценных научных трудах [Гареев, 2010].

Не красит современную Россию и фигура умолчания о главной причине победы в Великой Отечественной войне. Не все делаем своевременно по критике и разоблачению фальсификаторов истории. Млечины, Сванидзе, Солонины и другие «знатоки истории» издаются большими тиражами и не сходят с российских телеэкранов. Их склонность показать лишь теневые стороны советской истории, формируют не совсем верную картину прошлого у молодежи, тем сужают почву и эффективность для патриотического и гражданского воспитания масс.

Пора государству вернуться к вопросу об идеологии и целевым установкам на будущее. Статья 13 ныне действующей Конституции Российской Федерации гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Казалось бы, в этой формулировке хорошо отразилась демократичность нашего государства, однако она обозначает и определенную проблемность.

Сегодня признанным является необходимость противодействия идеологии экстремизма.

Получается, что экстремисты имеют свою идеологию, а те, кто должен с ней бороться и противостоять идеологии экстремизма, идеологии не имеют. Это может порождать у нас, и особенно у учащейся молодежи состояние некоторой неопределенности, что в условиях ожесточенной идеологической и политической борьбы не так хорошо.

Для молодежи и курсантов военных вузов очень важно представление о будущем страны и народа, которые призваны гвардейцы защищать. Четко ставящиеся сегодня задачи: импортозамещения, освоения тех или иных территорий, развития отдельных отраслей производства – это хорошо, но подрастающему поколению важно иметь представления о перспективах и направлении развития страны в целом. Более того, без ясно обозначенной идеологии может ли обходиться образование и воспитание, успешное противостояние государства идеологическим атакам извне в условиях глобальных информационных войн?

В идеологической борьбе или войне с идеологией экстремизма и терроризма важно осуществлять зачистку тыла от тех, кто прямо или косвенно работает на другие, недружественные нам страны. Эта работа начинается, но темпы ее проведения пока не столь высоки. Есть люди и организации, которые противостоят установкам государства, чего не должно быть в условиях нарастающих угроз.

Важной составляющей процесса воспитания неприятия враждебной идеологии является борьба с фальсификацией нашей отечественной истории. В постсоветское время этому долго не уделяли должного внимания. Ситуация начинает меняться. В институтах Росгвардии отводится специальное лекционное и семинарское время для рассмотрения тем борьбы против фальсификации истории. Кроме того, на занятиях по разным темам и разным специальностям включаются критика фальсификаторов.

Очень ценным является издание Новосибирским военным ордена Жукова институтом имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации сборника материалов С.П. Паламарчука и В.В. Шитько «Миссия России», содержащего критику отечественных и зарубежных фальсификаторов практически по всем темам курса отечественной истории [Паламарчук, Шитько, 2021].

Заключение

В связи с обозначенной темой можно касаться еще множества вопросов, высказывать многочисленные рекомендации и пожелания, но как бы мы ни вели воспитательную работу в школе, вузе или в обществе в целом мы должны касаться вопросов цены и ценности. Все имеет свою цену, но абсолютная ценность у россиян должна быть одна.

В отличие от Запада, где не одну сотню лет ценностями были свобода, демократия, права человека и сам человек, в России, за исключением последних трех десятков лет, это никогда не было главной ценностью. Почти тысячу лет для россиян главной ценностью было государство. Иван Грозный, Петр Первый, Иосиф Сталин и множество простых людей личным примером показывали, что на чаше весов истории государство, как ценность, была гораздо выше родственных связей и цены своих собственных детей.

Осознание людьми государства, как высшей ценности, объясняет великую жертвенность народа и массовый героизм в годы тяжких военных испытаний. Только изучение и осмысление истории без навязанных крайностей в оценках прошлого позволит успешно решать очень важную задачу воспитания у курсантов устойчивости к воздействию идеологии экстремизма и быть стойкими защитниками государства, государственной и общественной безопасности.

Библиография

1. Белозерцев Е.П. (ред.) Научно-педагогические школы России в контексте русского мира и образования. М., 2017. 591 с.
2. Гареев М.А. Сражения на военно-историческом фронте. М.: Инсан, 2010. 896 с.
3. Драка Шевченко и Сванидзе на «Эхе» Москвы. URL: <https://www.bing.com/videos/>
4. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 22 апреля 2022 г.). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>
5. Жуков А.Ф. Индивидуальный террор в тактике мелкобуржуазных партий в первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях. М.: Наука, 1989. С. 138-144.
6. Иванов Г. Правда – первая жертва. Какие фейки об операции на Украине публикуются в Сети. URL: https://aif.ru/society/web/pravda_-_pervaya_zhertva_kakie_feyki_ob_operacii_na_ukraine_publicuyut_v_seti
7. Ленин В.И. Редакционная статья газеты «Вперед». Февраль 1905 г. // Полн. Собр. Соч. М., 1967. Т. 9. С. 276-277.
8. Недружественные страны России: последние новости. URL: https://emigrating.ru/nedruzhestvennye-strany-rossii-poslednie-novosti/#_16082022
9. Паламарчук С.П., Шитько В.В. Миссия России. Новосибирск, 2021. 124 с.
10. Фельдман Д. Четыре вида террора. Как государства и одиночки управляют обществом. URL: <https://snob.ru/entry/157327>
11. Шмид А. Статистика терроризма // Форум по проблемам преступности и общества. 2006. Т. 4. Вып. 1-2. С. 51-62.

About the question of fostering cadets' resistance to the influence of extremist ideology

Mikhail G. Suslov

Doctor of History, Professor,
Professor of the Department of Military Pedagogy and Psychology,
Perm Military Institute
of the National Guard Troops of the Russian Federation,
614112, 1, Gremyachii Log str., Perm, Russian Federation;
e-mail: suslovmi@yandex.ru

Abstract

The presented study is devoted to the issues of confronting the ideology of extremism in modern Russia. The purpose of this work is to consider some issues of educating cadets of military universities of resistance to the impact of the ideology of extremism. The research methodology is based on system analysis and 50 years of personal experience in teaching history, political science, geopolitics, political analysis, problems of political forecasting and other disciplines in Perm military and civilian universities. For the last 40 years, the author of this article has conducted questionnaire surveys of up to 600 students from different universities a year. Turning to the answers of students over a sufficiently long period of time allows you to track the dynamics of changes in the views and ideas of students on many questions. It is concluded that conducting questionnaire surveys allows considering the specific interests of cadets and students in teaching, making classes at the university more meaningful and effective not only from the cognitive, but also from the educational side, including in confronting the ideology of extremism. In connection with the designated topic, you can touch on many more questions, express numerous recommendations and

wishes. Only the study and understanding of history without imposed extremes in assessing the past will successfully solve the very important task of educating cadets to resist the influence of the ideology of extremism and to be staunch defenders of the state, state and public security.

For citation

Suslov M.G. (2022) K voprosu o vospitanii u kursantov ustoichivosti k vozdeistviyu ideologii ekstremizma [About the question of fostering cadets' resistance to the influence of extremist ideology]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 16-23. DOI: 10.34670/AR.2022.36.67.002

Keywords

Education, military higher education institutions, student surveys as a method of increasing efficiency in countering the ideology of extremism, extremism, pedagogy.

References

1. Belozertsev E.P. (ed.) (2017) *Nauchno-pedagogicheskie shkoly Rossii v kontekste russkogo mira i obrazovaniya* [Scientific and pedagogical schools of Russia in the context of the Russian world and education]. Moscow.
2. *Draka Shevchenko i Svanidze na «Ekhe» Moskvy* [The fight of Shevchenko and Svanidze on the “Echo of Moscow”]. Available at: <https://www.bing.com/videos/> [Accessed 08/08/2022]
3. *Edinyi federal'nyi spisok organizatsii, v tom chisle inostrannykh i mezhdunarodnykh organizatsii, priznannykh v sootvetstviy s zakonodatel'stvom Rossiiskoi Federatsii terroristicheskimi (na 22 aprelya 2022 g.)* [Unified federal list of organizations, including foreign and international organizations, recognized as terrorist in accordance with the legislation of the Russian Federation (as of April 22, 2022)]. Available at: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> [Accessed 08/08/2022]
4. Fel'dman D. *Chetyre vida terrora. Kak gosudarstva i odinochki upravlyayut obshchestvom* [Four types of terror. How states and single individuals govern society]. Available at: <https://snob.ru/entry/157327> [Accessed 08/08/2022]
5. Gareev M.A. (2010) *Srazheniya na voenno-istoricheskom fronte* [Battles on the military-historical front]. Moscow: Insan Publ.
6. Ivanov G. *Pravda – pervaya zhertva. Kakie feiki ob operatsii na Ukraine publikuyutsya v Seti* [Truth is the first victim. What fakes about the operation in Ukraine are published on the Web]. Available at: https://aif.ru/society/web/pravda_-_pervaya_zhertva_kakie_feyki_ob_operacii_na_ukraine_publicuyut_v_seti [Accessed 08/08/2022]
7. Lenin V.I. (1967) Redaktsionnaya stat'ya gazety «Vpered». Fevral' 1905 g. [Editorial article of the newspaper “Forward”. February 1905]. In: *Poln. Sobr. Soch* [Full Collection of Works]. Moscow. Vol. 9.
8. *Nedruzhestvennye strany Rossii: poslednie novosti* [Unfriendly countries of Russia: latest news]. Available at: https://emigrating.ru/nedruzhestvennye-strany-rossii-poslednie-novosti/#_16082022 [Accessed 08/08/2022]
9. Palamarchuk S.P., Shit'ko V.V. (2021) *Missiya Rossii* [Mission of Russia]. Novosibirsk.
10. Schmid A. (2006) Statistika terrorizma [Statistics of terrorism]. *Forum po problemam prestupnosti i obshchestva* [Forum on problems of crime and society], 4, 1-2, pp. 51-62.
11. Zhukov A.F. (1989) Individual'nyi terror v taktike melkoburzhuznykh partii v pervoi rossiiskoi revolyutsii [Individual terror in the tactics of petty-bourgeois parties in the first Russian revolution]. In: *Neproletarskie partii Rossii v trekh revolyutsiyakh* [Non-proletarian parties of Russia in three revolutions]. Moscow: Nauka Publ.

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.37.53.003

Функционирование политической системы Российской Федерации в условиях антироссийских санкций 2022 г.

Араев Сергей Иванович

Кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии,
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
123001, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Садовая, 14;
e-mail: sergejaraev@yandex.ru

Аннотация

Современное развитие российского общества и государства, претерпевает интенсивное воздействие целого ряда негативных факторов. Во многом это состояние обусловлено теми событиями, которые произошли между РФ и Украиной в 2014 году. После присоединения Крыма к России ряд европейских стран, США и некоторые другие государства, входящие в G7, ввели санкции по отношению к ряду отраслей экономики. А после начала СВО санкционный режим многократно усиливался, охватив самые разные отрасли народного хозяйства, оборонную промышленность, медицину, финансовый сектор, образование и даже культуру. Также были введены и персональные ограничения. Число лиц, которые попали в санкционные списки все больше расширяется. Несомненно, это бросает вызов политической системе. И она, в свою очередь, должна отреагировать на новые условия существования определенной совокупностью действий, что позволит ей сохраниться и минимизировать негативные последствия на экономику, финансовую и социальную системы. А чтобы получить наилучший результат, нужно принимать решения на основании заключения экспертов по каждой из отраслей и оперативно реагировать на происходящие изменения. Стоит также отметить, что в силу целого ряда негативных событий, которые затронули все сферы экономики, а значит, будут негативно отзываться на социуме, ожидается усиление авторитарности власти с ужесточением ее вертикали. Но при этом важно оценить и те механизмы, внедрением которых в обществе удастся достичь определенной «разрядки», не допуская ухудшения качества жизни граждан.

Для цитирования в научных исследованиях

Араев С.И. Функционирование политической системы Российской Федерации в условиях антироссийских санкций 2022 г. // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 24-31. DOI: 10.34670/AR.2022.37.53.003

Ключевые слова

Политика, общество, санкции, авторитаризм, демократия, режим, страны, государство, строй, кризис.

Введение

Начатая 22 февраля 2022 года Российской Федерацией СВО (специальная военная операция) на самом деле является продолжением конфликтной ситуации, возникшей между Российской Федерацией и Украиной еще в 2014 году. Именно тогда, с переходом Крыма в состав РФ, политика западных стран стала ориентирована на внедрение некоторых ограничений в самых разных сферах – начиная от экономики и развития отдельных отраслей, заканчивая политическими контактами и культурными обменов. Основными триггерами, выступающими за проведение подобной политики, стали США и Британия. Под их влияние, на введение и расширение экономических и политических санкций на РФ, присоединились и другие страны Европейского союза, G7 (большой семерки), а также страны-партнеры ЕС и США.

Что касается изучения вопросов того, как реагируют разные сектора экономики на введение санкционного режима, то они достаточно детально раскрыты в работах таких ученых, как – Бирюкова П.Н., Кравченко А.В., Левина Д.Б. и ряда других [Булатова, 2015; Кравченко, www]. А структура политического строя со всеми его особенностями и факторами, которые влияли на его становление, детально изучены в трудах – Зосименко И.А., Ахмедова И.И. и других [Зосименко, 2015; Капогузов, 2022; Мулюков, 2020].

Основная часть

Но, сравнивая 8-ми летний период введенных санкций с тем давлением, которое обрушилось на Российскую Федерацию с 24 февраля 2022 года, стоит отметить, что это влияние отличается следующими ключевыми пунктами:

Массированным негативным воздействием на все сферы экономики, начиная от нефтегазовой промышленности, заканчивая легкой промышленностью и сферой питания.

Попытками резко ограничить поступление на территорию России новых технологий. И это касается всех отраслей экономики без исключения – начиная от производства микрочипов, заканчивая программным обеспечением для компьютеров и android-систем смартфонов. По замыслу тех, кто вводит такие ограничения, эффект от уменьшения уровня применения высоких технологий будет иметь отсроченный эффект, постепенно снижая темпы развития практически всех отраслей, и приводя в результате к их неконкурентоспособности.

Введением механизмов, которые позволяют тем странам, которые выступили инициаторами введения ряда ограничений, контролировать другие государства, которые могли бы оказать помощь РФ. Осуществляется этот контроль через угрозы последствий вторичных санкций.

В результате всего этого Россия стала государством с максимальным числом введенных санкций. Так, по мониторинговому контролю специального сервиса castellum.ai, их общее число на первую декаду марта 2022 года составило: до наступления проведения СВО – 2 754, а с 24 февраля – 2 778.

С этими показателями РФ опередила такие страны лидеры по введенным ограничениям, как КНДР, Иран, Сирия, Ливия. И, хотя, проведенный количественный анализ не является ключевым с точки зрения оценки итогового влияния, как на разные сектора экономики, так и в общем на финансово-экономическую структуру страны в целом, он четко дает понятие основных тенденций развития внешнеполитических связей и той специфической ситуации, в которой оказалась на данный момент экономика государства.

А это крайне важно, так как политическая система тесно связана со всем спектром

проявления социальных характеристик, финансово-экономическая стабильность страны в целом и каждого ее гражданина в частности, оказывают существенное влияние на все процессы, происходящие в обществе и политикуме.

Исходя из этого, можно сделать несколько ключевых выводов:

- Политическая ситуация, которая формируется и развивается в нынешних условиях в стране, напрямую зависит от экономического состояния.
- Благополучность функционирования экономической составляющей напрямую влияет на социальную компоненту. А от этого зависит стабильность политической системы.

Эти два неоспоримых фактора свидетельствуют о том, что между проводимой политикой, социальной защищенностью граждан и развитием экономического сектора – существует теснейшая связь. Поэтому, если «лихорадит» хотя бы одно из звеньев или его частей, то система начинает давать сбои, что может привести к коллапсу. Именно поэтому так важно своевременно принимать экстренные меры по нивелированию негативных процессов, которые начинают происходить. Если же их нельзя предупредить, то следует минимизировать негативные последствия от них.

Совокупность таких мер, которые будут приняты на самом высоком уровне и вовремя внедрены там, где в них есть острая необходимость, позволят:

- Сохранить политическую стабильность в государстве.
- Поддержать те сектора экономики, которые смогут действительно пережить резкие ограничения. При этом необходимо осознавать, что несмотря на желание помочь каждой отрасли, действовать придется достаточно жестко по отношению к некоторым сферам. И здесь должны дать реальную оценку специалисты, которые очертят круг тех предприятий, которые необходимо закрыть. Эта непопулярная мера должна быть реализована, так как финансировать то, что не имеет способности к развитию – фактически означает бессмысленно тратить средства.
- Сохранить социальную обстановку в стране достаточно стабильной. Это возможно только в том случае, когда экономический блок будет правильно развиваться, даже несмотря на ряд существенных ограничений.

Такая сложная схема взаимосвязи между всеми сторонами общества отражена на схеме рисунка 1.

Как видно из всех представленных пунктов, первоначальные действия правительства – каждого из его блоков – должны быть направлены на преодоление тех барьеров, которые резко возникли в каждой из отраслей. Важно четко осознавать, что с того момента, когда в силу вступило большинство резких ограничений, ситуация в стране начала меняться. И все те программы, которые были приняты раньше и проявляли себя, как вполне успешные и позитивно влияющие на ту или иную отрасль в современных условиях могут быть менее эффективными.

А своевременность принятия политических решений – даже если они выглядят достаточно жесткими, могут спасти не только экономику, но и стабильность политической системы.

Именно поэтому выше представленные факторы целесообразно ставить в качестве тех ориентиров, которые могут удержать выстроенную на предыдущем этапе развития политическую систему страны.

После того как определены те ключевые моменты, на которые необходимо обратить внимание при поддержке экономического и социального блока, стоит перейти и к тем изменениям, которые непосредственно затронут и саму политическую систему.

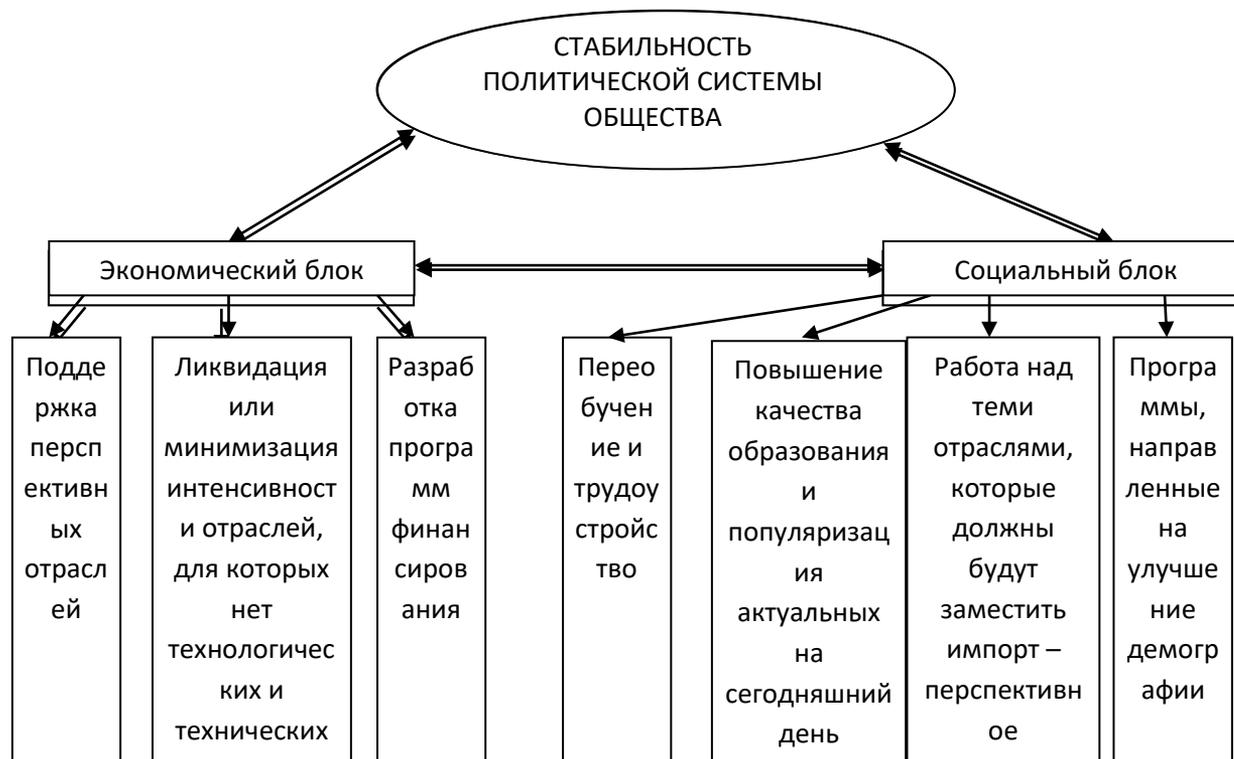

Рисунок 1 - Схема развития приоритетных направлений для стабильного функционирования политической системы общества в условиях неблагоприятного влияния санкционного режима

Так, до начала действия жестких санкций – февраля 2022 года – в Российской Федерации сложилась политическая система, которую можно охарактеризовать следующими особенностями:

Существенное персонифицирование власти, от чего всю систему можно охарактеризовать, как «авторитарную демократию». При этом степень персонифицирования зависит от места, которое занимает тот или иной чиновник. Так, чем выше он находится по вертикали власти, тем больший культ личности будет просматриваться.

Система выборов выстроена под видом плебисцитарности. Фактически, в этот момент происходит одобрение той кандидатуры, которая была выдвинута на конкретный пост «сверху».

В условиях современных реалий, когда давление на страну существенно возросло извне, для выживания политической системы, а возможно и всего устройства государства, потребуются усиление централизованной власти, авторитарности личности и снижение демократических процессов.

Исходя из всех выше представленных пунктов, можно обратить внимание на еще одну характеристику политического строя РФ, когда гражданское общество в нем фактически отстранено от всех политических, социальных и иных процессов [Капогузов, 2017]. А если и наблюдается некоторое оживление и формирование тех или иных элементов гражданского общества, то происходит это исключительно по инициативе государства, при его полном контроле и влиянии на сам этот процесс.

Также стоит отметить высокий уровень забюрократченности государственной власти. Этот фактор, в сложных современных политических, экономических и социальных условиях, при его неизменности и оставлении в том состоянии, в котором он был до этого, может сыграть негативную роль. Проявится это, в первую очередь в том, что на каждой инстанции вместо того, чтобы решать поставленную задачу, совершая действия достаточно быстро и ориентируясь на те процессы, которые происходят в данном промежутке времени, будут действовать с опозданием, переключая внимание на несущественные задачи. А иногда и попросту, игнорируя распоряжения, спущенные сверху. В современных условиях, это может представлять существенную угрозу, так как из-за бюрократии многократно повышается риск несвоевременного реагирования на ситуацию в любой отрасли экономики или в социальной сфере. А это может привести в итоге к расшатыванию политической системы.

Следовательно, можно сделать вывод, что государство на протяжении последних двух десятилетий являлось доминантой в современной России, так как оно ставило перед обществом все ключевые и даже второстепенные задачи, подталкивало к их реализации.

В силу тех процессов, которые были запущены, как по инициативе России, так и под влиянием внешних факторов (в данном случае под влиянием санкционного режима) – изменение ситуации предвидится и строго прослеживается, даже за эти полгода, которые прошли с 24 февраля 2022 года. И касаются они в первую очередь демократических процессов в самом обществе [Кравченко, www]. Вероятно, теперь они будут несколько ограниченными в своем проявлении. Но, говорить на данный момент – имеет это позитивное или негативное влияние на будущее развитие – пока не приходится. Ведь сама политическая система заинтересована в выживании. А реализовать это в современных условиях можно за счет следующих действий:

- Ужесточение вертикали власти.
- Ограничение ряда свобод и институтов.
- Эффективная поддержка тех отраслей экономики, которые смогут принести пользу стране и обществу в условиях жесточайших ограничений.
- Закрытие ряда отраслей, которые не могут работать в современных условиях действующих санкций. Но принимать такие решения необходимо исключительно на основании мнения специалистов соответствующих секторов экономики с одновременной разработкой программы о восстановлении этих отраслей [Балашова, 2016].

Важно понимать, что требуется высокий уровень социальной поддержки. Именно она позволит в дальнейшем нивелировать недовольства, которые могут лавинообразно вырасти в обществе из-за повышения цен, увеличения уровня безработицы и прочих вероятных негативных сценариях.

Поддержка демографических программ и тех мероприятий, которые позволят перепрофилироваться бесплатно тем, кто потерял рабочие места.

Политическое устройство должно претерпеть ряд некоторых изменений, которые затронут в первую очередь бюрократическую «машину». Ее трансформация – это залог успешной реализации всех вышеприведенных задач.

Если эти и многие другие меры будут удачно и, что не менее важно, своевременно воплощены в реальность, удастся существенно снизить или полностью исключить возникновение повышения градуса общественного недовольства. И наряду с этим поддержать экономический статус, не допуская коллапсирования.

Все рассмотренные меры по поддержанию равновесия общественной системы, касались исключительно внутренней политики. Что же касается внешнеполитической деятельности РФ, то она в ближайшее время также должна решить ряд неотложных задач, связанных с:

- Поиск новых партнеров. Здесь следует исходить из складывающейся реальности, так как рассчитывать на скорое изменение ситуации со стороны стран, представляющих G7 или даже G20 – не получится [Нуреев, 2017].
- Ослаблением влияния доллара внутри страны. Но, тут важно отметить, что даже такой уровень волатильности, который продемонстрировали основные резервные валюты на фондовом рынке и межбанковских торгах – может оказаться далеко не самым крупным изменением цены. Вероятно, что монетарная политика государства и регулирования Сбербанка окажут изменения и в дальнейшем на эту сферу. А, говорить о том, что низкий уровень стоимости доллара и евро оказывает позитивный эффект на самого покупателя – неправомерно, так как стоимость большинства позиций товарных групп возросла. Поэтому, хочется отметить, что умеренность в решении данного непростого вопроса и оглядки на то, как влияют такие ценовые скачки валюты на простых граждан – заслуживает пристального внимания. Так как в итоге, регулирование этого вопроса влияет на качество жизни граждан.

Что касается возможности «удержания» бывших партнеров, то здесь, скорее всего, придется демонстрировать если не жесткость, то по крайней мере упорство в решении поставленных задач. Так как это будет демонстрацией «политического веса» страны на международной арене и одновременно укрепит внутреннюю поддержку.

Заключение

Таким образом, функционирование и дальнейшее развитие политической системы будет идти по достаточно непростому пути, так как РФ столкнулась с серьезными угрозами своей национальной безопасности. Причем, произошло это сразу во всех сферах общества. Но, неизбежное ужесточение вертикали власти, возможное ограничение некоторых свобод населения, может быть нивелировано эффективными социально-экономическими программами.

Библиография

1. Балашова С.А. Эконометрический анализ динамики макроиндикаторов экономики России в период с 2003 по 2016 гг // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 120-132.
2. Булатова А.И., Абелгузин Н.Р. Влияние санкций на экономику России // Russian Journal of Economics and Law. 2015. № 3 (35). С. 26-37.
3. Зосименко И.А., Ахмедова И.И. Структура политической системы современной России // Вестник УлГТУ. 2015. № 4 (72). С. 22-26.
4. Капогузов Е.А., Новиков Ю.В. Антироссийские экономические санкции: отражение в российском дискурсе и анализ применительно к финансовому и нефтегазовому сектору // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2017. № 3. С. 36-47.
5. Капогузов Е.А., Чупин Р.И. «Санкции 2022»: Возможности и ограничения реакционного регулирования со стороны российского государства // JER. 2022. № 1. С. 67-74.
6. Кравченко Л. Ущерб в санкционной войне. URL: <http://www.warandpeace.ru/>
7. Мулюков И.М., Бадретдинова С.А. Особенности современной политической системы России // Colloquium-journal. 2020. № 8 (60). С. 75-77.
8. Нуреев Р.М. Экономические санкции против России и российские антисанкции: издержки и выгоды конфронтации // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. № 3. С. 94-102.

Functioning of the political system of the Russian Federation in the context of Anti-Russian sanctions in 2022

Sergei I. Araev

PhD in Political Studies,
Associate Professor of the Department of Political Science,
Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
123001, 14, Bol'shaya Sadovaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sergejaraev@yandex.ru

Abstract

The modern development of Russian society and the state is undergoing an intense impact of a number of negative factors. In many ways, this state is due to the events that took place between the Russian Federation and Ukraine in 2014. After the annexation of Crimea to Russia, a number of European countries, the United States and some other states that are members of the G7, imposed sanctions on a number of sectors of the economy. And after the start of the NMD, the sanctions regime was strengthened many times over, covering various sectors of the national economy, the defense industry, medicine, the financial sector, education, and even culture. Personal restrictions were also introduced. The number of people who are included in the sanctions lists is expanding more and more. Undoubtedly, this challenges the political system. And she, in turn, must respond to the new conditions of existence with a certain set of actions, which will allow her to survive and minimize the negative consequences on the economy, financial and social systems. And in order to get the best result, you need to make decisions based on the opinion of experts in each of the industries and quickly respond to ongoing changes. It is also worth noting that due to a number of negative events that have affected all sectors of the economy, and therefore will have a negative impact on society, the authoritarian power is expected to increase with the tightening of its vertical.

For citation

Araev S.I. (2022) Funktsionirovanie politicheskoi sistemy Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh antirossiiskikh sanktsii 2022 g. [Functioning of the political system of the Russian Federation in the context of Anti-Russian sanctions in 2022]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 24-31. DOI: 10.34670/AR.2022.37.53.003

Keywords

Politics, society, sanctions, authoritarian, democracy, regime, countries, state, system, crisis.

References

1. Balashova S.A. (2016) Ekonometricheskii analiz dinamiki makroindikatorov ekonomiki Rossii v period s 2003 po 2016 gg. [Econometric analysis of the dynamics of macro-indicators of the Russian economy in the period from 2003 to 2016]. *Vestnik RUDN. Seriya: Ekonomika* [PFUR Herald. Series: Economics], 4, pp. 120-132.
2. Bulatova A.I., Abulguzin N.R. (2015) Vliyanie sanktsii na ekonomiku Rossii [Impact of sanctions on the Russian economy]. *Russian Journal of Economics and Law*, 3 (35), pp. 26-37.
3. Kapoguzov E.A., Chupin R.I. (2022) «Sanktsii 2022»: Vozmozhnosti i ogranicheniya reaktivnogo regulirovaniya so

-
- storony rossiiskogo gosudarstva ["Sanctions 2022": Opportunities and limitations of reactionary regulation by the Russian state]. *JER*, 1, pp. 67-74.
4. Kapoguzov E.A., Novikov Yu.V. (2017) Antirossiiskie ekonomicheskie sanktsii: otrazhenie v rossiiskom diskurse i analiz primenitel'no k finansovomu i neftegazovomu sektoru [Anti-Russian economic sanctions: reflection in the Russian discourse and analysis in relation to the financial and oil and gas sector]. *Vestnik OmGU. Seriya: Ekonomika* [OmSU Herald. Series: Economics], 3, pp. 36-47.
 5. Kravchenko L. *Ushcherb v sanktsionnoi voine* [Damage in the sanctions war]. Available at: <http://www.warandpeace.ru/> [Accesses 08/08/2022]
 6. Mulyukov I.M., Badretdinova S.A. (2020) Osobennosti sovremennoi politicheskoi sistemy Rossii [Features of the modern political system of Russia]. *Colloquium-journal*, 8 (60), pp. 75-77.
 7. Nureev R.M. (2017) Ekonomicheskie sanktsii protiv Rossii i rossiiskie antisanktsii: izderzhki i vygody konfrontatsii [Economic sanctions against Russia and Russian anti-sanctions: costs and benefits of confrontation]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Dagestan State University. Series 3: Social Science], 3, pp. 94-102.
 8. Zosimenko I.A., Akhmedova I.I. (2015) Struktura politicheskoi sistemy sovremennoi Rossii [The structure of the political system of modern Russia]. *Vestnik UIGTU* [UISTU Herald], 4 (72), pp. 22-26.

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2022.82.97.004

Трансформация тележурналистики

Го Сюйтин

Магистрантка,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: guoxuting3@gmail.com

Аннотация

Непрерывно ускоряющиеся процессы глобализации и цифровизации во всех сферах жизни современного общества не могут не оказывать влияния на средства массовой информации. В новых условиях тележурналистика как один из основных проводников аудитории в мир информации, вынуждена трансформироваться, адаптируясь в соответствии с социальным заказом. В настоящей статье автором рассмотрены основные изменения в сфере тележурналистики, начиная с последней трети XX столетия и вплоть до настоящего времени. Основное внимание в работе было уделено трансформациям категорий жанра и формата телевещания, а также перспективам развития тележурналистики в обозримом будущем. Необходимо отметить, что трансформация жанров, форматов, а также основных принципов проведения телеэфиров журналистами, произошедшая за последние годы, с одной стороны, являлась ответом на вызовы времени, с другой – результатом поисков жанровых форм и их дальнейшего подразделения, оформления новых форматов и принципов работы современного журналиста. Представляется, что формирование коллективов тележурналистов на основе творческой инициативы, активной позиции участников в освещении новостей в сочетании с глубокими профессиональными знаниями позволит представителям данного направления деятельности успешно адаптироваться к дальнейшим трансформациям, обусловленным внешними и внутренними факторами развития тележурналистики в России.

Для цитирования в научных исследованиях

Го Сюйтин. Трансформация тележурналистики // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 32-39. DOI: 10.34670/AR.2022.82.97.004

Ключевые слова

Тележурналистика, трансформация, средства массовой информации, жанр, формат, глобализация, цифровизация.

Введение

На современном этапе тележурналистика, как и телевидение в целом, пребывает в постоянных изменениях. Последние, в свою очередь, являются реакцией на непрерывные трансформации и интенсификацию процессов во всех областях общественной жизни. Нахождение в центре наиболее значимых событий является спецификой журналистики с момента ее возникновения, равно как на всех этапах ее дальнейшего существования и развития. Однако тесная связь тележурналистики с окружающей действительностью определяет указанные изменения по умолчанию.

В то же время, в рамках деятельности СМИ присутствуют относительно стабильные элементы, к числу которых относится, например, жанровое разнообразие телепередач. В XXI в. представляется сложным выделить какой-либо полностью самостоятельный жанр, существующий «в чистом виде». Прежде чем перейти к разговору о жанровых трансформациях современной журналистики, представляется необходимым дать определение самому понятию «жанр».

Основная часть

Следует отметить, что дефиниции жанров, существующие в настоящее время, проистекают из различных подходов к их классификации. В частности, по мнению А. А. Князева, жанр представляет собой исторически сложившийся тип отображения окружающей человека реальности, наделенный комплексом сравнительно устойчивых характеристик [Князев, 2001, 78]. Некоторые исследователи жанров соглашаются с А.А. Князевым, например, А. А. Тертычный, дающий, однако, более узкое определение жанрам, применительно к сфере журналистики. Он полагает, что жанрами журналистики следует считать некие устойчивые типы публикаций, объединенные в соответствии с признаками содержания и формы [Тертычный, 2000, 3].

Установив в наиболее общем виде суть жанров тележурналистики, можно перейти к рассмотрению их наиболее широко известных классификаций, в целях выявления тех трансформаций, которые происходят в данной сфере в последние годы.

Стоит учитывать, что проблема жанровой классификации или типологии современной журналистики по-прежнему остается одной из дискуссионных в научном сообществе. При этом всем работникам данной сферы, вне зависимости от уровня охвата СМИ (местного, регионального, федерального) необходимо иметь представление относительно жанровой теории и, по крайней мере, наиболее общих классификациях жанров журналистики [Дмитровский, 2014, 149].

Как непрерывно развивающаяся, динамичная категория тележурналистика по мере своего становления и развития не только постоянно трансформировалась, конструируя все новые жанры, но и призвана была отвечать требованиям времени, социальному заказу в рамках конкретной эпохи. В этой связи, тележурналистика, например, советского этапа кардинальным образом отличается по жанровому состоянию от современного этапа.

Наиболее стройную, но, в то же время, ограниченную классификацию жанров журналистики дает В.Т. Третьяков – не только практикующий журналист, но и декан Высшей школы телевидения МГУ им. М.С. Ломоносова, двенадцать лет занимавший пост главного редактора «Независимой издательской группы «НИГ». В своей работе «Как стать знаменитым

журналистом» автор настаивает на том, что основными жанрами журналистики являются информация, репортаж, интервью и статья [Третьяков, 2004, 121]. При этом В.Н. Третьяков отмечает, что выделенные им жанры тележурналистики являются исторически сложившимися в силу их деятельностного характера, постоянной практики журналистов именно в указанных направлениях работы. Они существуют независимо от того, подается ли информация аудитории посредством телевизионных экранов, либо же со страниц печатных периодических изданий. Как отмечает автор, несмотря на то что на страницах прессы нередко печатаются стихи, они не становятся от этого одним из жанров журналистики. Между тем, закрепленные в практике, информация, репортаж, интервью и статья составляют основу деятельности журналиста.

Несмотря на существование четырех классических жанров журналистики, автор, однако, не умаляет роли второстепенных, по его мнению, жанров, к числу которых он относит фотографию, заголовок, материал-досье и некоторые иные. В последней трети XX в., с точки зрения В.Н. Третьякова, к четырем, выделенным им, основным жанрам журналистики, добавился пятый, рожденный именно телевидением – жанр игры. При этом автор соглашается с авторитетным мнением Х. Ортеги-и-Гассета, озвученным в его эссе «Мысли о романе» относительно того, что «...жанр в искусстве, как вид в зоологии, – это ограниченный репертуар возможностей» [Ортега-и-Гассет, 1991, 262]. Таким образом, В.Н. Третьяков указывает на существование четких границ жанров, в том числе – и в тележурналистике.

Возникновение жанра игры как феномена в рамках деятельности журналистов еще в прошлом столетии анализировалось не только В.Н. Третьяковым, но и другими исследователями как комплексное, многоплановое явление. Оформление данного жанра в тележурналистике определяется проникновением игровой деятельности практически во все сферы человеческой жизни. Функции игры являются чрезвычайно разнообразными, начиная с расслабляющего, компенсаторного воздействия на человека до усвоения им нового знания. Телевизионная журналистика, в свою очередь, активно использует новый жанр в силу необходимости смягчения новостной ленты, события которой часто способны травмировать зрителя.

Однако игра, как следует из иных социальных практик, отнюдь не имеет целью исключительно развлечение зрителя. В этой связи, следует отметить, что вплоть до настоящего времени не выработано единого взгляда на соотношение игры с массовой коммуникацией. Безусловно, ее развлекательная составляющая является одной из ведущих с точки зрения выстраивания контента телеэфиров (например, трансляции телешоу, викторин и т.д.). В то же время, компенсаторная функция игры позволяет использовать этот новый жанр как действенное средство передачи информации, способной оказать негативное влияние на зрителя, а также как эффективный ресурс, позволяющий организовать творческую деятельность журналиста.

Ускоряющие процессы глобализации и цифровизации всех сфер современного общества в немалой степени активизировали использование жанра игры в журналистике, так как коммуникация посредством новых СМИ вышла на новую технологическую ступень. Феномен игры активно исследовался в диссертационных работах, в которых он анализировался как действенный инструмент конструирования социальной реальности, в рамках которой современные средства массовой информации играли ключевую роль [Савицкий, 2010, 4]. В то же время, игра в рамках тележурналистики, являясь сравнительно новым жанром, еще не исследовалась в контексте ее проникновения в творчество журналистов, принципы их взаимодействия с информацией. Представляется, что в данном ракурсе игра как новый жанр работы журналиста, обусловленный процессами телекоммуникации, является актуальной

проблемой для будущих научных исследований.

В свою очередь, значимым фактором в рамках исследуемого вопроса является выявление предпочтений тележурналистов в отношении имеющихся жанров, а также их способность выстраивать информационный контент сообразно жанровым границам. Последнее, как уже отмечалось выше, представляется сложной задачей, так как анализ содержания телевизионных эфиров свидетельствует о проницаемости границ между отдельными жанрами.

Склонность журналиста работать в рамках конкретного жанра С.М. Гуревич объяснял наличием ряда как объективных, так и субъективных факторов. Если к числу первых относились, например, периодичность выхода информации (исследователь анализировал преимущественно печатную журналистику), специфика рабочего коллектива и целевой аудитории, то ко вторым – уровень компетентности журналиста, круг его творческих интересов, а также основания работы: социальный заказ, либо личные предпочтения [Гуревич, 2004, 178]. Безусловно, особенностью развития тележурналистики на современном этапе, в отличие от предшествующих периодов ее развития, когда основу данного направления деятельности составляла преимущественно работа с печатными изданиями, является доминирование социального заказа над собственными интересами журналиста. Последний должен не только ориентироваться в предпочтениях аудитории, но и придерживаться определенных границ, часто устанавливаемых не жанром, а пределами дозволенного, несмотря на политику гласности.

Соотнесение жанров журналистики с основными целями данной профессии получает осмысление в работе исследователя В.В. Захарова, отмечающего, что ведущей целью для журналистов является удовлетворение потребности аудитории в получении новых, актуальных сведений. Тем не менее, повседневная работа журналистов отнюдь не сводится к простому информированию аудитории, так как последней требуется производить анализ событий, внутренне их осмысливать и т.д. Иными словами, в деятельности журналиста большое значение имеют те интенции, с которыми подается конкретная информация: они позволяют слушателям и зрителям быстро составить представление о той или иной новости в определенном ключе, положительном или отрицательном контексте, что во многом зависит от способа ее подачи журналистом. В данном случае современная тележурналистика обладает значительно большим, по сравнению с предшествующими периодами, набором средств для того, чтобы сформировать необходимое впечатление аудитории от увиденного: проникновение цифровизации во все сферы жизни общества, в том числе – в телевидение, позволяет добиться более качественного изображения, повысить четкость звуковых сигналов, что в комплексе оказывает большее информационное воздействие на зрителя. Соответственно, выбор жанра подачи тех или иных сведений также зависит от потребностей аудитории и, в конечном счете, целей журналиста, продиктованных выбором работы на конкретном канале, в определенной передаче и т.д. (проанализировать, составить прогноз, событий, оповестить, развлечь и т.д.) [Захаров, 2010, 5].

Трансформации возможностей современной тележурналистики, связанные с повышением качества звука и видеоряда, обуславливают возникновение дополнительных способов воздействия на аудиторию. В настоящее время в области телевизионной журналистики рождаются не только новые жанры, но также и формы подачи информации.

Переходя к вопросу инновационных форматов материалов, транслируемых с телевизионных экранов, следует первоначально дефинировать данное понятие.

В частности, И.Н. Кемарская понимает формат как систему договоренностей с аудиторией в рамках отдельной программы, что, в свою очередь, определяет ее уникальность и выгодно отличает не только от иных программ, но и в каждом новом выпуске от самой себя [Кемарская,

2009, 40]. Таким образом, формат де-факто представляет собой оформление передачи для дальнейшей подачи ее аудитории.

В настоящее время по истине уникальных форматов телевизионных передач, а, следовательно, и тележурналистики, отнюдь немного. Все большую популярность приобретает идея адаптации зарубежных аналогов на российской почве. Это определяется тем, что телепередачи, имевшие определенный успех за рубежом (например, в Китае, Корее, Соединенных Штатах и других странах), с большей вероятностью получают положительный отклик у российской публики. В данном случае, речь не идет о прямом заимствовании, а, скорее, именно об адаптации зарубежных передач, имевших успех, под запросы российского потребителя.

Иными словами, формат современного телевизионного вещания также базируется на запросах аудитории. Во многом это связано с эволюцией понятия «формат». В частности, дефиниция, определенная И.Н. Кемарской, не соответствовала хронологически более раннему смыслу данного термина.

Изначально по отношению к телевизионным трансляциям слово «формат» подразумевало комплекс неких количественных характеристик. К их числу относился, например, метраж телевизионной трансляции, определяемый сеткой вещания, в рамках строго отведенного для каждой конкретной передачи временного отрезка.

Необходимо отметить, что и сегодня понятие «формат» наделяется рядом количественных характеристик, дополненных техническими параметрами. Однако при этом следует понимать формат только как особенность исключительно внешней формы телепередачи.

В то же время, телевизионное вещание в XXI столетии существенно расширило сущность понятия «формат»: теперь оно стало вмещать в себя не только количественно-технические особенности передач, но также учитывать смысловую нагрузку последних. Во многом справедливым продолжает оставаться заключение американского профессора Д.Л. Элтейда, обозначенное в его работе «Логика медиа» относительно того, что формат отнюдь не создается в зависимости от специфики освещаемого события, но последнее отображается на экране в соответствии с заданным форматом [Altheide, 1979].

На сегодняшний день обычную практику составляет распределение всего объема телевизионных передач, которые выходят в эфир, в соответствии с принципом разграничения формата. Представляет интерес отличие формата от жанра, состоящее в том, что первый можно позаимствовать, полностью скопировать и даже украсть, в то время как второй является собой всеобщее достояние. На основании этого, можно заключить, что природа жанра в меньшей степени соответствует современной эпохе телекоммуникаций: она более созвучна миру искусства, в отличие от формата, ориентированного на потребителя, а, значит, соответствующего запросам рыночной экономики.

Однако необходимо помнить, что своеобразное противостояние категорий формата и жанра не отменяет того факта, что они представляют собой две важные составляющие комплексного процесса телевизионного вещания. Жанр есть его творческий аспект, позволяющий конструировать смыслы и транслировать ценности, в то время как формат способствует их адаптации под запросы и вкусы аудитории, позволяет создавать массовый продукт.

Помимо трансформаций в области жанра и формата, в сфере тележурналистики произошли изменения, которые можно в наиболее общем виде охарактеризовать как преобразование принципов ее работы, обусловленное реалиями времени.

В данном случае, речь идет не о таких принципах, как, например, объективность,

соблюдение которой в полной мере при освещении событий, в особенности – государственной важности, невозможно по умолчанию. Представляет интерес изменение принципов подачи материала современными тележурналистами в отличие, в частности, от телекомментаторов советской эпохи.

Следует отметить, что исследовательский анализ позволил выявить использование более разнообразной лексики, субъективность мнений журналистов, эмоциональность освещения событий по сравнению с советской эпохой. В особенности это касается спортивного комментирования, в рамках которого современные журналисты позволяют высказывать собственное мнение относительно хода и результатов соревнований и игр, в то время как их коллеги советской эпохи были склонны к беспристрастному освещению событий. При этом необходимо учитывать, что именно в советские годы происходило бурное развитие спорта в России по сравнению с предшествующими периодами [Силкин, Суворова, 2018, 18].

Трансформация принципов ведения телерепортажей современных журналистов объясняется, в первую очередь, стремлением привлечь как можно большую аудиторию к просмотру той или иной передачи. Во многом необходимость использования значительного количества жестов, мимики, чрезмерность эмоций имеет целью произвести большее впечатление на зрителя, который в силу стремительного развития компьютерных и цифровых технологий постепенно теряет интерес к просмотру передач, не обладающих элементами шоу, увлекательной телеигры и т.д. Иными словами, новостная лента представляет интерес для публики только в случае «эффекта разорвавшейся бомбы», а отнюдь не монотонного перечисления событий прошедшего дня.

Помимо смены принципов организации и ведения телевизионных передач журналистами, изменяются и основы трансляции новостей. В силу стремительного развития медиатехнологий телевизионные трансляции становятся доступными к восприятию зрителями, в том числе, в объемном многомерном пространстве. Это играет значительную роль в процессе преодоления конкуренции, так как в настоящее время пользователям доступен достаточно широкий набор каналов схожей тематики. Как следствие, борьба за целевую телеаудиторию на сегодняшний день осуществляется с привлечением всех возможных средств, начиная от манеры ведения передачи журналистом до использования дополнительных эффектов в телевизионных трансляциях.

Если говорить о перспективах телевизионной журналистики в России, следует отметить, что телевидение как основной источник информации продолжит оставаться востребованным. Однако высокие темпы технологического развития, наряду со стремлением не только удержать аудиторию, но и существенно расширить ее масштабы, обусловит необходимость для тележурналистов как придерживаться преимущественно новостного и развлекательного контента, так и осуществлять постоянный поиск новых жанров и форматов телевещания.

Существенное расширение возможностей телевидения, к числу которых следует отнести, например, функцию отложенного просмотра, цифрового просмотра премьерных показов (catch up), поиск видео по запросу и т.д., значительно повышает требования к российским тележурналистам.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что трансформация жанров, форматов, а также основных принципов проведения телеэфиров журналистами, произошедшая за последние годы,

с одной стороны, являлась ответом на вызовы времени, с другой – результатом поисков жанровых форм и их дальнейшего подразделения, оформления новых форматов и принципов работы современного журналиста.

Представляется, что формирование коллективов тележурналистов на основе творческой инициативы, активной позиции участников в освещении новостей в сочетании с глубокими профессиональными знаниями позволит представителям данного направления деятельности успешно адаптироваться к дальнейшим трансформациям, обусловленным внешними и внутренними факторами развития тележурналистики в России.

Библиография

1. Гуревич С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра. М.: Аспект-Пресс, 2004. 287 с.
2. Дмитриевский А.Л. Жанры журналистики // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4 (6). С. 149-158.
3. Захаров В.В. Жанры радио- и тележурналистики: методические указания. Тамбов, 2010. 16 с.
4. Кемарская И.Н. Формат и телесценарий // Журналист. 2009. № 6. С. 40-41.
5. Князев А.А. Основы тележурналистики и телерепортажа. Бишкек, 2001. 160 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. 586 с.
7. Савицкий В.А. Игра как феномен журналистского творчества: тип текста, жанры публикаций: дис. ...канд. филол. наук. М., 2010. 182 с.
8. Силкин В.В., Суворова А.Ю. Развитие спортивной журналистики в России: история и современность // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 5. С. 15-23.
9. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2000. 310 с.
10. Третьяков В.Т. Как стать знаменитым журналистом: Курс лекций по теории и практике современной русской журналистики. М.: Ладомир, 2004. 623 с.
11. Altheide D.L. Media logic. Sage Publications, 1979. 264 p.

The transformation of TV journalism

Guo Xuting

Graduate Student,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: guoxuting3@gmail.com

Abstract

The continuously accelerating processes of globalization and digitalization in all spheres of modern society cannot but have an impact on the media. In the new conditions, television journalism, as one of the main guides of the audience to the world of information, is forced to transform, adapting in accordance with the social order. In this article, the author considers the main changes in the field of television journalism, starting from the last third of the twentieth century and up to the present. The main attention in the work was paid to the transformation of the categories of the genre and format of television broadcasting, as well as the prospects for the development of television journalism in the foreseeable future. It should be noted that the transformation of genres, formats, as well as the basic principles of conducting television broadcasts by journalists, which has occurred in recent years, on the one hand, was a response to the challenges of the time, on the other hand, the result of the search for genre forms and their further subdivision, the design of new formats and

Guo Xuting

principles of work modern journalist. It seems that the formation of teams of TV journalists on the basis of creative initiative, the active position of participants in news coverage, combined with deep professional knowledge, will allow representatives of this area of activity to successfully adapt to further transformations due to external and internal factors in the development of TV journalism in Russia.

For citation

Guo Xuting (2022) Transformatsiya telezhurnalistiki [The transformation of TV journalism]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 32-39. DOI: 10.34670/AR.2022.82.97.004

Keywords

TV journalism, transformation, mass media, genre, format, globalization, digitalization.

References

1. Altheide D.L. (1979) *Media logic*. Sage Publications.
2. Dmitrovskii A.L. (2014) Zhanry zhurnalistiki [Genres of journalism]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Science], 4 (6), pp. 149-158.
3. Gurevich S.M. (2004) *Gazeta: vchera, segodnya, zavtra* [Newspaper: yesterday, today, tomorrow]. Moscow: Aspekt-Press, 2004. 287 s.
4. Kemarskaya I.N. (2009) Format i telestsenarii [Format and telescript]. *Zhurnalist* [Journalist], 6, pp. 40-41.
5. Knyazev A.A. (2001) *Osnovy telezhurnalistiki i telereportazha* [Fundamentals of television journalism and television reporting]. Bishkek.
6. Ortega y Gasset H. (1991) *Estetika. Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of culture]. Moscow.
7. Savitskii V.A. (2010) *Igra kak fenomen zhurnalistskogo tvorchestva: tip teksta, zhanry publikatsii*. *Doct. Dis.* [Game as a phenomenon of journalistic creativity: type of text, genres of publications. Doct. Dis.]. Moscow.
8. Silkin V.V., Suvorova A.Yu. (2018) Razvitie sportivnoi zhurnalistiki v Rossii: istoriya i sovremennost' [Development of sports journalism in Russia: history and modernity]. *Kommunikologiya* [Communicology], 6, 5, pp. 15-23.
9. Tertychnyi A.A. (2000) *Zhanry periodicheskoi pechati* [Genres of periodicals]. Moscow: Aspekt Press Publ.
10. Tret'yakov V.T. (2004) *Kak stat' znamenitym zhurnalistom: Kurs lektsii po teorii i praktike sovremennoi russkoi zhurnalistiki* [How to become a famous journalist: A course of lectures on the theory and practice of modern Russian journalism]. Moscow: Lodomir Publ.
11. Zakharov V.V. (2010) *Zhanry radio- i telezhurnalistiki: metodicheskie ukazaniya* [Genres of radio and television journalism: guidelines]. Tambov.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2022.93.97.005

Уголовная политика государства. Предупреждение организованной преступности

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15А;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
профессор кафедры уголовного права,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В современном мире вопросам предупреждения преступности уделяется повышенное внимание. Указанная тенденция наблюдается не только в Российской Федерации, но и во всем мире. Противодействие и предупреждение организованной преступности не является исключением. Именно исследованию этого феномена посвящен представленный материал. В статье указаны статистические данные, приведен понятийно-категориальный аппарат некоторых терминов, рассмотрены действия и меры, относящиеся к предупреждению и пресечению преступных посягательств. В настоящее время перед правоохранительными органами стоит разрешаемая задача борьбы с организованной преступностью, которая предполагает решение целого комплекса вопросов на федеральном уровне по нейтрализации факторов, создающих угрозу нормальному функционированию государства. Организованная преступность в современных условиях может переродиться в глобальную мировую проблему. Однако по объективному научно-научному мнению авторов, государственная политика Российской Федерации в рассматриваемом контексте исследования наделила правоохранительные органы России достаточно полным юридическим инструментарием для разрешения указанных задач. Ранее проведенный анализ существующей на сегодняшний день в Российской Федерации правовой базы (источников права) противодействия организованной преступности свидетельствует о наличии действенного комплекса специальных мер.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н., Новиков А.В. Уголовная политика государства. Предупреждение организованной преступности // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 40-47. DOI: 10.34670/AR.2022.93.97.005

Ключевые слова

Государство, организованная преступность, предупреждение преступления, стереотипы сознания, профилактическое воздействие.

Введение

Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), а именно статья 2 регламентирует задачи уголовного законодательства, в число которых входит предупреждение преступлений. Предупреждение любого вида преступления складывается из совокупности мер, направленных на оберегание (защиту) человека, общества и государства в целом от уголовных посягательств. Указанный вид правоохранительной деятельности является комплексом различных мер предупреждающего воздействия.

Предупреждение само по себе включает несколько похожих понятий, так сказать оно комплексное, но более широко охватывается в понимании значения данного слова. Ведь термин «предупреждение преступности» не является бесспорным хотя бы потому, что нельзя предупредить уже имеющееся [Авдеев, 2014].

Основная часть

Считаем необходимым отразить, что в действующем отечественном законодательстве не приведено четкого определения понятия «Предупреждение преступности». Однако, однозначно согласимся с мнением наших белорусских коллег: «...предупреждение преступлений – одно из важных направлений борьбы с ним» [Шабанов, 2018].

Тем не менее, приведем мнение некоторых ученых. Так Азалия Ивановна Долгова (российской криминолог) полагала, что: «Предупреждение преступности – это целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации и причинности преступности в целях недопущения вовлечения в преступность новых лиц, совершения новых криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений» [Долгова, 2005, 435].

Николай Васильевич Щедрин выразил позицию, что: «...криминологическая теория предупреждения преступности – это учение о совокупности всех законных видов, форм, способов, средств и методов контроля над преступностью независимо от того какой отраслью права они предусмотрены» [Щедрин, 1999, 6].

Еще древнегреческими философами Платоном и Аристотелем, была выражена мысль, что «предупреждение преступности должно априори быть приоритетным перед карательным потенциалом государства».

Последующий генезис данной концепции получил правовое толкование в работах философов классической немецкой школы XVIII в.

К. Маркс в свое время писал, что «мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него. Он не ограничится тем, что для членов одного класса устранил все то, что не дает им возможности подняться на более высокую ступень правовой сферы, а предоставит самому этому классу реальную возможность пользоваться своими правами. Но если государство является для этого недостаточно гуманным, богатым и великодушным, то, по крайней мере, безусловный долг законодателя — не превращать в

преступление то, что имеет характер проступка, и то лишь в силу обстоятельств. С величайшей гуманностью должен он исправлять все это, как социальную неурядицу, и было бы величайшей несправедливостью карать за эти проступки, как за антисоциальные преступления... Наказание не должно внушать большего отвращения, чем проступок, позор преступления не должен превращаться в позор для закона» [Маркс, 1978, 131]

Сублимируя вышесказанное, сформулируем определение, что предупреждение организованной преступности – это многоуровневая система мер государственного или общественного характера, направленная на распознавание, ослабление, в конечном счете ликвидацию детерминант организованной преступности, а также на удержание личности от возврата в преступную деятельность.

По нашему частно-научному мнению, предупреждения организованной преступности имеет несколько приоритетов:

- ослабление, нейтрализация и ликвидация криминогенных факторов организованной преступности;
- формирование объективных препятствий в намерении совершения преступления;
- выявление и пресечение подготавливаемых и/или неоконченных уголовных преступлений;
- специальная превенция, исправительное и воспитательное воздействие в процессуальном алгоритме уголовного наказания;
- криминологическая профилактика.

Авторы считают необходимым выделить в данной позиции следующие структурные элементы: устранение негативных факторов социализации субъекта, пресечение уже начавшегося процесса деформации личности, недопущение рецидива осужденных лиц. В данном конкретном случае, именно «характер специального рецидива может свидетельствовать об устойчивости избранной преступником-профессионалом разновидности преступной деятельности» [Воронин, 2018, 13].

Мероприятия по предупреждению организованной преступности осуществляются в соответствии с конституционными принципами, такими как: законность, социальная справедливость, демократичность и гласность, своевременность применения и использования, комплексность и достаточность мер предупреждения преступлений.

Меры предупреждения организованной преступности можно дифференцировать на меры общего назначения и меры индивидуального характера.

В свою очередь, меры общего назначения в предупреждении совершения организованных преступлений подразделяются, на:

Установление и устранение причин преступлений и условий, способствующих их совершению. Государственный орган в пределах своей компетенции обязан выявлять обстоятельства и условия социального, психологического, управленческого, экономического и иного характера, непосредственно обуславливающие или облегчающие возможность совершения преступлений и принимать меры к их устранению. О выявленных причинах преступлений и условиях, способствующих их совершению информируются соответствующие компетентные государственные органы, полномочные принимать меры к их устранению.

Правовое воспитание. Процесс формирования правового (правопослушного) сознания является эффективным инструментарием предупредительного характера, который может акмеологически осуществляться на всех возрастных этапах развития личности.

Антикоррупционная экспертиза проектов законодательных и иных нормативных правовых

актов. Данное экспертное мероприятие проводится в соответствии с ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе...».

Предупреждение организованной преступности включает в себя ряд первостепенных элементов, это профилактика совершения данного вида преступления; предотвращение организованной преступности; пресечение совершения преступлений организованными группами, сообществами, организациями; исправление осужденных к уголовному наказанию за совершение преступлений рассматриваемой категории.

Профилактика организованной преступности – это система мероприятий, которые сегментарно воздействуют на причины и условия организованной преступности, т.е. на факторы, порождающие совершения данного вида преступления.

На данном этапе предупреждения преступлений, не применяются уголовно-правовые меры, а также объектами профилактики не совершаются уголовно-наказуемые деяния. В этой связи профилактика является наиболее гуманным институтом предупреждения преступности.

Меры профилактического воздействия многогранны, и возможности указанного воздействия трактуются юридической наукой в широком смысле. В данной работе авторами предлагается разделить профилактические меры на три группы:

Первая – общесоциальные меры, регуляторные процессы воздействия на сферы жизнедеятельности общества, целью которых является улучшение общего экономического благосостояния и политического уровня, в т.ч. повышение качества жизни, здравоохранения, образования. Указанные меры по существу не направлены на предупреждение преступности, но действуя положительно на общество, они тем самым в определенной опосредованной мере влияют и на совершение преступлений, рассматриваемой нами категории.

Вторая – общеспециальные профилактические меры направлены на борьбу с организованной преступностью непосредственно. В данную группу мер профилактики может входить: совершенствование и изменение нормативных правовых актов, принятие новых федеральных законов, регламентирующих уголовную политику государства, в т.ч. реформирование правоохранительных органов.

Третья – персонифицированные профилактические меры направлены на определенный конгломерат лиц, чей образ жизни и поведение свидетельствуют о том, что данный «контингент» может быть подвержен вовлечению в противоправную деятельность, криминальному влиянию и к нему необходимо принимать индивидуальные меры профилактики. Мероприятия индивидуального характера выполняются также в отношении осужденных.

Предотвращение организованной преступности в политических целях представляет собой совокупность организационно-управленческих, уголовно-процессуальных, оперативно-розыскных, надзорно-административных мероприятий, направленных на недопущение подготавливаемых и замышляемых уголовно-наказуемых деяний.

Целями предотвращения организованной преступности являются:

- склонение к добровольному прекращению противоправных деяний, которые прямо направлены на совершение преступлений;
- склонение лиц к добровольному отказу от изготовления, приобретения средств и орудий совершения преступлений;
- выявление и нивелирование соучастников, а также отказ от сговора на совершение деяний, направленных на совершение преступления;
- склонение разрабатываемых лиц к отказу от умышленного (злонамеренного) создания

условий для совершения преступлений.

Методы и характер действий правоохранительных органов и иных субъектов предотвращения организованной преступности разделяются и выбираются в зависимости от состава преступления, сложившейся обстановки, физиологических и психологических особенностей соучастников и инспирировщиков преступления.

Пресечение совершения преступлений организованными формированиями есть совокупность организационных, уголовно-процессуальных, оперативно-розыскных и иных мер, целью которой является остановить совершения умышленных деяний лиц, направленных на совершение преступления. Деятельность, направленная на пресечение противоправных деяний вышепоименованных лиц в правоприменительной практике, соответствует принципам законности и подлежит документированию действий правоохранительных органов.

Действия по пресечению преступлений организованных групп, организаций, сообществ и формирований выполняются на стадии начатых преступлений (стадии покушения, приходящихся к преступлению).

Пресечение покушения на совершение преступления законодательно включает следующие мероприятия:

- принятие мер по недопущению доведения преступления до завершения;
- оперативное выявление признаков покушения на преступления;
- принятие мер на минимизирование материального или иного другого ущерба в связи с началом преступления;
- привлечение к уголовной ответственности [Тадевосян, 2008].

Меры индивидуального характера в большей степени направлены на педагогическое и психокоррекционное воздействие уже осужденных лиц с целью недопущения рецидива, повторного совершения преступления. В число таких мероприятий могут входить: профилактические беседы, наблюдение за процессом социальной реабилитации лиц, которые освобождены из исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, постановка на профилактический учет, предоставление социальной помощи лицам, состоящим на профилактическом учете.

Исправление и перевоспитание осужденных за преступления рассматриваемой категории является отдельным институтом уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

С момента первых дней нахождения в исправительном учреждении с осужденным проводится работа различными отделами и службами, такими как: оперативный отдел, отдел безопасности, подразделение, занимающееся психологической работой с осужденными, отдел по воспитательной работе с осужденными [Комаров, 2019].

Мерами, относящимися к предупреждению организованной преступности в уголовно-исполнительной системе, могут быть:

- постановка на оперативный и профилактический учет осужденных за участие в организованных преступных формированиях при совершении преступлений;
- психологическая работа и коррекция личности осужденного;
- оперативная работа в отношении осужденного;
- воспитательное воздействие на осужденного;
- наблюдение за осужденным;
- недопущение совершения правонарушений и преступлений в исправительном

- учреждении;
- использование сотрудниками уголовно-исполнительной системы мер поощрений и взысканий;
- участие осужденных в массовых мероприятиях;
- иные различные гласные и негласные мероприятия, проводимые в соответствии с действующим российским законодательством¹.

Заключение

В настоящее время перед правоохранительными органами стоит разрешаемая задача борьбы с организованной преступностью, которая предполагает решение целого комплекса вопросов на федеральном уровне по нейтрализации факторов, создающих угрозу нормальному функционированию государства.

Организованная преступность в современных условиях может переродиться в глобальную мировую проблему.

Однако по объективному частно-научному мнению авторов, государственная политика Российской Федерации в рассматриваемом контексте исследования наделила правоохранительные органы России достаточно полным юридическим инструментарием для разрешения указанных задач. Ранее проведенный анализ существующей на сегодняшний день в Российской Федерации правовой базы (источников права) противодействия организованной преступности свидетельствует о наличии действенного комплекса специальных мер.

Библиография

1. Авдеев Р.В. Предупреждение преступлений // Вестник ТГУ. 2014. № 6 (134). С. 194-198.
2. Воронин Ю.А. Криминальный профессионализм: современные тенденции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 1. С. 13-17.
3. Воронин Ю.А. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 7-16.
4. Долгова А.И. (ред.) Криминология. М.: Норма, 2005. 912 с.
5. Комаров С.В. Организация деятельности отделов и служб исправительных учреждений по обеспечению безопасности сотрудников // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 7 (104). С. 97-105.
6. Майоров А.В. О концепции виктимологического противодействия преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 50-57.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. М., 1978. Т. 1. 699 с.
8. Проект Федерального закона № 10090-3 «Об основах государственной системы предупреждения преступлений» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 28.09.2000).
9. Тадевосян Л.З. Понятие и особенности покушения на преступление // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 6. С. 143-145.
10. Шабанов В.Б., Красиков В.С. Противодействие преступности: проблему предупреждения и профилактики // Судебная экспертиза Беларуси. 2018. № 1 (6). С. 36-43.
11. Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности. Красноярск, 1999. 58 с.

¹ Приказ Министерства юстиции РФ от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» (с изменениями и дополнениями).

Criminal policy of the state. Organized Crime Prevention

Diana N. Slabkaya

Senior Scientific Officer,
Scientific-Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law,
Professor of Law, Chief Scientific Officer,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of Criminal Law Department,
Astrakhan State University,
4140546, 20a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

In today's world, crime prevention is given increased attention. This trend is observed not only in the Russian Federation, but throughout the world. Countering and preventing organized crime is no exception. The presented material is devoted to the study of this phenomenon. The article contains statistical data, the conceptual and categorical apparatus of some terms is given, actions and measures related to the prevention and suppression of criminal encroachments are considered. Currently, the law enforcement agencies are faced with the solvable task of combating organized crime, which involves solving a whole range of issues at the federal level to neutralize factors that threaten the normal functioning of the state. Organized crime in modern conditions can degenerate into a global problem. Finally, the authors of the paper conclude that, according to the objective private scientific opinion of the authors, the state policy of the Russian Federation in the considered context of the study has endowed the law enforcement agencies of Russia with a fairly complete legal toolkit for resolving these tasks. The previous analysis of the current legal framework (or sources of law) of combating organized crime in the Russian Federation indicates the presence of an effective set of special measures.

For citation

Slabkaya D.N., Novikov A.V. (2022) Ugolovnaya politika gosudarstva. Preduprezhdenie organizovannoi prestupnosti [Criminal policy of the state. Organized Crime Prevention]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 40-47. DOI: 10.34670/AR.2022.93.97.005

Keywords

State, organized crime, crime prevention, stereotypes of consciousness, preventive impact.

References

1. Avdeev R.V. (2014) Preduprezhdenie prestuplenii [Crime Prevention]. *Vestnik TGU* [TSU Herald], 6 (134), pp. 194-198.
2. Dolgova A.I. (ed.) (2005) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Norma Publ.
3. Komarov S.V. (2019) Organizatsiya deyatelnosti otdelov i sluzhb ispravitel'nykh uchrezhdenii po obespecheniyu bezopasnosti sotrudnikov [Organization of activities of departments and services of correctional institutions to ensure the safety of employees]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law], 7 (104), pp. 97-105.
4. Maiorov A.V. (2015) O kontseptsii viktimologicheskogo protivodeistviya prestupnosti [On the concept of victimological counteraction to crime]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 4 (34), pp. 50-57.
5. Marx K., Engels F. *Sobr. soch.* [Collected works]. Moscow. Vol. 1.
6. *Proekt Federal'nogo zakona № 10090-3 «Ob osnovakh gosudarstvennoi sistemy preduprezhdeniya prestuplenii» (red., vnesennaya v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 28.09.2000)* [Draft Federal Law No. 10090-3 “On the Fundamentals of the State Crime Prevention System” (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of September 28, 2000)].
7. Shabanov V.B., Krasikov V.S. (2018) Protivodeistvie prestupnosti: problemu preduprezhdeniya i profilaktiki [Counteracting crime: the problem of prevention and prevention]. *Sudebnaya ekspertiza Belarusi* [Judicial examination of Belarus], 1 (6), pp. 36-43.
8. Shchedrin N.V. (1999) *Osnovy obshchei teorii preduprezhdeniya prestupnosti* [Fundamentals of the general theory of crime prevention]. Krasnoyarsk.
9. Tadevosyan L.Z. (2008) Ponyatie i osobennosti pokusheniya na prestuplenie [The concept and features of attempted crime]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 6, pp. 143-145.
10. Voronin Yu.A. (2018) Kriminal'nyi professionalizm: sovremennye tendentsii [Criminal professionalism: current trends]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Law], 18, 1, pp. 13-17.
11. Voronin Yu.A. (2013) Teoreticheskie osnovy formirovaniya sistemy protivodeistviya prestupnosti v Rossii [Theoretical foundations of the formation of a system for combating crime in Russia]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law], 1, pp. 7-16.

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2022.85.77.006

Использование сетевых технологий в условиях цифровой трансформации

Чжан Чживэнь

Магистрантка,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: 18736004136@163.com

Аннотация

В условиях стремительной цифровизации всех сфер жизни современного общества большую роль играет технологическая оснащенность предприятий и фирм, готовность их сетевых платформ к внедрению инноваций. Гибкость сетевой инфраструктуры, компетентность персонала и в целом корпораций в области приспособления к цифровым трансформациям являются решающими условиями выхода российских предприятий в мировые лидеры. В настоящей статье автор исследовал особенности функционирования сетевых технологий в условиях цифровой трансформации, отметил положительные и отрицательные стороны их работы, а также наметил пути оптимизации деятельности российских предприятий на цифровых платформах посредством усвоения опыта китайских партнеров. Следует отметить, что цифровые трансформации в России обладают определенными особенностями, связанными, в первую очередь, с инфраструктурой происходящих изменений – сетевыми технологиями. Уровень их функционирования и оптимизации во многом обуславливает успешность дальнейшего внедрения цифровых инноваций, определяет потенциал России в области развития цифровой экономики, которая в обозримом будущем станет одним из маркеров эффективности работы всей системы государственного управления. При этом поиск «золотой середины» между уровнем развития сетевых технологий и цифровыми трансформациями, предполагает необходимость ориентации России на опыт признанных лидеров в цифровой сфере, в частности – Китая, ближайшего соседа и партнера РФ, что, безусловно, позволит государству оптимизировать процесс внедрения цифровых инноваций.

Для цитирования в научных исследованиях

Чжан Чживэнь. Использование сетевых технологий в условиях цифровой трансформации // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 48-55. DOI: 10.34670/AR.2022.85.77.006

Ключевые слова

Сетевые технологии, цифровая трансформация, Российская Федерация, Китай, цифровизация, цифровые платформы, бизнес-кампании.

Введение

Изменения, связанные с внедрением цифровых технологий, в XXI столетии охватили практически все сферы общественной жизни. Безусловно, в большей степени влияние цифровизации ощущается в экономической и социальной областях, потребности которых определяют необходимость расширенного перехода на использование цифровых данных.

Среди множества дефиниций цифровой трансформации, в наиболее общем виде этот процесс представляет собой итог реализации технологий, выражающийся в конструировании уникальных моделей ведения бизнес-деятельности, существенных изменениях в потребностях потенциальных клиентов в приобретении конкретного продукта, и, наконец, в значительном упрощении производства, как на отдельных этапах, так в рамках всего цикла [Коденцев, 2017]. Следует отметить, что грамотное использование современных цифровых технологий способно вывести работу конкретной кампании на новый уровень, позволив ей совершить качественный скачок в организации и управлении своей деятельностью, что, в конечном счете, может оказать влияние на конъюнктуру рынка.

Естественно, любые цифровые трансформации осуществляются с опорой на определенную инфраструктуру. В процессе работы современных предприятий основной ее составляющей выступают сетевые технологии. Последние, в свою очередь, есть определенный набор согласованных друг с другом стандартов, от которого зависит минимальный комплекс программно-аппаратных средств, позволяющий организовать совместную работу компьютеров в сети. Современные сетевые технологии лежат в основе непрерывно осуществляющихся цифровых трансформаций. В то же время, первые обладают рядом достоинств и недостатков, от которых зависит динамика цифровых изменений.

Преимущества использования сетевых технологий в работе отечественных предприятий и фирм, их влияние на цифровую сферу, являются следствием изменения современных условий функционирования российского бизнеса. При стремительном росте конкуренции современным отечественным предприятиям необходимо осуществлять деятельность на основании взаимовыгодного сотрудничества, стремиться избегать сценария конфликтной среды. В данном случае, сетевые технологии позволяющие организовывать бизнес на подобного рода началах, позволяют выстраивать взаимовыгодные отношения с партнерскими кампаниями [Авцинова и др., 2021, 85].

Основная часть

В современном обществе, отличительной чертой которого является стремительный рост масштабов распространения информационных потоков, интенсификация обмена сведениями между субъектами обусловила возникновение новых форм их взаимодействия. Принимая во внимание, что для фирм, деятельность которых организовывалась по традиционному типу, первичную роль играли такие факторы, как высокий уровень капиталоемкости и материальный характер активов, а также осуществление работы в пределах конкретной кампании, имеющей четкие границы, следует отметить, что на сегодняшний день основным активом для бизнеса становится человеческий капитал. Помимо этого, возрастание роли нематериальных активов, брендов и патентов, определяет трансформацию организационной структуры работы отечественных кампаний. Она все более приобретает сетевой характер, что, в свою очередь, отвечает основному принципу обмена информацией между акторами конкретного производства – сетевому.

Указанное обстоятельство определяет господство сетевых структур на современных рынках. Рост их значения, в свою очередь, зависит от тех преимуществ, которые дает их применение. К таковым, в частности, можно отнести обладание участниками общностью целей, задач, а также активов, знаний, объем которых постоянно наращивается и перераспределяется между ними, вложений и прибыли от предприятия в целях сохранения устойчивой динамики его роста и развития [Miles et al., 2010].

В свою очередь, сетевое устройство организации современного российского производства предполагает использование современных сетевых технологий. Вместе с тем, информационные сети представляют собой одну из важнейших составляющих процесса цифровых изменений, в который, де-факто, просто не способна включиться ни одна организация, активно не применяющая сетевые технологии. В результате, изменения, происходящие в цифровой среде, являются отражением отклонения от первоначального сценария развития предприятия или корпорации, в силу которого возрастает необходимость использования большего количества различных технологий, воздействующих на сетевые коммуникации и сотрудников. Последним, в свою очередь, для поддержания дальнейшей успешной работы предприятия необходимо уметь эффективно и в краткие сроки адаптироваться к использованию новых сетевых технологий.

Прежде чем говорить о конкретном влиянии сетевых технологий на цифровые трансформации, необходимо рассмотреть наиболее известные из существующих сетевых технологий, раскрыть их сущность, содержание и значение с точки зрения оптимизации дальнейшего развития отечественной экономики.

Первоначально необходимо определить общие свойства, объединяющие все, применяемые в России, цифровые технологии. В первую очередь, к таковым следует отнести возможность передачи данных на высоких скоростях, что измеряется преимущественно в битах. В зависимости от того, какая именно сетевая технология применяется, скорость подачи информации также будет меняться в каждом конкретном случае. Вторым значимым показателем является формат кадров или пакетов информации, которые передаются через сеть. Третьим фактором выступает тип кодирования и средства, при помощи которых осуществляется передача информации (как правило, данную функцию выполняет кабель, благодаря которому производится передача изображения на экраны мониторов). Наконец, важное значение имеет типология сети, в рамках которой происходит коммуникация акторов, а также методы извлечения сведений, используемые последними [Сеть и сетевая технология, www].

Как следствие, различие между указанными параметрами позволяет выявить применение конкретной сетевой технологии, так как каждая из них обладает специфическими, свойственными именно ей характеристиками.

В частности, не только в России, но и в мире наибольшей популярностью пользуется такая сетевая технология, как Ethernet. Стремление российских и зарубежных корпораций организовывать работу на базе именно данной технологии определяется ее сравнительно недорогой стоимостью при высокой скорости и качестве связи. Так, на базе типа IEEE802.3/Ethernet была осуществлена разработка IEEE802.3u/Fast Ethernet, позволяющего в секунду добиться скорости передачи данных, равной 100 Мбит.

Второй прогрессивной и достаточно широко используемой в практике технологией является Token-Ring. Она относится к такому типу технологий, которые применяются для конструирования разделяемой среды передачи данных, узлы которой, в итоге, замыкаются в кольцо. Как следствие, формирование данной сетевой технологии реализуется в рамках звездно-

кольцевой топологии, первая из которых представляет собой основу, вторая – дополнение в рамках разработки технологий типа Token-Ring. В данном случае, получение доступа к сети осуществляется маркерным методом, а количество информации, передаваемой по ней, не превышает 16 Мбит/секунду. Преимуществом использования данной сетевой технологии является ее сравнительно высокая протяженность, а также наличие узлов в количестве до 260 штук.

Также существуют технологии, не обеспечивающие высокой скорости, однако, позволяющие поддерживать высокий уровень качества передаваемых данных. К числу таковых относится, в частности, ArcNet, работающая в соответствии с топологией «шина». ArcNet является сетевой технологией, существующей достаточно продолжительное время. При этом, несмотря на внушительный охват сети длиной 6000 метров с максимально вовлеченным в процесс количеством абонентов (255 человек), данная сетевая технология обладает довольно низкими показателями передачи данных, не превышающими 2,5 Мбита/секунду. Однако это не влияет на выбор потребителя: вплоть до настоящего времени продолжается широкое использование ArcNet. В основном выбор предприятий и фирм в пользу указанной технологии обуславливается высокими показателями надежности и гибкости используемой технологии.

На вышеуказанные и иные сетевые технологии, действие которых базируется на схожих принципах, не может не оказывать влияние трансформация цифрового пространства. Как следствие, применение сетевых технологий в условиях цифровой трансформации обладает рядом особенностей.

В первую очередь, непрерывные изменения цифровой среды требуют повышенного внимания к работе с сетевыми технологиями, условиям их внедрения и последующей реализации. В связи с этим, требования, предъявляемые к персоналу, деятельность которого осуществляется на базе сетевых технологий, также постоянно растут.

Это должны быть высококвалифицированные работники, способные оперативно реагировать на изменения требований к использованию сетевых ресурсов, с высокой степенью обучаемости, готовые к оперативному внедрению новых принципов работы на базе цифровых технологий. Как следствие, персонал, не способный в краткие сроки перестроить свою работу, адаптируясь к новым требованиям и трансформациям организационной деятельности предприятия, в конечном счете, не позволяет последнему занять лидирующие позиции на российском рынке.

Кроме того, на сегодняшний день образованный человек – это тот, кто является компетентным в области использования информационных технологий [Сексенбаев, 2015]. Это определяется тем, что в настоящее время продуктивность человеческой деятельности напрямую зависит от возможности сотрудников грамотно использовать имеющиеся у них знания, а также новую информацию. При этом указанная возможность в современном мире связана с уровнем владения человека компьютером, а также иными средствами, функционирование которых обеспечивается за счет работы цифровой платформы. Как следствие, в условиях проникновения цифровизации во все общественные общества, сетевые технологии продолжают оставаться основой облегчения повседневной жизни и быта [Михеева, 2014, 204].

Безусловно, возможности, дающие сотрудникам и шире – организациям, осуществлять производство новых знаний на базе сетевых технологий, есть движущие силы тех изменений, которые, в конечном счете, и приводят к цифровым трансформациям [Kodama, 2020]. Естественно, подавляющее количество современных инноваций имеет тесную связь с IT-сектором российской экономики. В свою очередь, вложения в IT-сферу положительным образом сказывается на расширении технологических возможностей предприятия. Как

следствие, внимательный подход последнего к цифровой трансформации представляется значимым фактором с точки зрения расширения его связей с внешними партнерами, а также эффективным способом преодоления конкурентной борьбы. В том случае, если прогресс в цифровой сфере будет сочетаться с отлаженной работой сетевой технологии организации, это станет залогом оптимизации его дальнейшей работы.

Во-вторых, в условиях цифровой трансформации существенно расширяются возможности сетевых технологий. По мере своего развития и совершенствования компьютерные устройства, на базе которых реализуются сетевые технологии, приобретали возможности не только к вычислению, хранению информации и т.д., но и начали обладать коммуникативными свойствами. Благодаря объединению в рамках сетевой коммуникации значительного количества акторов увеличивается процент их вовлеченности в онлайн-среду, в силу чего повышается результативность и скорость решения практических рабочих задач.

Кроме того, отличительной чертой цифровой трансформации на сегодняшний день является не стремление бизнес-компаний работать на базе определенных сетевых технологий, а, напротив, адаптация последних под работу конкретных бизнес-компаний. С каждым годом все большее количество руководителей фирм приходит к пониманию того, что без применения современных систем управления ресурсами предприятия успешное развитие бизнеса становится невозможным [Шитова, 2021, 27].

В-третьих, в рамках исследования функционирования сетевых технологий в условиях цифровой трансформации, отдельно необходимо рассмотреть процессы автоматизации. Следует сказать, что на протяжении довольно долгого времени производители сетевого оборудования в рамках своих предложений внедряли специализированные системы управления (NMS), задача которых заключалась в автоматизации части процессов взаимодействия с инфраструктурой. Подобные технологические решения обладали несомненными преимуществами, к числу которых стоит отнести дополнительные возможности индивидуализации систем под заказы конкретных потребителей, реализуемые за счет внесения конструктивных, либо дизайнерских трансформаций. В то же время, применение данных технологических решений предполагает определенные сложности ввиду того, что их использование накладывает ограничения на определенную часть инфраструктуры. Кроме того, объединение на базе открытых API далеко не во всех случаях соответствует требованиям организации, деятельность которой осуществляется на цифровой основе.

В рамках осуществления цифровых трансформаций автоматизация имеет целью, в первую очередь, повысить скорость и простоту ведущих IT-процессов. Это необходимо для улучшения качества руководства сетевой инфраструктурой, а также для оптимизации работы с бизнес-приложениями посредством API. В данном случае, в числе основных преимуществ следует отметить простоту во внедрении и обеспечение качества необходимой IT-услуги. Данное технологическое решение позволяет соблюсти оптимальный баланс между легкостью в использовании сетевой технологии и комплексностью инфраструктуры, что является основой внедрения различного рода дополнительных IT-услуг.

Однако в числе особенностей применения сетевых технологий в условиях цифровой трансформации имеют место не только положительные моменты, но и определенные трудности. К числу последних следует отнести несоответствие сетевых технологий тем требованиям, которые на сегодняшний день предъявляются все ускоряющимися темпами цифровых трансформаций: например, гибкость, динамичность среды, усложнение задач кампании в сочетании с углублением IT-специализации и т.д. [Плотников, 2021].

Задача оптимизации соотношения цифровых изменений с современными сетевыми

технологиями на сегодняшний день является актуальной для всех государств мира, стоящих на высокой ступени технологического развития. В первую очередь, это касается Китая как признанного лидера мировых цифровых достижений.

В целом, проникновение цифровых технологий в экономику Китая усилилось, начиная с 2019 г., в первую очередь, благодаря стремительному развитию онлайн-торговли. Однако и к этому времени Китай продолжал существенно отставать от таких стран, как Соединенные Штаты, уровень цифровизации экономики в которых оценивался в 59%, а также Японии, набравшей по аналогичному показателю 46% [Пряжникова, 2021, 106].

Иными словами, отсутствие высоких темпов цифровизации экономики в Китае в течении длительного времени, а также отставание от других развитых в технологическом отношении государств позволяет предположить неэффективность используемых в стране сетевых технологий. Однако 2020 г. ознаменовал собой настоящий цифровой прорыв в китайской экономике, в первую очередь, обусловленный необходимостью перевода в онлайн-пространство значительной части торговых операций в условиях стремительного распространения коронавирусной инфекции. России в целях дальнейшего успешного цифрового развития необходимо перенять опыт цифровой трансформации в Китае с учетом тех проблем, которые возникали на пути прогресса страны в данной сфере. К их числу можно отнести такие, как отсутствие методологии цифровой трансформации в обрабатывающей промышленности Китая. Это определяется, в первую очередь, стремительностью процессов цифровизации в клиентоориентированных отраслях в ущерб производству, что, в свою очередь, обостряет необходимость последнего в цифровых новшествах. Безусловно, отсутствие гибкой инфраструктуры, иными словами, полностью адаптированных сетевых технологий, не позволяет предприятиям эффективно развиваться в русле современных цифровых тенденций. Таким образом, сложность и многокомпонентность цифровой трансформации обуславливает необходимость разработки и последующего внедрения системной методологии цифровизации.

Также к числу препятствий, возникающих на пути цифровой трансформации, следует отнести угрозы безопасности сетевых структур, и, как следствие, технологий, реализуемых в данной сфере. Речь идет об учащающихся случаях сетевых атак, наиболее уязвимыми для которых являются финансовый и энергетический сектор. Ежегодная потеря сумм, исчисляемых миллионами долларов, в результате кибератак, позволяет говорить о необходимости оптимизации защиты сетевого оборудования. Развитие Интернет-торговли, в том числе, стало одной из причин роста числа киберпреступлений. В этой связи, разработка средств, позволяющих эффективно защитить сетевые технологии, выступает одним из гарантов успешного внедрения цифровых изменений в будущем.

Заключение

В заключении следует отметить, что цифровые трансформации в России обладают определенными особенностями, связанными, в первую очередь, с инфраструктурой происходящих изменений – сетевыми технологиями. Уровень их функционирования и оптимизации во многом обуславливает успешность дальнейшего внедрения цифровых инноваций, определяет потенциал России в области развития цифровой экономики, которая в обозримом будущем станет одним из маркеров эффективности работы всей системы государственного управления.

При этом поиск «золотой середины» между уровнем развития сетевых технологий и цифровыми трансформациями, предполагает необходимость ориентации России на опыт

признанных лидеров в цифровой сфере, в частности – Китая, ближайшего соседа и партнера РФ, что, безусловно, позволит государству оптимизировать процесс внедрения цифровых инноваций.

Библиография

1. Авцинова А.А. и др. Роль техноструктур и сетевых форм организации в условиях цифровой трансформации мировой экономики: дивергенции управленческих систем // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2 (63). С. 84-89.
2. Коденцев Д. Инфраструктура для цифровой трансформации. URL: <https://www.osp.ru/lan/2017/04/13051905>
3. Михеева Е.В. Информационные технологии в профессиональной деятельности. Технические специальности. М.: Академия, 2014. 416 с.
4. Плотников А.В. Проблемы цифровой трансформации и концепция управления изменениями // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 4. С. 1403-1414.
5. Пряжникова О.Н. Особенности цифровой трансформации экономики Китая // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика. 2021. № 3. С. 105-112.
6. Сексенбаев К. Информационные технологии в развитии современного информационного общества // Молодой ученый. 2015. № 24 (104). С. 191-194.
7. Сеть и сетевая технология. Сетевые информационные технологии. URL: <https://www.syl.ru/article/295165/set-i-setevaya-tehnologiya-setevyie-informatsionnyie-tehnologii>
8. Шитова Т.Ф. ERP-система – эффективный инструмент развития цифровой экономики // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 2 (35). С. 27-39.
9. Kodama M. Digitally transforming work styles in an era of infectious disease. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/342366338_Digitally_transforming_work_styles_in_an_era_of_infectious_disease
10. Miles R.E. et al. Designing Organizations to Meet 21st-century Opportunities and Challenges // Organizational Dynamics. 2010. Vol. 39. Is. 2. P. 93-103.

Use of network technologies in the conditions of digital transformation

Zhang Zhiwen

Graduate Student,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: 18736004136@163.com

Abstract

In the context of the rapid digitalization of all spheres of life in modern society, the technological equipment of enterprises and firms, the readiness of their network platforms for the introduction of innovations, plays an important role. The flexibility of the network infrastructure, the HR competence and corporations in general in the field of adapting to digital transformations are decisive conditions for Russian enterprises to become world leaders. In this article, the author explored the features of the functioning of network technologies in the context of digital transformation, noted the positive and negative aspects of their work, and also outlined ways to optimize the activities of Russian enterprises on digital platforms by learning from the experience of Chinese partners. Digital transformations in Russia have certain features related, first of all, to the infrastructure of the ongoing changes in network technologies. The level of their functioning and optimization largely determines the success of the further introduction of digital innovations,

Zhang Zhiwen

determines the potential of Russia in the development of the digital economy, which in the foreseeable future will become one of the markers of the effectiveness of the entire public administration system. The search for a “golden mean” between the level of development of network technologies and digital transformations implies the need for Russia to focus on the experience of recognized leaders in the digital sphere, in particular China, the closest neighbor and partner of the Russian Federation, which will certainly allow the state to optimize the process of introducing digital innovations.

For citation

Zhang Zhiwen (2022) Ispol'zovanie setevykh tekhnologii v usloviyakh tsifrovoi transformatsii [Use of network technologies in the conditions of digital transformation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 48-55. DOI: 10.34670/AR.2022.85.77.006

Keywords

Network technologies, digital transformation, Russian Federation, China, digitalization, digital platforms, business campaigns.

References

1. Avtsinova A.A. et al. (2021) Rol' tekhnostuktur i setevykh form organizatsii v usloviyakh tsifrovoi transformatsii mirovoi ekonomiki: divergentsii upravlencheskikh sistem [The role of technostructures and network forms of organization in the conditions of digital transformation of the world economy: divergence of management systems]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya* [Bulletin of the Academy of Law and Management], 2 (63), pp. 84-89.
2. Kodama M. (2020) *Digitally transforming work styles in an era of infectious disease*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/342366338_Digitally_transforming_work_styles_in_an_era_of_infectious_disease [Accessed 08/08/2022]
3. Kodentsev D. *Infrastruktura dlya tsifrovoi transformatsii* [Infrastructure for digital transformation]. Available at: <https://www.osp.ru/lan/2017/04/13051905> [Accessed 08/08/2022]
4. Mikheeva E.V. (2014) *Informatsionnye tekhnologii v professional'noi deyatel'nosti. Tekhnicheskie spetsial'nosti* [Information technologies in professional activity. Technical specialties]. Moscow: Akademiya Publ.
5. Miles R.E. et al. (2010) Designing Organizations to Meet 21st-century Opportunities and Challenges. *Organizational Dynamics*, 39, 2, pp. 93-103.
6. Plotnikov A.V. (2021) Problemy tsifrovoi transformatsii i kontseptsiya upravleniya izmeneniyami [Problems of digital transformation and the concept of change management]. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki* [Questions of innovation economy], 11, 4, pp. 1403-1414.
7. Pryazhnikova O.N. (2021) Osobennosti tsifrovoi transformatsii ekonomiki Kitaya [Features of the digital transformation of the Chinese economy]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 9. Vostokovedenie i afrikanistika* [Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 9. Oriental and African studies], 3, pp. 105-112.
8. Seksenbaev K. (2015) Informatsionnye tekhnologii v razvitiy sovremennogo informatsionnogo obshchestva [Information technologies in the development of the modern information society]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 24 (104), pp. 191-194.
9. *Set' i setevaya tekhnologiya. Setevye informatsionnye tekhnologii* [Network and network technology. Network information technologies]. Available at: <https://www.syl.ru/article/295165/set-i-setevaya-tehnologiya-setevyie-informatsionnyie-tehnologii> [Accessed 08/08/2022]
10. Shitova T.F. (2021) ERP-sistema – effektivnyi instrument razvitiya tsifrovoi ekonomiki [ERP-system is an effective tool for the development of the digital economy]. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie* [Municipality: economics and management], 2 (35), pp. 27-39.

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2022.40.97.007

Цифровая экономика и медиа

Чжан Чживэнь

Магистрантка,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: 18736004136@163.com

Аннотация

Современное общество характеризуется стремительным развитием техники и технологий, проникновением цифровизации во все сферы жизнедеятельности человека, в том числе – в экономику. Между тем, особую актуальность приобретает вопрос о связи медиа как пространства, генерирующего информационные потоки, с цифровой экономикой, в силу перехода значительной части социальных связей из реальной в виртуальную среду. В настоящей статье автор вскрывает особенности взаимодействия современных медиа и цифровой экономики, выявляет положительные и отрицательные стороны изучаемого явления, а также анализирует преимущества партнерства России и Китая с точки зрения оптимизации развития цифровых технологий. Следует отметить, что на сегодняшний день цифровая экономика и медиа являются не просто взаимодействующими категориями современной реальности: они взаимопроникают друг в друга, а в ряде случаев пространство медиа отождествляется со сферой цифровых технологий. Указанное обстоятельство определяет широкие возможности для оптимизации российской экономической системы, продвижения на рынке товаров и услуг производителей. В то же время, дальнейшее расширение процессов цифровизации предполагает учет тех возможных рисков, которые являются следствием перехода значительной части жизни современного человека в виртуальное пространство. Наконец, дружественные взаимоотношения России с Китаем позволят в будущем осуществлять обмен опытом в области развития цифровых технологий, способных вывести разработку последних в российском государстве на новый уровень и, как следствие, укрепить взаимосвязь цифровой экономики и современных медиа.

Для цитирования в научных исследованиях

Чжан Чживэнь. Цифровая экономика и медиа // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 56-64. DOI: 10.34670/AR.2022.40.97.007

Ключевые слова

Цифровая экономика, социальные медиа, медиасреда, цифровизация, компьютеризация, глобализация, интеграция, виртуальная среда, Россия, Китай.

Введение

Цифровизация экономической среды жизнедеятельности современного общества выступает одним из приоритетных направлений развития абсолютного большинства прогрессивных государств мира [Шинкарецкая, 2019, 119]. Россия здесь не является исключением: тотальный переход отечественной экономической системы в режим работы на основе данных в цифровой форме определяет стремительный скачок в развитии информационных технологий, способных существенно упростить жизнь современного общества.

Основная часть

Это связано с тем, что цифровая реальность сегодня представляет собой новый уровень измерения, в котором протекает жизнедеятельность современного человека [Дугин, 2018, 160]. По сути, современное человечество живет уже в «третьей природе» – ментальной инфраструктуре, пространство которой генерируется Интернетом и социальными сетями, различного рода технологиями, оказывающими воздействие на сознание личности [Делягин, www]. С одной стороны, этот новый виток развития человеческой цивилизации позволяет сделать повседневную жизнь и быт более комфортными, упростить решение большинства рабочих и личных задач. Однако, стремительное развитие цифровой цивилизации позволяет многим исследователям прогнозировать скорый упадок современного социума, так как большинство людей склонно слепо верить информации, генерируемой искусственным интеллектом, отличается слабыми способностями к аналитике и синтезу новых знаний, что обусловлено, в первую очередь, губительным влиянием цифровизации окружающей среды.

Между тем, стремительное проникновение цифровых технологий в различные сферы жизни современного человека, в том числе – в экономику, позволяет говорить о необратимости данного процесса. Влияние цифровой экономики распространилось также на современные медиа, представляющие собой обширный набор средств и способов передачи информации, а также среду, образуемую их взаимодействием. В частности, в программе развития отечественной цифровой экономики на период с 2017 г. по 2030 г. проиллюстрирована связь последней с медиасредой. Так, в настоящем документе значится, что цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, основой производства в рамках которой выступают данные в цифровой форме, способствующую конструированию информационного пространства, ориентированного на потребности россиян в доступе к достоверным сведениям, оптимизации информационной инфраструктуры страны, разработке и апробации отечественных информационно-телекоммуникационных технологий, равно как и созданию новой технологической основы для дальнейшего развития экономической и социальной областей жизнедеятельности российского общества. Иными словами, положения данной Программы раскрывают тесную связь цифровизации российской экономики и медиа, так как ряд обозначенных в рамках настоящего документа направлений ее развития пересекается с целями и задачами современных медиа. В первую очередь, к таковым стоит отнести получение качественных и достоверных сведений, что представляет собой основную задачу медиа, обеспечивающих доступность для современного общества последних и актуальных новостей. Кроме того, генерирование информационной структуры российского социума, а также совершенствование современного информационного общества, по сути, также являются первоочередными задачами современных медиа.

Общность цифровых технологий и медиа прослеживается не только на основе единства их целей и задач: именно благодаря стремительному проникновению цифровизации во все сферы жизни современного общества медиа расширяют свои возможности в плане доступа к наиболее актуальной информации и ее дальнейшей трансляции. В свою очередь, передача данных в цифровой форме позволяет сократить сроки ее распространения до доли секунды, обеспечивает ее поступление в самые отдаленные уголки России.

Принимая во внимание то обстоятельство, что, как медиа, так и экономика представляют собой сферы, основанные на взаимодействии между индивидами, необходимо отметить, что на сегодняшний день основным фактором развития производства, различных областей хозяйственной деятельности выступает человеческий капитал. В данном контексте, современное состояние и перспективы развития цифровой экономики в русле ее взаимодействия с современными медиа представляется малоизученным объектом исследования.

Однако, глубокая связь цифровой экономики и медиа уже подчеркивалась учеными, но в сравнительно небольшом количестве работ. Так, О.Р. Самарцев отмечал, что процесс виртуализации окружающей современного человека реальности, представляющий собой специфическую черту взаимодействия акторов в цифровой среде, равно как и интерактивность, медийность и всеохватность характеризуют современное состояние российского общества, в котором трансформируются не только и не столько способы трансляции знаний, сколько тип и среда, в рамках которых СМИ осуществляют свои традиционные функции, изменяющиеся по нарастающей – от массовых к глобальным [Самарцев, 2017, 4]. Как следует из заключений автора, достижения современных медиа были бы невозможны без развития цифровой среды.

Современный этап общественного развития определяется не просто взаимосвязью, но и взаимопроникновением двух изучаемых категорий. Де-факто, стремительное распространение масс-медиа, их проникновение во все сферы жизни общества позволяют утверждать их единство с цифровой экономикой. Это определяется высокими показателями роста доходов всех средств и способов получения и трансляции информации, которые функционируют на основе цифровых данных. Так, в соответствии с прогнозами экспертов и аналитиков, объем российского рынка электронной коммерции возрастет более чем в два с половиной раза к концу 2023 года по сравнению с 2022 г. В свою очередь, к 2024 г. объемы торговли на электронных платформах в России должны будут составить около 3,491 трлн руб., а лидирующими кампаниями в данном направлении окажутся те, которые создавались с участием «Яндекса» и Mail.Ru Group [Рынок e-commerce в России..., www].

Вышеуказанные обстоятельства позволяют прогнозировать благоприятные долгосрочные перспективы взаимодействия современных медиа и цифровой экономики. В то же время, использование возможностей медиасреды в экономических отношениях во многом зависит от того, к какому типу принадлежат конкретные медиа.

Безусловно, на современном этапе первое место с точки зрения формирования и развития коммуникации субъектов в области экономики занимают социальные сети. Согласно заключению М. Кастельса и Э. Киселевой, «...новая экономика организуется вокруг социальных сетей, которые не имеют центра» [Кастельс, Киселева, 2000, 24]. В рамках Интернет-среды речь идет о медиа-сетях, пространство которых позволяет довольно успешно организовывать деловое общение, обмен сведениями в глобальном масштабе (как существующими в текстовой, так и в звуковой и графической форме). Благодаря социальным медиа в рамках уже сложившихся связей между их акторами, а также посредством вовлечения в коммуникацию новых участников, генерируются новые социальные связи во всех сферах

человеческой жизнедеятельности, в том числе – и в экономике.

Кроме того, в Интернет-пространстве помимо социальных сетей активно действуют иные способы конструирования новых каналов экономических связей в обществе. К их числу относятся, например, веб-сайты, благодаря функционированию которых пользователи в свободном доступе (либо – в частичном, на определенных условиях), могут получать актуальную информацию о товарах и услугах. Соответственно, они являются действенными инструментами продаж в сети Интернет. Аналогичную функцию могут выполнять страницы пользователей в социальных сетях, где они рекламируют определенную продукцию, а также разного рода виртуальные сообщества. Благодаря их функционированию экономическая жизнь российского общества в значительной степени виртуализировалась, переместилась в онлайн-пространство.

Можно выделить несколько основных причин, по которым социальные медиа активно используются в цифровом маркетинге. В первую очередь, это связано с возможностями вовлечения реальных пользователей в онлайн-пространство, в рамках которого рекламировать товары и услуги можно в значительно большем объеме, нежели в реальности. В частности, исследователь И.В. Драгунова полагает, что социальные медиа представляют собой действенный маркетинговый инструмент, позволяет пользователям быстрее ориентироваться в обилии информационных потоков и, в результате, оптимизировать процесс выбора необходимых товаров и услуг, так как благодаря онлайн-технологиям возможна более эффективная репрезентация продукции и коммуникация между акторами [Драгунова, 2017, 157]. Помимо этого, социальные медиа могут применяться не только на уровне установления и расширения экономических связей обычных пользователей, но также государственных управляющих структур, что позволяет оптимизировать работу экономической сферы, сделать ее более демократичной и прозрачной [Парфенчик, 2017].

Наконец, именно благодаря социальным медиа экономические отношения, по сути, смещаются на уровень отдельных личностей, взаимодействие между которыми способствует продлению и укреплению указанного вида отношений. Данное обстоятельство определяется не только непрерывно растущими эффектами глобализации, но также постоянно ускоряющимся уровнем технологического развития, ввиду которого появляется возможность создавать новые уникальные продукты. Наконец, в свою очередь, российский рынок нуждается особенно сильно, так как в последние годы возрос уровень потребления граждан.

В сложившихся условиях, таким образом, пространство социальных медиа является оптимальной средой для развития экономической активности пользователей. Принимая во внимание, что все сферы жизни в условиях глобализации отчасти существуют в виртуальном пространстве, как отдельные индивиды, так и предприятия, фирмы, а также государство могут реализовать здесь собственные экономические интересы. В рамках анализа связи цифровой экономики и социальных медиа целесообразно рассмотреть те преимущества, которые извлекаются каждым участником виртуальной коммуникации.

Если говорить о предпринимателях, то выгоды от Интернет-торговли, привлекающие их, позволяют нивелировать негативные эффекты от постоянного роста конкуренции в силу увеличения количества производителей, появления более дешевых товаров-заменителей, а также перенасыщенности рынка. Социальные медиа позволяют предпринимателям не только поддерживать стабильный спрос на товары и услуги, но также расширять круг потребителей, наращивать географию социальных связей.

В свою очередь, отдельные индивиды благодаря социальным медиа могут получить

наиболее всеобъемлющую информацию о продукте в удобное для них время, а также сформировать необходимые для них социальные связи (в частности, определяемые потребностью в приобретении конкретного товара или услуги). При этом современные медиа существенно расширяют диапазон продуктов, которые могут приобрести индивидуальные пользователи (от элементарных бытовых товаров до покупки недвижимости). Кроме того, индивиды могут объединяться в социальные группы, реализуя собственные экономические интересы, связанные с наращиванием аудитории, продвижением товаров и т.д.

Наконец, государство также извлекает определенные выгоды из функционирования социальных медиа. Они сводятся, прежде всего, к возможности трансляции тех ценностей, которые представляются значимыми для российского общества, а также осуществлению полномочий государственных органов власти.

Несомненным преимуществом социальных медиа для всех вышеперечисленных акторов виртуальной коммуникации является высокая скорость распространения информации, а также наличие обратной связи пользователей, что, в свою очередь, дает возможность оптимизировать процесс реализации товаров, либо услуг.

Стоит также отметить, что значение традиционных медиа, в частности, таких как радио, телевидение, периодическая печать, безусловно, продолжает сохраняться, но существенно сокращается по сравнению с той ролью, которую играют Интернет и социальные сети.

В то же время, цифровизация в интерактивном медиaprостранстве расширила возможности вовлечения телевидения в экономику. Несмотря на то, что цифровизация телевидения осуществлялась достаточно быстрыми темпами, оно, согласно точке зрения М. Маклюэна, в большей степени тяготеет к таким типам медиа, коммуникационная система которых требовательна не только к объемам аудитории, высокой степени вовлеченности последней, но к непрерывному «доставанию» транслируемых сведений [Маклюэн, 2007].

Однако возможности цифрового телевидения, по сравнению с аналоговым, значительно шире. В первую очередь, данный вид телекоммуникации позволяет увеличить качество транслируемых звука и изображения, высокая четкость которых является привлекательной для пользователей. В условиях стремительного развития технологий в будущем возможности цифрового телевидения будут способны обеспечить переход к стереоизображению т.е., в формате 3D. Цифровые телевизионные трансляции, в отличие от аналоговых, в большей степени защищены от помех, и передаются телезрителям в том качестве, в котором они были сформированы изначально. Это, в свою очередь, существенно повышает эффективность воздействия на аудиторию телевизионных сведений, в том числе – рекламы с целью привлечения потенциальных покупателей.

По аналогии с телевидением, в настоящее время осуществляется цифровизация радиовещания. Применение цифровых технологий в рамках данного типа медиа обладает преимуществами с точки зрения передачи данных: более качественный, чистый звук радиоволны позволяет привлечь большую аудиторию и, соответственно, повышает эффективность поиска потенциальных клиентов лицами, размещающими рекламу своей деятельности на радиостанциях. На все рассмотренные выше преимущества цифровой экономики и ее связи с современными медиа, в ряде исследовательских работ отмечаются также негативные тенденции исследуемого явления. Так, в статье М.Г. Лазара, в рамках которой исследуется влияние стремительного проникновения цифровизации в жизнь современного общества, автор делает вывод, в том числе, и о негативном влиянии данного явления на все сферы жизни социума, в том числе – на экономику.

По словам М.Г. Лазара, корни отрицательного воздействия цифровизации следует усматривать в переоценке ценностей современного общества, что во многом объясняется существованием «второй реальности» – виртуального пространства, в рамках которого сегодня успешно функционируют практически все сферы жизни социума, в том числе – информационная и экономическая [Лазар, 2018, 172]. В свою очередь, использование пространства современных медиа как площадки для развития торговой деятельности является одной из причин изменения характера производства в различных отраслях отечественной промышленности. При этом ученый указывает на существование ограничений и препятствий, возникающих в процессе вовлечения пользователей в онлайн-коммуникацию. Это определяется отсутствием всеохватности компьютеризацией территории России, и, как следствие – возможности для каждого гражданина без исключения получать доступ к тем товарам и услугам, информация о которых транслируется при помощи современных СМИ. Вплоть до настоящего времени на территории Российской Федерации – крупнейшего государства в мире, продолжают существовать местности, где основной проблемой является, например, газификация, а отнюдь не широкий доступ в Интернет и социальные сети. Как следствие, жители административно-территориальных единиц подобного рода в большей степени ориентируются на данные, транслируемые традиционными СМИ, нежели на информацию, получаемую при помощи компьютера.

Между тем, в масштабах российского государства процесс цифровизации идет достаточно стремительными темпами. Переход к цифровому государству позволяет оптимизировать различные сферы экономических взаимоотношений: рынок труда, бюджет и т.д. В настоящее время государственные программы, ориентированные на развитие цифровых технологий, в конечном счете, являются человекоцентричными, так как стремительное внедрение цифровизации во все сферы жизнедеятельности общества определяется стремлением повысить уровень комфорта граждан, а также оптимизировать процесс получения товаров и услуг.

Необходимо отметить, что в своем стремлении к переходу на цифровую экономику, а также в наращивании связей последней с современными медиа, Россия ориентируется на развитые в технологическом отношении государства. Одним из таковых является Китай – ближайший сосед и партнер России. Несмотря на доминирование китайской стороны в цифровом отношении, дружественное взаимодействие между странами позволяет Российской Федерации успешно обмениваться опытом с восточным партнером. Это имеет чрезвычайно важное значение, так как в ближайшем будущем страна, которая является лидером в цифровой индустрии, будет занимать ведущие позиции в мировом экономическом пространстве.

В этой связи, укрепление взаимоотношений России и Китая будет способствовать наращиванию их геополитического могущества. Данное партнерство, выгодное Российской Федерации с точки зрения технологического усовершенствования процесса производства и внедрения инноваций, способствующих ускорению цифровизации экономики и углублению ее связи с медиа, обладает преимуществами и для китайской стороны, выражающимися в защите (в случае необходимости) ее геополитических интересов и поддержании территориальной целостности.

Обмен опытом в сфере цифровых технологий также будет способствовать оптимизации стратегий цифрового развития России, позволит разработчикам обратить внимание на ключевые проблемы существующего уровня цифровизации. Это позволит российской стороне преодолеть отсталость в данной сфере не по сравнению с Китаем, но и другими государствами, передовыми с точки зрения уровня развития современных технологий.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что на сегодняшний день цифровая экономика и медиа являются не просто взаимодействующими категориями современной реальности: они взаимопроникают друг в друга, а в ряде случаев пространство медиа отождествляется со сферой цифровых технологий.

Указанное обстоятельство определяет широкие возможности для оптимизации российской экономической системы, продвижения на рынке товаров и услуг производителей. В то же время, дальнейшее расширение процессов цифровизации предполагает учет тех возможных рисков, которые являются следствием перехода значительной части жизни современного человека в виртуальное пространство.

Наконец, дружественные взаимоотношения России с Китаем позволят в будущем осуществлять обмен опытом в области развития цифровых технологий, способных вывести разработку последних в российском государстве на новый уровень и, как следствие, укрепить взаимосвязь цифровой экономики и современных медиа.

Библиография

1. Драгунова И.В. Социальные медиа как коммуникационный канал интернет-маркетинга: дефиниция и эволюция развития // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2017. Том 1. № 1. С. 155-164.
2. Дугин Е.Я. Медиа составляющая цифровой экономики // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 4. С. 159-175.
3. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество: Аналитическое исследование // Мир России. 2000. № 1. С. 23-51.
4. Лазар М.Г. Цифровизация общества, ее последствия и контроль над населением // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. № 4 (34). С. 170-181.
5. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М: Кучково поле, 2007. 462 с.
6. Михаил Делягин: «На повестке дня уничтожение не одной России, а человеческой цивилизации». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/377286>
7. Парфенчик А.А. Использование социальных сетей в государственном управлении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 186-200.
8. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.
9. Рынок e-commerce в России вырастет в 2,5 раза к 2023 году. URL: <https://www.sostav.ru/publication/e-commerce-33621.html>
10. Самарцев О.Р. Цифровая реальность: журналистика информационной эпохи: факторы трансформации, проблемы и перспективы. М.: Издательские решения, 2017. 120 с.
11. Шинкарецкая Г.Г. Цифровизация – глобальный тренд мировой экономики // Образование и право. 2019. № 8. С. 119-123.
12. Телятник Т.Е. Информационные ресурсы Интернет-пространства как инструмент формирования политической коммуникации // В мире научных открытий. 2014. № 3-3(51). С. 1470-1477.
13. Телятник Т.Е. Перспективы развития политической имиджелогии // Наука Красноярья, № 2 (25), 2016. Изд-во ООО «Научно-инновационный центр», Красноярск. С. 142-152. ISSN 2070-7568 DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-142-152.
14. Телятник Т.Е. Особенности формирования геостратегий современных государств в контексте глобализационных процессов // Международный научно-исследовательский журнал (InternationalResearchJournal) № 8-3(110) Часть 3. Август. 2021. С. 136-138.

Digital economy and media: political aspects

Zhang Zhiwen

Graduate Student,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: 18736004136@163.com

Abstract

Modern society is characterized by the rapid development of technology and technology, the penetration of digitalization into all spheres of human life, including the economy. Meanwhile, the question of the connection between media as a space that generates information flows and the digital economy is of particular relevance, due to the transition of a significant part of social ties from the real to the virtual environment. In this article, the author reveals the features of the interaction between modern media and the digital economy, identifies the positive and negative aspects of the phenomenon under study, and also analyzes the advantages of the partnership between Russia and China in terms of optimizing the development of digital technologies. It should be noted that today the digital economy and media are not just interacting categories of modern reality: they interpenetrate each other, and in some cases the media space is identified with the digital technology sphere. This circumstance determines ample opportunities for optimizing the Russian economic system, promoting goods and services of manufacturers on the market. Further expansion of digitalization processes involves considering those possible risks that are a consequence of the transition of a significant part of the life of a modern person into the virtual space. Friendly relations between Russia and China will allow in the future to exchange experience in the development of digital technologies that can bring the development of the latter in the Russian state to a new level.

For citation

Zhang Zhiwen (2022) Tsifrovaya ekonomika i media: politicheskie aspekty [Digital economy and media: political aspects]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 56-64. DOI: 10.34670/AR.2022.40.97.007

Keywords

Digital economy, social media, media environment, digitalization, computerization, globalization, integration, virtual environment, Russia, China.

References

1. Castells M., Kiseleva E. (2000) Rossiya i setevoe obshchestvo: Analiticheskoe issledovanie [Russia and the network society: An analytical study]. *Mir Rossii* [World of Russia], 1, pp. 23-51.
2. Dragunova I.V. (2017) Sotsial'nye media kak kommunikatsionnyi kanal internet-marketinga: definitsiya i evolyutsiya razvitiya [Social media as a communication channel of Internet marketing: definition and evolution of development.]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva* [Bulletin of the Volga University], 1, 1, pp. 155-164.
3. Dugin E.Ya. (2018) Mediasostavlyayushchaya tsifrovoy ekonomiki [Media component of the digital economy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism], 4, pp. 159-175.
4. Lazar M.G. (2018) Tsifrovizatsiya obshchestva, ee posledstviya i kontrol' nad naseleniem [Digitalization of society, its

- consequences and control over the population]. *Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnykh kollektivov* [Problems of the activities of scientists and scientific teams], 4 (34), pp. 170-181.
5. McLuhan M. (1994) *Understanding Media: The Extensions of Man*. The MIT Press.
 6. Mikhail Delyagin: «*Na povestke dnya unichtozhenie ne odnoi Rossii, a chelovecheskoi tsivilizatsii*» [Mikhail Delyagin: "On the agenda is the destruction of not only Russia, but human civilization."]. Available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/377286> [Accessed 08/08/2022]
 7. Parfenchik A.A. (2017) Ispol'zovanie sotsial'nykh setei v gosudarstvennom upravlenii [The use of social networks in public administration]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Issues of state and municipal administration], 2, pp. 186-200.
 8. *Programma «Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii». Utverzhdena rasporyazheniem pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 28 iyulya 2017 g. № 1632-r* [Program "Digital Economy of the Russian Federation". Approved by order of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-r].
 9. *Rynok e-sommerce v Rossii vyrastet v 2,5 raza k 2023 godu* [The e-commerce market in Russia will grow 2.5 times by 2023]. Available at: <https://www.sostav.ru/publication/e-commerce-33621.html> [Accessed 08/08/2022]
 10. Samartsev O.R. (2017) *Tsifrovaya real'nost': zhurnalistika informatsionnoi epokhi: faktory transformatsii, problemy i perspektivy* [Digital Reality: Journalism of the Information Age: Factors of Transformation, Problems and Perspectives]. Moscow: Izdatel'skie resheniya Publ.
 11. Shinkaretskaya G.G. (2019) Tsifrovizatsiya – global'nyi trend mirovoi ekonomiki [Digitalization is a global trend of the world economy]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 8, pp. 119-123.
 12. Telyatnik, i.e. Information resources of the Internet space as a tool for the formation of political communication // In the world of scientific discoveries. 2014. No. 3-3(51). pp. 1470-1477.
 13. Telyatnik T.E. Prospects for the development of political imagology // *Science of Krasnoyarsk*, No. 2 (25), 2016. Publishing house of LLC "Scientific and Innovation Center", Krasnoyarsk. pp. 142-152. ISSN 2070-7568 DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-142-152.
 14. Telyatnik T.E. Features of the formation of geostrategies of modern states in the context of globalization processes // *International Scientific Research Journal (InternationalResearchJournal)* No. 8-3(110) Part 3. August. 2021. pp. 136-138.

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.62.30.008

Специфические характеристики виртуальных сетей как канала политической коммуникации

Карпикова Анна Юрьевна

Аспирантка,
Омская гуманитарная академия,
644105, Российская Федерация, Омск, ул. 4-ая Челюскинцев, 2а;
e-mail: karpikovaa@mail.ru

Аннотация

В данной статье автор проводит политологическое исследование использования виртуальных социальных сетей в качестве каналов политических коммуникаций. В авторской трактовке определяются основные направления воздействия с помощью виртуальных социальных сетей на электорат, где сети становятся площадками для диалогов, споров, дискуссий разных точек зрения (в том числе, оппозиционных нынешней власти). Представляется важным выделение специфических черт, которые дают возможность применения именно этой технологии в рамках политической коммуникации. В исследовании отмечается, что, используя знания свойств визуального, а также навыки бытового общения в виртуальных социальных сетях, возможно выстраивание эффективной модели коммуникации. Виртуальные социальные сети как канал политической коммуникации обладают рядом специфических свойств. Используя знания этих свойств, а также навыки бытового общения в виртуальных социальных сетях, возможно выстраивание эффективной модели коммуникации. Данные специфические черты скорее подходят для повседневной политической коммуникации. Но существует и специализированная политическая коммуникация (допустим, в рамках предвыборной кампании). Конечно же, все эти специфические черты приемлемы для разных видов политической коммуникации, однако для каждого отдельного коммуникационного процесса (в рамках какой-либо политической кампании, поддержании связей с общественностью) необходимо выделить более подробные характеристики. На их основе можно было бы выстроить модель эффективной политической коммуникации.

Для цитирования в научных исследованиях

Карпикова А.Ю. Специфические характеристики виртуальных сетей как канала политической коммуникации // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 65-70. DOI: 10.34670/AR.2022.62.30.008

Ключевые слова

Виртуальные социальные сети, гиперссылки, киберпространство, политические коммуникации, интернет-пользователи.

Введение

Арсенал возможностей Интернета в области политической коммуникации довольно значителен: от организации и проведения информационных акций до организации официального голосования на выборах в органы государственной власти. Политическая практика в сети идет вслед за развитием технологий, которые увеличивают масштабы и формы взаимодействия политических акторов в виртуальном пространстве. Последнее время все чаще начинают выделять востребованную категорию «сетевой политики» обозначающую политическую деятельность посредством Интернета [Войнов, 2007, 88].

Повышение привлекательности Интернета как средства для организации политических действий объясняется очевидной эффективностью первых результатов от таких форм политического участия и лоббирования населением своих интересов. При низких материальных издержках этот метод эффективен для граждан, занимающих активную гражданскую позицию и имеющих общие интересы.

Голосования в Интернете, проведение социологических исследований и опросов общественного мнения в Сети по конкретным политическим проблемам являются составной частью не только PR-кампаний, но и способом выявить значимые для электората ценности и политические предпочтения.

Основная часть

Политические практики предполагают использование нескольких каналов коммуникации для продвижения того или иного послания. В том числе могут быть использованы виртуальные социальные сети. Особенность форм политического участия с помощью новых сетевых технологий имеет ряд преимуществ, связанных с усилением групповой интеграции без учета географического фактора: существует возможность оперативной реакции на возникающие политические проблемы. Возможность с помощью виртуальных социальных сетей привлечь к проблемам других политических акторов, заинтересованных в этом, а также, виртуальные социальные сети могут выступить в качестве инструмента для того, чтобы при необходимости, сформировать устойчивую структуру (группу или сообщество), которая могла бы оказывать влияние на принятие важных политических решений.

Виртуальные социальные сети предоставляют широкие возможности для политического самовыражения, но в качестве канала политической коммуникации их используют лишь ограниченное число людей. Проблема вовсе не заключается в политической пассивности интернет-пользователей, дело в том, что политическая пассивность является неотъемлемой чертой российской действительности в течение последних десятилетий [Каких граждан в современной России больше, www].

Виртуальные социальные сети идеально созданы для распространения слухов и порочащей информации. Насколько бы резкими и радикальными ни были заявления и речи политических деятелей на телевидении и в печати, они регламентируются определенными нормативно правовыми актами. В сети же с ее анонимностью и простотой распространения информации это становится большой проблемой [Апетян, 2015, 940].

Отметим, что распространение информации, отрицательно сказывающейся на репутации того или иного актора, или более того, дезинформации во время избирательной кампании наносит вред всему обществу, так как служит основой для недоверия и пренебрежительного

отношения к политикам, нежеланию принимать участие в выборах.

Бесспорно, за последнее время виртуальные социальные сети стали площадкой для диалогов, споров, дискуссий разных точек зрения (в том числе, оппозиционных нынешней власти) каналом политической коммуникации:

Во-первых, система гиперссылок обеспечивает мгновенное распространение информации в онлайн режиме, что позволяет моментально реагировать на сообщения.

Во-вторых, любой человек сегодня становится не просто получателем информации из какого-либо канала коммуникации. Теперь каждый человек в виртуальных социальных сетях может выразить свою позицию по тому или иному интересующему его вопросу, притом, благодаря системе гиперссылок, его мнение и мнения других участников сети публикуются мгновенно. Чем больше подобных написавших, ответивших, проголосовавших – тем быстрее распространяется информация, тем шире охват аудитории.

В-третьих, виртуальные социальные сети, в отличие от традиционных средств массовой информации, лишь косвенно зависят от власти, что делает их в некоторой степени «независимыми», но только от властных структур.

Политические дискуссии, разворачивающиеся в блогах и ставшие не столько инструментом взаимодействия с властными структурами, но и рычагом общественного давления на Западе, в России чаще всего принимают вид междоусобиц и имеют персонифицированный характер и небольшую аудиторию. Поэтому говорить об использовании Интернета как эффективного инструмента давления не приходится.

Ключевые вопросы использования виртуальных социальных сетей в организации политической коммуникации общества предполагают необходимость выделения потенциальных преимуществ этих технологий в сравнении с другими, то есть, выделение специфических черт, которые дают возможность использования именно этой технологии в рамках политической коммуникации [Политическая коммуникация через Интернет, www].

Рассмотрев некоторые теоретические аспекты политической коммуникации в виртуальных социальных сетях можно выделить следующие специфические черты политической коммуникации в виртуальных социальных сетях:

1) простое присоединение к уже существующим группам/сообществам политической направленности. Для осуществления политической коммуникации в виртуальных социальных сетях достаточно просто выйти во всемирную паутину и примкнуть, или организовать самому ту группу, интересы которой будут устраивать коммуниканта;

2) возможность создания собственного аккаунта, блога, листов рассылки и формирование группы/сообщества пользователей ресурса;

3) автоматизация определенных организационных аспектов работы политических структур (оповещение о конференции, организация голосования, онлайн-консультаций, пресс-конференций и т.д.). Для взаимодействия между участниками определенного сообщества не требуется никаких дополнительных средств, кроме компьютера и доступа в Интернет (а также собственный аккаунт на специализированном сайте);

4) невозможность монополийного воздействия определенных структур (чаще всего властных) на информационные потоки. В виртуальных социальных сетях, в отличие от традиционных средств массовой информации отсутствует цензура и монополия властных структур на распространение информации. Более того, в рамках виртуальных социальных сетей получатель информации, автоматически может стать ее отправителем, при выражении своего собственного мнения или публикации каких-либо личных знаний;

5) способность использования программного обеспечения, позволяющего облегчить доступность информации и рутинные функции коммуникационного взаимодействия (компьютерные интеллектуальные агенты) в целях сбора необходимой индивиду политической информации.

Из всего вышеперечисленного видно, что виртуальные социальные сети, используемые как политическая коммуникация, имеют приоритетные возможности для развития и внедрение в повседневные процессы общественной жизни. Это пространство становится насыщенно кибернетическим для получения виртуального интерактивного опыта, который доступен независимо от географического положения объекта восприятия.

Киберпространство выступает и как общественное и как частное пространство коммуникативных взаимодействий [Fernback, 1997, 39]. Достоинствами такого киберпространства являются:

- оперативность осуществления интеракций. Об этом уже очень много было сказано. Следует лишь дополнить, что это свойство присуще не только виртуальным социальным сетям;
- низкая себестоимость использования телекоммуникаций в расчете на одно послание;
- одним из наиболее важных свойств виртуальных социальных сетей как канала политических коммуникаций является интерактивность и гипертекстуальность. Именно свойство гипертекстуальности позволяет информации разлетаться по всему миру за считанные секунды, а свойство интерактивности позволяет взаимодействовать пользователям сети в режиме реального времени, и не находится на близком друг от друга расстоянии;
- отсутствие лидеров мнений. В киберпространстве все имеют равный статус, независимо от того, кем ты являешься в реальной жизни. Критерия при определении нормы человека выступает свободное выражение своих мыслей, идей. Любая цензура в киберпространстве является отталкивающим средством, как следствие, снижение аудитории пользователей тех группах/сообщества/площадках для обсуждения, где присутствует какой-либо ценз;
- виртуальные социальные сети дают возможность обеспечить оперативность взаимодействия с аудиторией: позволяют намного чаще обновлять информацию, возможно использование социальных сетей как средства общения с журналистами (экономия времени);
- при помощи виртуальных социальных сетей, возможно, организовать сбор средств, а также поиск добровольцев в рамках политических или общественных кампаний;
- очередной специфической чертой политической коммуникации в виртуальных социальных сетях является отсутствие нормативно-правовой базы, которая бы регулировала бы эти отношения [Володенков, 2017, 11];
- возможность поддерживать обратную связь после отправления определенного информационного сообщения, которое может быть «откомментировано» как представителем целевой аудитории, так и случайным посетителем.

Хотя, как показало наше исследование, комментарии скорее нужны коммуникатору для корректировки своего сообщения, нежели другим пользователям, потому что для большинства членов виртуальных социальных сетей комментарии других пользователей не играют значимой роли.

Заключение

Из всего вышеперечисленного следует, что виртуальные социальные сети как канал политической коммуникации обладают рядом специфических свойств. Используя знания этих свойств, а также навыки бытового общения в виртуальных социальных сетях, возможно выстраивание эффективной модели коммуникации.

Данные специфические черты скорее подходят для повседневной политической коммуникации. Но существует и специализированная политическая коммуникация (допустим, в рамках предвыборной кампании). Конечно же, все эти специфические черты приемлемы для разных видов политической коммуникации, однако для каждого отдельного коммуникационного процесса (в рамках какой-либо политической кампании, поддержании связей с общественностью) необходимо выделить более подробные характеристики. На их основе можно было бы выстроить модель эффективной политической коммуникации.

Библиография

1. Апетян М.К. Особенности виртуальной коммуникации // Молодой ученый. 2015. № 3 (83). С. 939-941.
2. Войнов Д.А. Политические амбиции Интернета в России // Власть. 2007. № 2. С. 88.
3. Володенков С.В. Особенности Интервента как современного пространства политических коммуникаций // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 4. С. 1.
4. Каких граждан в современной России больше (социологическое исследование). URL: http://uragschel.ru/index2.php?option=com_content&task=view&id=335&pop=1&page=15&Itemid=44
5. Политическая коммуникация через Интернет. URL: <http://lawinrussia.ru/content/politicheskaya-kommunikaciya-cherez-internet>
6. Fernback J. The individual within the collective: Virtual ideology and the realization of collectivist principles // Virtual culture: Identity and communication in cyberspace. L.: Sage, 1997. P. 39.
7. De Vreese C. H. et al. Populism as an expression of political communication content and style: A new perspective // The international journal of press/politics. – 2018. – Т. 23. – №. 4. – С. 423-438.
8. Davis A. Political communication: A new introduction for crisis times. – John Wiley & Sons, 2019.
9. Bennett W. L., Pfetsch B. Rethinking political communication in a time of disrupted public spheres // Journal of communication. – 2018. – Т. 68. – №. 2. – С. 243-253.
10. Veneti A., Jackson D., Lilleker D. G. (ed.). Visual political communication. – Switzerland : Palgrave Macmillan, 2019.

Specific characteristics of virtual networks as a channel of political communication

Anna Y. Karpikova

Postgraduate,
Omsk Humanitarian Academy,
644105, 2a, 4th Chelyuskintsev str., Omsk, Russian Federation;
e-mail: karpikovaa@mail.ru

Abstract

In this article, the author conducts a political science study of the use of virtual social networks as channels of political communication. The author's interpretation defines the main directions of the impact of virtual social networks on the electorate, where networks become platforms for dialogues, disputes, discussions of different points of view (including those opposed to the current

government). It seems important to highlight the specific features that make it possible to use this technology in the framework of political communication. The study notes that using the knowledge of visual properties, as well as the skills of everyday communication in virtual social networks, it is possible to build an effective communication model. Virtual social networks as a channel of political communication have a number of specific properties. Using the knowledge of these properties, as well as the skills of everyday communication in virtual social networks, it is possible to build an effective communication model. These specific features are more suitable for everyday political communication. But there is also specialized political communication (for example, within the framework of an election campaign). Of course, all these specific features are acceptable for different types of political communication, however, for each individual communication process (within a political campaign, maintaining public relations), more detailed characteristics must be distinguished. Based on them, it would be possible to build a model of effective political communication.

For citation

Karpikova A.Yu. (2022) Spetsificheskie kharakteristiki virtual'nykh setei kak kanala politicheskoi kommunikatsii [Specific characteristics of virtual networks as a channel of political communication]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 65-70. DOI: 10.34670/AR.2022.62.30.008

Keywords

Virtual social networks, hyperlinks, cyberspace, political communications, internet users.

References

1. Apetyan M.K. (2015) Osobennosti virtual'noi kommunikatsii [Features of virtual communication]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 3 (83), pp. 939-941.
2. Fernback J. (1997) The individual within the collective: Virtual ideology and the realization of collectivist principles. In: *Virtual culture: Identity and communication in cyberspace*. London: Sage Publ.
3. *Kakikh grazhdan v sovremennoi Rossii bol'she (sotsiologicheskoe issledovanie)* [What kind of citizens are there more in modern Russia (sociological study)]. Available at: http://uragschel.ru/index2.php?option=com_content&task=view&id=335&pop=1&page=15&Itemid=44 [Accessed 08/08/2022]
4. *Politicheskaya kommunikatsiya cherez Internet* [Political communication via the Internet]. Available at: <http://lawinrussia.ru/content/politicheskaya-kommunikaciya-cherez-internet> [Accessed 08/08/2022]
5. Voinov D.A. (2007) Politicheskie ambitsii Interneta v Rossii [Political ambitions of the Internet in Russia]. *Vlast'* [Power], 2, p. 88.
6. Volodenkov S.V. (2017) Osobennosti Interventa kak sovremennogo prostranstva politicheskikh kommunikatsii [Features of the Intervention as a modern space of political communications]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University], 4, p. 1.
7. De Vreese, C. H., Esser, F., Aalberg, T., Reinemann, C., & Stanyer, J. (2018). Populism as an expression of political communication content and style: A new perspective. *The international journal of press/politics*, 23(4), 423-438.
8. Davis, A. (2019). *Political communication: A new introduction for crisis times*. John Wiley & Sons.
9. Bennett, W. L., & Pfetsch, B. (2018). Rethinking political communication in a time of disrupted public spheres. *Journal of communication*, 68(2), 243-253.
10. Veneti, A., Jackson, D., & Lilleker, D. G. (Eds.). (2019). *Visual political communication*. Switzerland: Palgrave Macmillan.

УДК 321.013

DOI: 10.34670/AR.2022.35.43.009

Асимметрия территориальной системы как предпосылка объединения регионов в процессе развития российского федерализма

Давыдов Дмитрий Владимирович

Старший научный сотрудник
отдела мониторинга социальных процессов,
Научный центр социально-экономического мониторинга,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Хмельницкого, 39а;
e-mail: gumanitariy13@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению одной из значимых причин изменения субъектного состава Российской Федерации в 2000-е годы – их многочисленности, сопровождающейся асимметрией территориальной системы. Количество российских регионов, разительно отличающихся друг от друга пространственной протяженностью, демографическим потенциалом, климатическими условиями, ресурсно-сырьевой базой, провоцировало значительные сложности при организации управленческих процессов. Автор приводит аргументы сторонников оптимизации субъектного состава федеративного государства. Среди них – низкая эффективность взаимодействия с большим количеством участников федеративного процесса, превышение оптимальной «нормы управляемости», проблема эффективного кадрового обеспечения системы управления регионом. Кроме того, в статье автор акцентирует внимание на позициях критиков идеи сокращения числа субъектов: в результате укрупнения субъектов федерации происходит снижение управляемости на внутрирегиональном уровне, повышается опасность возникновения сепаратистских тенденций и др. Асимметрия территориального устройства Российской Федерации является одной из предпосылок реформирования субъектного состава, путем укрупнения регионов. Выбор именно данного механизма для преодоления части вызовов, вставших перед российской государственностью, обусловлен их характером – стремление к нивелированию существенных различий, построению более однородного сообщества в субъекте федерации ведет именно к территориальным преобразованиям (последние могут осуществляться в виде объединения регионов, разукрупнения, передачи части территории от одного к другому и т.п.).

Для цитирования в научных исследованиях

Давыдов Д.В. Асимметрия территориальной системы как предпосылка объединения регионов в процессе развития российского федерализма // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 71-76. DOI: 10.34670/AR.2022.35.43.009

Ключевые слова

Укрупнение регионов, реформирование федерализма, региональные контрасты, субъекты Российской Федерации, политика.

Введение

В начале XXI века российская федеративная система, в значительной степени сформировавшаяся в результате трансформации элементов советского федерализма на фоне радикальных политических перемен 1990-х годов, столкнулась с необходимостью серьезного реформирования. Среди требовавших неотложного решения задач выделялись несбалансированность законодательной базы федеративных отношений, многосубъектность Российской Федерации на фоне значительной несоразмерности масштабов и потенциалов территорий регионов, финансово-бюджетных возможностей и ситуации в сфере социального развития и др.

Одним из этапов федеративного переустройства стал процесс объединения российских регионов – в период с 2003 по 2008 гг. он охватил 11 субъектов Российской Федерации. Всего было реализовано 5 объединительных проектов, в результате чего на карте Российской Федерации появились новые регионы, а общее число субъектов сократилось с 89 до 83 (Пермская область и Коми-Пермяцкий АО образовали Пермский край; Красноярский край, Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский АО – Красноярский край; Камчатская область и Корякский АО – Камчатский край; Иркутская область и Усть-Ордынский Бурятский АО – Иркутскую область; Читинская область и Агинский Бурятский АО – Забайкальский край).

Фундаментальной причиной объединительного процесса стала необходимость совершенствования системы федеративных отношений. В то же время конкретные предпосылки вариативны и по настоящее время являются предметом научных дискуссий. Среди них – чрезмерная политико-правовая асимметрия российского федерализма, экономическое неравенство и частая экономическая несостоятельность регионов, усиление централизации в рамках политики выстраивания вертикали власти, стремление ослабить влияние национальных элит и этнократий. Одна из значимых причин, на наш взгляд – асимметрия территориальной системы России на фоне избыточного количества субъектов федерации, провоцирующая сложности в управленческом процессе.

Основная часть

Россия является федеративным государством с самым большим числом субъектов федерации, часто резко контрастирующих друг с другом. Сильно разнятся территориальные масштабы субъектов (разницы в занимаемых площадях достигают двухпорядковых значений). Широтная протяженность в 9 часовых поясах определяет невозможность взаимодействовать с федеральным центром в течение обычных часов рабочего дня. Отличается демографический потенциал регионов (важнейшая основа политического веса и влияния), вариативным является хозяйственное пространство. Очевидным недостатком подобной ситуации является сложность и низкая эффективность взаимодействия с таким большим количеством участников федеративного процесса с экономической и управленческой точек зрения. Нередко озвучивается мнение, что пробуксовка реформ в нашей стране в 1990-е годы не в последнюю очередь была связана именно с избыточным количеством регионов, в следствии чего наблюдалась высокая степень диффузии властного воздействия на территории [Орлинская, 2011, 122].

Исходя из «типовой нормы управляемости», оптимальное количество процессов / объектов / исполнителей, которыми может управлять одна управляющая структура не должно превышать

7-9 (избыточное количество ведет к ослаблению контроля за их деятельностью). Кроме того, чем сложнее и разнообразнее управляемые объекты (а многообразие российских регионов не исчерпывается их пространственными и демографическими различиями – насчитывается 6 типов субъектов федерации), тем меньше норма управляемости ими. Соответственно, с этой точки зрения федеративное государство с количеством регионов близким к 9 десяткам является малоэффективным механизмом управления.

Данная ситуация актуализирует и проблему кадрового обеспечения – формирование эффективных губернаторских команд в условиях многочисленности субъектов федерации является сложной административной задачей. Расширение числа субъектов федерации в 1990-е гг., включение в систему федеративного государства автономных округов привело к переориентации вертикальных управленческих связей новых субъектов на федеральные органы власти, следствием чего стало увеличение нагрузки на данные структуры, а также потенциальное снижение оперативности и качества принимаемых решений, привело к чрезмерному расширению административных структур. Таким образом, объединение субъектов федерации потенциально решает проблему дефицита региональных управленческих кадров, а также способно привести к сокращению чиновничьего аппарата.

Неудивительно, что уже в 1990-е гг. начались широкие дискуссии (с участием представителей разных наук, а также политических деятелей) о чрезмерности такого числа регионов первого порядка. Озвучивалось мнение, что современная территориально-организационная структура «архаична по своей раздробленности и бессистемности и не имеет аналогов в мире» [Лебедева, 2010, 61]. Лебедева Е.В. делает акцент не столько на избыточном количестве регионов первого порядка, сколько на их масштабе, отмечая тот факт, что они относительно небольшие – в среднем на один субъект федерации приходится менее 2 млн человек (тогда как, например, в штатах США и Бразилии жителей в разы больше), а его площадь составляет около 200 тыс. кв. км (в Бразилии более 300 тыс. кв. км). Представленная данным автором картина является обобщением, поскольку очевидно, что в структуре нашего государства (равно как и в зарубежных примерах) есть субъекты, не укладывающиеся в обозначенные рамки.

В совокупности обозначенные особенности приводят к сложности организации управленческих процессов поскольку региональное управление требует хорошего знания и понимания территории страны. Очевидным решением проблемы является сокращение числа регионов – это упрощает объект управления, уменьшает бюрократию в стране и оптимизирует сложную властную систему, обеспечивает эффективное управление, как из центра, так и на уровне региона. Несомненно, данные аргументы принимались в расчет при запуске объединительных процессов в середине 2000-х гг.

В то же время, представленный подход имеет крайне уязвимые для критики стороны. Например, как справедливо отмечает Я.Г. Ашихмина, часто не учитываются содержательные аспекты интеграции. Принцип «чем меньше, тем лучше» далеко не всегда оправдывает себя в должной мере [Ашихмина, 2010, 200]. В частности, очевидно, что большие территории хуже управляются – проблемы отдаленных окраин находятся не на виду у региональных властей, административные центры менее доступны для населения присоединенного субъекта федерации. В результате объединения регионов количество муниципальных образований в укрупненном субъекте становится избыточным, что снижает управляемость уже на новом уровне – внутрисубъектном.

Задачи, решаемые «упрощением объекта управления» вполне достижимы привлечением

эффективных управленцев, способных грамотно разобраться с проблемными ситуациями. К тому же мировой опыт не дает однозначного ответа на вопрос об оптимальном количестве субъектов федерации – оно в принципе может быть любым (равно как и пространственный масштаб территорий), состав конкретного федеративного государства обусловлен историческими особенностями развития, политическими, экономическими, правовыми критериями [Жидких, 2009, 25]. Количество субъектов зарубежных федераций находится в диапазоне от 2 (Сент-Китс и Невис) до 50 (США).

Следует отметить, что многие исследователи не видят серьезной проблемы в наличии большого числа субъектов федерации, считая, что, напротив, данная ситуация способствует большей стабильности федеративного государства. Например, по мнению Д. Элейзера шансы стать успешным федеративным государством намного выше у федераций, состоящих из большого числа субъектов, а не из нескольких [Elazar, 1987, 247]. Немногочисленные крупные субъекты, составляющие федерацию, могут начать тяготиться опекой федерального центра, развязать противостояние за влияние и ресурсы и, в конце концов, вполне могут осознать себя в виде самостоятельного дееспособного государства, что чревато распадом прежде единой страны. Данная угроза еще более возрастет в случае наличия у укрупненного субъекта внешних границ с соседними государствами. Вероятность того, что многочисленные небольшие субъекты федерации могут начать воспринимать себя в виде независимых образований и проявлять тенденции к сепаратизму находится на существенно более низком уровне. Кроме того, потенциальные конфликты по линии центр-регионы при наличии исключительно небольших субъектов федерации чреваты гораздо менее разрушительными последствиями.

Встречается и мнение, что постулат науки управления (о том, что управленческие решения перестают быть оптимальными при большом количестве управляемых единиц) не применим к сфере отношений федерации и ее субъектов, поскольку многие федеративные государства со значительным числом субъектов управляются вполне эффективно (например, США, Швейцария) [Чиркин, Васильева, Глигич-Золотарева, 2008, 5].

Примечательно, что в отдельные периоды развития отечественной государственности пространственная протяженность российских территорий и их немногочисленность воспринималась как проблема. Например, накануне административно-территориальной реформы Екатерины II «великая обширность» отдельных губерний подавалась в негативном ключе. Собственно, осознание данной проблемы запустило длительный процесс разукрупнения регионов [Бекетов, Федоров, Денисова, 2008, 17]. В результате количество территориальных единиц первого порядка практически утроилось (однако следует отметить, что часть новообразованных губерний / наместничеств возникли не в результате разделения существующих, а благодаря экспансивной внешней политике – разделов Речи Посполитой и успешных войн с Турцией). По схожим причинам крупные края, сформированные в СССР (Дальневосточный, Северо-Кавказский, Северный), просуществовали относительно недолго, и сетка административно-территориального деления вернулась к прежним пространственным параметрам.

Заключение

Таким образом, асимметрия территориального устройства Российской Федерации является одной из предпосылок реформирования субъектного состава, путем укрупнения регионов. Выбор именно данного механизма для преодоления части вызовов, вставших перед российской

государственностью, обусловлен их характером – стремление к нивелированию существенных различий, построению более однородного сообщества в субъекте федерации ведет именно к территориальным преобразованиям (последние могут осуществляться в виде объединения регионов, разукрупнения, передачи части территории от одного к другому и т.п.). При этом многочисленность российских регионов имеет как положительные, так и отрицательные стороны и не является безапелляционным аргументом для территориальных преобразований.

Библиография

1. Ашихмина Я.Г. Интеграционные проекты в современной России: виды и характеристики // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 193-203.
2. Бекетов Н.В. и др. Пространственное разнообразие России: контуры региональной стратегии и факторы рационального развития // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 20. С. 26-37.
3. Жидких В.А. Объединение регионов в контексте федеральной реформы // Обозреватель. 2009. № 4 (231). С. 23-29.
4. Лебедева Е.В. Асимметрия и территориальное устройство как факторы, влияющие на стабильность государства // Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности. М., 2010. 218 с.
5. Орлинская О.М. К вопросу о необходимости совершенствования субъектного состава Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 1 (18). С. 121-124.
6. Чиркин В.Е. и др. Общие закономерности глобализации и субъекты Федерации // Государство и право. 2008. № 6. С. 5-14.
7. Elazar D.J. Exploring Federalism. University of Alabama Press, 1987. 335 p.
8. Bhusal T., Breen M. G. Federalism and local governance: Exploring multilingualism in local decision-making in Nepal // Regional & Federal Studies. – 2021. – С. 1-21.
9. Stewart F. L. Interjurisdictional Immunity, Federal Paramountcy, Co-operative Federalism, and the Disinterested Regulator: Exploring the Elements of Canadian Energy Federalism in the Grant Thornton Case // Banking & Finance Law Review. – 2018. – Т. 33.
10. South A. et al. Between Ceasefires and Federalism: Exploring Interim Arrangements in the Myanmar Peace Process // Yangon: Covenant Consult. – 2018.

Asymmetry of the territorial system as a prerequisite for the consolidation of regions in the development of Russian federalism

Dmitrii V. Davydov

Senior Research Officer,
Department of Social Processes Monitoring,
Scientific Center for Socio-Economic Monitoring,
430005, 39a, Khmel'nitskogo str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: gumanitariy13@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of one of the significant reasons for the change in the subject composition of the Russian Federation in the 2000s, their large number, accompanied by the asymmetry of the territorial system. The number of Russian regions, strikingly different from each other in terms of spatial extent, demographic potential, climatic conditions, resource and raw material base, provoked significant difficulties in organizing management processes. The author cites the arguments of supporters of optimizing the subject composition of the federal state. Among them are the low efficiency of interaction with a large number of participants in the federal process,

the excess of the optimal “controllability norm”, the problem of effective staffing of the regional management system. In addition, the author focuses on the positions of critics of the idea of reducing the number of subjects: as a result of the enlargement of the subjects of the federation, there is a decrease in manageability at the intraregional level, the risk of separatist tendencies increases, etc. The asymmetry of the territorial structure of the Russian Federation is one of the prerequisites for reforming the subject composition, by consolidation of regions. The choice of this particular mechanism to overcome some of the challenges faced by the Russian statehood is due to their nature, the desire to level significant differences, build a more homogeneous community in the subject of the federation leads precisely to territorial transformations.

For citation

Davydov D.V. (2022) Asimetriya territorial'noi sistemy kak predposylka ob'edineniya regionov v protsesse razvitiya rossiiskogo federalizma [Asymmetry of the territorial system as a prerequisite for the consolidation of regions in the development of Russian federalism]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 71-76. DOI: 10.34670/AR.2022.35.43.009

Keywords

Consolidation of regions, reform of federalism, regional contrasts, subjects of the Russian Federation, politics.

References

1. Ashikhmina Ya.G. (2010) Integratsionnye proekty v sovremennoi Rossii: vidy i kharakteristiki [Integration projects in modern Russia: types and characteristics]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Scientific yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 10, pp. 193-203.
2. Beketov N.V., Fedorov V.G., Denisova A.S. (2008) Prostranstvennoe raznoobrazie Rossii: kontury regional'noi strategii i faktory ratsional'nogo razvitiya [Territorial diversity of Russia: contours of regional strategy and factors of rational development]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], 20, pp. 26-37.
3. Chirkin V.E., Vasil'eva T.A., Gligich-Zolotareva M.V. (2008) Obschie zakonomernosti globalizatsii i sub'ekty Federatsii [General patterns of globalization and subjects of the Federation]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 6, pp. 5-14.
4. Elazar D.J. (1987) *Exploring Federalism*. University of Alabama Press.
5. Lebedeva E.V. (2010) Asimetriya i territorial'noe ustroystvo kak faktory, vliyayushhie na stabil'nost' gosudarstva [Asymmetry and territorial structure as factors affecting the stability of the state]. In: *Strany-giganty: problemy territorial'noi stabil'nosti* [Giant countries: Problems of Territorial stability]. Moscow.
6. Orlinskaya O.M. (2011) K voprosu o neobkhodimosti sovershenstvovaniya sub'ektnogo sostava Rossiiskoi Federatsii [On the question of the need to improve the subject composition of the Russian Federation]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], 1 (18), pp. 121-124.
7. Zhidkikh V.A. (2009) Ob'edinenie regionov v kontekste federal'noi reformy [Consolidation of regions in the context of federal reform]. *Obozrevatel'* [Observer], 4 (231), pp. 23-29.
8. Bhusal, T., & Breen, M. G. (2021). Federalism and local governance: Exploring multilingualism in local decision-making in Nepal. *Regional & Federal Studies*, 1-21.
9. Stewart, F. L. (2018). Interjurisdictional Immunity, Federal Paramountcy, Co-operative Federalism, and the Disinterested Regulator: Exploring the Elements of Canadian Energy Federalism in the Grant Thornton Case. *Banking & Finance Law Review*, 33.
10. South, A., Schroeder, T., Jolliffe, K., Non, M. K. C., Shine, S., Kempel, S., ... & Mu, N. W. S. (2018). Between Ceasefires and Federalism: Exploring Interim Arrangements in the Myanmar Peace Process. Yangon: Covenant Consult.

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.15.34.010

Роль институтов гражданского общества в реализации социальной политики (на примере социально-ориентированных некоммерческих организаций)

Зайцева Ирина Александровна

Кандидат политических наук, доцент,
завкафедрой философии и социальных наук,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
399770, Российская Федерация, Елец, ул. Коммунаров, 28;
e-mail: zaitsevairin@mail.ru

Зайцев Дмитрий Сергеевич

Аспирант,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
399770, Российская Федерация, Елец, ул. Коммунаров, 28;
e-mail: dimanz97@bk.ru

Аннотация

В статье анализируется роль институтов гражданского общества в реализации социальной политики. Рассматриваются понятие социальной политики как цели и фактора экономического роста, взаимосвязь экономического развития и социальной сферы и особенности расширенной и ограничительной социальной политики государства. Выявляется механизм реализации социальной политики России, основанный на функционировании государственных программ социального обеспечения, систем социальных услуг, государственных гарантий и минимальных социальных стандартов. Показателем результативности социальной политики государства выступают качество и уровень жизни населения, вследствие чего ключевой целью в данной сфере является формирование социально-ориентированной экономики, подразумевающей государственную поддержку социального предпринимательства в сфере оказываемых государством социальных услуг. Рассматривается место государства в функционировании социальных структур, выявляется роль гражданского общества в решении социальных проблем. Приводятся понятие и критерии гражданского общества и его институтов, выделяются функции последних, по результативности выполнения которых можно судить о сформированности и эффективности гражданского общества в целом. Устанавливается взаимосвязь между институтами гражданского общества и глобальной гражданственностью, развитие которой способствует активному привлечению населения к решению глобальных проблем. Рассматривается положение и уровень сформированности гражданского общества в России. Несмотря на наличие крупных общественных организаций и тенденцию к возникновению новых институтов гражданского общества в виде сетевых сообществ, в целом гражданское общество в России нельзя назвать полностью сформированным. Выявляются препятствующие этому

процессы и явления. Рассматриваются меры поддержки государством социально-ориентированных некоммерческих организаций.

Для цитирования в научных исследованиях

Зайцева И.А., Зайцев Д.С. Роль институтов гражданского общества в реализации социальной политики (на примере социально-ориентированных некоммерческих организаций) // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 77-84. DOI: 10.34670/AR.2022.15.34.010

Ключевые слова

Государство, социальная политика, самоуправление, гражданское общество, институты гражданского общества, социально-ориентированные организации, некоммерческие организации.

Введение

Проблема взаимодействия государства и общества является одной из наиболее актуальных в современном мире проблем [Меньшикова, 2019]. Сосуществование государства и общества представляет собой комплексный процесс взаимных ограничений и контроля, в котором государство, являющееся наделенным властными полномочиями субъектом, дает гражданскому обществу возможность проникать в область своей непосредственной деятельности за счет допуска его различных институтов к реализации ряда собственных внутренних функций, а также осуществлять контроль работы всего государственного механизма. Одним из важных направлений гражданского контроля является политико-социальная жизнь гражданского общества, способствующая его структуризации и систематизации [Мельникова, 2019]. Ключевая задача гражданского общества заключается в участии граждан в решении актуальных социальных проблем, что обуславливает значимость исследования роли его институтов в реализации государственной социальной политики.

Целью работы является изучение роли институтов гражданского общества в реализации социальной политики. Для ее достижения были использованы аналитический, синтетический, индуктивный и дедуктивный методы обработки тематических исследований, научных публикаций и релевантных литературных источников.

Основная часть

Под социальной политикой государства понимается политика, нацеленная на изменение качества и уровня жизни населения, минимизацию противоречий между экономическими акторами и недопущение имеющих экономическую основу социальных конфликтов [Ульянова, Титова, Кузяшев, 2021]. Одновременно с экономическим ростом и приумножением богатства страны ключевой целью экономической деятельности становится создание благоприятных для граждан условий, что обуславливает значение социальной политики как цели экономического роста. Однако социальная политика выступает также фактором экономического роста, поскольку в случае отсутствия его сопровождения ростом благосостояния население теряет стимулы к ведению эффективной экономической деятельности. В то же время повышение текущего уровня экономического развития обуславливает увеличение требований к

обеспечивающим экономический рост людям, их развитию, культуре и знаниям, что требует дальнейшего совершенствования социальной политики. В социальной сфере доминантная роль отводится государственному сектору. При проведении расширенной политики по социальной защите населения социальные программы широко доступны, социальные выплаты носят универсальный характер, а перераспределительная деятельность государства охватывает все сферы жизнедеятельности государства. В случае же ограничительной социальной политики она сводится лишь к функции дополнения традиционных институтов социальной сферы. Реализация социальной политики государства осуществляется посредством формирования системы программ социального обеспечения и соответствующих услуг [Фейфер, Иванова, 2018]. Большая часть социальных программ России, включающих носящие постоянный и разовый характер мер социальной поддержки для наименее защищенных категорий граждан, направлена на экстренное устранение конкретных социальных проблем, но не на их решение. Помимо этого, инструментами социальной политики выступают государственные гарантии, под которыми понимаются законодательно предусмотренные обязательства государства в части реализации конституционно закрепленных прав граждан. Основой государственных гарантий являются минимальные социальные стандарты – нормативы и нормы, устанавливающие минимально допустимый уровень социальной защиты. Показателем результативности социальной политики государства выступают качество и уровень жизни населения, вследствие чего ключевой целью в данной сфере является формирование социально-ориентированной экономики [Абдулкеримов, 2021], что подразумевает создание для всех слоев населения возможности самостоятельного экономического существования вне зависимости от занятости на работе, для чего требуется увеличение масштабности негосударственного сектора экономики посредством государственной поддержки социального предпринимательства в сфере оказываемых государством социальных услуг, поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций.

В современном обществе большая часть социальных проблем должна решаться при объединении сил представляемого органами власти государства и институтов гражданского общества [Кадцын, 2020]. Под гражданским обществом понимается тип устройства общества, для которого свойственно наличие большого числа самостоятельно организующихся социальных движений, объединений и отдельных инициатив. В их создании и работе добровольно участвуют индивиды и социальные группы, реализующие свои частные и групповые интересы посредством выработки общих целей и осуществления соответствующих коллективных действий. Социальная активность членов гражданского общества характеризуется соответствием частных интересов с признанными обществом ценностями и моралью, благом социума и существующими правовыми нормами. Определить эффективность ГО можно, оценивая то, как его институты выполняют следующие функции [Растимешина, Антонов, 2019]: осуществление контроля над деятельностью структур и представителей государства; участие во всех стадиях законотворческого процесса; партнерство с бизнес-структурами и государством с целью обеспечения экономического развития; активность негосударственных СМИ в освещении государственной деятельности и выявлении мнения общества по всем вопросам его развития; работа экспертных сообществ как референтных групп по оценке эффективности и прозрачности деятельности органов государства; работа органов местного самоуправления с ориентацией на местных жителей; мониторинг и независимая оценка деятельности органов власти; осуществление независимой аудиторской проверки эффективности расходования бюджетных средств; контроль соблюдения конституционных

прав и прав человека государственными институтами; взаимодействие с международными арбитражами и организациями. Развитые институты гражданского общества способствуют развитию глобальной гражданственности – образу жизни и мысли, рассматривающему мир как объемную сеть взаимосвязей, в рамках которой все действия и решения, принимаемые отдельными людьми, могут оказывать влияние на общество как на местном, так и на национальном и международном уровнях [Мельникова, 2019], а также проблем в сфере социальной политики.

В России наблюдается постепенное формирование и развитие институтов гражданского общества. К крупнейшим российским общественным организациям относятся просветительское общество «Знание» и благотворительная организация Российский Красный Крест [Доклад..., 2021]. Также в стране фиксируется увеличение численности новых институтов гражданского общества, в качестве которых выступают сетевые сообщества. Часть из них переходит из виртуального пространства в офлайн-формат, оформляясь как традиционные общественные объединения и организации.

Согласно мониторингу состояния гражданского общества Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ был проведен анализ роли НКО в решении социальных проблем общества. По мнению 58% респондентов, общественные организации могли бы в наибольшей степени помочь улучшению ситуации в области социального обеспечения, выявляя реальные нужды социально незащищенных слоев населения и доводя их до властей, 41% считают, что некоммерческие организации могли бы контролировать работу учреждений социальной защиты, а 36% респондентов убеждены, что такие организации могут заняться привлечением в отрасль добровольных пожертвований. 31% участников опроса считают, что некоммерческие организации для улучшения ситуации в области социального обеспечения могут привлекать безвозмездный труд, 22% что они могли бы информировать общество о качестве работы учреждений социальной защиты. 3% опрошенных считают, что некоммерческие организации ничем не могут помочь улучшению ситуации в области социального обеспечения, а 6% затруднились ответить на вопрос [Участие НКО..., 2014, 6].

В современном обществе социально-ориентированные некоммерческие организации (СОНКО) являются одним из активных секторов гражданского общества. Данные организации оперативно реагируют на запросы различных групп и слоев населения, эффективно предоставляют услуги гражданам, участвуют в проектной деятельности, разрабатывают современные технологии и методики помощи разным группам населения.

Обеспечение доступа СОНКО на рынок услуг в социальной сфере реализовано в рамках исполнения послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 03.12.2015 г. Правительством РФ предусмотрены ряд мер поддержки юридических лиц, распространяющихся также на СОНКО. В соответствии с Положением о Министерстве экономического развития РФ, утвержденным постановлением Правительства РФ от 05.08.2008 г. № 437, Минэкономразвития России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО). Вопросы поддержки СОНКО также относятся к полномочиям субъектов РФ. Поручением Правительства РФ от 11.12.2020г. № 11826п-П44 утвержден Комплекс мер по обеспечению поэтапного доступа негосударственных организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление

социальных услуг населению, на 2021-2024 годы. Утвержден план по реализации в 2021-2022г. Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в РФ (утверждена распоряжением Правительства РФ от 15.11.2019г. № 2705-р) [Система поддержки..., www]. На поддержку СОНКО выделено было 53,4 млрд. руб. в 2020г. Выделяются субсидии из федерального бюджета Фондом президентских грантов (Указ Президента РФ от 30.01.2019г. № 30 «О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества»). Только в 2020г. в рамках конкурсов было выделено 10,7 млрд. руб., которые были распределены между 5319 НКО. Общий объем финансовой поддержки, предоставляемой СОНКО из бюджетов субъектов Российской Федерации, в 2020г. составил 58,0 млрд. рублей, количество СОНКО, которым была оказана финансовая поддержка составило 8,4 тыс. В 2020 г. субъекты РФ были реализованы меры, направленные на обеспечение поэтапного доступа СОНКО, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, по следующим направлениям: социальная защита и социальное обслуживание, образование, культура, охрана здоровья граждан, физическая культура и спорт. В 27 субъектах РФ были реализованы меры в рамках направления «молодежная политика». Субъектами РФ СОНКО на реализацию данных направлений в 2020г. было передано 38,1 млрд. руб. (средства распределены между 4,5 тыс. СОНКО, услуги которых получили более 44 млн. чел.) На исполнение услуг в сфере социальной защиты и социального обслуживания 76 субъектов РФ в 2020г. передали средства СОНКО на исполнение услуг в сфере социальной защиты и социального обслуживания (общий объем составил 18,2 млрд. руб.) [Доклад о деятельности..., www].

Заключение

Таким образом, институты гражданского общества занимают важное место в создании и функционировании современной общественной институциональной системы. Среди прочих акторов на них ложится функция преодоления негативных внешних эффектов деятельности бизнеса и государственных структур, решение проблем в сфере социальной политики. НКО становятся профессиональными и могут конкурировать с государственными организациями в решении социальных проблем. Величина и весомость социального капитала гражданского общества прямо пропорциональна силе его переговорных позиций при решении вопросов, затрагивающих реальные аспекты социальной политики и касающихся интересов отдельных граждан, различных социальных групп и всего населения страны, а также от комплекса мер по поддержке социально-ориентированных организаций.

Библиография

1. Абдулкеримов К.К. Социальная политика в современной России: особенности и перспективы // PolitBook. 2021. № 3. С. 137-150.
2. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2021 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2021. 67 с.
3. Доклад о деятельности и развитии социально-ориентированных некоммерческих организаций за 2020 г. URL: [http://nko.economy.gov.ru/upload/docs/doklad-sonko-2021-na-podpis-\(fajl-otobrazheniya\).pdf](http://nko.economy.gov.ru/upload/docs/doklad-sonko-2021-na-podpis-(fajl-otobrazheniya).pdf)
4. Зырянов С.Г., Лукин А.Н. Роль формальных и неформальных институтов в развитии гражданского общества // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 7-18.
5. Кадцын М.В. Роль институтов гражданского общества в механизме противодействия коррупции в РФ // Научно-практические исследования. 2020. № 1-2 (24). С. 41-44.
6. Карлин С., Цой Е. Роль гражданского общества в развитии глобальной гражданственности. URL:

- <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21746>
7. Маковецкая Е.Н. Развитие гражданского общества и его институтов в Российской Федерации в контексте социально-философского анализа // Вестник Омского университета. 2018. Т. 23. № 4. С. 132-138. DOI: 10.25513/1812-3996.2018.23(4).132-138
 8. Мельникова М.А. Формирование институтов гражданского общества в Российской Федерации // Символ науки. 2019. № 10. С. 60-63.
 9. Меньшикова Н.С. Партнерство государства и институтов гражданского общества как предмет анализа в современном зарубежном обществоведении // BENEFICIUM. 2019. № 4 (33). С. 84-93. DOI: [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2019.4\(33\).84-93](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2019.4(33).84-93)
 10. Растимешина Т.В., Антонов Ф.С. Становление и развитие институтов гражданского общества и их взаимодействие с государством // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 1 (21). С. 168-179. DOI: 10.24151/2409-1073-2019-1-168-179
 11. Система поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://nko.economy.gov.ru>
 12. Ульянова А.В., Титова Е.Н., Кузашев А.Н. Значение социальной политики государства в жизни общества // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 12-3 (63). С. 53-57.
 13. Участие НКО в решении социальных проблем в цифрах // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. 2014. № 3. URL: https://www.hse.ru/data/2014/11/26/1101771866/Bulleten3_Web.pdf
 14. Фейфер А.А., Иванова О.В. Определение содержания и инструментария социальной политики государства // Системные технологии. 2018. № 26. С. 121-124.

The role of civil society institutions in the implementation of social policy (using the example of socially oriented non-profit organizations)

Irina A. Zaitseva

PhD in Political Science, Associate Professor,
Head of the Department of Philosophy and Social Sciences
Yelets State University,
399770, 28, Kommunarov str., Yelets, Russian Federation;
e-mail: zaitsevairin@mail.ru

Dmitrii S. Zaitsev

Postgraduate,
Yelets State University,
399770, 28, Kommunarov str., Yelets, Russian Federation;
e-mail: dimanz97@mail.ru

Abstract

The article analyzes the role of civil society institutions in the implementation of social policy. The concept of social policy as a goal and factor of economic growth, the relationship between economic development and the social sphere, and the features of the expanded and restrictive social policy of the state are considered. A mechanism for the implementation of Russia's social policy based on the functioning of state social security programs, systems of social services, state guarantees and minimum social standards is revealed. The place of the state in the functioning of social structures is considered, the role of civil society in solving social problems is revealed. The concept and criteria of civil society and its institutions are given, the functions of the latter are

singled out, the effectiveness of which can be used to judge the formation and effectiveness of civil society as a whole. A relationship is established between the institutions of civil society and global citizenship. The position and level of formation of civil society in Russia are considered. Despite the presence of large public organizations and the trend towards the emergence of new institutions of civil society in the form of network communities, in general, civil society in Russia cannot be called fully formed. The processes and phenomena preventing this are identified, the elimination of which will ensure the development of civil society. Measures to support socially oriented non-profit organizations by the state are considered.

For citation

Zaitseva I.A., Zaitsev D.S. (2022) Rol' institutov grazhdanskogo obshchestva v realizatsii sotsial'noi politiki (na primere sotsial'no-orientirovannykh nekommercheskikh organizatsii) [The role of civil society institutions in the implementation of social policy (using the example of socially oriented non-profit organizations)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 77-84. DOI: 10.34670/AR.2022.15.34.010

Keywords

State, social policy, self-government, civil society, civil society institutions, socially oriented organizations, non-profit organizations.

References

1. Abdulkerimov K.K. (2021) Sotsial'naya politika v sovremennoi Rossii: osobennosti i perspektivy [Social policy in modern Russia: features and prospects]. *PolitBook*, 3, pp. 137-150.
2. (2021) *Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii za 2021 god* [Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2021]. Moscow: Public Chamber of the Russian Federation.
3. *Doklad o deyatelnosti i razvitiy sotsial'no-orientirovannykh nekommercheskikh organizatsii za 2020 g.* [Report on the activities and development of socially oriented non-profit organizations for 2020]. Available at: [http://nko.economy.gov.ru/upload/docs/doklad-sonko-2021-na-podpis-\(fajl-otobrazheniya\).pdf](http://nko.economy.gov.ru/upload/docs/doklad-sonko-2021-na-podpis-(fajl-otobrazheniya).pdf) [Accessed 08/08/2022]
4. Feifer A.A., Ivanova O.V. (2018) Opredelenie soderzhaniya i instrumentariya sotsial'noi politiki gosudarstva [Determination of the content and tools of the social policy of the state]. *Sistemnye tekhnologii* [System technologies], 26, pp. 121-124.
5. Kadtsyn M.V. (2020) Rol' institutov grazhdanskogo obshchestva v mekhanizme protivodeistviya korruptsii v RF [The role of civil society institutions in the mechanism of combating corruption in the Russian Federation]. *Nauchno-prakticheskie issledovaniya* [Scientific and Practical Research], 1-2 (24), pp. 41-44.
6. Karlin S., Tsoi E. *Rol' grazhdanskogo obshchestva v razvitiy global'noi grazhdanstvennosti* [The role of civil society in the development of global citizenship]. Available at: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21746> [Accessed 08/08/2022]
7. Makovetskaya E.N. (2018) Razvitie grazhdanskogo obshchestva i ego institutov v Rossiiskoi Federatsii v kontekste sotsial'no-filosofskogo analiza [Development of civil society and its institutions in the Russian Federation in the context of socio-philosophical analysis]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of the Omsk University], 23, 4, pp. 132-138. DOI: 10.25513/1812-3996.2018.23(4).132-138
8. Mel'nikova M.A. (2019) Formirovanie institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii [Formation of civil society institutions in the Russian Federation]. *Simvol nauki* [Symbol of Science], 10, pp. 60-63.
9. Men'shikova N.S. (2019) Partnerstvo gosudarstva i institutov grazhdanskogo obshchestva kak predmet analiza v sovremennom zarubezhnom obshchestvovedenii [Partnership between the state and civil society institutions as a subject of analysis in modern foreign social science]. *BENEFICIUM*, 4 (33), pp. 84-93. DOI: [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2019.4\(33\).84-93](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2019.4(33).84-93)
10. Rastimeshina T.V., Antonov F.S. (2019) Stanovlenie i razvitie institutov grazhdanskogo obshchestva i ikh vzaimodeistvie s gosudarstvom [Formation and development of civil society institutions and their interaction with the state]. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* [Economic and social-humanitarian studies], 1 (21), pp. 168-179. DOI: 10.24151/2409-1073-2019-1-168-179
11. *Sistema podderzhki sotsial'no-orientirovannykh nekommercheskikh organizatsii* *Ministerstvo ekonomicheskogo*

- razvitiya Rossiiskoi Federatsii* [Support system for socially oriented non-profit organizations Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: <http://nko.economy.gov.ru> [Accessed 08/08/2022]
12. (2014) Uchastie NKO v reshenii sotsial'nykh problem v tsifrah [Participation of NGOs in solving social problems in numbers]. *Informatsionno-analiticheskii byulleten' o razviti grahdanskogo obshchestva i nekommercheskogo sektora v RF* [Information and analytical bulletin on the development of civil society and the non-profit sector in the Russian Federation], 3. Available at: https://www.hse.ru/data/2014/11/26/1101771866/Bulleten3_Web.pdf [Accessed 08/08/2022]
 13. Ul'yanova A.V., Titova E.N., Kuzyashev A.N. (2021) Znachenie sotsial'noi politiki gosudarstva v zhizni obshchestva [The value of the social policy of the state in the life of society]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of the Humanities and Natural Sciences], 12-3 (63), pp. 53-57.
 14. Zyryanov S.G., Lukin A.N. (2020) Rol' formal'nykh i neformal'nykh institutov v razviti grahdanskogo obshchestva [The role of formal and informal institutions in the development of civil society]. *Sotsium i vlast'* [Socium and power], 2 (82), pp. 7-18.

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.43.18.011

Административно-правовые аспекты политики памяти в Российской Федерации

Денисов Юрий Петрович

Кандидат политических наук, доцент,
кафедра административного и финансового права,
Сибирский юридический университет,
644099, Российская Федерация, Омск, ул. Короленко, 12;
e-mail: yurden1984@yandex.ru

Стаурский Евгений Станиславович

Кандидат технических наук, доцент,
кафедра экономической теории и финансового права,
Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
644092, Российская Федерация, Омск, пр. Комарова, 12;
e-mail: Ses-QQ@yandex.ru

Стаурский Станислав Станиславович

Кандидат экономических наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (Омский филиал),
644043, Российская Федерация, Омск, ул. Красногвардейская, 35;
e-mail: Sss-QQ@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу административно-правовых аспектов политики памяти в Российской Федерации. Анализ осуществляется на основе системного подхода, позволяющего рассмотреть механизм публичного администрирования политики памяти как целостный комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. На основе анализа нормативной правовой базы авторы подвергают научному осмыслению административно-правовые основы и систему публичного управления политикой памяти в России. В ходе исследования авторы анализируют нормативные и ненормативные правовые документы, в которых находит свое отражение официальная политика памяти, изучают стратегические и концептуальные векторы, которые задают исторической политике Президент и Правительство Российской Федерации. В результате авторы делают выводы о том, что на сегодняшний день в России сложился мощный и сложно структурированный механизм публичного администрирования политики памяти. На его вершине находится глава государства, фактически определяющий ход мемориальных политико-правовых процессов и координирующий реализацию политики памяти всеми элементами единой системы публичной власти. Для этого механизма создан основательный административно-правовой фундамент, включающий в себя нормы,

устанавливающие отношение государства к определенным историческим феноменам; нормы, наделяющие правами, полномочиями, обязанностями гарантиями различных акторов политики памяти; нормы, устанавливающие административную ответственность за правонарушения, препятствующие реализации государственной политики памяти.

Для цитирования в научных исследованиях

Денисов Ю.П., Стаурский Е.С., Стаурский С.С. Административно-правовые аспекты политики памяти в Российской Федерации // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 85-93. DOI: 10.34670/AR.2022.43.18.011

Ключевые слова

Политика памяти, публичная власть, историческая память, публичное администрирование, политические технологии, политические процессы, политические институты, правовое регулирование, идентичность, органы власти.

Введение

Общероссийское голосование 1 июля 2020 года, одобряющее изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации, стало поворотной точкой в развитии широкого спектра политико-правовых процессов. Самым непосредственным образом это событие затронуло и процессы в сфере политики памяти. Впервые в истории России конституционно были закреплены категории «память предков»¹, «память защитников Отечества» и «защита исторической правды»². С одной стороны, конституционно-правовое закрепление указанных выше категорий в значительной степени стало отражением политических процессов «эпохи всемирного торжества памяти» [Нора, 2009, 41], начало которой приходится еще на 60-е-70-е годы прошлого столетия. С другой стороны, изменение Конституции РФ «представляется символическим шагом, отмечающим смену этапов при сохранении прежнего лидерства» [Малинова, 2021, 28]. Появление конституционных норм, непосредственно посвященных памяти предков, памяти защитников Отечества и защите исторической правды, знаменует новую веху в развитии «мемориального поворота» в российском политическом дискурсе, импульс которому был задан выступлениями В.В. Путина в начале его первого президентского срока, в 2000-2001 годах [Денисов, 2019, 54]. Вместе с тем исследователи констатируют, что именно с принятием в 2020 году поправок в Конституцию РФ защита исторической памяти стала «особым и новым направлением государственной политики Российской Федерации». [Фалалеева, Гаврилова, 2021, 70]. Представляется очевидным, что эффективная реализация данного направления государственной политики невозможна без системной административно-распорядительной и административно-охранительной деятельности, осуществляемой на основе релевантных и четко продуманных законодателем норм административного права. В этой связи целью данной статьи и стало исследование административно-правовых аспектов политики памяти в Российской Федерации.

¹ Ч.2, ст. 67.1 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

² Ч.3, ст. 67.1 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

Основная часть

Политика памяти – сложный и многогранный феномен. С точки зрения В.В. Титова, она может быть рассмотрена как «целенаправленная деятельность национальных политических элит, управляемых ими политико-административных структур, сотрудничающих с государством общественных организаций и массмедиа по формированию (конструированию) и поддержанию определенных исторических представлений в обществе и на внешнеполитической арене» [Титов, 2019, 21]. Вместе с тем политику памяти могут реализовывать различные субъекты, в том числе и не входящие в круг национальных политических элит. В этой связи нам представляется методологически продуктивным использование и определение понятия «официальная политика памяти», предлагаемого А.А. Дорской и Д.А. Пашенцевым. Под официальной политикой памяти они «понимают деятельность государств, направленную на выделение определенных исторических событий и определение на нормативно-правовом уровне позитивного или негативного отношения к ним». Инструментом реализации официальной политики памяти на национальном уровне, по мнению ученых, «служат так называемые мемориальные законы» [Дорская, Пашенцев, 2021, 12]. К числу «мемориальных законов», действующих сегодня на территории Российской Федерации, мы можем отнести: Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»; Закон РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»; Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России»³; Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов»; Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и другие законы.

Вместе с тем административно-правовые нормы, регулирующие политику памяти, содержатся и в федеральных законах, не являющихся мемориальными по своей сути. Например, пункт 6 статьи 21 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» в качестве одного из полномочий Правительства РФ в области науки, образования и культуры устанавливает обеспечение «государственной поддержки и охраны культуры, сохранения как культурных ценностей, имеющих общенациональное (общероссийское) значение, так и культурного наследия народов Российской Федерации».⁴ Другим ярким примером может служить целый ряд статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, направленных на охрану объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации⁵; устанавливающих административную ответственность за проведение археологических полевых работ без разрешения⁶, незаконный оборот археологических предметов⁷, незаконное изменение

³ Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О днях воинской славы и памятных датах России».

⁴ П.6, ст.21 Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации».

⁵ Ст. 7.13, ст. 7.14, ст. 7.14.1, ст. 7.14.2 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 13.07.2022).

⁶ Ст. 7.15 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 13.07.2022).

⁷ Ст. 7.15.1 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 13.07.2022).

правового режима земельных участков, отнесенных к землям историко-культурного назначения⁸, пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики⁹.

По сути, административно-правовые нормы, закрепленные в названных выше законах можно разделить на три типа: нормы, устанавливающие отношение государства к определенным историческим событиям, их участникам, фактам и т.д.; нормы, наделяющие правами, полномочиями, обязанностями гарантиями тех или иных субъектов административно-правовых отношений в области политики памяти; нормы, устанавливающие административную ответственность за правонарушения, препятствующие реализации государственной политики памяти.

Значительная часть административно-правового регулирования осуществляется посредством подзаконных правовых актов. Ключевую роль в их массиве на данном этапе играют указы Президента Российской Федерации 2020-2021 годов, определившие стратегические векторы государственной политики памяти. Важнейшим из них является Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве одного из стратегических национальных приоритетов закреплена защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Она осуществляется в целях укрепления единства народов Российской Федерации на основе общероссийской гражданской идентичности, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития. Одной из первостепенных задач, посредством которых она обеспечивается, является защита исторической правды, сохранение исторической памяти, преемственности в развитии Российского государства и его исторически сложившегося единства, противодействие фальсификации истории.¹⁰

Утверждению Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в 2021 году предшествовало утверждение Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, осуществленное указом Президента РФ в 2020 году. Составной частью одного из основных направлений государственной политики в сфере противодействия экстремизму в области обеспечения участия в ее реализации институтов гражданского общества, согласно данной стратегии, является сохранение исторической памяти и патриотическое воспитание молодежи.¹¹

Еще один указ Президента РФ утвердил Стратегию государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021 – 2030 годы». Согласно данному документу, реализация органами публичной власти задачи по содействию воспитанию казачеством подрастающего поколения в числе прочего предполагает: содействие российскому казачеству в проведении патриотических акций, в том числе связанных с обустройством памятников и мест захоронения воинов, погибших при защите Отечества; осуществление

⁸ Ст. 7.16 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 13.07.2022).

⁹ Ст. 20.3 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 13.07.2022).

¹⁰ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

¹¹ Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года».

мероприятий, посвященных памятным датам истории России, дням славы русского оружия – дням воинской славы, иным датам, связанным с военной историей российского казачества; содействие популяризации исторических мест, связанных с подвигами казаков – защитников Отечества, разработке туристских маршрутов по этим местам в целях сохранения исторической памяти и патриотического воспитания граждан Российской Федерации.¹²

Политические процессы в сфере политики памяти находят свое отражение не только в правовых актах, но и в правоприменительной деятельности органов публичной власти. На вершине единой системы публичной власти, реализующей государственную политику памяти, безусловно, находится Президент Российской Федерации. Он фактически определяет ключевые стратегические направления политики памяти в утверждаемых его указами стратегических документах, в его посланиях Федеральному собранию Российской Федерации, других официальных и неофициальных выступлениях. Президент Российской Федерации, координируя работу всей единой системы публичной власти, фактически координирует и реализацию ими политики памяти. Осуществляет он и взаимодействие в области политики памяти с институтами гражданского общества. Примером может служить предоставление грантов Президента Российской Федерации некоммерческим неправительственным организациям, осуществляющим деятельность по сохранению исторической памяти.¹³ Укреплению исторической памяти служит и наградная политика президента. Например, Государственная премия Российской Федерации имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в области военной науки присуждается, в том числе, за значимые научные работы, исследования и открытия, существенно обогатившие отечественную военную науку и внесшие значительный вклад в укрепление обороноспособности страны и сохранение исторической памяти о событиях отечественной военной истории. Реализуемая главой Российского государства политика памяти является не только частью внутренней, но и частью внешней политики. Как отметил В. В. Путин в своей статье в журнале «The National Interest», «опираясь на общую историческую память, мы можем доверять друг другу и должны это делать. Это послужит прочной основой для успешных переговоров и согласованных действий во имя укрепления стабильности и безопасности на планете и во имя процветания и благополучия всех государств» [Putin, 2020].

Помимо Президента РФ координацию политики памяти в рамках единой системы публичной власти осуществляют Государственный Совет Российской Федерации и Правительство Российской Федерации. В целях выполнения задач и осуществления функций Государственного Совета РФ создаются его комиссии.¹⁴ Особенно важное значение для реализации государственной политики памяти имеют комиссии по направлениям «Образование», «Культура», «Молодежная политика».

Правительство РФ, как уже упоминалось выше, обеспечивает государственную поддержку и охрану культуры, сохранение культурных ценностей, имеющих общенациональное значение, и культурного наследия народов Российской Федерации. Правительство РФ, как и Президент

¹² Указ Президента РФ от 09.08.2020 № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021 - 2030 годы».

¹³ Указ Президента РФ от 30.01.2019 № 30 (ред. от 20.05.2021) «О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества».

¹⁴ Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации».

РФ, также активно взаимодействует с институтами гражданского общества, сочетая императивный и диспозитивный методы государственного управления. Оно предоставляет гранты в форме субсидий из федерального бюджета некоммерческим организациям, в том числе молодежным и детским общественным объединениям, на реализацию мероприятий по сохранению исторической памяти и гражданскому воспитанию.¹⁵ Ряд мероприятий по сохранению исторической памяти осуществляется Правительством РФ в рамках реализации Концепции содействия развитию добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года.¹⁶ Постановлением Правительства РФ утверждена государственная программа Российской Федерации «Развитие образования». К стратегическим национальным приоритетам в сфере ее реализации относится сохранение исторической памяти.¹⁷ Реализация направления по обеспечению равного и свободного доступа граждан к достоверной информации и знаниям предусматривает активное участие библиотек в оказании услуг, направленных на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей и культуры, защиту исторической правды и сохранение исторической памяти.¹⁸

Президент РФ, Государственный совет РФ и Правительство РФ фактически формируют стратегические и концептуальные основы для публичного администрирования политики памяти в Российской Федерации. Публичное администрирование представляет собой деятельность публичной администрации всех ветвей власти по реализации задач и функций государства, а также общественной политики во всех сферах жизнедеятельности личности, общества и государства [Гоголев, 2021, 129].

В качестве основных направлений публичного администрирования политики памяти в Российской Федерации рассматриваются: медийный менеджмент информационных потоков, связанных с понятием, содержанием, уровнями и значением памяти для общества; творческая и издательско-просветительская деятельность; духовно-нравственное воспитание и образование в целом; военно-патриотическая и мемориальная общественная деятельность; наградная политика. [Гаврилов, Гаврилова, 2022, 174]. Данные направления в той или иной степени реализуются всеми элементами единой системы публичной власти на всех уровнях. Однако отдельными федеральными органами исполнительной власти осуществляются специализированные функции в интересующей нас области. К числу таких органов следует отнести: Министерство обороны РФ, Министерство культуры РФ, Министерство науки и высшего образования РФ, Министерство просвещения РФ, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ, Федеральная антимонопольная служба РФ [Дорская, Дорский, 2018, 133], Федеральное архивное агентство РФ и т.д.

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 27.05.2021 № 811 (ред. от 11.12.2021) «Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета некоммерческим организациям, в том числе молодежным и детским общественным объединениям (за исключением казенных учреждений), на реализацию мероприятий по сохранению исторической памяти и гражданскому воспитанию и о признании утратившими сил.

¹⁶ «План мероприятий по реализации Концепции содействия развитию добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950-р)».

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 20.05.2022) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»

¹⁸ Распоряжение Правительства РФ от 13.03.2021 № 608-р (ред. от 15.12.2021) «Об утверждении Стратегии развития библиотечного дела на период до 2030 года»

Заключение

Итак, проведенный нами анализ показал, что эволюционное развитие политико-правовых процессов, начавшихся в России с произошедшим в начале XXI столетия «мемориальным поворотом» в политическом дискурсе, привело к складыванию массивной правовой базы для реализации политики памяти. Административно-правовые нормы, регулирующие политику памяти, включают в себя нормы, устанавливающие отношение государства к определенным историческим феноменам; нормы, наделяющие правами, полномочиями, обязанностями гарантиями различных акторов политики памяти; нормы, устанавливающие административную ответственность за правонарушения, препятствующие реализации государственной политики памяти. Они составляют административно-правовую основу для функционирования сложного механизма публичного администрирования политики памяти, реализуемого всеми элементами единой системы публичной власти.

Библиография

1. Гаврилов Д.А., Гаврилова В.Д. Правовые основы государственной политики памяти в Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1. С. 172-180.
2. Гоголев А.М. Публичное администрирование в контексте Основного закона // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения). СПб., 2021. С. 128-132.
3. Денисов Ю.П. Репрезентация образа Великой Отечественной войны в выступлениях В.В. Путина в начале первого срока президентских полномочий: мемориальный поворот // Дискурс-Пи. 2019. № 2. С. 49-57.
4. Дорская А.А., Дорский А.Ю. Официальная политика памяти в современной России: юридическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. № 2. С. 124-138.
5. Дорская А.А., Пашенцев Д.А. Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 6. С. 5-15.
6. Малинова О.Ю. Конституционный процесс как символическая политика: дискуссии о поправках к Конституции РФ, 1993-2020 // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 17-37.
7. Нора П. Всемирное торжество памяти // Библиотека в эпоху перемен. 2009. Вып. 2. С. 36-46.
8. Титов В.В. Государственная политика памяти в Российской Федерации: векторы трансформации // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 10. С. 20-25.
9. Фалалеева И.Н., Гаврилова В.Д. Защита исторической правды – новое направление государственной политики Российской Федерации // Право и практика. 2021. № 4. С. 65-71.
10. Putin V.V. The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II // The National Interest. 2020. № 168. URL: <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982?page=0%2C5>

Administrative and legal Aspects of Memory Policy in the Russian Federation

Yurii P. Denisov

PhD in Political Science, Associate Professor,
Department of Constitutional and Administrative Law,
Siberian Law University,
644010, 12, Korolenko str., Omsk, Russian Federation;
e-mail: yurden1984@yandex.ru

Evgenii S. Staurskii

PhD in Technical Science, Associate Professor,
Department of Economic Theory and Financial Law,
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
644092, 12, Komarova ave., Omsk, Russian Federation;
e-mail: Ses-QQ@yandex.ru

Stanislav S. Staurskii

PhD in Economics, Associate Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Omsk Branch),
644092, 35, Krasnogvardeyskaya str., Omsk, Russian Federation;
e-mail: Sss-QQ@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of administrative and legal aspects of memory policy in the Russian Federation. The analysis is carried out on the basis of a systematic approach that allows us to consider the mechanism of public administration of memory policy as an integral complex of interrelated and interacting elements. Based on the analysis of the regulatory legal framework, the authors subject the administrative and legal foundations and the system of public management of memory policy in Russia to scientific understanding. In the course of the study, the authors analyze the normative and non-normative legal documents that reflect the official policy of memory, study the strategic and conceptual vectors that the President and the Government of the Russian Federation set for historical policy. As a result, the authors conclude that today in Russia there is a powerful and complexly structured mechanism for public administration of memory policy. At its peak is the head of state, who actually determines the course of memorial political and legal processes and coordinates the implementation of the memory policy by all elements of the unified system of public authority. For this mechanism, a solid administrative and legal foundation has been created, including norms that establish the attitude of the state to certain historical phenomena; norms that confer rights, powers, obligations, guarantees to various actors of memory policy; norms establishing administrative responsibility for offenses that hinder the implementation of the state memory policy.

For citation

Denisov Yu.P., Staurskii E.S., Staurskii S.S. (2022) Administrativno-pravovye aspekty politiki pamyati v Rossiiskoi Federatsii [Administrative and legal Aspects of Memory Policy in the Russian Federation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 85-93. DOI: 10.34670/AR.2022.43.18.011

Keywords

Memory policy, public authority, historical memory, public administration, political technologies, political processes, political institutions, legal regulation, identity, authorities.

References

1. Denisov Yu.P. (2019) Reprerentatsiya obraza Velikoi Otechestvennoi voiny v vystupleniyakh V.V. Putina v nachale pervogo sroka prezidentskikh polnomochii: memorial'nyi povorot [Representation of the image of the Great Patriotic War in the speeches of V.V. Putin at the beginning of the first presidential term: a memorial turn]. *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi], 2, pp. 49-57.
2. Dorskaya A.A., Dorskii A.Yu. (2018) Ofitsial'naya politika pamyati v sovremennoi Rossii: yuridicheskoe izmerenie [Official policy of memory in modern Russia: legal dimension]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg University. Law], 9, 2, pp. 124-138.
3. Dorskaya A.A., Pashentsev D.A. (2021) Ofitsial'naya politika pamyati: sravnitel'nyi analiz zakonodatel'stva i sudebnoi praktiki sovremennykh gosudarstv [Official policy of memory: a comparative analysis of the legislation and judicial practice of modern states]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 17, 6, pp. 5-15.
4. Falaleeva I.N., Gavrilova V.D. (2021) Zashchita istoricheskoi pravdy – novoe napravlenie gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii [Protection of historical truth: a new direction of the state policy of the Russian Federation]. *Pravo i praktika* [Law and practice], 4, pp. 65-71.
5. Gavrilov D.A., Gavrilova V.D. (2022) Pravovye osnovy gosudarstvennoi politiki pamyati v Rossiiskoi Federatsii [Legal foundations of the state policy of memory in the Russian Federation]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1, pp. 172-180.
6. Gogolev A.M. (2021) Publichnoe administrirovanie v kontekste Osnovnogo zakona [Public Administration in the Context of the Basic Law]. In: *Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava (Sorokinskie chteniya)* [Actual Problems of Administrative and Administrative Procedural Law (Sorokin Readings)]. St. Petersburg.
7. Malinova O.Yu. (2021) Konstitutsionnyi protsess kak simvolicheskaya politika: diskussii o popravkakh k Konstitutsii RF, 1993-2020 [The constitutional process as a symbolic policy: discussions on amendments to the Constitution of the Russian Federation, 1993-2020]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 3, pp. 17-37.
8. Nora P. (2009) Vsemirnoe torzhestvo pamyati [World celebration of memory]. *Biblioteka v epokhu peremen* [Library in the era of change], 2, pp. 36-46.
9. Putin V.V. (2020) The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II. *The National Interest*, 168. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982?page=0%2C5> [Accessed 08/08/2022]
10. Titov V.V. (2019) Gosudarstvennaya politika pamyati v Rossiiskoi Federatsii: vektory transformatsii [State policy of memory in the Russian Federation: vectors of transformation]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 10, pp. 20-25.

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.47.36.012

Проблемы и перспективы работающей молодежи в Российской Федерации как субъекта гражданского общества

Войнов Даниил Игоревич

Аспирант,
Северо-западный институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Средний проспект В.О., 57;
e-mail: ruyspb78@gmail.com

Аннотация

В данной статье рассмотрена социальная группа работающей молодежи как структуры гражданского общества с проблемами, которые стоят перед представителями этой молодежи. Рассмотрены роли работающей молодежи и структура взаимодействия работающей молодежи в рамках социального диалога и в контексте развития гражданского общества. Возможности и перспективы работающей молодежи сильно недооценены, а сама работающая молодежь практически исключена из процесса реализации молодежной политики. Механизмы и причины такого отстранения молодежи рассмотрены в данной статье. Уделено внимание процессам трансформации социальной общности молодежи и взглядов молодежи на перспективы развития общества с учетом процессов глобализации. Также рассмотрены типы молодых людей, использующих различные стратегии в построении своего жизненного мира, на основе которых формируются консолидационные процессы в обществе. Работающую молодежь как субъект гражданского общества невозможно переоценить и тем более недопустимо системное упущение этой категории и фактическое ее исключение из процессов молодежной политики или ее восприятие как объекта политических процессов. Работающая молодежь это не просто двигатель развития общества, но и та сама социальная группа, которая является катализатором изменений и фундаментом для развития общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Войнов Д.И. Проблемы и перспективы работающей молодежи в Российской Федерации как субъекта гражданского общества // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 94-103. DOI: 10.34670/AR.2022.47.36.012

Ключевые слова

Гражданское общество, работающая молодежь, самоорганизация, молодежь, молодежные организации, молодежная политика, молодой специалист.

Введение

Молодежь привлекает к себе пристальное внимание государства, общества, общественных и некоммерческих организаций в силу присущей ей активности и мобильности, причем не только географической, но и мобильности взглядов, компетенций, интересов. В Российской Федерации молодежь и молодые граждане определены как социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных частью 3 статьи 6 489-ФЗ), имеющих гражданство Российской Федерации. То есть, всего за 22 года жизни гражданин РФ проходит через колоссальное число трансформаций от условно безответственного подростка, до зрелого ответственного гражданина, способного взять на себя ответственность как за себя, так и за членов своей семьи и любое другое сообщество граждан, доверивших ему эту функцию. Если остановиться на этом тезисе несколько подробно, то по достижению возраста выхода из категории молодежи любой гражданин Российской Федерации может быть избран Президентом в соответствии с конституцией: «Президентом Российской Федерации может быть избран гражданин Российской Федерации не моложе 35 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации не менее 25 лет, не имеющий и не имевший ранее гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства».

Основная часть

Учитывая вышесказанное, сложно воспринимать молодежь как однородную группу социума. Молодежь можно условно разделить на некие подгруппы, так, например, в возрасте от 14 до 18 лет у условного молодого человека происходит выбор начала профессионального и жизненного пути. В этом возрасте необходимо определиться «кем я буду, когда вырасту». Этой подгруппе сложно быть влиятельной в области гражданской активности, однако именно в этом возрасте может произойти радикализация взглядов в совокупности с прочими социальными, экономическими и общественными обстоятельствами. В контексте гражданского общества роль этой подгруппы также минимальна, наиболее активные представители могут быть, разве что, участниками локального самоуправления, движения школьников или членами подростковых клубов. В частности, такая ситуация обусловлена правовой ограниченностью этой условной подгруппы.

В возрасте от 18 до 23 лет происходит формирование уровня образования, наступает некоторая определенность или трансформация взглядов на профессиональные и жизненные перспективы. В этот период молодые люди становятся полноправными участниками гражданского общества и основным признаком такого социального и правового признания является тот факт, что молодые люди становятся участниками рынка труда. Многие молодые люди уже в процессе обучения получают первый трудовой опыт. Что примечательно, именно с 18 лет можно смело определять категорию работающая молодежь. К слову, определения работающая молодежь нет даже в законе «О молодежной политике в Российской Федерации». Из категорий, относящихся к трудящейся молодежи в законе отражено лишь понятие молодой специалист, как впервые устраивающийся на работу в соответствии с полученной квалификацией.

В период с 23 до 30 лет молодой человек совершает качественное преобразование своих жизненных стремлений и идеалов. В этом возрасте происходит самое активное участие в

развитии гражданского общества, происходит определение профессионального вектора, поиск себя как личности, появляются семьи, дети, первое движимое и недвижимое имущество. В этот же период происходит рост личной ответственности. Нельзя исключать и тот факт, что именно в этом возрасте происходит развитие молодого человека как профессионала и большую часть усилий молодежь прилагает именно на трудовом поприще. Парадоксально, но именно в этом возрасте молодежь выпадает из поля зрения структур, реализующих практическую молодежную политику. Доказательством этому служат и многочисленные молодежные форумы, организуемые Агентством по делам молодежи «Росмолодежь» или под ее патронажем. Так на подобных форумах зачастую возраст участников ограничен 30 годами, но среди участников превалирует молодежь студенческого и около студенческого возрастов. Здесь резко демонстрирует себя особенность работающей молодежи, которая в силу вовлечения в рабочие процессы теряет свою мобильность и для участия в подобных мероприятиях должна быть либо направлена в командировку, либо находиться в отпуске. Также через призму гражданского общества нельзя всерьез воспринимать и несформировавшийся до конца институт советов работающей молодежи разных уровней. Объясняется этот факт просто, большинство таких советов созданы искусственно самими органами исполнительной власти или работодателями, с соответствующим финансированием и слабым пониманием специфики работы с работающей молодежью, которая разительно отличается от первых двух условных подгрупп молодежи.

Условная подгруппа молодежи от 30 до 35 лет отличается неким становлением молодого человека уже как крепкого профессионала в трудовом контексте. Если молодой человек активно принимает участие в общественной, политической или иной деятельности, присущей гражданскому обществу, то в большинстве случаев такой активист к 35 годам занимает довольно серьезные позиции в своем направлении или готов их занять. К этому возрасту мы имеем дело практически с полной противоположностью первой возрастной подгруппе 14 – 18-летних молодых людей. И именно эта подгруппа практически полностью выпадает из поля реализации молодежной политики.

Тем не менее условные подгруппы от 23 до 35 лет являются активными участниками гражданского общества. Но парадоксальность ситуации заключается в том, что имея возможности, образование, опыт, энергию и желания, именно молодые люди этих подгрупп не могут полноценно участвовать в реализуемой молодежной политике, но активно участвуют в структурах гражданского общества.

Самым значимым, массовым и активным институтом гражданского общества, который занимается практической реализацией молодежной политики являются профсоюзы. Именно через профсоюзное движение молодые люди могут реализоваться по многим направлениям. Так в концепциях молодежной политики многих профсоюзных организаций и самой крупной в РФ ФНПР указано следующее: «Задача профсоюзных организаций – «содействие привлечению молодежи к профсоюзной деятельности и членству в профсоюзах, активизация профсоюзной работы для обеспечения, подготовки и пополнения профсоюзного актива из числа молодежи, помощь в самоорганизации молодежи с целью реализации ее общественно полезных инициатив и интересов, приучение молодых людей к самостоятельности и инициативе в решении жизненных вопросов; изучение опыта работы с молодежью членских организаций ФНПР, совершенствование форм и методов этой работы; сохранение и развитие социальной инфраструктуры профсоюзов (санаторно-курортных учреждений, спортивных сооружений и баз, учреждений отдыха и туризма, учебных, досуговых центров, клубов), специализирующейся на работе с молодежью и ее обслуживании» [Самойлова, Нерсесян, 2020, 5].

Таким образом работающая молодежь имеет довольно серьезные практические перспективы именно в профсоюзном движении, будучи не задействованной в практической реализации молодежной политики РФ. На то есть ряд объективных причин. Молодежная политика в РФ реализуется по множеству направлений, но никак не касается рынка труда и особенно гарантии первого рабочего места.

Основными же проблемами рынка труда в РФ на сегодняшний день являются:

- невысокая экономическая эффективность занятости;
- отставание рынка образовательных услуг от запросов экономики;
- рост предложения труда в виде совместительства, в целях подработки;
- превышение предложения рабочей силы над спросом;
- растущее расхождение между структурой спроса на рабочую силу и структурой ее предложения;
- нелегальная трудовая миграция;
- низкая конкурентоспособность рабочей силы на мировом рынке труда» [Смоленская, 2018, 56].

К сожалению, ни одна из этих проблем системно не решается грантовой поддержкой, поддержкой проектного развития, поддержкой развития НКО. Именно к этим проблемам приходит среднестатистический молодой человек по завершению обучения и выходя на рынок труда. Одновременно с этим многие профсоюзные организации совместно с работодателями активно занимаются локальным профессиональным развитием молодого человека и мерами поддержки работающей молодежи. Такой подход также способствует самореализации молодежи, поскольку к реализации этих проектов активно привлекаются молодежные комиссии профсоюзных организаций. Также в рамках профсоюзных организаций молодые люди могут реализовать свои возможности и по другим направлениям, улучшая социальное положение своих коллег и близких. А инструменты социального партнерства, доступные профсоюзам и Федерации Независимых профсоюзов России, в частности, позволяют молодежи, благодаря активному участию в работе молодежных советов и комиссий участвовать в развитии гражданского общества.

Однако далеко не вся молодежь сразу после выпуска из учебного заведения работает на крупных предприятиях страны. А именно на крупных предприятия в основном действуют профсоюзные организации сегодня. Малый бизнес и коммерческие структуры зачастую не имеют первичных профсоюзных организаций. Отсюда и вопрос о том, как вовлекается в деятельность гражданского общества работающая молодежь, не «подхваченная» крупнейшими общественными организациями? И с чем сталкивается эта молодежь на рынке труда.

Молодежный рынок труда характеризуется «неустойчивостью спроса и предложения, обусловленных изменчивостью ориентации молодых людей, их социально-профессиональной неопределенностью». И вариантностью — на него попадают выпускники учебных заведений, имеющие самую разнообразную профессиональную подготовку. Вместе с тем молодым «свойственна невысокая конкурентоспособность по сравнению с другими возрастными группами. Молодежь подвергается наибольшему риску потерять работу или же не трудоустроиться. Возможности трудоустройства новой рабочей силы, попадающей на рынок труда в первый раз, сокращаются. Лимитирование спроса снижает возможности трудоустройства выпускников учебных заведений». «Продолжает расти группа молодежи, которая ни у кого не трудится и не обучается» [Богданова, Холопова, 2014].

Складывается парадоксальная ситуация, та часть молодежи, которая до выпуска на рынок

труда была в максимальном фокусе молодежной политики практически не вовлекается в процесс создания благ этого общества, то есть имеет проблемы с трудоустройством. А после трудоустройства и вовсе не вовлекается в процессы молодежной политики, если не включается в работу крупнейших общественных организаций. И без дополнительных стимулов практически исключается из процессов гражданского общества. Такая ситуация может быть поводом для радикализации и вовлечения молодежи в деятельность внесистемной оппозиции.

Нельзя оставить в стороне такие попытки стимулирования молодежной занятости как грантовая поддержка на начало своего бизнеса или проектов, кредитование стартапов и микрофинансирование. Но такая поддержка единична, имеет ограниченный срок действия и многочисленные вопросы по перспективам молодого человека, решившегося на такой рискованный шаг как предпринимательство.

«Для повышения трудоустройства молодого поколения создаются специализированные некоммерческие молодежные предприятия, например молодежные биржи труда, информационные центры, СМИ». Такие некоммерческие структуры, взаимодействующие с властями, — современный тренд на рынке труда [Панина, Пилилян, 2017, 131].

Тем не менее даже то какую трансформацию, хоть и в локальных масштабах претерпевает молодежная занятость можно определить и активность молодежи, ее способность к развитию общества и мощнейший потенциал молодежи. На сегодняшний день набирают популярность организации с развитым самоуправлением, так называемые бирюзовые организации, организации с гибким графиком работы и удаленной занятостью. Даже в таких условиях продуктивная, конструктивно мыслящая молодежь находит решение своих потребностей. В таком ключе молодежь легко воспринимается как субъект гражданского общества, но и здесь не все так просто.

В молодежной среде ее отчетливо выраженные субкультурные отличия делают весьма проблематичной постановку вопроса о субъектности молодежи в целом: «Ее различные когорты обладают неодинаковой субъектностью, а иногда и вовсе не обладают ею. Для некоторых из них типичен сознательный отказ от субъектности. Они вполне удовлетворяются статусом ведомого, порой – социального аутсайдера» [Ушамирский, 2016].

Справедливости ради необходимо отметить, что проблема субъектности молодежи идет бок о бок с процессами маргинализации молодежи, что в свою очередь является процессом созревания молодежи и к возрасту 30 лет молодежь приходит к состоянию полноценных участников гражданского общества, но уже с определенными шаблонами социального поведения. А процесс субъективизации молодежи должен быть основным процессом цельной системной молодежной политики. Без участия общества, гражданского общества и государства в процессах созревания молодежи, в особенности на самых сложных этапах сложно говорить о формировании прочного фундамента развитого гражданского общества.

В таких процессах воспитания как описано выше важную роль играет социокультурный контекст. На сегодняшний день в мире очень большое влияние на подрастающее поколение оказывают процессы глобализации.

«Главная проблема культурной глобализации заключается в том, приводит ли она к культурному единообразию или к новым различиям». Ряд исследователей пишут об американизации, европеизации культуры, считают, что западная культура с ее экономической рациональностью уже доминирует во многих странах. Тем не менее тенденцией последних лет стало «расширение молодежного международного сотрудничества, развитие межкультурного диалога, приверженность молодежи к ненасильственным средствам разрешения конфликтов и

споров на всех уровнях» [Положенцева, 2019, 83].

«Для России характерна высокая активность государства в молодежной политике, а для стран Европы и Америки – негосударственных организаций... К негосударственным организациям, которые проводят молодежную политику, чаще всего относят политические партии, общественные движения и религиозные организации». В то же время в нашей стране, кроме организаций, патронируемых государством (например, Российское движение школьников), действуют также молодежные организации различных политических партий; волонтерские молодежные организации, патронируемые Русской православной церковью (например, «Православные добровольцы»), образовательными учреждениями; экологические организации и др. [там же, 86].

Все эти процессы оказывают влияние и на смену настроений гражданского общества. Так наблюдается факт нарастания протестных настроений в молодежной среде. Здесь можно отследить преемственность, поскольку самой протестной частью нашего общества было именно старшее поколение близкое к пенсионному возрасту. К началу 2000-х молодежь была прагматичной и аполитичной, однако с середины 2010-х российская молодежь стала приближаться по настроениям к западноевропейской, традиционно более активной и протестной.

Протесты российской молодежи в основном связаны с преобразованием ценностей молодежи и той самой неустойчивостью в социально-трудовом контексте.

Молодежь считает, что у нее нет возможности выстроить конструктивный диалог с властями. По результатам опроса, 54% молодых людей «уверены в том, что представители органов власти допускают возможность признания молодежи как социального партнера, но на практике не готовы вступать с ней в отношения социального партнерства». Каждый третий респондент считает, что «власть готова привлекать молодежь в качестве социального партнера лишь для получения дополнительной поддержки собственным решениям» [Шаламова, 2011].

Таким образом, молодежь, вовлеченная в молодежные движения крупнейших общественных организаций и политических партий, напрямую может выступать субъектом социального диалога и выступать одной из сторон социального партнерства. Так, например молодежное звено профсоюзов напрямую может участвовать в работе трехсторонних комиссий регионов и Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, выступая не просто субъектом гражданского общества, но и выстраивать перспективные стратегические отношения. Молодежь, вовлеченная в политические партии и организованная в молодежные крылья, также может проявить себя, субъективизироваться и участвовать в развитии гражданского общества. Но вот та молодежь, которая не охвачена ни одним из указанных инструментов может получить эффект когнитивного диссонанса выходя в «большую жизнь» и трудовые отношения и разлом этот может усугубляться под воздействием социальных проблем, внесистемной оппозиции и попросту маргинализированных элементов.

При этом молодежь имеет огромный потенциал в силу самого своего статуса – статуса стремительно развивающейся части общества. Тем не менее многие исследователи приходят к выводу что современная молодежь достаточно прагматична в своих позициях и взглядах.

Первая позиция связана с мнением, что современная российская элита выбрала консервативный путь развития, а это, как считают участники, преграждает путь движениям другой политической ориентации и будут не так востребованы, поэтому молодым людям, чтобы быть успешными, стоит выбирать консерватизм как самое приемлемое направление. Здесь очень характерен сам исходный посыл: критерием выбора политической установки

оказываются не те или иные убеждения, а сугубо прагматическая оценка перспективности присоединения к той или иной политической силе. Очевидно, что называть «консерваторами» людей, рассуждающих подобным образом, неправомерно.

Вторая позиция является менее прагматической, но явно тяготеет к эклектике, основываясь на попытке соединить элементы социал-демократизма, либерализма, традиционных ценностей. «Наличие структуры ценностей не способно нанести ущерб молодому поколению, а только сформировать правильное представление и создать истинные нравственные и моральные качества». То есть, опять-таки, в отличие от поколений середины XX столетия, наши молодые современники не отождествляют общие идеи с основаниями мотивации конкретных поступков [Чекмарев, Черникова, Яковлев, 2015, 100].

Аналогичным образом рассуждает молодежь и по поводу цивилизационных аспектов выбора модели развития. Высказывания относительно «особого пути» для России соседствуют с признанием важности общеевропейских ценностей. Определенно можно утверждать, что у молодежи слабая восприимчивость к «евразийским» идеям. Единственным примером для подражания названа Япония, причем представление о ней довольно искажено именно как о стране, успешно реализующей модернизацию с некоторым национальным акцентом. Таким образом, и в данной ситуации наблюдается то, как прагматический подход преобладает над ценностным [там же].

Иными словами, в молодежной среде зарождаются новые системы ценностей, что в свою очередь сопровождается возможно становлением новой политической культуры и изменением традиционных социальных общностей.

Такие трансформации в молодежной среде не понятны старшему поколению, непредсказуемы на первый взгляд для традиционных элит, в особенности региональных. Причина тому гораздо более оперативное развитие глобальных процессов в молодежной среде и реакционистское восприятие таких изменений старшим поколением.

Подобные процессы могут стать причиной встревоженности на предмет консолидации общества в сложных экономико-политических и социокультурных условиях. Поскольку консолидация общества практически невозможна без двигателя социального развития – молодежи.

Темп обновления знаний настолько высок, что молодежь оказывается более сведущей, чем старики. Обостряются межпоколенные конфликты, молодежная культура перерастает в контркультуру. Таким образом, социокультурная солидарность молодежи проявляется в изменении жизненных ориентаций и новых форм коммуникаций [Полюшкевич, 2011, 297].

Сами же молодые люди также выстраивают стратегии с опорой на социум и гражданские институты и в данном контексте интересно исследование, которое проходило в два этапа в 2007 и в 2010 г.

В качестве методов исследования применялось анкетирование 1700 человек (из них 840 в 2007 и 860 в 2010 г.) и глубинное интервьюирование (160 интервью, из них 84 в 2007 и 76 в 2010 г.). Объектом исследования стали молодые люди в возрасте от 16 до 29 лет, учащиеся старших классов, учащиеся колледжей и вузов и уже работающие молодые люди [там же, 297].

В процессе исследования были выделены четыре типа молодых людей, использующих различные стратегии в построении своего жизненного мира, на основе которых формируются консолидационные процессы в обществе:

1 тип – молодые люди, ориентированные на жизненный успех (21% в 2007 и 24% в 2010 г.). Им свойственен дух индивидуализма, они высоко ценят суверенитет личности, свободную

конкуренцию, плюрализм мнений и возможностей, достаточно толерантны и терпимы. Данный тип проявляет высокий уровень социальной и личной активности, не боится проявлять инициативу и предприимчивость. *Социальной базой* стратегии успеха выступают молодые люди научно-технического склада, предприниматели, руководители, молодые управленцы и политические деятели.

2 тип – молодые люди, ориентированные на стабильность и благополучие (43% в 2007 и 46% в 2010 г.). Их взгляды более традиционны, они прислушиваются к мнению и опыту старших, весьма осторожны при принятии решений, стараются все не раз обдумать, только потом уже действовать. Это исполнители, но не управленцы. *Социальной базой* данного типа выступают менеджеры среднего звена, консультанты, продавцы и другие работники сферы услуг и пр. Молодые люди этого типа пассивно погружаются в предлагаемые им реальности и пытаются в них найти наиболее пригодные, комфортные и приемлемые ниши для себя. Они являются активными поклонниками и последователями массовой культуры.

3 тип – молодые люди, ориентированные на творческую самореализацию (14% в 2007 и 12% в 2010 годах). Они обладают интуитивным мышлением. Их жизненные устремления ориентированы на формирование собственного мира, они предпочитают творческие профессии, ведут активную культурно-массовую деятельность. Представители *социальной базы* данной группы сконцентрированы в группах педагогов, деятелей литературы, музыкантов, художников, дизайнеров и пр. Жизненный мир этой группы молодых людей ориентирован на себя, они страстно стремятся к свободному самоопределению, спонтанности, автономности, к снятию каких-либо запретов или условий.

4 тип – маргинальный, ориентирован на потребности в настоящем, не задумывается о будущем (22% в 2007 и 18% в 2010 г.). К этой группе относятся маргинальные группы (наркоманы, бомжи и пр.). Для них жизненные миры сводятся зачастую к делинквентному поведению и незаконным способам заработка денег. Критерием качества жизни является наличие случайных денег, легкого заработка (например, в игровых автоматах, грабеже и пр.) [там же, 297-298].

Заключение

На молодежи лежит большая ответственность. Молодежь должна перенять весь опыт общества, освоить достигнутый уровень социального, технического и политического прогресса и обеспечить задел для развития. Кроме того, выход из возраста молодежи предполагает и дальнейшее устойчивое развитие. Работающую молодежь как субъект гражданского общества невозможно переоценить и тем более недопустимо системное упущение этой категории и фактическое ее исключение из процессов молодежной политики или ее восприятие как объекта политических процессов.

Работающая молодежь это не просто двигатель развития общества, но и та сама социальная группа, которая является катализатором изменений и фундаментом для развития общества.

Библиография

1. Богданова О.М., Холопова Л.А. Рынок труда и молодежь // Концепт. 2014. № S9. С. 6-10.
2. Панина А.В., Пилилян Е.К. Молодежь и технологии социально-культурного проектирования в решении проблем молодежи // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 7 (25). С. 127-132.

3. Положенцева И.В. Молодежь в эпоху глобализации // Власть. 2019. № 4. С. 83-86.
4. Полюшкевич О.А. Молодежь и консолидация общества // Вестник ИрГТУ. 2011. № 8 (55). С. 296-300.
5. Самойлова П.Н., Нерсесян Д.С. Анализ проблем и перспектив молодежи на рынке труда в Российской Федерации. М., 2020. 55 с.
6. Смоленская С.В. Проблемы и перспективы развития рынка труда в РФ // Вестник УлГТУ. 2018. № 4. С. 56-59.
7. Ушамировский А.Э. К проблеме субъектности молодежи // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. № 11-3. С. 628-630.
8. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».
9. Чекмарев Э.В., Черникова В.В., Яковлев Л.С. Тенденции деструкции традиционных моделей политической социализации молодежи: контуры политической контркультуры (по результатам регионального исследования) // Философия и культура социума: Подходы, концепции, мнения. 2015. № 2 (47). С. 93-101.
10. Шаламова Л.Ф. Молодежь как субъект управления активизацией социального потенциала молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 5. С. 79-86.

Problems and prospects of working youth in the Russian Federation as a subject of civil society

Daniil I. Voinov

Postgraduate,
Northwestern Institute of Management, RANEPA,
199178, 57, Srednii ave. of Vasilievsky Island,
St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ruyspb78@gmail.com

Abstract

This article considers the social group of working youth as a structure of civil society with the problems faced by representatives of this youth. The roles of working youth and the structure of interaction between working youth in the framework of social dialogue and in the context of the development of civil society are considered. Opportunities and prospects of working youth are greatly underestimated, and working youth themselves are practically excluded from the process of implementing youth policy. The mechanisms and reasons for such exclusion of young people are discussed in this article. Attention is paid to the processes of transformation of the social community of young people and the views of young people on the prospects for the development of society, considering the processes of globalization. The types of young people who use various strategies in building their life world, on the basis of which consolidation processes in society are formed, are also considered. Working youth as a subject of civil society cannot be overestimated, and even more unacceptable is the systemic omission of this category and its actual exclusion from youth policy processes or its perception as an object of political processes. Working youth is not just an engine for the development of society, but also the very social group that is the catalyst for change and the foundation for the development of society.

For citation

Voinov D.I. (2022) Problemy i perspektivy rabotayushchei molodezhi v Rossiiskoi Federatsii kak sub"ekta grazhdanskogo obshchestva [Problems and prospects of working youth in the Russian Federation as a subject of civil society]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 94-103. DOI: 10.34670/AR.2022.47.36.012

Keywords

Civil society, working youth, self-organization, youth, youth organizations, youth policy, young specialist.

References

1. Bogdanova O.M., Kholopova L.A. (2014) Rynok truda i molodezh' []. *Kontsept* [Concept], S9, pp. 6-10.
2. Chekmarev E.V., Chernikova V.V., Yakovlev L.S. (2015) Tendentsii destruktivnoi traditsionnykh modelei politicheskoi sotsializatsii molodezhi: kontury politicheskoi kontrkultury (po rezul'tatam regional'nogo issledovaniya) [Trends in the destruction of traditional models of political socialization of youth: the contours of political counterculture (according to the results of a regional study)]. *Filosofiya i kul'tura sotsiuma: Podkhody, kontseptsii, mneniya* [Philosophy and culture of society: Approaches, concepts, opinions], 2 (47), pp. 93-101.
3. *Federal'nyi zakon ot 30 dekabrya 2020 g. № 489-FZ «O molodezhnoi politike v Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law of December 30, 2020 No. 489-FZ "On Youth Policy in the Russian Federation"].
4. Panina A.V., Pililyan E.K. (2017) Molodezh' i tekhnologii sotsial'no-kul'turnogo proektirovaniya v reshenii problem molodezhi [Youth and technologies of socio-cultural design in solving the problems of youth]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya* [Innovative economy: prospects for development and improvement], 7 (25), pp. 127-132.
5. Polozhentseva I.V. (2019) Molodezh' v epokhu glo1balizatsii [Youth in the era of globalization]. *Vlast'* [Power], 4, pp. 83-86.
6. Polyushkevich O.A. (2011) Molodezh' i konsolidatsiya obshchestva [Youth and consolidation of society]. *Vestnik IrGTU* [IrSTU Herald], 8 (55), pp. 296-300.
7. Samoilova P.N., Nersesyan D.S. (2020) *Analiz problem i perspektiv molodezhi na rynke truda v Rossiiskoi Federatsii* [Analysis of the problems and prospects of young people in the labor market in the Russian Federation]. Moscow.
8. Shalamova L.F. (2011) Molodezh' kak sub"ekt upravleniya aktivizatsiei sotsial'nogo potentsiala molodezhi [Youth as a subject of management of the activation of the social potential of youth]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 5, pp. 79-86.
9. Smolenskaya S.V. (2018) Problemy i perspektivy razvitiya rynka truda v RF [Problems and prospects for the development of the labor market in the Russian Federation]. *Vestnik UIGTU* [UISTU Herald], 4, pp. 56-59.
10. Ushamirskii A.E. (2016) K probleme sub"ektnosti molodezhi [To the problem of subjectness of youth]. *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: trends and development prospects], 11-3, pp. 628-630.

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.56.46.013

О развитии цифровых прав человека в государствах «Группы двадцати» (G20): основные направления и особенности развития

Глушкова Светлана Игоревна

Доктор политических наук,
завкафедрой прав человека,
Гуманитарный университет,
620041, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3;
e-mail: glsvig@yandex.ru

Летунов Евгений Дмитриевич

Специалист-эксперт
Управления Федеральной службы государственной статистики
по Свердловской области и Курганской области;
аспирант,
Гуманитарный университет,
620041, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3;
e-mail: defrazo@yandex.ru

Аннотация

Интенсивная цифровизация общества ведет к эволюции политико-правовых процессов и общественных отношений, в результате чего формируются новые тенденции в области прав человека. В настоящей научной работе рассмотрены два основных направления развития цифровых прав человека, приведены примеры цифровых прав, их потенциально возможное содержание, а также представлены результаты эмпирического исследования развития цифровых прав человека в государствах с наиболее развитой и развивающейся экономикой, входящих в «Группу двадцати» (G20). В условиях интенсивной цифровой трансформации политико-правовых процессов и общественных отношений формируются определенные вызовы и угрозы правам человека, что указывает на необходимость развития адекватного механизма их правового регулирования и качественного переосмысления общепризнанных концепций в области прав человека. Плотная интеграция цифровых технологий в сферы деятельности человека постепенно ведет к развитию все более качественного информационно-цифрового пространства и новой цифровой реальности. Современный этап цифровизации политико-правовых процессов и общественных отношений является неизбежным для нынешнего общества (так как развитие цифровых технологий практически необратимо), из чего следует, что необходимо дискутировать не столько о существовании цифровых прав человека, сколько о механизмах их регулирования, соблюдения и защиты в условиях сложившейся реальности.

Для цитирования в научных исследованиях

Глушкова С.И., Летунов Е.Д. О развитии цифровых прав человека в государствах «Группы двадцати» (G20): основные направления и особенности развития // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 104-119. DOI: 10.34670/AR.2022.56.46.013

Ключевые слова

Цифровые права человека, политико-правовые процессы, общественные отношения, информационно-цифровое пространство, интернет, цифровизация, цифровая трансформация.

Введение

В современном мире цифровизация проникла практически во все сферы человеческой жизнедеятельности, и важно осознавать, что права человека в интернете нуждаются в обеспечении и защите не меньше, чем в реальной жизни. Важно отметить, что число угроз и вызовов правам и свободам человека увеличивается соразмерно степени цифровизации политико-правовых процессов и общественных отношений.

Прежние теоретические концепции в области прав человека формировались на протяжении многих лет, но они не учитывают в себе особенности информационно-цифрового пространства, так как оно появилось сравнительно недавно в результате интенсивного развития цифровых технологий. В течение всего этого времени права человека никогда не оставались неизменными и развивались под влиянием все более новых вызовов на конкретных этапах развития общества и государства. Таким образом, можно сказать, что отрицание цифровых прав человека как новой категории прав недопустимо с позиции эволюции права.

Цифровизация оказывает значительное влияние на трансформацию и развитие политико-правовых процессов и общественных отношений, она стимулирует и ускоряет процессы в области прав человека. В основе данной трансформации лежит объективный процесс интеграции цифровых технологий в экономику, финансы, телекоммуникации, средства массовой информации и иные сферы жизни общества. В исследовании, посвященном вопросу влияния цифровизации на политико-правовые процессы и общественные отношения, С.И. Глушкова и Е.Д. Летунов подчеркивают, что «цифровая трансформация – длительный процесс, по-разному развивающийся в странах мира, во многом зависящий от политических режимов, национальных традиций, политической и правовой культуры, понимания политкорректности в той или иной стране» [Глушкова, Летунов, 2022, 24].

При этом для процесса воздействия цифровизации на права человека характерны такие особенности как:

а) разносторонность и системность воздействия, которые обусловлены особенностью информационно-цифрового пространства, включающего в себя комплекс политико-правовых процессов и общественных отношений;

б) фундаментальный характер влияния, который связан с появлением совершенно новых типов отношений в информационно-цифровом пространстве, не поддающихся описанию через призму общепризнанных теоретических правовых концепций;

в) отсутствие пределов влияния цифровизации на политико-правовые процессы и

общественные отношения в информационно-цифровом пространстве, что обусловлено наличием множества объектов этих отношений и стремительным появлением новых.

В современной научной литературе все чаще прослеживаются позиции в поддержку развития цифровых прав человека как новой категории прав. Как подчеркивал С.С. Алексеев: «Право третьего тысячелетия – это право, которое призвано быть в силу самой логики общественного развития правом цивилизованных народов» [Алексеев, 2009, 131], о чем говорит текущая тенденция развития как новых (цифровых) прав человека в информационно-цифровом пространстве, так и формирование «квазицифровых» прав, посредством расширения применения «классических» прав человека в интернете [Летунов, 2022, 108]. В одной из своих научных работ С.Д. Афанасьев и А.С. Шатилина также указывают на формирование цифровых прав человека как «нового вида (группы) прав человека» [Афанасьев, Шатилина, 2019, 57].

Необходимо отметить, что на развитие цифровых прав человека в современных государствах влияет разнообразие содержания и объема прав человека, которые в них непосредственно признают, соблюдают и защищают. Иными словами, если государство еще не прошло этап признания классических, универсальных прав и свобод человека, которые для большинства цивилизованных государств являются общепризнанной «нормой», то говорить о развитии цифровых прав человека в нем не приходится.

Несмотря на это, интерес к проблематике развития цифровых прав человека в последнее время растет. Причиной тому является главным образом интенсивная цифровая трансформация политико-правовых процессов, общественных отношений и развитие информационно-цифрового пространства, в котором данные отношения протекают. В поддержку данной мысли можно привести цитату А.А. Карцхия, который в одной из своих научных работ подчеркнул, что «создание и широкое использование цифровых технологий породили процессы революционных преобразований в современном обществе – так называемую цифровую революцию, которая последовательно формирует новую социальную, экономическую, политическую и правовую реальность» [Карцхия, 2018, 33].

В пользу цифровизации прав человека также высказался И.В. Гончаров, указав, что формирование и развитие цифровых прав человека является не дискуссионным вопросом, а закономерной тенденцией и выделил в качестве цифровых следующие права человека: «право людей на создание, получение и использование цифровой информации самых различных видов, право пользования коммуникационными сетями и коммуникациями (интернет, различного рода цифровые гаджеты, способные обеспечить мгновенный обмен цифровой информацией), право на конфиденциальность персональной информации, право на неприкосновенность частного информационного пространства и т.д.» [Гончаров, 2019, 99].

Теоретические основы исследования

В результате цифровизации политико-правовых процессов и общественных отношений, по мнению авторов данной работы, формируется как минимум два направления развития цифровых прав человека: «личное информационно-цифровое пространство» и «публичное информационно-цифровое пространство». Оба этих направления находятся в цифровой среде, однако их следует различать. Личное информационно-цифровое пространство включает в себя совокупность информации, цифровых процессов и средств цифрового взаимодействия, предназначенных для удовлетворения собственных цифровых потребностей человека

(например, поиск информации, самообразование, досуг и т.д.), а публичное информационно-цифровое пространство, наоборот, предполагает использование всего вышеуказанного для взаимодействия с общественной частью цифровой среды (например, связь с другими людьми, контактирование с организациями, участие в онлайн-мероприятиях и т.д.).

Далее приведены примеры цифровых прав человека, которые могут способствовать защите интересов и свобод человека в каждом из указанных направлений. Следует отметить, что названия приведенных прав человека являются условными и могут быть скорректированы в ходе их дальнейшего развития, так же, как и содержание, которое указано как потенциально возможное (оно может быть как обобщено, так и конкретизировано).

Первое из данных направлений связано с интенсивной интеграцией цифровых технологий в личное информационно-цифровое пространство, в результате которой возникает необходимость определения ее пределов (для защиты прав и свобод человека).

«Право быть оффлайн» в общем виде имеет широкое назначение и направлено на правовое закрепление возможности человека отключиться от интернета или же ограничить любое взаимодействие с информационно-цифровым пространством по собственному желанию. На сегодняшний день данное право начинает формироваться в области трудовых отношений, при этом прослеживается тенденция к расширению сферы его применения.

Формирование права быть оффлайн связано с тем, что развитие цифровых технологий оказало значительное влияние на привычные трудовые отношения, что привело к появлению удаленной (дистанционной) работы. Подобный вид осуществления трудовой деятельности имеет как определенные преимущества (возможность работать без посещения общего рабочего места, вариативный график работы, совмещение нескольких работ и т.д.), так и недостатки, которые нередко перевешивают преимущества. Одним из таких недостатков является постепенно стирающийся распорядок рабочего дня и отсутствие временных границ в процессе взаимодействия с работодателем – «удаленный рабочий день» может стать «рабочими сутками», так как в условно свободное от работы личное время работодатель имеет возможность взаимодействовать с работником, тем самым сокращая его личное время и пространство.

Отсутствие общепринятого механизма правового регулирования данного вопроса, приводит к тому, что человек не имеет возможности защитить свое личное время и пространство путем полного отключения от интернета. И хотя в ряде европейских государств обсуждается правовое регулирование данного вопроса посредством законодательного закрепления положений о возможности работника защитить свое право быть оффлайн, об общем признании данной проблемы и создании универсального механизма защиты данного права говорить пока рано.

«Право цифровой отмены» основано на концепции, представляющей собой механизм удаления (при необходимости) из интернета цифрового следа человека (совокупности данных о нем). Это необходимо для того, чтобы сетевые алгоритмы не формировали личное информационно-цифровое пространство человека на основе данных, собранных о нем ранее. Человек может изменить свое отношение к чему-либо, «передумать» в отношении своих предпочтений и интересов, а сетевые алгоритмы сохраняют все данные, переданные им ранее. Это может привести к определенному рода сложностям «виртуальной» жизни человека (вплоть до невозможности реализации конкретных действий в интернете). Одним из наиболее негативных последствий для человека в данном случае может быть то, что результаты раннего «девиантного поведения» человека останутся навсегда в его цифровом следе, и даже после своего «исправления» он не сможет отказаться от своей прошлой жизни и начать все «с чистого

листа» (как он мог бы сделать это в реальной жизни, например, сменив документы, удостоверяющие личность, место жительства, внешность и т.д.).

Второе направление развития цифровых прав человека связано с публичным информационно-цифровым пространством. В данном случае в регулировании нуждается взаимодействие личного информационно-цифрового пространства и публичного, в ходе чего могут возникать как политико-правовые процессы, так и общественные отношения.

«Право на чистую и безопасную цифровую среду» связано с тем, что цифровая среда (равно как и физическая) имеет достаточно сложную структуру (в силу особенностей цифровых технологий). Перенасыщенность интернета информацией, качество и достоверность которой оценить порой трудно, приводит к формированию определенного информационного шума, который может оказывать влияние на человека. «Цифровое загрязнение» следует рассматривать так же серьезно, как и экологическое загрязнение, важность которого для человека неоспорима.

Другая часть данного права направлена на обеспечение безопасности цифровой среды, что становится все более актуальным по мере развития цифровых технологий. Чем глубже цифровизация интегрируется в человеческую жизнедеятельность, тем больше данных о человеке оказывается в интернете. Использование этих данных злоумышленниками – вопрос времени. Качественная проработка данного права и формирование механизмов по его обеспечению, соблюдению и защите могут оказать значительное влияние на цифровое благополучие человека.

«Право на защиту от нежелательной информации» является практически полной противоположностью права на доступ к информации. Оно формируется из потребности человека в ограничении поступающей информации, которая является для него нежелательной (с его точки зрения). Одна из проблем информационно-цифрового пространства заключается в том, что информация в нем генерируется стремительно, а ее качество, достоверность и необходимость конкретному пользователю зачастую проверить невозможно. Исходя из этого, следует сформировать механизмы, которые позволят человеку самостоятельно определять – какую информацию он желает получать (иметь к ней доступ).

Подобное самоограничение обусловлено тем, что с развитием цифровых технологий стала возможна оцифровка практически любой доступной информации, ее статистической обработки и прогнозирования. Далеко не вся информация в таком случае может быть полезной для человека, а некоторая и вовсе может оказывать негативное влияние на его жизнь (например, ожидаемая продолжительность жизни человека, вероятность развода, остановки сердца и др.) Подобная информация может нанести значительный вред психологическому состоянию человека, а, следовательно, и его жизни в целом (это связано с тем, что помимо точности таких прогнозов возможен феномен «самоисполняющегося пророчества»).

Методология исследования

Для оценки развития цифровых прав человека в мире авторами данной научной работы проведено исследование, в ходе которого были изучены основные положения законодательства, результаты изучения общественного мнения и научные публикации теоретиков и практиков ряда государств с наиболее развитой и развивающейся экономикой, входящих в G20.

В качестве первого критерия отбора исследуемых государств была выбрана их экономическая развитость (принадлежность G20). Вторым критерием стала степень «цифровой

конкурентоспособности» (digital competitiveness) или же степень их цифровизации. Данный показатель рассчитан Центром мировой конкурентоспособности Международного института развития менеджмента (the World Competitiveness Center of the International Institute for Management Development), на основе которого данной организацией был составлен соответствующий рейтинг государств «World Digital Competitiveness Ranking» за 2021 год [IMD, www].

В ходе исследования были проанализированы общедоступные материалы в следующих государствах (приведены в порядке убывания их ранга «цифровой конкурентоспособности»): Соединенные Штаты Америки, Республика Корея, Канада, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Китайская Народная Республика, Федеративная республика Германия, Австралийский Союз, Французская Республика, Япония, Королевство Саудовская Аравия, Итальянская Республика, Российская Федерация, Республика Индия, Турецкая Республика, Федеративная Республика Бразилия, Республика Индонезия, Мексиканские Соединенные Штаты, Южно-Африканская Республика, Аргентинская Республика.

Объектом исследования стали политико-правовые процессы и общественные отношения, появившиеся в условиях развития цифровых технологий, а предметом – права человека, сформировавшиеся под влиянием цифровизации (цифровые права человека).

Методологическая база исследования включала в себя: общенаучные методы познания (анализ, синтез, дедукция и индукция), а также сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Эмпирической базой исследования являлось обобщение результатов анализа сведений о развитии цифровых прав человека в конкретном государстве из следующих источников: законодательная база, официальные государственные источники, материалы научно-исследовательских работ, материалы, опубликованные на ресурсах экспертных сообществ, материалы средств массовой информации.

Целью исследования был обозначен анализ развития цифровых прав человека в государствах с наиболее развитой и развивающейся экономикой (входящих в G20).

Основная часть

Далее представлен краткий аналитический обзор результатов исследования, а именно – данные о развитии цифровых прав человека в тех государствах, в которых обнаружены признаки (предпосылки) их присутствия или формирования.

Соединенные Штаты Америки. Право быть оффлайн обсуждается в контексте трудовых отношений: федеральные законодатели и законодатели штатов не поддерживают данное право, что негативно сказывается на психическом состоянии работников [Secunda, 2019, 14], но с приходом пандемии COVID-19 идея о «бесконечном рабочем времени» начала привлекать все больше общественного внимания [TechTarget, www]. Право цифровой отмены не упоминается как самостоятельное, но в обществе обсуждается проблема использования персональных данных коммерческими компаниями, что говорит о формировании предпосылок в данном направлении: «стало очевидно в прошлом году, мы на самом деле не знаем, кто видит наши данные и как они их используют. Даже люди, чье дело знать – не знают» [The New Yorker, www]. Элементы права на чистую и безопасную цифровую среду обсуждаются в обществе в связи с отсутствием в США закона о неприкосновенности частной жизни в цифровой среде.

Обсуждение данного вопроса непосредственно связано с формированием общей безопасной цифровой среды [Public Citizen, [www](#)]. Право на защиту от нежелательной информации обсуждается как научным сообществом, так и общественностью, но в медицинском контексте. Утверждается, что цель данного права состоит в обеспечении защиты интересов частной жизни, связанных с медицинскими данными человека [Laurie, 2014, 54].

Республика Корея. Право быть оффлайн рассматривается в контексте трудовых отношений на государственном уровне: с 2016 года в Национальное собрание вносились многочисленные законопроекты об ограничении служебного общения в нерабочее время, но они были отклонены или все еще находятся на рассмотрении [The Korea Times, [www](#)]. Право на чистую и безопасную цифровую среду обсуждается в аспекте формирования мер по борьбе за чистую цифровую среду, так как политическая поляризация оказывает влияние на интернет-культуру Южной Кореи, что приводит к частым кликбейтам (броским новостным заголовкам или материалам, цель которых – «заманить» пользователя на необходимую страницу или к просмотру материала), острым спорам, неприятным личным нападкам и массе недостоверной информации [Korea JoongAng Daily, [www](#)].

Канада. Право быть оффлайн закреплено в законодательстве, но лишь в контексте трудовых отношений: закон о работе для трудящихся от 2 декабря 2021 года (Working for Workers Act – Bill 27) определяет данное право как «отказ от общения, связанного с работой, включая электронную почту, телефонные звонки, видеозвонки или отправку или просмотр других сообщений» [Government of Ontario, [www](#)]. Что касается права на чистую и безопасную цифровую среду, то особой актуальности в Канаде оно не имеет на сегодняшний день. Но в 2007 году член парламента Джой Смит (Joy Smith) предложил законопроект о «чистом интернете» (Clean Internet Act – Bill C-427) [Parliament of Canada, [www](#)], который подразумевал борьбу с распространением детской порнографии, материалов, пропагандирующих или разжигающих расовую ненависть, а также материалов, изображающих или пропагандирующих насилие в отношении женщин в интернете [Canada's online legal magazine, [www](#)]. Правительство Канады также работает над обеспечением безопасности граждан: в 2018 году оно объявило о создании национальной стратегии кибербезопасности (National Cyber Security Strategy), которая включает в себя усиление руководства по кибербезопасности, формирование центра кибербезопасности и создание национальной координационной группы по киберпреступности [Government of Canada, [www](#)].

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. В Великобритании право быть оффлайн не закреплено, но активно обсуждается в обществе [Right to disconnect UK, [www](#)]. При этом правительство Северной Ирландии приняло свод правил, касающихся права работников быть оффлайн (Code of practice for employers and employees on the right to disconnect), который вступил в силу 1 апреля 2021 года [Workplace relations commission, [www](#)]. В Великобритании прослеживаются предпосылки к развитию права на чистую и безопасную цифровую среду: в обществе обсуждаются меры контроля в данном направлении, посредством фильтрации доступа к интернет-ресурсам. Так, например, в 2017 году бывший премьер-министр Великобритании продвигал план борьбы с доступом к порнографии из общедоступных Wi-Fi сетей, что непосредственно связано с формированием чистой и безопасной цифровой среды [Wired UK, [www](#)]. В 2020 году правительством Великобритании был рассмотрен ряд вопросов, связанных с интернет-угрозами: подстрекательством к насилию, насильственным контентом, поощрением самоубийств, дезинформацией, киберзапугиванием и доступом детей к

неуместным материалам [Government of the UK, www].

Китайская Народная Республика. Право быть оффлайн обсуждается на государственном и общественном уровнях, но лишь в контексте трудовых отношений. 27 августа 2021 года Верховный народный суд Китая и Министерство людских ресурсов и социального обеспечения совместно подтвердили, что работодатели не могут требовать от работников работать в режиме «9-9-6» (название обычной практики работы с 9 утра до 9 вечера шесть дней в неделю) [SHRM, www]. Право на чистую и безопасную цифровую среду не упоминается как самостоятельное, но обсуждаются проблемы в данном направлении. Так, в рамках «Китайской интернет-конференции» (China Internet Conference), которая проходила с 13 по 15 августа 2013 года, была принята резолюция под названием «Seven Base Lines», содержащая свод правил и рекомендаций к поведению в цифровой среде, направленных на повышение ее чистоты и качества [The China Media Project, www]. Также в обществе присутствуют дискуссии в отношении того, что Китай уделяет больше внимания доступу правительства к данным, чем защите конфиденциальности отдельных лиц и компаний. И хотя Китай внес дополнения в свои законы о кибербезопасности и защите данных, каждый новый шаг предоставляет больше власти именно правительству и Коммунистической партии Китая [CSIS, www].

Федеративная республика Германия. Законодательство данного государства не содержит буквально право быть оффлайн, но вместо этого в Германии присутствуют закон об осуществлении мер по обеспечению безопасности и гигиены труда в целях поощрения улучшений в области безопасности и гигиены труда трудящихся (the Act on the Implementation of Measures of Occupational Safety and Health to Encourage Improvements in the Safety and Health Protection of Workers at Work) от 7 августа 1996 года, закон о рабочем времени (the Working Hours Act) от 19 июня 1994 года, а также Директива 2003/88/ЕС Европейского парламента и Совета от 4 ноября 2003 года (Directive 2003/88/EC of the European Parliament and the Council), которые устанавливают определенные правовые ограничения в отношении постоянной доступности работников [Lexology, www]. Право на чистую и безопасную цифровую среду также не закреплено в законодательстве, но в обществе обсуждают право выбора устройств для доступа к цифровой среде, что является «основным условием нейтральной, безопасной и здоровой цифровой среды», так как «если вы не можете контролировать свой маршрутизатор, он не является свободным, и ваша цифровая свобода, вероятно, будет скомпрометирована» [FSFE, www]. Также в обществе прослеживаются предпосылки к формированию права цифровой отмены, однако пока лишь в медицинском контексте. Утверждается, что для обеспечения защиты интересов частной жизни, связанных с медицинскими данными человека, он должен иметь право не знать о результатах своих генетических исследований [Gesetze im Internet, www].

Австралийский Союз. Право быть оффлайн обсуждается в контексте трудовых отношений и исключительно в штате Виктория. В апреле 2021 года Комиссия по справедливому труду (the Fair Work Commission) одобрила соглашение о переговорах с предприятиями (Enterprise Bargaining Agreement) для почти 17 000 сотрудников полиции штата Виктория, предоставив им возможность быть оффлайн. Тем не менее, это означает, что существуют предпосылки к развитию данного права и распространению его на всех трудящихся [LSJ Online, www]. Что касается права на чистую и безопасную цифровую среду, то здесь необходимо отметить, что в июне 2021 года был принят закон о безопасности в интернете (Online Safety Act 2021) для обеспечения безопасности в цифровой среде посредством создания механизмов борьбы с рядом

определенных угроз [Landers & Rogers, www].

Французская Республика. Право быть оффлайн закреплено в законодательстве, но в контексте трудовых отношений. Оно введено в Трудовой кодекс Франции статьей L. 3121-64 закона о труде (LOI № 2016-1088 relative au travail, à la modernisation du dialogue social et à la sécurisation des parcours professionnels) от 8 августа 2016 года [Legifrance, www]. Право на чистую и безопасную цифровую среду отсутствует как самостоятельное, но существует закон о цифровой республике (LOI № 2016-1321 pour une République numérique) от 7 октября 2017 года, в котором закреплены положения по ряду вопросов, касающихся безопасности цифровой среды (распространение данных и знаний, защита отдельных лиц в цифровой среде, всеобщий доступ к технологиям передачи данных и др.). Подобная мера указывает на формирование общей безопасной цифровой среды во Франции [Latham & Watkins, www].

Япония. Право быть оффлайн обсуждается в обществе в контексте трудовых отношений. Повышение внимания к данной проблеме связано с тем, что на фоне пандемии COVID-19 практика удаленной работы распространилась, а средства связи стали более удобными, и многие люди устали от рабочих звонков и электронных писем, отдыхая дома в нерабочее время [The Mainichi, www].

Итальянская Республика. Право быть оффлайн закреплено в законодательстве, но в контексте трудовых отношений: оно установлено статьей 19 закона о мерах по защите непредпринимательской самозанятости и мерах по содействию гибкой артикуляции во время и в местах подчиненной занятости (Measures to safeguard non-entrepreneurial self-employment and measures to facilitate flexible articulation in times and places of subordinate employment – Senate Act № 2233-B) [European Labour Law Journal, www]. Право цифровой отмены прямо не упоминается в обществе, но существуют правовые предпосылки к его развитию (в медицинском контексте): в статье 10 абзаца 2 итальянской Конвенции Овьедо (Oviedo Convention 1997) указано, что «каждый человек имеет право знать всю собранную информацию о своем собственном здоровье. Однако воля лица, не подлежащего информированию, должна уважаться» [Frontiers, www].

Российская Федерация. Право быть оффлайн обсуждается в российском обществе, но в контексте трудовых отношений. Однако стоит отметить, что Федеральным законом РФ «О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» от 8 декабря 2020 года № 407-ФЗ в Трудовой кодекс РФ внесено положение, согласно которому «время взаимодействия дистанционного работника с работодателем включается в рабочее время» (статья 312.4), но при этом нет права не взаимодействовать [Российская Газета, www]. Право на чистую и безопасную цифровую среду не упоминается как самостоятельное, но на государственном уровне и в обществе обсуждаются вопросы, связанные с безопасностью цифровой среды. Так, Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека в 2021 году представил доклад на тему: «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве», в котором затронут ряд вопросов, связанных с безопасностью цифровой среды [Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, www]. Следует отметить, что некоторые предпосылки к формированию права цифровой отмены также обсуждаются в обществе, а некоторые закреплены в законодательстве [Адвокатская газета, www]. Так, например, данные предпосылки прослеживаются в медицинском контексте в статье 22

Федерального закона РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ: «информация о состоянии здоровья не может быть предоставлена гражданину против его воли», то есть человек сам имеет право принять решение об отказе в предоставлении ему такой информации и он имеет право не знать о состоянии своего здоровья.

Республика Индия. Право быть оффлайн обсуждается в правительстве и обществе, но в контексте трудовых отношений: в 2018 году законопроект о праве быть оффлайн (Right to Disconnect Bill) был внесен на рассмотрение в Лок Сабха (Lok Sabha – Народная палата парламента Индии) депутатом парламента Суприей Сейлом (Supriya Sule). Законопроект предполагал, что никакие дисциплинарные меры не могут быть приняты, если сотрудник не отвечает на звонки, связанные с работой, в нерабочее время. Законопроект не мог быть принят, поскольку это был законопроект частного члена (ни один такой законопроект не был принят в Индии с 1970 года) [The Wire, www].

Мексиканские Соединенные Штаты. Право быть оффлайн частично упоминается в федеральном законе о труде (Ley Federal del Trabajo) от 18 мая 2022 года, который вводит право работника быть оффлайн. Таким образом правительство намерено бороться с «чрезмерной связью» и обуздать риск «выгорания». В содержании закона указано, как именно будут устанавливаться условия предоставления и использования этого права, что является попыткой предотвратить «враждебные действия» в отношении работников, которые его реализуют [Planet Labor, www].

Южно-Африканская Республика. Право быть оффлайн обсуждается в обществе, но в контексте трудовых отношений, при этом законодательство Южно-Африканской Республики прямо не признает право быть оффлайн. Право на справедливую трудовую практику, содержащееся в статье 23 Конституции ЮАР, может быть истолковано как расширяющее данное право до права быть оффлайн. Однако трудовое законодательство, принятое для его осуществления, прямо не распространяет право быть оффлайн, а лишь обеспечивает частичную защиту от эксплуатации работников вне обычного рабочего времени [Daily Maverick, www].

Аргентинская Республика. Право быть оффлайн обсуждается как в обществе, так и на уровне государства, но в контексте трудовых отношений. 30 июля 2020 года Сенат Аргентины принял закон о дистанционной работе (Régimen legal del contrato de teletrabajo ley 27555), в котором закреплено право работников быть оффлайн вне рабочего дня и в праздничные дни [Boletín oficial de la República Argentina, www]. Право на чистую и безопасную цифровую среду в данном государстве не упоминается, но Аргентина и Европейский Союз взаимодействуют в рамках проекта международного цифрового сотрудничества по защите данных и потоков данных (co-operating on the International Digital Cooperation project on data protection and data flows), чтобы обеспечить развитие безопасной и правильной международной цифровой сферы. В 2019 году Аргентина запустила Национальную стратегию кибербезопасности для обеспечения безопасного киберпространства для отдельных лиц и государственных и частных организаций (the Cybersecurity National Strategy to provide safe cyberspace for individuals and public and private organisations). Мероприятия в данном направлении говорят о формировании общей безопасной цифровой среды [OECD iLibrary, www].

Заключение

Результаты исследования развития цифровых прав человека в государствах с наиболее развитой и развивающейся экономикой (входящих в G20) указывают на то, что признаки (предпосылки) развития цифровых прав человека присутствуют далеко не во всех исследуемых государствах. Можно сделать вывод о том, что экономическая развитость государств и степень их «цифровой конкурентоспособности» не гарантируют развитие прав человека под влиянием цифровизации (в том числе появление цифровых прав человека).

Разумеется, степень цифровизации политико-правовых процессов и общественных отношений в пределах разных государств не может быть одинаковой (в силу объективных причин), так как это зависит от уровня цифровизации конкретного государства. Так, например, наличие цифровых прав человека и дискуссий, связанных с ними, существенно различаются во Французской Республике и Королевстве Саудовская Аравия, что объяснимо разными уровнями цифровизации данных государств и приоритетами общества в них. Но, будет справедливым подчеркнуть, что под влиянием цифровизации неизбежно будут трансформироваться прежние правовые теории, а также появляться совершенно новые модели, основанные на особенностях информационно-цифрового пространства даже в тех государствах, в которых не были обнаружены цифровые права человека (либо признаки их формирования).

Несомненно, в условиях интенсивной цифровой трансформации политико-правовых процессов и общественных отношений формируются определенные вызовы и угрозы правам человека, что указывает на необходимость развития адекватного механизма их правового регулирования и качественного переосмысления общепризнанных концепций в области прав человека. Плотная интеграция цифровых технологий в сферы деятельности человека постепенно ведет к развитию все более качественного информационно-цифрового пространства и новой цифровой реальности. Современный этап цифровизации политико-правовых процессов и общественных отношений является неизбежным для нынешнего общества (так как развитие цифровых технологий практически необратимо), из чего следует, что необходимо дискутировать не столько о существовании цифровых прав человека, сколько о механизмах их регулирования, соблюдения и защиты в условиях сложившейся реальности.

Библиография

1. Адвокатская газета: Право знать или право не знать? URL: <https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/pravo-znat-ili-pravo-ne-znat/>
2. Алексеев С.С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. М.: Норма, 2009. 176 с.
3. Афанасьев С.Д., Шатилина А.С. «Цифровизация» конституционного права: личные и политические права в информационном обществе // Информационное общество. 2019. № 3. С. 53-58.
4. Гончаров И.В. Современные подходы к реализации прав человека в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9 (61). С. 97-102.
5. Глушкова С.И., Летунов Е.Д. К вопросу о влиянии цифровизации на политико-правовые процессы и общественные отношения // Вестник Гуманитарного университета. 2022. № 1 (36). С. 24-30.
6. Карцхия А.А. Цифровая трансформация и права человека // Русская политология. 2018. № 4 (9). С. 33-38.
7. Летунов Е.Д. Цифровые права человека в информационно-цифровом пространстве // Новые голоса в науке: идеи и проекты – 2022. Екатеринбург, 2022. С. 106-112.
8. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с изм. от 01.09.2022).
9. Российская Газета: Госдума приняла закон об удаленной работе. URL: <https://rg.ru/2020/12/08/gosduma-priniala-zakon-ob-udalennoj-rabote.html>

10. Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека: «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве» (доклад). URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/spch_podgotovil_doklad_o_polozhenii_del_s_pravami_i_svbodami_cheloveka_i_grazhdanina_v_tsifrovom_pr/
11. Boletín oficial de la Republica Argentina: Legislación y Avisos Oficiales. URL: <https://www.boletinoficial.gob.ar/detalleAviso/primera/233626/20200814>
12. Canada's online legal magazine: Clean Internet Act (Bill C-427). URL: <http://www.slaw.ca/2007/04/20/clean-internet-act-bill-c-427/>
13. CSIS: Who benefits from China's cybersecurity laws. URL: <https://www.csis.org/blogs/new-perspectives-asia/who-benefits-chinas-cybersecurity-laws>
14. Daily Maverick: The digital ties that bind – South Africans need the right to disconnect and slip the work leash. URL: <https://www.dailymaverick.co.za/article/2021-11-03-the-digital-ties-that-bind-south-africans-need-the-right-to-disconnect-and-slip-the-work-leash/>
15. European Labour Law Journal: An unprecedented social solidarity stress test. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2031952520934585>
16. Frontiers: German and Italian users of web-accessed genetic data: Attitudes on personal utility and personal sharing preferences. Results of a comparative survey. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fgene.2020.00102/full>
17. FSFE: Router Freedom: regaining sovereignty over your digital equipment. URL: <https://fsfe.org/news/2019/news-20191028-01.en.html>
18. Gesetze im Internet: Gesetz über genetische Untersuchungen bei Menschen. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gendg/GenDG.pdf>
19. Government of Canada: Canada's Digital charter in action: a plan by Canadians, for Canadians. URL: https://www.ic.gc.ca/eic/site/062.nsf/eng/h_00109.html
20. Government of Ontario: Working for Workers Act. URL: <https://www.ontario.ca/laws/statute/s21035>
21. Government of the UK: UK to introduce world first online safety laws. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-to-introduce-world-first-online-safety-laws>
22. IMD: World Digital Competitiveness Ranking. URL: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness/>
23. Korea JoongAng Daily: Inside a developer's crusade for a clean internet. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2018/05/09/socialAffairs/Inside-a-developers-crusade-for-a-clean-internet/3047929.html>
24. Landers & Rogers: Cyber security in Australia: Passed and pending legislation and changes on the horizon. URL: <https://www.landersonline.com.au/legal-insights-news/cybersecurity-in-australia-passed-and-pending-legislation#:~:text=Online%20Safety%20Act%202021&text=The%20Act%20creates%20a%20first,intention%20of%20causing%20serious%20harm>
25. Latham & Watkins: French digital Republic law expands rights of users and regulators. URL: <https://www.lw.com/thoughtLeadership/French-digital-republic-law-english>
26. Laurie G. Recognizing the Right Not to Know: Conceptual, Professional, and Legal Implications // J Law Med Ethics. 2014. P. 53-63.
27. Legifrance: Article L3121-64. Code du travail. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000033003350/2016-08-10
28. Lexology: Switching on to switching off: disconnecting employees in Europe. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=2f2f48c4-9e5b-4a1f-b166-a2b0fec80ce5>
29. LSJ Online: Do we deserve the right to disconnect? URL: <https://lsj.com.au/articles/right-to-disconnect/>
30. OECD iLibrary: Latin American economic outlook 2020. Digital transformation for building back better. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/3cd07087-en/index.html?itemId=/content/component/3cd07087-en>
31. Parliament of Canada: Private member's Bill C-427. URL: <https://www.parl.ca/DocumentViewer/en/39-1/bill/C-427/first-reading#1>
32. Planet Labor: Mexico introduces the right to digital disconnection. URL: <https://www.planetlabor.com/en/legal-developments/national-legislation/mexico-introduces-the-right-to-digital-disconnection/>
33. Public Citizen: Privacy and digital rights for all. URL: <https://www.citizen.org/about/coalitions/digitalrights4all/>
34. Right to disconnect UK: Official campaign of the right to disconnect in the UK. URL: <https://righttodisconnectuk.com/>
35. Secunda P.M. The Employee Right to Disconnect // Notre Dame Journal of International & Comparative Law. 2019. № 9 (1). P. 41.
36. SHRM: China prohibits excessive overtime work. URL: <https://www.shrm.org/resourcesandtools/hr-topics/global-hr/pages/china-prohibits-excessive-overtime-work.aspx>
37. TechTarget: The right to disconnect vs. America's always-on culture. URL: <https://www.techtarget.com/searchhrsoftware/news/252502217/The-right-to-disconnect-vs-Americas-always-on->

- culture
38. The China Media Project: China's «seven base lines» for a clean internet. URL: <https://chinamediaproject.org/2013/08/27/china-defines-seven-base-lines-for-a-nicer-internet/>
 39. The Korea Times: Workers seek «right to disconnect». URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/12/281_321292.html
 40. The Mainichi: Japan Inc. grapples with «right to disconnect» amid telework-fueled boost in work texts. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20211224/p2a/00m/0na/085000c>
 41. The New Yorker: Why do we care so much about privacy? URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2018/06/18/why-do-we-care-so-much-about-privacy>
 42. The Wire: Is it time for a right to disconnect? URL: <https://thewire.in/rights/is-it-time-for-a-right-to-disconnect>
 43. Wired UK: How David Cameron's clean web crusade created the porn block. URL: <https://www.wired.co.uk/article/porn-block-analysis-good-clean-internet>
 44. Workplace relations commission: Code of practice for employers and employees on the right to disconnect. URL: https://workplacelrelations.ie/wrc/en/what_you_should_know/codes_practice/code-of-practice-for-employers-and-employees-on-the-right-to-disconnect.pdf

On the development of digital human rights in the states of the “Group of Twenty” (G20): the main directions and features of development

Svetlana I. Glushkova

Doctor of Political Science,
Head of the Department of Human Rights,
University for Humanities,
620041, 3, Zheleznodorozhnikov str., Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: eglsvig@yandex.ru

Evgenii D. Letunov

Specialist-Expert of the Department of the Federal State Statistics Service
in Sverdlovsk and Kurgan regions;
Postgraduate,
University for Humanities,
620041, 3, Zheleznodorozhnikov str., Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: defrazo@yandex.ru

Abstract

The intensive digitalization of society leads to the evolution of political and legal processes and social relations, resulting in the formation of new trends in the field of human rights. This scientific work considers two main directions in the development of digital human rights, provides examples of digital rights, their potential content, and also presents the results of an empirical study of the development of digital human rights in the countries with the most developed and developing economies, members of the G20. In the conditions of intensive digital transformation of political and legal processes and social relations, certain challenges and threats to human rights are emerging, which indicates the need to develop an adequate mechanism for their legal regulation and a qualitative rethinking of generally recognized concepts in the field of human rights. The tight integration of digital technologies into the spheres of human activity is gradually leading to the

development of an increasingly high-quality information and digital space and a new digital reality. The current stage of digitalization of political and legal processes and public relations is inevitable for the current society (since the development of digital technologies is almost irreversible), which means that it is necessary to discuss not so much the existence of digital human rights as the mechanisms for their regulation, observance and protection in conditions of the prevailing reality.

For citation

Glushkova S.I., Letunov E.D. (2022) O razvitií tsifrovyykh prav cheloveka v gosudarstvakh «Gruppy dvadtsati» (G20): osnovnyye napravleniya i osobennosti razvitiya [On the development of digital human rights in the states of the “Group of Twenty” (G20): the main directions and features of development]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanií* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 104-119. DOI: 10.34670/AR.2022.56.46.013

Keywords

Digital human rights, political and legal processes, public relations, information and digital space, Internet, digitalization, digital transformation.

References

1. *Advokatskaya gazeta: Pravo znat' ili pravo ne znat'?* [Lawyer's newspaper: The right to know or the right not to know?]. Available at: <https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/pravo-znat-ili-pravo-ne-znat/> [Accessed 08/08/2022]
2. Afanas'ev S.D., Shatilina A.S. (2019) «Tsifrovizatsiya» konstitutsionnogo prava: lichnye i politicheskie prava v informatsionnom obshchestve [Digitalization of constitutional law: personal and political rights in the information society]. *Informatsionnoe obshchestvo* [Information society], 3, pp. 53-58.
3. Alekseev S.S. (2009) *Taina i sila prava. Nauka prava: novye podkhody i idei. Pravo v zhizni i sud'be lyudei* [Mystery and the power of law. Science of law: new approaches and ideas. Law in the life and destiny of people]. Moscow: Norma Publ.
4. *Boletín oficial de la Republica Argentina: Legislación y Avisos Oficiales*. Available at: <https://www.boletinoficial.gob.ar/detalleAviso/primera/233626/20200814> [Accessed 08/08/2022]
5. *Canada's online legal magazine: Clean Internet Act (Bill C-427)*. Available at: <http://www.slaw.ca/2007/04/20/clean-internet-act-bill-c-427/> [Accessed 08/08/2022]
6. *CSIS: Who benefits from China's cybersecurity laws*. Available at: <https://www.csis.org/blogs/new-perspectives-asia/who-benefits-chinas-cybersecurity-laws> [Accessed 08/08/2022]
7. *Daily Maverick: The digital ties that bind – South Africans need the right to disconnect and slip the work leash*. Available at: <https://www.dailymaverick.co.za/article/2021-11-03-the-digital-ties-that-bind-south-africans-need-the-right-to-disconnect-and-slip-the-work-leash/> [Accessed 08/08/2022]
8. *European Labour Law Journal: An unprecedented social solidarity stress test*. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2031952520934585> [Accessed 08/08/2022]
9. *Frontiers: German and Italian users of web-accessed genetic data: Attitudes on personal utility and personal sharing preferences. Results of a comparative survey*. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fgene.2020.00102/full> [Accessed 08/08/2022]
10. *FSFE: Router Freedom: regaining sovereignty over your digital equipment*. Available at: <https://fsfe.org/news/2019/news-20191028-01.en.html> [Accessed 08/08/2022]
11. *Gesetze im Internet: Gesetz über genetische Untersuchungen bei Menschen*. Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/gendg/GenDG.pdf> [Accessed 08/08/2022]
12. Glushkova S.I., Letunov E.D. (2022) K voprosu o vliyanií tsifrovizatsii na politiko-pravovye protsessy i obshchestvennye otnosheniya [On the issue of the impact of digitalization on political and legal processes and social relations]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Humanitarian University], 1 (36), pp. 24-30.
13. Goncharov I.V. (2019) Sovremennye podkhody k realizatsii prav cheloveka v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestvennykh otnoshenii [Modern approaches to the implementation of human rights in the context of digitalization of public relations]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* [Bulletin of Kutafin University], 9 (61), pp. 97-102.
14. *Government of Canada: Canada's Digital charter in action: a plan by Canadians, for Canadians*. Available at: https://www.ic.gc.ca/eic/site/062.nsf/eng/h_00109.html [Accessed 08/08/2022]

15. *Government of Ontario: Working for Workers Act*. Available at: <https://www.ontario.ca/laws/statute/s21035> [Accessed 08/08/2022]
16. *Government of the UK: UK to introduce world first online safety laws*. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/uk-to-introduce-world-first-online-safety-laws> [Accessed 08/08/2022]
17. *IMD: World Digital Competitiveness Ranking*. Available at: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness/> [Accessed 08/08/2022]
18. Kartskhiya A.A. (2018) Tsifrovaya transformatsiya i prava cheloveka [Digital transformation and human rights]. *Russkaya politologiya* [Russian Political Science], 4 (9), pp. 33-38.
19. *Korea JoongAng Daily: Inside a developer's crusade for a clean internet*. Available at: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2018/05/09/socialAffairs/Inside-a-developers-crusade-for-a-clean-internet/3047929.html> [Accessed 08/08/2022]
20. Laurie G. (2014) Recognizing the Right Not to Know: Conceptual, Professional, and Legal Implications. *J Law Med Ethics*, pp. 53-63.
21. *Landers & Rogers: Cyber security in Australia: Passed and pending legislation and changes on the horizon*. Available at: <https://www.landersonline.com.au/legal-insights-news/cybersecurity-in-australia-passed-and-pending-legislation#:~:text=Online%20Safety%20Act%202021&text=The%20Act%20creates%20a%20first,intention%20of%20causing%20serious%20harm> [Accessed 08/08/2022]
22. *Latham & Watkins: French digital Republic law expands rights of users and regulators*. Available at: <https://www.lw.com/thoughtLeadership/French-digital-republic-law-english> [Accessed 08/08/2022]
23. *Legifrance: Article L3121-64. Code du travail*. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000033003350/2016-08-10 [Accessed 08/08/2022]
24. Letunov E.D. (2022) Tsifrovye prava cheloveka v informatsionno-tsifrovom prostranstve [Digital Human Rights in the Information and Digital Space]. In: *Novye golosa v nauke: idei i proekty – 2022* [New Voices in Science: Ideas and Projects 2022]. Yekaterinburg.
25. *Lexology: Switching on to switching off: disconnecting employees in Europe*. Available at: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=2f2f48c4-9e5b-4a1f-b166-a2b0fec80ce5> [Accessed 08/08/2022]
26. *LSJ Online: Do we deserve the right to disconnect?* Available at: <https://lsj.com.au/articles/right-to-disconnect/> [Accessed 08/08/2022]
27. *Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii: Feder. zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ (s izm. ot 01.09.2022)* [On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: Feder. Law No. 323-FZ of November 21, 2011 (as amended on September 1, 2022).].
28. *OECD iLibrary: Latin American economic outlook 2020. Digital transformation for building back better*. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/3cd07087-en/index.html?itemId=/content/component/3cd07087-en> [Accessed 08/08/2022]
29. *Parliament of Canada: Private member's Bill C-427*. Available at: <https://www.parl.ca/DocumentViewer/en/39-1/bill/C-427/first-reading#1> [Accessed 08/08/2022]
30. *Planet Labor: Mexico introduces the right to digital disconnection*. Available at: <https://www.planetlabor.com/en/legal-developments/national-legislation/mexico-introduces-the-right-to-digital-disconnection/> [Accessed 08/08/2022]
31. *Public Citizen: Privacy and digital rights for all*. Available at: <https://www.citizen.org/about/coalitions/digitalrights4all/> [Accessed 08/08/2022]
32. *Right to disconnect UK: Official campaign of the right to disconnect in the UK*. Available at: <https://righttodisconnectuk.com/> [Accessed 08/08/2022]
33. *Rossiiskaya Gazeta: Gosduma prinjala zakon ob udalenoj rabote* [Russian Newspaper: The State Duma adopted a law on remote work]. Available at: <https://rg.ru/2020/12/08/gosduma-prinjala-zakon-ob-udalenoj-rabote.html> [Accessed 08/08/2022]
34. Secunda P.M. (2019) The Employee Right to Disconnect. *Notre Dame Journal of International & Comparative Law*, 9 (1), p. 41.
35. *SHRM: China prohibits excessive overtime work*. Available at: <https://www.shrm.org/resourcesandtools/hr-topics/global-hr/pages/china-prohibits-excessive-overtime-work.aspx> [Accessed 08/08/2022]
36. *Sovet pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka: «Tsifrovaya transformatsiya i zashchita prav grazhdan v tsifrovom prostranstve» (doklad)* [Council under the President of the Russian Federation for the development of civil society and human rights: “Digital transformation and protection of the rights of citizens in the digital space” (report)]. Available at: http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/spch_podgotovil_doklad_o_polozhenii_del_s_pravami_i_svobodami_cheloveka_i_grazhdanina_v_tsifrovom_pr/ [Accessed 08/08/2022]
37. *TechTarget: The right to disconnect vs. America's always-on culture*. Available at: <https://www.techtarget.com/searchhrsoftware/news/252502217/The-right-to-disconnect-vs-Americas-always-on-culture> [Accessed 08/08/2022]
38. *The China Media Project: China's «seven base lines» for a clean internet*. Available at:

-
- <https://chinamediaproject.org/2013/08/27/china-defines-seven-base-lines-for-a-nicer-internet/> [Accessed 08/08/2022]
39. *The Korea Times: Workers seek «right to disconnect».* Available at: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/12/281_321292.html [Accessed 08/08/2022]
40. *The Mainichi: Japan Inc. grapples with «right to disconnect» amid telework-fueled boost in work texts.* Available at: <https://mainichi.jp/english/articles/20211224/p2a/00m/0na/085000c> [Accessed 08/08/2022]
41. *The New Yorker: Why do we care so much about privacy?* Available at: <https://www.newyorker.com/magazine/2018/06/18/why-do-we-care-so-much-about-privacy> [Accessed 08/08/2022]
42. *The Wire: Is it time for a right to disconnect?* Available at: <https://thewire.in/rights/is-it-time-for-a-right-to-disconnect> [Accessed 08/08/2022]
43. *Wired UK: How David Cameron's clean web crusade created the porn block.* Available at: <https://www.wired.co.uk/article/porn-block-analysis-good-clean-internet> [Accessed 08/08/2022]
44. *Workplace relations commission: Code of practice for employers and employees on the right to disconnect.* Available at: https://workplacerelements.ie/wrc/en/what_you_should_know/codes_practice/code-of-practice-for-employers-and-employees-on-the-right-to-disconnect.pdf [Accessed 08/08/2022]

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.21.61.014

Русская локальная цивилизация как особый тип государства и общества

Николенко Анастасия Алексеевна

Кандидат политических наук,
доцент кафедры международных отношений и права,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
690014, Российская Федерация, Владивосток, ул. Гоголя, 41;
email: Anastasiya.Nikolenko@vvsu.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей локалитета в России в преломлении проблематики государства и общественных институтов. Проанализированы изменения, которым подвергается страна как цивилизационная единица на протяжении определенного периода времени. Рассмотрен феномен преломления понятий «традиционное» и «традиционность» в связи с попыткой универсализировать многие уникальные черты различных обществ и общественных построений, в частности на территории СНГ. Отмечается, что развитие уникальных особенностей русской локальной цивилизации позволяет говорить о российском обществе как о том, которое сформировало свой тип государственности и политическую культуру, в том числе в срезе реакций на процессы, происходящие за пределами топографических обозначений территорий и границ государства. Автор предпринимает попытку обосновать отличительные черты общества подобного типа и существующей на его базе государственности.

Для цитирования в научных исследованиях

Николенко А.А. Русская локальная цивилизация как особый тип государства и общества // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 120-126. DOI: 10.34670/AR.2022.21.61.014

Ключевые слова

Цивилизация, локальная цивилизация, общественный процесс, власть, особенности политического процесса, цивилизационный подход.

Введение

Рассматривая «русскую локальную цивилизацию» с точки зрения непрерывной традиции, можно отметить, что как таковая традиция соответствует витку развития и состоянию общественной системы, при этом не противоречит предыдущим социальным построениям и институтам, являясь их логическим продолжением.

Так, по мнению С. Каспэ, «в традиционных обществах традиций нет. Можно, конечно, сказать, что традицией в них является решительно все, все элементы социальной ткани (как и сама ее структура), но это было бы, во-первых, упрощением, во-вторых, анахронизмом. Подобное суждение может быть сделано только извне традиционного общества, из заместившей его социальной реальности (но из него же возникшей, потому что возникать ей было больше неоткуда). В традиционных обществах просто отсутствовал тот фон, на котором можно обнаружить особую фигурацию людских взаимодействий, определимую как «традиция»» [Каспэ, 2022]. В таком случае можно сделать заключение, что «русская локальная цивилизация» во все периоды своего развития представляется как общество, имеющее внутреннюю логику традиции, при этом устойчивость политического порядка обеспечивается комбинацией проспективных и ретроспективных, промодернистских и проконсервативных тенденций и сил. Подобные противоречия всегда остры, но при этом в политической практике различие данных дискурсов, присутствующих постоянно и одновременно, почти сходит на нет, так как вся данная конструкция представляет собой единый организм, который в своем общественном срезе имеет диалектическую подоснову, а следовательно, становится некой целостностью, тем не менее, не лишенной противоречий [там же].

Основная часть

Как одна из форм локального преломления христианской цивилизации, российская государственность приближена, но не равна европейской цивилизации, не являет с ней единого и монолитного пространства не только в плане топоса и культуры, но и, что важно, в плане условий существования. В этом случае общие христианские основания, предполагающие социальность, духовность и культуру, начинают приобретать иной оттенок и характеристики в зависимости от условий развития и ресурсности того или иного локалитета [Козин, 2008].

Как показывает прецедентная практика последних десятилетий, такими условиями, которые создают разницу, в том числе культурную, являются географические, культурные, хозяйственные, экономические и иные признаки, в том числе географического и этнографического состояния среды, в которой «политическое» осуществляется и разворачивается как процесс во времени.

Как отмечает Н.Г. Козин, «цивилизационная сущность истории стремится к бытию, а значит, к воплощению в формах конкретности бытия. И эти воплощенные формы конкретности бытия есть бытие конкретности локальных цивилизаций, а не самой цивилизационной сущности истории как таковой. Сущность существует только через формы своего существования и иначе, сама по себе, «в чистом виде», существовать не может. Всего этого – специфики бытия сущности и форм ее существования (в данном случае – цивилизационной сущности истории и локально цивилизационных форм ее воплощения) – никак не учитывает универсалистский проект цивилизационного бытия человечества. Но он не считается и с другими, более очевидными реальностями истории, точнее, дает им излишне одностороннюю

интерпретацию» [там же].

Данное положение очень остро ставит вопрос об универсализации уникальных сообществ, таких как «русская локальная цивилизация», и необходимости существования универсального «политического» как такового. Утрачивая уникальность, общества теряют не только культуру или язык, но и способ самоорганизации, собственный тип государственности и производства, а также систему приспособляемости к существующей среде «топоса». В таком случае возникает вопрос: так ли необходима универсализация, там, где схемы этого процесса не совпадают с реальностью, в том числе политической, и заточены на узкую этническую и локальную группу, но другого типа (например, англо-саксонскую)?

Согласно Н.Г. Козину, попытки универсализировать цивилизационную и государственную идентичность России связаны с феноменом «вненационального» в политике, что означает устранение собственного типа самоорганизации и «исторического творчества» народов России. Подобная ситуация только углубит противоречия самосознания и усилит отторжение среди населения. При этом станет источником не только конфликтов внутри общества, но и, как показывает практика, серьезным глобальным потрясением для всех сопредельных и, казалось бы, отдаленных сообществ, где последствия распада СССР до сих пор ощутимы и будущее развитие непредсказуемо [там же].

При этом проект универсализации предполагает наличие двух наиболее развитых моделей цивилизационной и имперской модели, которые, по словам С.В. Аكوпова, в целом предстают как избранное (в отличие от значимых Других), «особое, самодовлеющее человечество на особой земле». Однако существенное отличие модели цивилизации от модели нации заключается в том, что из этого обстоятельства вовсе не вытекает замкнутость цивилизации навечно в каких-то «естественных пределах» «национальной» территории: любая из великих цивилизаций могла бы при благоприятных условиях заселить землю и составить законченное человечество, если бы рубежи иных цивилизаций ей не мешали. По мнению Цымбурского, «отношение каждой цивилизации, будь то древнеегипетская, китайская, исламская, античная или евроатлантическая, к остальному миру может быть выражено формулой: "Мы – человечество, а они – источник наших проблем". Они в данном случае – это и есть "чужие" для идентификации с цивилизацией. В отношении "чужих" применима вертикальная модель их интеграции по направлению от периферии в сторону сакрального «ядра» цивилизации либо к «центру» империи [Акопов, 2022].

Современный этап развития государств становится временем изменения однополярной системы и универсальности в сторону развития множества цивилизаций, которые становятся не просто цивилизациями в архаичном представлении, но рассматриваются как особый тип государств и обществ [Ихсанов, 2021]. По словам В.И. Спиридоновой, «многовековое господство евро-американского цивилизационного образца ставится под сомнение рядом незападных государств, в их числе Китаем, Россией, а также Индией, Турцией и рядом стран Латинской Америки» [Спиридонова, 2021].

То есть та часть мира, которая некогда была «вне цивилизации- универсума», становится потенциальным полем развития обществ нового типа, которые благодаря своей уникальности и развитости «альтернатив» становятся наиболее выраженными конкурентами «универсальной» западной цивилизации. В связи с этим поднимается вопрос осознания себя подобными обществами, или же осознания своей идентичности как части «большого мира запада».

Уникальным в этом плане был и опыт «советской цивилизации», где на основе универсальной модели народных форм управления и институционализированной системы

политического строя возникла цивилизационная идентичность нового порядка. Так, доктор политических наук Н.В. Асонов выделяет самобытную социальность советского общества: «Вся вертикаль управления здесь строилась с опорой на народные традиции организации власти, восходящие в своей основе к славянской демократии вечевого типа и сочетающейся с христианским пониманием разделения властей. Согласно триаде духовной власти бала выстроена институциональная система светского управления, представленная самодержавным генсеком, аристократическим правлением Политбюро и демократией Советов. Но, учитывая светский характер ее политической системы, нашу страну на том отрезке времени можно рассматривать как страну-цивилизацию, государственность которой носила вполне самобытный характер социалистической ориентации, что и было в середине XX в. подмечено А. Тойнби. Сегодня все структурные элементы политической системы России лишены всякой самобытности и полностью отвечают требованиям западной модели, что не дает нам никакого права говорить о российской цивилизации как особом мире» [Асонов, 2022]. В то же время Н.В. Асонов подмечает заражение современности универалистскими идеями, которые не сочетаются с опытом и попытками реконструировать политическую уникальность «русской локальной цивилизации».

Также, по мнению ученого С.Г. Ковалева, «судьба страны это – внешние, внутренние обстоятельства, противоречия и интересы, а также наличие осознания необходимости решения проблем. Глобальные процессы при этом отрицать невозможно. Но в данной ситуации актуальными становятся стратегии выживания и купирования негативных общественных тенденций. Это, в свою очередь, приводит к необходимости осмысления конкретных внутренних закономерностей развития и применения методов концептуального исторического познания к конкретной стране [Ковалев, 2022].

Таким образом, можно сделать вывод, что уникальные качества «русской локальной цивилизации» на современном этапе развития, такие как стремление к поступательному развитию, преемственность социальных и политических систем и технологий, разнообразие национальных и наднациональных форм организации, выделяет Россию не только как особый тип общества, но и как уникальный пример государственности, которая развивалась соответственно условиям (в том числе природно-хозяйственного характера), а также большим фазам исторического развития в мировом масштабе.

Заключение

Современные проблемы развития политической системы в Российской Федерации связаны с политическими убеждениями граждан, которые обуславливают государственно-патриотическую направленность личности, определяют характер профессиональной деятельности и направленность поступков [Марковичин, Лопуха, Лопуха, 2022]. Кроме того, в более крупном понимании, они формируют характер социума, который производит хозяйственную деятельность и воспроизводит политическое поведение.

Также важным по-прежнему остается и геополитический фактор положения страны, принимая и перерабатывая паттерны других культур. По мнению О.Д. Гараниной, «Собственной цивилизационной модели и стратегии долгосрочного развития пока у России нет. Прозападная ее вариация не соответствует ценностным, ментальным установкам россиян и, следовательно, препятствует эффективному решению социальных проблем. Это значительно сокращает возможности для принятия успешных решений в экстремальных ситуациях,

характеризующих реалии жизни современного российского общества. Следовательно, основной задачей России в контексте кризиса глобализации является преодоление экзистенциальных проблем, и в первую очередь – определение дальнейшей цивилизационной стратегии развития» [Гаранина, 2022].

Стоит также учитывать общемировую тенденцию к развитию аксиологического кризиса, именно поэтому вопрос ценностей актуален [Иванова, Иванов, 2022].

При этом «русская локальная цивилизация» как пример общества преемственности, несущего в себе опыт возможного неконфликтного существования в политическом, смысловом и культурном аспектах, может стать одной из сил, противостоящих «универсализации», а также частью новых стратегий неструктивного развития в «универсализующем» ключе.

Библиография

1. Акопов С.В. Цивилизационная модель и особенности идентификации индивидов с макрополитическими сообществами (к проблеме суверенитета) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. № 25(2). С. 28-48.
2. Асонов Н.В. Российская цивилизация: миф или реальность // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 2. С. 54-63.
3. Гаранина О.Д. Экзистенциальные проблемы России в контексте кризиса глобализации // Society: Philosophy, History, Culture. 2022. № 4. С. 14-19.
4. Дадова З.И., Курашинова А.Х. Трансформация традиционной культуры и её последствия // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8(159). С. 410-411.
5. Иванова С.В., Иванов О.Б. Аксиологический кризис в современном мире: найти выход// Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. Т. 1. № 1. С. 7-29. DOI: 10.24412/2224-0772-2022-82-7-29.
6. Ихсанов А.У. Глобализация как инструмент сближения национальных культур: мифы и реальность // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12(163). С. 545-546. DOI 10.46320/2073-4506-2021-12-163-545-546.
7. Каспэ С. В этом шкафу много скелетов: политическое использование традиции в современной России // Социологическое обозрение. 2022. № Т. 21. № 1. С. 9-37.
8. Ковалев С.Г. Россия и её интересы в новейшем мировом порядке // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. М., 2022. С. 155-161.
9. Козин Н.Г. Универсалистский проект цивилизационной идентичности России // Философия и общество. 2008. № 4. С. 71-89.
10. Марковичин С.Г., Лопуха А.Д., Лопуха Т.Л. Хочешь мира – готовься! // Вестник военного образования . 2022. № 3. С. 16-23.
11. Спиридонова В.И. Современная трансформация пространства и формирование «не западной» цивилизационной перспективы развития // Четвертая международная научно-практическая конференция «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества». М., 2021. С. 289-299.

Russian local civilization as a special type of state and society

Anastasiya A. Nikolenko

PhD in Political Science,
Associate Professor of the Department of international relations and law,
Vladivostok State University of Economics and Service,
690014, 41 Gogolya st., Vladivostok, Russian Federation;
email: Anastasiya.Nikolenko@vvsu.ru

Abstract

Статья посвящена исследованию особенностей локалитета в России в преломлении проблематики государства и общественных институтов. Проанализированы изменения, которым подвергается страна как цивилизационная единица на протяжении определенного периода времени. Рассмотрен феномен преломления понятий «традиционное» и «традиционность» в связи с попыткой универсализировать многие уникальные черты различных обществ и общественных построений, в частности на территории СНГ. Отмечается, что развитие уникальных особенностей русской локальной цивилизации позволяет говорить о российском обществе как о том, которое сформировало свой тип государственности и политическую культуру, в том числе в срезе реакций на процессы, происходящие за пределами топографических обозначений территорий и границ государства. Автор предпринимает попытку обосновать отличительные черты общества подобного типа и существующей на его базе государственности.

For citation

Nikolenko A.A. (2022) Russkaya lokal'naya tsivilizatsiya kak osobyi tip gosudarstva i obshchestva [Russian local civilization as a special type of state and society]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 120-126. DOI: 10.34670/AR.2022.21.61.014

Keywords

Civilization, local civilization, social process, power, features of the political process, civilizational approach.

References

1. Akopov S.V. (2022) Tsivilizatsionnaya model' i osobennosti identifikatsii individov s makropoliticheskimi soobshchestvami (k probleme suvereniteta) [Civilizational model and features of identification of individuals with macropolitical communities (to the problem of sovereignty)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(2), pp. 28-48.
2. Asonov N.V. (2022) Rossiiskaya tsivilizatsiya: mif ili real'nost' [Russian civilization: myth or reality]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2, pp. 54-63.
3. Dadova Z.L., Kurashinova A.Kh. (2021) Transformatsiya traditsionnoi kul'tury i ee posledstviya [Transformation of traditional culture and its consequences]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian legal journal], 8(159), pp. 410-411.
4. Garanina O.D. (2022) Ekzistentsial'nye problemy Rossii v kontekste krizisa globalizatsii [Existential Problems of Russia in the Context of the Globalization Crisis]. *Society: Philosophy, History, Culture*, 4, pp. 14-19.
5. Ikhsanov A.U. (2021) Globalizatsiya kak instrument sblizheniya natsional'nykh kul'tur: mify i real'nost' [Globalization as a Tool for Rapprochement of National Cultures: Myths and Reality]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 12(163), pp. 545-546. DOI 10.46320/2073-4506-2021-12-163-545-546.
6. Ivanova S.V., Ivanov O.B. (2022) Aksiologicheskii krizis v sovremennom mire: naiti vykhod [Axiological crisis in the modern world: find a way out]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Domestic and foreign pedagogy], 1(1), pp. 7-29. DOI: 10.24412/2224-0772-2022-82-7-29 [Accessed 12/08/2022].
7. Kaspé S. (2022) V etom shkafu mnogo skeletov: politicheskoe ispol'zovanie traditsii v sovremennoi Rossii [There are a lot of skeletons in this closet: the political use of tradition in modern Russia]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 21(1), pp. 9-37.
8. Kovalev S.G. (2022) Rossiya i ee interesy v noveishem mirovom poryadke [Russia and its interests in the newest world order]. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Eurasia: development, security, cooperation]. Moscow, pp. 155-161.
9. Kozin N.G. (2008) Universalistskii proekt tsivilizatsionnoi identichnosti Rossii [Universalist project of Russia's civilizational identity]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 4, pp. 71-89.
10. Markovichin S.G., Lopukha A.D., Lopukha T.L. (2022) Khochesh' mira – gotov'sya! [If you want peace, get ready!]. *Vestnik voennogo obrazovaniya* [Bulletin of military education], 3, pp. 16-23.

11. Spiridonova V.I. (2021) Sovremennaya transformatsiya prostranstva i formirovanie "ne zapadnoi" tsivilizatsionnoi perspektivy razvitiya [Modern transformation of space and the formation of a "non-Western" civilizational development perspective]. In: *Chetvertaya mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Bol'shaya Evraziya: natsional'nye i tsivilizatsionnye aspekty razvitiya i sotrudnichestva"* [Proc. Int. Conf. "Greater Eurasia: National and Civilizational Aspects of Development and Cooperation"]. Moscow, pp. 289-299.

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.28.58.015

Идея «Особого пути» в контексте кризиса неолиберализма (на примере современной ФРГ)

Яшкова Татьяна Алексеевна

Доктор политических наук,
профессор кафедры философии и социологии,
Академия труда и социальных отношений (ОУП ВО «АТиСО»),
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: yashkova@yandex.ru

Меметов Энвер Рустемович

Аспирант кафедры философии и социологии,
Академии труда и социальных отношений (ОУП ВО «АТиСО»),
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: enver.memetov.97@gmail.com

Аннотация

Рубеж XX–XXI вв. во многом ознаменовался глубоким политическим кризисом системных партий, который вызван эрозией традиционной для Нового времени политической организации «нация – государство». Эта «эрозия» стала итогом кризиса господствующей в международных отношениях идеи неолиберализма и привела к всплеску активности правопопулистских партий. Данная статья на примере современной ФРГ во многом пытается дать ответ на вопрос, как электоральный успех правых популистов связан с идеей «Особого пути». Авторы приходят к выводу, что миграционный кризис, в купе с провалом процесса глобализации, породили страх потери собственной национальной идентичности. Этот страх постепенно привел к превращению национализма как системы идейно-политических воззрений в один из существенных факторов развития современного европейского общества. Тревога и страх за собственное будущее привели к возрождению идеи «Особого пути» и волне электорального успеха внесистемных партий и движений, которые активно апеллируют к националистическому нарративу.

Для цитирования в научных исследованиях

Яшкова Т.А., Меметов Э.Р. Идея «Особого пути» в контексте кризиса неолиберализма (на примере современной ФРГ) // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 127-137. DOI: 10.34670/AR.2022.28.58.015

Ключевые слова

«Особый путь», неолиберализм, романтический национализм, мультикультурализм, ФРГ, глобализация, миграция, кризис системных партий, Альтернатива для Германии, правый популизм.

Введение

Процесс формирования концепта «особый путь» напрямую связан с Германией, идеологией романтического национализма и интеллектуальным переворотом рубежа XVIII–XIX столетий. Его основоположником можно назвать немецкого мыслителя и богослова И.Г. Гердера, который в своем многотомном труде «Идеи к философии истории человечества» впервые затронул проблему национальной идентичности. Гердер, отталкиваясь от тезиса, что не существует «варварских» и «образованных» народов, выдвинул теорию, согласно которой каждая нация движется по «особому» предопределенному Богом пути. Такая постановка вопроса дала возможность заговорить о европейской политике как о соперничестве наций, имеющих собственный, не поддающийся сравнению, путь развития. Для наглядной иллюстрации собственной теории Гердер прибегнул к органистским метафорам, что позволило общедоступно истолковывать базовую идею национализма. Народы, как и растения, проходят строго установленные стадии развития: рождение, юность, зрелость, старость и смерть. Как разные растения не одинаковы в темпах развития, так и развитие разных народов не совпадает во времени, что позволяет говорить об уникальной жизненной траектории, присущей каждой нации [Гердер, 2013, 265].

Формирование идеи «Особого пути»

В политическом отношении эта языковая конструкция впервые утвердилась в Германии и во многом стала реакцией на события Французской революции и последовавших за ней разорительных Наполеоновских войн. В условиях масштабных потрясений и невиданных по своим масштабам унижений европейских монархий потребность «изобрести» нацию стала особенно актуальной. Именно в этом контексте и нашла применение предложенная Гердером и развитая далее И.Г. Фихте и братьями Шлегелями концепция, согласно которой исключительность и самобытность немцев упиралась в самобытную культуру, которую нельзя завоевать мечом. Идя дальше, И.Г. Фихте заговорил о едином немецком сознании, которое формируется в противовес сознанию французскому [Фихте, 2009, 66].

Следующим важным поворотным моментом в формировании «особого пути» стало объединение Германии в единое государство – Второй Рейх под эгидой Пруссии. Все немецкое население испытывало невиданный прежде национальный подъем, который стимулировался немецкими интеллектуалами. Осознание отличия Германии от всего остального европейского мира и получило название «Deutscher Sonderweg», что в переводе с немецкого означает «особый путь».

Примечательно, что процесс объединения и укрепления страны происходил при помощи силы, что упрочило в народе положительное отношение к монархии и милитаризму. Воинственный лидер, который стоит над политикой и собственными интересами, начинает восприниматься как символ истинной любви к Отечеству. Тут же можно усмотреть и патологическую неприязнь немцев к демократии, парламенту, революциям и всему тому, что может своими действиями разобщить Германию [Фест, 1993, 262]. В этих исторически сложившихся условиях Германии попытались навязать чуждую ей модель западной демократии, чем в 1933 г. умело воспользовалась национал-социалистическая партия.

В результате долгое время в исторической науке преобладало критическое отношение к самой идее «особого пути», которая в силу сложившихся обстоятельств ассоциировалась исключительно с нацистской Германией. Наиболее плодотворным в этой череде исследователей был французский специалист Эдмон Вермей. Уже в 1939 г. он писал, что нацизм был грубой

карикатурой на немецкую интеллектуальную традицию. Период 1818–1918 гг. рассматривался им как колыбель нацизма, период перманентного кризиса, в котором усматриваются черты, предвещающие наступление кризиса [Vermeil, 2011, 134].

Постепенно благодаря деятельности представителей Билефельдской школы – Ханса-Ульриха Велера и Юргена Коки сформировался иной подход к оценке немецкого «Sonderweg», который предполагал множественность исторических траекторий развития, а также важность трансферных зон и фактов взаимного влияния [Атнашев, Велижев, Зорин, 2018, 245]. Можно сказать, что они денацифицировали «Sonderweg», введя в оборот его более нейтральное значение «Eigenweg» (собственный путь).

В этом ключе речь уже не идет о признании уникальности каждой национальной траектории, а скорее о конструировании исторической нормы модерности в терминах «семейного сходства» Л. Витгенштейна [Витгенштейн, 2018, 340]. Подразумевается наличие целого блока базовых характеристик, ни одна из которых не будет выступать решающей. Любая национальная траектория перехода к модерности содержит только часть общего набора свойств, а конкретная комбинация этих черт в каждом случае является уникальной, что позволяет говорить о наличии особой национальной идеи. Все это создало возможность не только применять данный конструкт к историческому пути любого государства, но и дало толчок для изучения того, как идея национальной исключительности транслировалась от одного культурного и политического пространства в другое.

В новом подходе концепт «Sonderweg» действительно становится анахроничным и превращается в историю «Sonderwege», «путей», которые формулируются как национальные идеи, но с оглядкой на концепцию «особости» в других культурных контекстах. Ведь, несмотря на сугубо немецкое происхождение, концепт «особый путь» постепенно распространился за рамки своего традиционного восприятия [Атнашев, Велижев, Зорин, 2018, 12]. В подобной интерпретационной парадигме рассматриваются «запоздалое» экономическое развитие Франции в XIX в.; современная история Японии; история Англии, которая долгое время выступала в качестве традиционной «нормы»; идея специфичности и, как следствие, – фундаментальное отличие США от всех остальных стран; особая форма румынского фашизма, сочетавшего в себе признаки партии и религиозной секты; поиск российской самобытности или предпосылок принципиальной несравнимости российской истории по отношению к западной и т.д.

Идиома «пути», исторического пути и ряд связанных с ней выражений обычно представляют историю целой страны как естественное движение вперед по уникальной, предначертанной траектории. При этом «особый путь» можно воспринимать не только как указатель, – это скорее некий механизм, который играет роль переключателя в системе коллективной идентификации. Важно, что этот механизм должен опираться на конкретный исторический нарратив. Отсюда можно сделать вывод, что конструирование «особости» во многом основано на реальных исторических элементах прошлого, которые в процессе конструирования лишь переосмысляются и приспособляются к актуальной дискурсивной задаче [там же, 63]. То есть мы говорим о прямой взаимосвязи между национальной идентичностью и «особым путем» развития.

Кризис идеи неолиберализма

На первый взгляд в условиях становления глобального общества классический дискурс романтического национализма, терминологической базой которого выступают такие эссенциалистские категории, как «национальный характер», «национальный дух» и

историческая миссия народа, выглядит как переживший свое время анахронизм. Однако при более детальном рассмотрении в глаза бросается тот факт, что на протяжении последних десятилетий мы можем наблюдать рост влияния политических идеологий, как основанных на интеллектуальном наследии романтического национализма, так и апеллирующих к его нарративу.

Объяснить это можно двумя взаимодополняющими факторами. Во-первых, перечисленные выше понятия благодаря современным исследованиям сливаются в единое представление об «особых путях» разных народов, которые воспринимаются если не как ключевые черты формирования исторического самосознания, то как разные варианты пути к модерну. Вторым фактором можно назвать кризис неолиберализма. Возникает вполне закономерный вопрос: как между собой связаны два этих фактора?

Начиная с 90-х гг. XX в. условиях краха биполярного миропорядка страны Запада стали выступать в качестве единственного центра силы глобального масштаба. Крах коммунизма воспринимался как свидетельство превосходства западной модели развития и доминирующих ценностей. Этот факт позволил контролировать поведение остальных участников системы международных отношений за счет внедрения «правильных» норм, ценностей, правил поведения и принуждения остальных акторов к их исполнению. Либерализм в его неолиберальной интерпретации оказался на пике влияния. В рамках этой идеи можно выделить такие факторы, как рост влияния международных организаций, размывание суверенитета национальных государств, развитие транснациональных корпораций, увеличение объема международной торговли и массовая миграция населения из стран третьего мира [Бауман, 2004, 79].

При этом глобализация трактовалась в первую очередь как вестернизация, как воздействие стран Запада на трансформирующиеся политические сообщества и экономики стран третьего мира. Увлечение едиными нормами и правилами на международной арене не исключало правового релятивизма, когда базовые нормы международного права стали применяться выборочно, в зависимости от текущих политических потребностей и конкретных ситуаций. Приход к власти Дж. Байдена и демократической администрации ознаменовал собой возврат к политике выстраивания либерального идеологического и политического консенсуса, которые были подорваны в предыдущее четырехлетие [Соловьев, 2022, 12]. Во многом цель данного консенсуса – эффективно выстраивать политические коммуникации и добиваться высокого уровня управляемости политическими процессами. Это позволяет обеспечить согласие правящих элит западных стран по ключевым вопросам. Однако попытка вернуться в «благословенные» 1990-е гг. изначально была обречена на провал. Во многом этот провал легко объясняется кризисом идеи неолиберализма.

В рамках этого кризиса можно выделить несколько ключевых элементов. Главным маркером, свидетельствующим об упадке идеи неолиберализма, можно назвать «эрозию» традиционной для нового времени политической организации «нация – государство». Подобная ситуация порождает страх потери собственной национальной идентичности, что превращает национализм, как систему идейно-политических воззрений, в один из существенных факторов развития современного общества. Например, во Франции распространяются многочисленные «страхи» – перед будущим, перед иммигрантами, перед «Большой Европой», центром притяжения которой больше не будет Париж. Как следствие, французская национальная идентичность приобретает отчетливый охранительный оттенок [Семененко, 2007, 94]. В результате слабеющий либерально-демократический центр идет на

рискованный политический шаг – ужесточение миграционной политики, осуждение мультикультурализма, обращение вспять евроинтеграционных процессов, как в случае с выходом Великобритании из Европейского союза. С одной стороны, эта мера была вызвана оглушительной популярностью партии Reform UK и кипучей деятельности их харизматичного лидера Найджела Фаража, а с другой – нарастающим германским доминированием в охваченной нестабильностью Европе. В 2011 г. сподвижник Ангелы Меркель, глава фракции ХДС Фолькера Каудер, заявил: «Отныне Европа заговорит по-немецки» [Schulze, www]. Эту фразу мгновенно подхватили и растиражировали СМИ, что стало настоящим подарком для Британских евроскептиков. Современная политическая ситуация показывает, что расположенные к евроинтеграции граждане зачастую не готовы жертвовать национальными интересами ради торжества абстрактного европейского «блага», зримым олицетворением которого является евро бюрократия. Имеющиеся у них опасения не компенсируются пресловутым девизом, обещающим «единство» в «многообразии», поскольку то и другое «обрастает» негативными коннотациями.

Вторым важным маркером, позволяющим говорить о кризисе неолиберализма, можно назвать нарастание центробежных тенденций в районах проживания коренных этнических групп. Примерами этого явления можно назвать референдум в Шотландии в 2014 г., запрет Конституционного суда Испании на проведение референдума по выходу Каталонии из состава страны 9 ноября 2014 г., нарастание сепаратистских настроений в Баварии, стремление к самостоятельности в Северной Ирландии. Уникальный пример развития схожих тенденций демонстрирует Бельгия, процесс децентрализации которой выражается в контексте обострения между государствообразующими этническими группами – фламандцами и валлонами [Нарочинская, 2015, 44].

Назревающую проблему глобальной децентрализации часто сравнивают с культурным ренессансом. Освобождение и самоопределение – два лозунга, которые сопровождают борьбу между локальными и глобальными процессами современности. Эта борьба порождает процесс реконструкции национальных идентичностей, который вновь развернулся в современной политической жизни. По своей природе этот процесс направлен на восстановление традиций вопреки современности. Однако это не является простым возвратом назад, коррелирующим с ушедшими социальными структурами. На самом деле речь идет о возможности рассматривать будущее через призму прошлого.

Отдельно стоит выделить миграционный кризис 2015 года. Паническая реакция СМИ на бесконтрольный приток беженцев в ЕС, непоследовательность властей по отношению к регулированию потоков мигрантов мобилизовали правый политический лагерь. Если раньше правые считались политическими аутсайдерами и маргиналами, то к концу второго десятилетия XXI в. в ряде стран вошло в норму формирование с ними коалиций. По состоянию на 2019 г. в двух европейских государствах – Венгрии и Польше управление страной фактически оказалось в руках крайне правых партий, а четырех других – Словакии, Италии, Болгарии и Эстонии они почувствовали в формировании правительства. В 2015–2017 гг. Австрийская партия свободы, в 2015–2017 гг. – истинные финны и в 2013–2020 гг. – норвежская Партия прогресса имели министерские портфели в правительственных кабинетах [Соловьев, 2022, 181].

Страны, которые выступали за мягкую миграционную политику, сейчас столкнулись с новой проблемой – эмиграцией автохтонного населения. Так, например, в 2021 г. из Германии эмигрировало на 64 179 немцев больше, чем иммигрировало, а с 2005 г. Германию навсегда

покинуло на 792 000 немцев больше, чем вернулось. Это особенно релевантно в контексте существующего десятилетиями дефицита рождаемости: с 1972 г. немцев умерло на шесть миллионов больше, чем родилось, и такие перманентно сильные демографические потери имеют серьезные последствия. В частности, возрастает спрос компаний на рабочую силу, а финансировать социальные государственные расходы (например, пенсии) становится сложнее. Но, несмотря на дефицит рождаемости, население Германии увеличилось с 1972 г. более чем на четыре миллиона, это объясняется высокой иммиграцией иностранцев. Кроме того, миграционная волна, захлестнувшая Европу и грозящая «размыванием» ее социокультурного фундамента, является лишь одной из видимых проблем. В некоторых странах, например в Голландии, Дании и Великобритании, миграционный поток привел к возникновению «позитивной дискриминации», открывающей «некоренным» членам общества расширенный спектр возможностей, включая пособия и льготное жилье, привилегии при приеме на работу и расширенный социальный пакет.

Это, в свою очередь, создает новый фактор развития этнополитических процессов в странах Европы, дополняющий картину в целом, – феномен «новых диаспор». Речь идет о замкнутых сообществах, которые организуют и кооперируют мигрантов, прибывающих с территории развивающихся стран. Подобная практика приводит к замедлению социальной и культурной адаптации в рамках светского общества. Порождаемая этим феноменом «национализация» диаспор не только все больше усложняет этнополитическую карту европейских стран, но и в рамках столкновения культур усиливает праворадикальные настроения в Европе.

Перечисленные выше проявления кризиса неолиберализма, дополненные последствиями пандемии COVID-19, ведут к кризису классических европейских партий. Кризис системных политических партий во многом связан с их размытой идентичностью, идеологической стагнацией и неспособностью дать ответы на ключевые вызовы современности, что весьма негативно сказывается на их имидже и доверии к ним избирателей. Социально-политические процессы последнего десятилетия, чувство незащищенности и дезориентированности европейцев в стремительно меняющемся мире поколебали устоявшуюся систему политических координат. Появились обоснованные сомнения в ее функциональности применительно к новым электоральным ожиданиям и запросам. Непрерывно разрастающееся проблемное поле оставляет все меньше места для «политкорректных» и «открытых всем» центристов, растет спрос на партии, сочетающие идейную определенность с внутренней мобильностью.

ФРГ и кризис системных партий

Во многом это связано с внутривнутрипартийным кризисом, с которым столкнулись «системные» партии. На протяжении минувших десятилетий крупные умеренно-консервативные партии, следуя основному принципу центризма, старались выступать в качестве генераторов консенсуса, внутри которых происходит слияние различных точек зрения и интересов, присутствующих в общенациональном социально-политическом поле. Указанные вещи процессы дают основание полагать, что описанная схема исчерпала себя. В числе причин можно назвать и кризис руководства ведущих политических сил, и противоречивую динамику европейской интеграции, и, в еще большей степени, коренное изменение структуры общества, порождающей новые линии социальных разломов. Прежнее партийно-политическое деление уже не отражает изрядно усложнившуюся и вдобавок напрочь лишенную стабильности «карту»

электоральных предпочтений. Партиям «классического» типа, особенно консервативным, апеллирующим к традиции в том или ином варианте ее понимания, такая разбалансировка категорически противопоказана.

Схожую ситуацию можно наблюдать и в социал-демократических партиях, которые на рубеже XX–XXI вв. осуществили существенный сдвиг в сторону политического центра. Сдвиг к социальному либерализму и фактический отказ от социал-демократических традиций поставили под вопрос социал-демократическую идентичность и привели к внутривнутрипартийным конфликтам между либеральными модернизаторами и левыми традиционалистами. Серьезным испытанием для социал-демократов стали и внешние вызовы – финансово-экономический кризис 2008 г., глобализация, миграционный кризис и пандемия COVID-19. Причем, как отмечает американский политолог Шери Берман, главная проблема левоцентристов кроется не в вызовах с которыми они столкнулись, а в отсутствии убедительных и последовательных ответов на них [Berman, 2006, 211]. Европейским социал-демократам не хватает самого главного – собственного «видения» будущего. Они не способны предложить избирателем оригинальных, креативных идей, что ведет к потере электоральной базы. Если в 1998 г. социал-демократические партии на выборах в парламент получали в среднем 25,3% голосов, то в 2018 – лишь 20,7% [Соловьев, 2022, 51]. Связано это во многом с тем, что негативные последствия глобализации и неконтролируемой миграции коснулись прежде всего мало- и среднеквалифицированных рабочих, которые, как правило, голосовали за социал-демократов. В результате происходит переток голосов от социал-демократов к национал-популистам и евроскептикам. Как отмечает теоретик СДПГ Томас Майер, рабочие, разочаровавшиеся в социал-демократической партии, «все чаще видят в этнической политике идентичности популистских правых с их призывом к закрытию границ единственный ответ, удовлетворяющий их потребности в безопасности, системе ориентиров и признании» [Meuer, www].

Как итог, в современной мировой политике набирают силу настроения «разгневанных граждан», недовольных господствующим истеблишментом и проводимой им политикой, раздраженных характером текущих политических процессов и выступающих с требованиями серьезных перемен. Однако представления об этих переменах остаются крайне размытыми. Поэтому бенефициарами современного политического синдрома становятся главным образом популистские политические силы (причем как с правого, так и с левого фланга политического спектра): во Франции (Национальное объединение), ФРГ (Альтернатива для Германии), Шотландии (Шотландская национальная партия), Польше (Право и справедливость), Австрии (Австрийская партия свободы), Британия (Партия независимости Соединенного Королевства) и т.д. [Мудде, 2014, 98].

Ярким примером подобного успеха можно назвать деятельность образованной в 2013 г. правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» (АдГ). По своей сути это была партия элит, основанная перебежчиками из других ведущих партий, которые долгие годы пытались реализовать свои политические убеждения на правых флангах «народных» партий, но перешли к самостоятельным действиям в политическом процессе. Спустя всего четыре года после своего создания, согласно результатам выборов, в Бундестаг в 2017 г., партия стала третьей по значимости политической силой в Германии, получившей 94 мандата [German elections 2017, www]. Во время осенних выборов в ландтаги Баварии и Гессена, которые проходили осенью 2018 г., блок ХДС/ХСС набрал 37,2% голосов, а АдГ – 10,2% [Landtagswahl 2018 Bayern, www]. Впервые после 1962 г. в исторически сложившемся оплоте консерватизма – Баварии, ХСС не

стала партией большинства. Это событие вызвало широкий общественный резонанс. По состоянию на 2019 г. партия была представлена в ландтагах всех 16 федеральных земель и является главным представителем оппозиции на федеральном уровне.

Рост электоральной поддержки АдГ свидетельствует о том, что взгляды партии на вопросы политической жизни страны становятся все более актуальными. По сути, краеугольным камнем программного документа АдГ являются идеи выхода Германии из еврозоны и последующий отказ от предоставления экономической помощи Греции. АдГ выступает против массовой миграции на территорию Германии, против «исламизации Запада». Интересно, что Фрауке Петре, лидер партии АдГ в период с апреля 2013 г. по июль 2015 г., даже допускала мысль о возможности открыть огонь по мигрантам, в случае если они будут нарушать правила пересечения границы. Кроме этого, партия поддерживает антиисламские настроения, которые царят в немецком обществе. Лидеры партии уверены, что впускать на территорию страны стоит лишь умеренных мусульман, которые готовы интегрироваться в немецкое общество [Захарова, 2019, 223]. Важное место в программе уделено проблеме материнства, детства и демографической политики.

Можно с уверенностью резюмировать, что в программе отражены наиболее острые вопросы немецкой политики. Помимо указанных факторов, электоральный успех Германии можно объяснить и разногласиями внутри партии ХДС, которая не способная пойти на компромисс в рамках «Большой коалиции». Все это способствует протестному голосованию немцев.

Вызывает интерес и взгляды АдГ на прошлое Германии. Партия и ее отдельные лидеры стремятся к более позитивному изображению истории страны, подчеркивая, что история Германии не сводится к 12 годам диктатуры национал-социализма. Особенно резонансной была речь сопредседателя партии Александра Гауланда на партийном съезде в Тюрингии, в которой он отметил: «Адольф Гитлер и нацисты являются лишь пятном птичьего помета на нашей более чем тысячелетней истории» [Мещеряков, 2020, 285]. Ключевой посыл всей речи вращался вокруг идеи, что, хотя ФРГ и несет ответственность за 12 лет национал-социализма, она имеет право и на другие страницы «славной истории». Второй важной чертой можно назвать отход от понимания Холокоста как центрального элемента исторической памяти немецкого народа [там же]. В этом ключе необходимо вспомнить неформального лидера правого крыла АдГ – Б. Хекке. В одном из своих выступлений он раскритиковал мемориал жертвам Холокоста, расположенный в центре Берлина, назвав его памятником позора [www].

Современные правые партии традиционно играют на вопросах идентичности и отдают приоритет социокультурным проблемам общества. В это же время классическая европейская партийная система устарела с дискурсивной точки зрения. Те понятия, которыми она длительное время оперировала, не подходят для актуальных политических вопросов, связанных с миграцией, Евросоюзом и разрушением национальных государств. Классические партии не могут адаптироваться к меняющимся условиям и выработать общий язык обсуждения назревших вопросов. Они только критикуют и осуждают новые веяния, и это принципиальная разница с правыми популистами, например, с АдГ, которая говорит на языке, который понятен населению Германии, но категорически отрицается политическим истеблишментом. В риторике АдГ народу близки не ксенофобия, а то, что с ними понятно и доступно разговаривают. Критика мультикультурализма в купе с идеями о том, что раньше жилось лучше, находит отклик в умах и сердцах населения. Причем раньше имеется в виду не при нацистах, а раньше, когда не было Евросоюза.

Заключение

Таким образом, под воздействием объективных социально-экономических и политических процессов в мире все ярче начинают проявляться симптомы кризиса современной партийно-политической системы. После долгого преобладания тенденций размывания идеологических различий маятник общественных предпочтений качнулся в сторону электоральной поддержки партийных проектов с четкой идеологической определенностью. Зачастую эта определенность направлена на поиск собственной национальной идентичности, борьбу с миграционным кризисом, мультикультурализмом и евроинтеграцией, с опорой на идею «Особого пути».

Вызванное современными геополитическими процессами большое количество «периферийных» для немецкой историографии «особых путей» доказывает теоретическую функциональность самого концепта. Каждый народ нуждается в некоей объединяющей идее, которая может выступить каркасом формирования нации, обладающей собственной культурой, мировоззренческими особенностями и ценностями. Главным достоинством концепции «особого пути» является то, что она прекрасно вписывается в самые разные идеологические сценарии. Консервативная модель может апеллировать к идее «эстафетности» прогресса и тщательному вниманию к традиционным ценностям. Либеральная модель же делает акцент на последующем резком взлете нации и быстром преодолении дистанции между передовыми и развивающимися странами.

Библиография

1. Атнашев Т., Велижев М., Зорин А. «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: НЛЮ, 2018. 485 с.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества; пер. с англ. М.Л. Коробочкин. М.: Весь мир, 2004. 79 с.
3. В ФРГ правый политик назвал мемориал Холокоста памятником позора // Информационное агентство России ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3952772>.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования; пер. с нем. Л.М. Добросельский. Аст, 2018. 340 с.
5. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества; пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 760 с.
6. Захарова Е.В. Факторы электорального успеха «альтернативы для Германии» // Политическая наука. 2019. № 2. С. 219-244.
7. Мещеряков Д.Ю. История Германии сквозь призму взглядов партии «Альтернатива для Германии» // Политическая наука. 2020. № 2. С. 280-288.
8. Мудде К. Популистские праворадикальные партии в современном мире // Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. 2014. № 4. С. 91-101.
9. Нарочинская Е.А. Многообразный сепаратизм: проблема типологии и европейские реальности // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 32-55.
10. Семененко И.С. Реальность и миражи европейской идентичности // Внутриполитические трансформации в западных странах: реальность и перспективы. М.: ИМЭМО РАН. 2007. С. 76-96.
11. Соловьев Э.Г. (ред.) Политические идеологии и партийные системы: основные векторы трансформации во втором десятилетии XXI века. М.: Идея-Пресс, 2022. 228 с.
12. Фест И.К. Адольф Гитлер: В 3 т. Т. 2; пер. с нем. Н.С. Летнева, А.М. Андропова. Пермь: Алетей, 1993. 483 с.
13. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации; пер. с нем. Иваненко А.А. СПб.: Наука, 2009. 350 с.
14. Auf einmal wird in Europa Deutsch gesprochen // Welt. 2011. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article13718042/Auf-einmal-wird-in-Europa-Deutsch-gesprochen.html>.
15. Berman S. The Primacy of Politics: Social Democracy and the Making of Europe's Twentieth Century. Cambridge, 2006. 239 p.
16. German elections 2017: full results // Support the guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/ng-interactive/2017/sep/24/german-elections-2017-latest-results-live-merkel-bundestag-afd>.
17. Kjellen R. Die Idee von 1914. Ein weltgeschichtliche Perspektive. Leipzig: S. Hirzel, 1915. 60 p.
18. Landtagswahl 2018 Bayern // Электронный портал tagesschau. URL: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2018->

10-14-LT-DE-BY/index.shtml.

19. Meyer T. Der Streit um Grenzen und die Sozialdemokratie // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2019. № 6. URL: <https://www.frankfurtet-hefte.de/artikel/der-streit-um-genzen-und-die-sozialdemokratie-2754>.
20. Vermeil A. Germany in the Twentieth Century: A Political and Cultural History of the Weimar Republic and the Third Reich. L.: Literary Licensing, 2011. 288 p.

The idea of a "Special Path" in the context of the crisis of neoliberalism (on the example of modern Germany)

Tat'yana A. Yashkova

Doctor of Political Science,
Professor of the Department of philosophy and sociology,
Academy of Labor and Social Relations,
119454, 90 Lobachevskogo st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yashkova@yandex.ru

Enver R. Memetov

Postgraduate Student of the Department of philosophy and sociology,
Academy of Labor and Social Relations,
119454, 90 Lobachevskogo st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: enver.memetov.97@gmail.com

Abstract

The turn of the XX–XXI centuries in many respects it was marked by a deep political crisis of systemic parties, which was caused by the erosion of the political organization "nation – state", traditional for the New Age. This "erosion" was the result of the crisis of the idea of neoliberalism dominating international relations and led to a surge in the activity of right-wing populist parties. This article, using the example of modern Germany, in many ways tries to answer the question of how the electoral success of right-wing populists is connected with the idea of a "Special Path". The authors come to the conclusion that the migration crisis, coupled with the failure of the globalization process, gave rise to the fear of losing one's own national identity. This fear gradually led to the transformation of nationalism as a system of ideological and political views into one of the essential factors in the development of modern European society. Anxiety and fear for one's own future have led to a revival of the idea of a "Special Path" and a wave of electoral success of non-systemic parties and movements that actively appeal to the nationalist narrative.

For citation

Yashkova T.A., Memetov E.R. (2022) Ideya "Osobogo puti" v kontekste krizisa neoliberalizma (na primere sovremennoi FRG) [The idea of a "Special Path" in the context of the crisis of neoliberalism (on the example of modern Germany)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 127-137. DOI: 10.34670/AR.2022.28.58.015

Keywords

«Special Path», neoliberalism, romantic nationalism, multiculturalism, Germany, globalization, migration, systemic party crisis, AfD, right-wing populism.

References

1. Atnashev T., Velizhev M., Zorin A. (2018) *"Osobyi put'": ot ideologii k metodu* ["Special way": from ideology to method]. Moscow: NLO Publ.
2. Auf einmal wird in Europa Deutsch gesprochen (2011). *Welt*. Available at: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article13718042/Auf-einmal-wird-in-Europa-Deutsch-gesprochen.html> [Accessed 12/08/2022].
3. Bauman Z. (2004) *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization. Consequences for the individual and society]; translated from English by M.L. Korobochkin. Moscow: Ves' mir., 79 s.
4. Berman S. (2006) *The Primacy of Politics: Social Democracy and the Making of Europe's Twentieth Century*. Cambridge.
5. Fest I.K. (1993) *Adolf Gitler: V 3 t. T. 2* [Adolf Hitler: In 3 vols. Vol. 2]; translated from German by N.S. Letneva, A.M. Andronova. Perm': Aleteiya Publ.
6. Fikhte I.G. (2009) *Rechi k nemetskoi natsii* [Speeches to the German nation]; per. s nem. Ivanenko A.A. SPb.: Nauka., 350 s.
7. Gerder I.G. (2013) *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the philosophy of the history of mankind]; translated from German by A.V. Mikhailova. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.
8. German elections 2017: full results. *Support the guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/ng-interactive/2017/sep/24/german-elections-2017-latest-results-live-merkel-bundestag-afd> [Accessed 12/08/2022].
9. Kjellen R. (1915) *Die Idee von 1914. Ein weltgeschichtliche Perspektive*. Leipzig: S. Hirzel.
10. Landtagswahl 2018 Bayern. *Elektronnyi portal tagesschau*. Available at: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2018-10-14-LT-DE-BY/index.shtml> [Accessed 12/08/2022].
11. Meshcheryakov D.Yu. (2020) Istoriya Germanii skvoz' prizmu vzglyadov partii "Al'ternativa dlya Germanii" [The history of Germany through the prism of the views of the party "Alternative for Germany"]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2, pp. 280-288.
12. Meyer T. (2019) Der Streit um Grenzen und die Sozialdemokratie. *Neue Gessellschaft / Frankfurter Hefte*, 6. Available at: <https://www.frankfurtet-hefte.de/artikel/der-streit-um-genzen-und-die-sozialdemokratie-2754> [Accessed 17/08/2022].
13. Mudde K. (2014) Populistskie pravoradikal'nye partii v sovremennom mire [Populist right-wing radical parties in the modern world]. *Bereginya. 777. Sova: obshchestvo, politika, ekonomika* [Bereginya. 777. Sova: society, politics, economics], 4, pp. 91-101.
14. Narochinskaya E.A. (2015) Mnogoobraznyi separatizm: problema tipologii i evropeiskie real'nosti [Diverse separatism: the problem of typology and European realities]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Actual problems of Europe], 1, pp. 32-55.
15. Semenenko I.S. (2007) Real'nost' i mirazhi evropeiskoi identichnosti [Reality and Mirages of European Identity]. *Vnutripoliticheskie transformatsii v zapadnykh stranakh: real'nost' i perspektivy* [Internal Political Transformations in Western Countries: Reality and Prospects.]. Moscow: Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, pp. 76-96.
16. Solov'ev E.G. (ed.) (2022) *Politicheskie ideologii i partiinye sistemy: osnovnye vektory transformatsii vo vtorom desyatiletii XXI veka* [Political ideologies and party systems: main vectors of transformation in the second decade of the 21st century]. Moscow: Ideya-Press Publ.
17. V FRG pravyy politik nazval memorial Kholokosta pamyatnikov pozora [In Germany, a right-wing politician called the Holocaust memorial a monument of shame]. *Informatsionnoe agentstvo Rossii TASS* [Information agency of Russia TASS]. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3952772> [Accessed 12/08/2022].
18. Vermeil A. (2011) *Germany in the Twentieth Century: A Political and Cultural History of the Weimar Republic and the Third Reich*. L.: Literary Licensing.
19. Vitgenshtein L. (2018) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical research]; translated from German by L.M. Dobrosel'skii. Ast Publ.
20. Zakharova E.V. (2019) Faktory elektoral'nogo uspekha "al'ternativy dlya Germanii" [Factors of electoral success of the "alternative for Germany"]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2, pp. 219-244.

УДК 32**DOI: 10.34670/AR.2022.95.90.016****Некоторые аспекты межэтнической толерантности в России****Мазанаев Наби Курбанович**

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин,
филиал Дагестанского государственного университета в г. Дербенте,
368600, Российская Федерация, Дербент, ул. Гейдара Алиева, 11;
e-mail: mazanaevnk@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются темы, раскрывающие понятие «этнос», «толерантность», показывающие формы проявления толерантности в различных сферах жизни, а также освещены вопросы преодоления и профилактики интолерантных форм поведения в ситуациях этноконтактного взаимодействия. Подчеркивается важность наличия межкультурной коммуникации в современном мире. Автор отмечает фактор полиэтничности и многоконфессиональности в России как потенциал для дальнейшего развития институтов гражданского общества и государственного строительства. Констатируется важность усиления работы по воспитанию социальной толерантности среди россиян. Автор отмечает, что задача воспитания толерантности должна пронизывать деятельность всех социальных институтов, в первую очередь тех, кто оказывает непосредственное воздействие на формирование личности молодого человека.

Для цитирования в научных исследованиях

Мазанаев Н.К. Некоторые аспекты межэтнической толерантности в России // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 138-142. DOI: 10.34670/AR.2022.95.90.016

Ключевые слова

Межнациональное общение, межэтническая толерантность, интолерантность, полиэтничность, конфессиональность, этнос, студенты, идентичность, медиаобразование.

Введение

Развитие межэтнической толерантности, воспитание уважительного отношения к представителям других этносов и народностей, их обычаям и традициям представляет собой актуальную проблему современного общества, от решения которой во многом зависит характер межкультурной коммуникации [Декларация и Программа действий в области культуры мира, www; Декларация принципов толерантности, www; Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1, www]. Проблема толерантности, межэтнического диалога, воспитания культуры межнационального взаимодействия неизменно остается в фокусе научного дискурса. Исследования этой проблемы осуществляются философами, социологами, этнологами, педагогами, психологами, культурологами, политологами. Россия исторически сформировалась как многонациональная держава, в которую в свое время вошли сотни народов, составившие ее этническую мозаику, созидающие ее общий социально-духовный потенциал.

Полиэтничность и многоконфессиональность России – ее богатство, огромное историческое достояние, которым важно разумно распорядиться. Поэтому как для этносов, так и для отдельных граждан многонациональной России существенное значение имеет состояние этнических отношений в стране. Причем «любое событие, связанное с межнациональными отношениями, освещаемое средствами массовой информации (даже если оно никак не оценивается журналистами), может использоваться радикально настроенными группировками для формирования нетерпимого отношения» [Коростелева, 2016].

Основная часть

Этническая толерантность – это установки личности, социальной группы, общества, которые реализуются в принятии «этндругого». Именно толерантность будет способствовать формированию уважения к другим этносам, принятию богатого культурного многообразия народов [Асмолов, 2012; Белозерова, 2008; Градскова, 2011; Данилюк, Кондаков, Тишков, 2009]. То есть происходит межкультурная коммуникация, и происходит она постоянно, поскольку люди различных культур живут в одном государстве, в одном городе, составляют одну нацию. Это общение происходит неосознанно в быту, на работе, на учебе. «Россия с первых своих шагов складывалась как многонациональное государство, и сейчас страна устойчива благодаря толерантности», – заявил Президент РФ В.В. Путин. По его мнению, государству необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме, но учитывающая национальные и религиозные особенности российских народов. Российский президент полагает, что традиционные религии России должны принимать активное участие в выработке универсальных для всех народов нравственных и духовных ценностей, а государство и общество должны приветствовать и поддерживать их работу в системе образования и просвещения, в социальной сфере при сохранении светского характера государства. В условиях многонационального государства главной задачей государственных институтов является предотвращение попыток разыграть «национальную карту» для решения любого рода социально-экономических задач и жесткого пресечения противоправных действий и насилия, под какими бы лозунгами они ни совершались. Один из путей постижения смыслов и границ толерантности – анализ форм и проявлений ее противоположности – интолерантности, или нетерпимости: Нетерпимость основывается на убеждении, что твое окружение, твоя

система взглядов, твой образ жизни стоят выше остальных. Часто это не просто отсутствие чувства солидарности, а неприятие другого за то, что он выглядит, думает, поступает иначе, иногда просто за то, что он существует. Такую нетерпимость нельзя путать с юношеской нетерпимостью – смесью непримиримости и протеста. Речь идет, скорее, об индивидуальном и коллективном «комплексе превосходства», который, начинаясь с неприятия, отторжения и принижения иных форм образа жизни, может привести к различным проявлениям реализации этого комплекса, в том числе и к геноциду. Нетерпимость определяет предпочтение подавления, а не убеждения. Это путь к господству и уничтожению, отказу в праве на существование тому, кто придерживается иных взглядов.

Список форм, симптомов и проявлений интолерантности, к сожалению, разнообразен и велик. Ее результаты могут проявляться в широком диапазоне – от обычной невежливости и раздражения до этнических чисток и геноцида, умышленного уничтожения людей. Остановимся на этническом аспекте интолерантности, который в современном мире приобретает все большее значение. Кризис в нашей стране показал, что одной из самых уязвимых сфер человеческих отношений в трансформирующемся поликультурном обществе является сфера отношений между различными этническими группами. Именно в эту область в первую очередь проецируются экономические, социальные и политические проблемы. Они приобретают этническую форму и доставляют обществу немало хлопот. Зоны межэтнической напряженности, зараженные этнофобиями, этническим насилием, порождающим потоки мигрантов, с полным основанием можно назвать «зонами этнической интолерантности» [Басов, 2017]. Оценка степени этнической интолерантности возможна на основе уровня «негативизма» межэтнических установочных (стереотипов, предубеждений, предрассудков), уровня эмоционального реагирования на инонациональное окружение, различных форм агрессивности и враждебных реакций по отношению к иноэтническим группам. Этническая нетерпимость – реально значимая форма проявлений кризисных трансформаций этнической идентичности гиперидентичности (этноэгоизм, этноизоляционизм, фанатизм), когда сверхпозитивное отношение к собственной группе порождает комплекс превосходства над «чужими». Наиболее социально значимы те феномены, психологической основой которых оказываются трансформации этнической идентичности по типу гиперидентичности, это – этноцентризм, ксенофобия, национализм, этническое насилие, геноцид [Виниченко, 2011].

Заключение

Сегодня мы живем в мире, где интенсивно взаимодействуют различные национальные культуры, народы и религии [Куц, 2010]. Этот фактор, с одной стороны, требует построения открытых отношений между людьми различных культур. С другой стороны, перед каждым народом стоит задача сохранения национальной, религиозной и культурной идентичности. Однако это желание не должно приобретать формы нетерпимости по отношению к носителям ценностей и религиозных представлений других национальных культур. Поэтому сегодня задача воспитания толерантности должна пронизывать деятельность всех социальных институтов, и в первую очередь тех, кто оказывает непосредственное воздействие на формирование личности молодого человека.

Библиография

1. Асмолов А.Г. Формирование установок толерантного сознания как теоретическая и практическая задача // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М., 2012. С. 16-21.
2. Басов Н.Ф. Всемирные фестивали демократической молодежи: история и современность // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 1.
3. Белозерова М.В. Проблема межнациональной напряженности и толерантность: XX столетие // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 5. С. 15-18.
4. Виниченко В.А. Методологические подходы к формированию межэтнической толерантности у студентов специальности «Связи с общественностью» // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. 2011. № 4. С. 90-93.
5. Градскова Ю. Интернациональное воспитание и позднесоветская солидарность с Чили и Латинской Америкой – между геополитикой, протестом и самореализацией? // Laboratorium. 2011. № 3. С. 118-142.
6. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков А.В. Концепция духовно нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009. 25 с.
7. Декларация и Программа действий в области культуры мира (принята резолюцией 53/243 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 1999 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture_of_peace.shTml.
8. Декларация принципов толерантности (утв. резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года). URL: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php>.
9. Коростелева Л.В. Основные признаки речевого экстремизма (о способах освещения вопросов межнациональных и межконфессиональных отношений в СМИ) // Нижневартковский филологический вестник. 2016. № 1. С. 36-39.
10. Куц Л.Г. Клубы интернациональной дружбы как центры воспитания в опыте Российской школы // Человек и образование. 2010. № 2. С. 58-62.
11. О языках народов Российской Федерации: закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524.

Some aspects of interethnic tolerance in Russia

Nabi K. Mazanaev

PhD in History,
Associate Professor of the Department of legal and humanitarian disciplines,
Branch of the Dagestan State University in Derbent,
368600, 11 Geidara Alieva st., Derbent, Russian Federation;
e-mail: mazanaevnk@mail.ru

Abstract

The article analyzes topics that reveal the concept of "ethnos", "tolerance", showing the forms of manifestation of tolerance in various spheres of life, and also highlights the issues of overcoming and preventing intolerant forms of behavior in situations of ethno-contact interaction. The importance of having intercultural communication in the modern world is emphasized. The author notes the factor of multi-ethnicity and multi-confessionalism in Russia as a potential for further development of civil society institutions and state building. The importance of strengthening the work on educating social tolerance among Russians is stated. The author notes that the task of educating tolerance should permeate the activities of all social institutions, primarily those that have a direct impact on the formation of a young person's personality.

For citation

Mazanaev N.K. (2022) Nekotorye aspekty mezhetnicheskoi tolerantnosti v Rossii [Some aspects of interethnic tolerance in Russia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 138-142. DOI: 10.34670/AR.2022.95.90.016

Keywords

Interethnic communication, interethnic tolerance, intolerance, polyethnicity, confessionality, ethnicity, students, identity, media education.

References

1. Asmolov A.G. (2012) Formirovanie ustanovok tolerantного soznaniya kak teoreticheskaya i prakticheskaya zadacha [Formation of attitudes of tolerant consciousness as a theoretical and practical task]. In: *Rossiiskaya pressa v polikul'turnom obshchestve: tolerantnost' i mul'tikul'turalizm kak orientiry professional'nogo povedeniya* [Russian press in a multicultural society: tolerance and multiculturalism as guidelines for professional behavior]. Moscow, pp. 16-21.
2. Basov N.F. (2017) Vsemirnye festivali demokraticeskoi molodezhi: istoriya i sovremennost' [World Festivals of Democratic Youth: History and Modernity]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology], 1.
3. Belozerova M.V. (2008) Problema mezhnatsional'noi napryazhennosti i tolerantnost': KhKh stoletie [The problem of interethnic tension and tolerance: the twentieth century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 5, pp. 15-18.
4. Danilyuk A.Ya., Kondakov A.M., Tishkov A.V. (2009) *Kontsepsiya dukhovno npravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii* [The concept of spiritual and moral development and education of the personality of a citizen of Russia]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
5. *Deklaratsiya i Programma deistvii v oblasti kul'tury mira (prinyata rezolyutsiei 53/243 General'noi Assamblei ot 13 sentyabrya 1999 goda)* [Declaration and Program of Action for a Culture of Peace (adopted by General Assembly resolution 53/243 of 13 September 1999)]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture_of_peace.shTml [Accessed 12/08/2022].
6. *Deklaratsiya printsipov tolerantnosti (utv. rezolyutsiei 5.61 General'noi konferentsii YuNESKO ot 16 noyabrya 1995 goda)* [Declaration of the principles of tolerance (approved by resolution 5.61 of the General Conference of UNESCO of November 16, 1995)]. Available at: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> [Accessed 22/08/2022].
7. Gradskova Yu. (2011) *Internatsional'noe vospitanie i pozdnesovetskaya solidarnost' s Chili i Latinskoi Amerikoi – mezhdru geopolitiko, protestom i samorealizatsiei?* [International education and late Soviet solidarity with Chile and Latin America – between geopolitics, protest and self-realization?]. *Laboratorium*, 3, pp. 118-142.
8. Korosteleva L.V. (2016) Osnovnye priznaki rechevogo ekstremizma (o sposobakh osveshcheniya voprosov mezhnatsional'nykh i mezhkonfessional'nykh otnoshenii v SMI) [The main features of verbal extremism (on ways to cover issues of interethnic and interfaith relations in the media)]. *Nizhnevartovskii filologicheskii vestnik* [Nizhnevartovsk Philological Bulletin], 1, pp. 36-39.
9. Kuts L.G. (2010) Kluby internatsional'noi druzhby kak tsenry vospitaniya v opyte Rossiiskoi shkoly [Clubs of International Friendship as Educational Centers in the Experience of the Russian School]. *Chelovek i obrazovanie* [Man and Education], 2, pp. 58-62.
10. *O yazykakh narodov Rossiiskoi Federatsii: zakon RF ot 25.10.1991 № 1807-I* [On the languages of the peoples of the Russian Federation: Law of the Russian Federation No. 1807- October 25, 1991]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524 [Accessed 15/08/2022].
11. Vinichenko V.A. (2011) Metodologicheskie podkhody k formirovaniyu mezhetnicheskoi tolerantnosti u studentov spetsial'nosti "Svyazi s obshchestvennost'yu" [Methodological approaches to the formation of interethnic tolerance among students of the specialty "Public Relations"]. *Prirodnye resursy Arktiki i Subarktki* [Natural Resources of the Arctic and Subarctic], 4, pp. 90-93.

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.40.52.017

Анализ основных российских институтов управления в сфере экономической дипломатии

Борцов Дмитрий Валерьевич

Соискатель,
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации,
2-й секретарь,
Министерство иностранных дел Российской Федерации (МИД России),
119200, Российская Федерация, Москва, пл. Смоленская-Сенная, 32/34;
e-mail: dvbortsov@mail.ru

Аннотация

Целью данной статьи является анализ текущего состояния институтов управления в сфере экономической дипломатии. Авторами исследована специализация и степень вовлеченности в данную проблематику различных государственных, общественных и частных институтов, отражена иерархия принятия решений. Рассмотрена специфика работы компетентных структур, освещены особенности организации практической деятельности, оказывающие положительное или отрицательное влияние на развитие данного направления, проанализированы присущие этим институтам объективные преимущества и недостатки. Сделан вывод о том, что деятельность институтов управления в сфере экономической дипломатии по защите национальных интересов на макроэкономическом уровне достаточно хорошо структурирована и эффективна. В то же время работа по продвижению готовой продукции МСП не отличается высокой скоординированностью.

Для цитирования в научных исследованиях

Борцов Д.В. Анализ основных российских институтов управления в сфере экономической дипломатии // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 143-153. DOI: 10.34670/AR.2022.40.52.017

Ключевые слова

Экономическая дипломатия, государственное управление внешнеэкономической деятельностью, продвижение экспорта, дипломатическое сопровождение экономики.

Введение

В сфере экономической дипломатии (ЭД) в Российской Федерации задействован целый ряд государственных, общественных и частных институтов. Наиболее разнообразной системой специализированных органов, принимающих участие в осуществлении национальной ЭД, обладает исполнительная власть. Совершенствование данного направления требует рассмотрения функций, особенностей деятельности, достоинств и недостатков в организации текущей работы основных государственных, общественных и частных акторов ЭД.

Президент Российской Федерации

Президент Российской Федерации определяет основные направления торговой и внешнеэкономической политики РФ, в его компетенцию входит общее руководство государственной внешнеторговой политикой в целях обеспечения национальной безопасности и поддержания устойчивого развития отечественной экономической системы, разрешения разногласий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ по вопросам государственной внешнеторговой политики.

Помимо указанных функций, в нашей стране сложилась практика инициации, согласования и продвижения главой государства наиболее крупных и важных проектов в сфере добычи и реализации природных ресурсов, инфраструктурного строительства и инвестирования, военных и военно-технических поставок. Авторитет и широкие связи Президента России, с одной стороны, безусловно, способствуют успешной реализации ключевых международных проектов, но, с другой стороны, подобная практика может сдерживать инициативу «на нижних этажах» и вызывать переориентацию (в погоне за «политическими очками») значительных ресурсов министерств и ведомств на поддерживаемый Президентом проект, в результате чего недостаточное внимание уделяется другим направлениям работы.

В ходе анализа материала автор обратил внимание, что среди управлений Администрации Президента отсутствует подразделение по внешнеэкономическим вопросам, равно как и отсутствуют специализированные Советы, Комиссии и Рабочие группы [Президент Российской Федерации, www]. С учетом декларируемого руководством страны настроя на расширение внешнеэкономической деятельности (ВЭД) и наметившейся соответствующей тенденции в российской внешней торговле, автору представляется целесообразным создание координирующего подразделения при Президенте России в той или иной форме.

Правительство Российской Федерации

Следующим по значимости органом, регулирующим внешнеэкономическую деятельность, является Правительство Российской Федерации, которое вырабатывает и реализует государственную политику в сфере международного экономического, сотрудничества, обеспечивает проведение единой государственной внешнеторговой политики, разрабатывает Федеральную программу развития внешнеторговой деятельности, принимает меры по защите интересов отечественных экономоператоров, осуществляет регулирование и государственный контроль, принимает меры по защите внутреннего рынка, вводит количественные ограничения экспорта и импорта, принимает в пределах своей компетенции решения о проведении переговоров и подписании международных договоров.

Под Правительством в данном случае следует понимать не формирующую его совокупность министерств и ведомств, а именно Аппарат Правительства Российской Федерации, его Председателя, заместителей Председателя и профильные Управления.

Основным представляющим в рамках данного исследования интерес направлением работы Правительства России в сфере экономической дипломатии является деятельность *Межправительственных комиссий по вопросам экономического, научно-технического сотрудничества и торговли (МПК)*, которые являются действенным инструментом развития двустороннего взаимодействия и повышения товарооборота. На сегодняшний день у России с иностранными партнерами учреждено 112 МПК [Структура и график проведения заседаний межправительственных комиссий, www]. Заседание каждой проводится обычно один раз в год, поочередно в столицах стран-сопредседателей, во главе стоят два сопредседателя, осуществляющие руководство российской и иностранной частями. В течение всего года национальные части МПК вырабатывают предложения по развитию экономического сотрудничества: ведут переговоры с заинтересованными компаниями в своих странах с целью включения их представителей в национальную делегацию для участия в следующем заседании, изучают крупные инфраструктурные проекты на территории друг друга, занимаются анализом спроса и предложения на рынках партнеров, изучают наиболее конкурентоспособные образцы товаров партнеров, прорабатывают изменения в договорно-правовой базе, направленные на облегчение административных процедур, исключение двойного налогообложения, защиту инвестиций и прав интеллектуальной собственности, готовят конкретные предложения по развитию взаимной торговли. МПК, по мнению автора, является крайне полезным, но в силу своей «инерционности» недостаточно оперативным механизмом, который подходит только для крупных проектов и мало применим для продвижения интересов малых и средних предприятий (МСП).

Министерство экономического развития Российской Федерации

Главным ведомством Российской Федерации по вопросам внешнеэкономической деятельности является Министерство экономического развития Российской Федерации (Минэкономразвития) [Постановление Правительства РФ от 05 июня 2008 года № 437, www]. Его основная задача на данном направлении – координация и регулирование ВЭД в соответствии с решениями высших органов государственной власти, разработка совместно с другими федеральными органами исполнительной власти предложений по проведению единой государственной внешнеторговой политики и обеспечение ее реализации, защита экономических интересов России и экономоператоров на внешнем рынке от недобросовестной иностранной конкуренции, формирование предложений по заключению международных договоров внешнеэкономического характера и их непосредственное заключение по поручению Правительства, координация совместно с МИД России действий органов федеральной исполнительной власти и субъектов РФ в области международных переговоров, регулирование валютно-кредитных отношений с иностранными государствами и привлечение иностранных инвестиций [Внешиэкономическая деятельность: Приоритетные направления, www]. В его ведении также находится регулирование деятельности электронных площадок (маркетплейсов), которые сегодня играют одну из ключевых ролей в продвижении отечественной продукции за рубеж. Именно они позволяют иностранному заказчику удаленно найти российского производителя нужного ему товара. Исполняя роль своеобразной «витрины», они также

призваны способствовать усилиям российской экономической дипломатии.

В силу наличия весьма широкого круга задач руководство Минэкономразвития зачастую вынуждено концентрировать основное внимание на внутриэкономических вопросах, а ответственные за международное сотрудничество департаменты в его составе малочисленны и сильно перегружены. Несомненным же преимуществом данной структуры является высокая осведомленность о возможностях российских компаний, а также об административно-технических аспектах подготовки выхода на зарубежный рынок, включая вопросы таможенного оформления, стандартизации, сертификации и т.д.

Министерство промышленности и торговли РФ

Другим важнейшим государственным институтом в сфере ЭД является Министерство промышленности и торговли РФ (Минпромторг). Одним из ключевых аспектов его деятельности на данном направлении сегодня является реализация национального проекта «Международная кооперация и экспорт», который предусматривает наращивание в период 2018–2024 гг. объемов российского несырьевого неэнергетического экспорта до 180 млрд долл. США, в том числе экспорта продукции машиностроения – до 60 млрд долл. США, продукции агропрома – до 45 млрд долл. США. Нацпроект включает в себя пять федеральных проектов: «Промышленный экспорт», «Экспорт продукции агропромышленного комплекса», «Логистика международной торговли», «Экспорт услуг» и «Системные меры развития международной кооперации и экспорта». В его реализации принимают участие все регионы России, развивая свой экспортный и инвестиционный потенциал в соответствии со своими физико-географическими, историческими и другими особенностями.

Другим важнейшим направлением деятельности Минпромторга является учет и систематизация отечественных производителей промышленной продукции. Этой цели служит Реестр промышленной продукции, произведенной на территории Российской Федерации, который включает в себя на сегодняшний день более 70 тыс. видов продукции. Проанализировав его, автор не обнаружил в нем целый ряд отечественных производителей товаров широкого потребления, расходных материалов, продуктов питания, медицинских и косметических препаратов, каждый из которых производит десятки единиц товарной номенклатуры. Этот факт свидетельствует о том, что реестр является далеко не полным и может быть расширен, по приблизительной оценке, как минимум в несколько раз. При этом подавляющее большинство включенных в него компаний работают только на внутреннем рынке и рынках стран СНГ, что делает их потенциальным объектом для приложения инструментария ЭД в целях укрепления российских позиций на зарубежных рынках.

И без того существенная роль Минпромторга в системе экономической дипломатии значительно возросла после передачи в его ведение *Торговых представительств Российской Федерации за рубежом (торгпредств)* [Постановление Правительства РФ от 28.08.2018 № 1008, [www](http://www.gov.ru)], что превращает его, по мнению автора, в головное ведомство по вопросам практической ВЭД, так как на сегодняшний день именно развитие внешней торговли и рост поступлений иностранной валюты являются ключевыми приоритетами.

На сегодняшний день Аппарат торговых представительств Российской Федерации располагает только 72 заграничными учреждениями в 58 странах мира, в 10-ти из которых действуют по 2-3 «точки». При этом торгпредства расположены в основном в экономически развитых и особо крупных или стратегически важных развивающихся государствах, которые,

по мнению автора, не являются целевыми на первоначальном этапе экспансии российских экспортных товаров по причине наличия там слишком высокой конкурентной среды [Страны мира, www].

Если обратить внимание на расположение торгпредств в странах Африки, расположенных южнее Сахары, наглядно заметно, что они сохранились в основном в глубине континента – в государствах без выхода к морю, а ликвидированы были в прибрежных странах. Такой подход кажется автору нелогичным, так как вести двустороннюю торговлю или реализовывать инфраструктурные проекты со вторыми априори легче за счет наличия портов. На практике именно прибрежные страны зачастую являются «входными воротами» и «торговыми хабами» своих субрегионов, в которые представители деловых кругов из «глубинных» стран вынуждены приезжать для совершения крупных оптовых сделок и переговоров с транснациональными поставщиками, нередко располагающими субрегиональную штаб-квартиру именно в прибрежной зоне.

В подтверждение данной позиции Глава ТПП РФ С.Н. Катырин отмечает, что наиболее эффективны торгпредства могли бы действовать в странах Латинской Америки, Африканского континента и Азиатско-Тихоокеанского региона, где усилия государства по содействию предпринимательству особенно востребованы. В то время как на рынках развитых стран подобное содействие вполне могут оказывать общественные и частные структуры, такие как торгово-промышленные палаты [Торговые представительства на пороге новой реформы, www].

Министерство иностранных дел Российской Федерации

Общую координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти в области международных отношений и международного сотрудничества осуществляет Министерство иностранных дел Российской Федерации (МИД России) [Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 года № 4-ФКЗ, www]. Любая внешнеполитическая и внешнеэкономическая деятельность органов государственной власти должна предварительно согласовываться с МИД России.

Министерство в силу своей специализации обладает самой большой среди всех государственных, общественных и частных структур инфраструктурой представительств за рубежом – более 250 росзагранучреждений (РЗУ), в числе которых 150 Посольств в столицах иностранных государств, а также более 100 консульских учреждений в крупных городах и представительств при международных организациях [Карта мира, www]. МИД России располагает наиболее глубокими и постоянно обновляемыми данными о текущей ситуации в странах пребывания, а имеющаяся у сотрудников заграничных учреждений сеть контактов с представителями политических и деловых кругов иностранных государств постоянно поддерживается и расширяется, переходя «по наследству» от завершающего командировку специалиста к его «сменщику».

Именно МИД России (при условии внедрения корректировок в методики работы по содействию продвижения интересов отечественных МСП) должно стать, по мнению автора, ключевой составляющей в архитектуре сегодняшней ЭД. Рассматривая деятельность МИД России в этой сфере, представляется важным обратить внимание на один фактор, значительно сдерживающий работу ведомства по продвижению российских компаний, а именно отсутствие соответствующего регламента. Хотя работа по продвижению российской продукции на местные рынки вменяется в обязанности дипломатов [Экономическая дипломатия, www] и это

закреплено в Положении о Министерстве иностранных дел [Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 года № 4-ФКЗ, [www](#)], методология ведения такой практической деятельности отсутствует. Это одна из ключевых причин, по которой экономические группы в крупных Посольствах или ответственные за торгово-экономические вопросы специалисты в небольших загранучреждениях сосредоточены в большей степени на сборе и анализе экономической информации о стране пребывания, чем на реализации конкретных проектов. Здесь также стоит отметить, что проекты государственных компаний и частных предприятий-гигантов получают поддержку в максимально возможном объеме, чего нельзя сказать о малом и среднем бизнесе.

Российский экспортный центр

Российский экспортный центр (РЭЦ) – относительно новый, но уже хорошо зарекомендовавший себя институт, стремящийся к воплощению принципа «одного окна». При его содействии заинтересованный в выходе на внешний рынок российский производитель имеет возможность получить весь спектр подготовительных услуг, включая помощь в вопросах международной сертификации и стандартизации, коммуникационной и технической адаптации своего продукта, финансирования и страхования поставок. Слабым местом РЭЦ является совсем небольшая сеть представительств, что, несмотря на заявленное наличие услуги по поиску потенциальных партнеров, делает ее реализацию довольно затруднительной без привлечения ресурсов третьей стороны, такой как, например, Минпромторг или МИД России. Так, по состоянию на октябрь 2022 г. Центр представлен в 11 странах: Азербайджан, Беларусь, Вьетнам, Германия, Индия, Иран, Казахстан, КНР, Таджикистан, Турция, Узбекистан.

Имеющиеся у руководства РЭЦ планы по развертыванию в недалеком будущем всемирной сети собственных зарубежных представительств видятся, по мнению автора, довольно сомнительными, так как, помимо колоссальных расходов для государственного бюджета, это повлечет дублирование функции уже существующего дорогостоящего заграничного аппарата. Другим важным вызовом для таких представительств станет необходимость наработки авторитета в местных деловых и политических кругах. Существует риск, что на начальном этапе новые структуры вообще не будут восприниматься всерьез и их представителям потребуются долгое время, чтобы заработать репутацию в глазах иностранных чиновников и предпринимателей. У традиционных официальных структур, таких как посольства и торгпредства, подобных проблем априори не может возникнуть.

Помимо органов государственной власти, реализацию национальных интересов на направлении экономической дипломатии осуществляют также общественные и частные институты.

Субъекты Российской Федерации

Субъекты Российской Федерации, в соответствии с Федеральным законом «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [Федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 164-ФЗ, [www](#)], также имеют право в пределах своей компетенции, на уровне региональных правительств, заключать соглашения в области внешнеторговых связей с субъектами иностранных государств и их административно-территориальными единицами. При этом все действия региональных властей в обязательном порядке согласовываются с МИД России.

Торгово-промышленная палата

Торгово-промышленная палата (ТПП), являясь негосударственным некоммерческим объединением предпринимателей, решает множество задач и оказывает большое количество услуг, в том числе содействует продвижению интересов российских компаний на зарубежных рынках [ТПП РФ сегодня, [www](http://www.tpprf.ru)]. Она, несомненно, имеет высокие компетенции за счет кадрового состава, состоящего из большого числа обладающих практическими деловыми знаниями специалистов. Но весомым недостатком ТПП также является относительно ограниченная сеть представительств (более 30). Причем, как и в случае с Минпромторгом, они расположены на нецелевых для первичного продвижения российских товаров рынках. В странах, где представительства ТПП России отсутствуют, объединение вынуждено полагаться на местные торгово-промышленные палаты, инертность и ангажированность которых существенно снижает шансы российского экспортера на успех.

В 2009 г. по инициативе ТПП был создан Координационный комитет по экономическому сотрудничеству со странами Африки (АФРОКОМ) [АФРОКОМ, [www](http://www.afracom.ru)], целью которого является всестороннее содействие развитию сотрудничества с государствами Африки, включая экономическую, научную и культурную сферы. По мнению автора, до проведения саммита и экономического форума «Россия – Африка» в 2019 г. в г. Сочи АФРОКОМ существовал скорее номинально и был перезапущен благодаря мощному резонансу мероприятия. В ноябре 2021 г. в Республике Уганда в ходе российской бизнес-миссии открылось первое представительство АФРОКОМ – Торговый Дом Российского Центра поддержки предпринимательства. Эта инициатива, по мнению автора, абсолютно правильная, соответствует предлагаемой в данном исследовании концепции. В то же время начинать создавать подобные Торговые дома необходимо было как минимум 10-15 лет назад, чтобы к текущему моменту они представляли собой широкую сеть с устойчивым имиджем в деловых кругах стран пребывания.

Российский союз промышленников и предпринимателей

Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), как и ТПП, является некоммерческой общероссийской организацией, представляющей интересы отечественных деловых кругов в России и за рубежом. В состав РСПП на сегодняшний день входят более ста отраслевых и региональных объединений, а также тысячи компаний, представляющих ключевые секторы российской экономики [Российский союз промышленников и предпринимателей, [www](http://www.rspp.ru)]. В сфере экономической дипломатии РСПП активно занимается формированием партнерских связей с международным деловым сообществом, как двусторонних, так и многосторонних. На сегодняшний день подписано около ста соглашений и меморандумов о сотрудничестве с ведущими ассоциациями бизнеса в странах Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки, которые являются основой для поиска деловых партнеров и реализации совместных инициатив. На многостороннем треке ведется работа по лоббированию интересов российского предпринимательства на следующих площадках, где РСПП и его члены выступают координаторами взаимодействия: «Деловая двадцатка» (B20), «Бизнес в ОЭСР» (BIAC), Деловой совет ЕАЭС, Ассоциация бизнеса Северо-Восточной Азии, Деловой консультативный совет АТЭС, ВТО. Кроме того, сотрудничество ведется и со многими другими международными органами и организациями систем ООН, БРИКС, ШОС, АСЕАН, МВФ, а также Всемирным банком и международными финансовыми институтами

[Международное сотрудничество, www].

В своей практической работе в части экономической дипломатии РСПП опирается на аналогичные зарубежные структуры, что, по мнению автора, не является достаточно эффективным для продвижения российских компаний, так как сигналы о наличии заинтересованных в выходе на внешние рынки отечественных игроков, как и в случае с ТПП России, могут не доходить до адресата, например по причине противодействия местных дистрибьюторов аналогичной продукции, лояльных своему поставщику из другой развитой страны.

Частные посреднические и консалтинговые компании

Частные посреднические и консалтинговые компании не имеют даже малой толики возможностей, находящихся в распоряжении у перечисленных системных институтов, и представляли ценность в основном в прежние годы, когда общий уровень компетентности в области ВЭД находился на совсем низком уровне. Данные организации главным образом занимаются поиском потенциальных партнеров в сети Интернет, оказывают услуги по ведению деловой переписки и переводу, таможенному оформлению и т.д. То есть фактически выполняют те функции, которые при наличии минимальных внешнеэкономических знаний и владении английским языком предприниматель может выполнить и собственными силами. Сегодня, с учетом описанных тенденций и благодаря быстрому развитию РЭЦ, будущее многих подобных организаций кажется весьма неоднозначным.

Заключение

Резюмируя анализ участия различных институтов в реализации комплекса экономической дипломатии, можно сказать, что их деятельность по защите национальных интересов на макроэкономическом уровне достаточно хорошо структурирована и эффективна. В то же время работа по продвижению готовой продукции МСП не отличается высокой скоординированностью, функционал «размыт» и дублирован. Создается впечатление, что каждый институт действует самостоятельно и опирается лишь на собственные силы, формально согласовывая свои планы с другими в рамках их компетенции. По умолчанию структуры действуют достаточно «инерционно», лишь периодически концентрируясь на некоторых направлениях после получения соответствующего импульса от руководства или лоббистов.

Таким образом, у автора создается ощущение отсутствия общего «драйвера» в вопросах продвижения отечественной продукции посредством экономической дипломатии.

Библиография

1. АФРОКОМ. URL: <https://afrocom.info/about>.
2. Внешнеэкономическая деятельность: приоритетные направления // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost.
3. Карта мира // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/ru/maps>.
4. Международное сотрудничество // Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: <https://rspp.ru/activity/cooperation>.
5. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 28.08.2018 № 1008. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305758/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b.

6. О Министерстве экономического развития Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 05 июня 2008 года № 437 (ред. от 12.02.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77491.
7. О Правительстве Российской Федерации: федер. конституц. закон от 6 ноября 2020 года № 4-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950.
8. О Правительстве Российской Федерации: федер. конституц. закон от 6 ноября 2020 года № 4-ФКЗ (одобрен Государственной Думой 27 октября 2020 года; одобрен Советом Федерации 3 ноября 2020 года) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950.
9. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: федер. закон от 8 декабря 2003 года № 164-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397.
10. Президент Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru>.
11. Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: <https://rspp.ru/about/inform>.
12. Страны мира // Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: <http://www.ved.gov.ru/exportcountries>.
13. Структура и график проведения заседаний межправительственных комиссий // Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: http://www.ved.gov.ru/at_mpk.
14. Торговые представительства на пороге новой реформы // Информационное агентство ТАСС. 2018. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5207168>.
15. ТПП РФ сегодня // Торгово-промышленная Палата Российской Федерации. 2021. URL: <https://tpprf.ru/ru/about>.
16. Экономическая дипломатия // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy.

Analysis of the main Russian governance institutions in the field of economic diplomacy

Dmitrii V. Bortsov

Applicant,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
2nd Secretary,
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MFA of Russia),
119200, 32/34 Smolenskaya-Sennaya sq., Moscow, Russian Federation;
e-mail: dvbortsov@mail.ru

Abstract

The purpose of this article is to analyze the current state of governance institutions in the field of economic diplomacy. The authors investigate the specialization and degree of involvement in this issue of various state, public and private institutions, reflects the hierarchy of decision-making. The specifics of the work of competent structures are considered, the features of the organization of practical activities that have a positive or negative impact on the development of this area are highlighted, and the objective advantages and disadvantages inherent in these institutions are analyzed. It is concluded that the activities of management institutions in the field of economic diplomacy to protect national interests at the macroeconomic level are quite well structured and effective. At the same time, the work to promote the finished products of SMEs is not highly coordinated.

For citation

Bortsov D.V. (2022) Analiz osnovnykh rossiiskikh institutov upravleniya v sfere ekonomicheskoi diplomatii [Analysis of the main Russian governance institutions in the field of economic diplomacy]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 143-153. DOI: 10.34670/AR.2022.40.52.017

Keywords

Economic diplomacy, state management of foreign economic activity, export promotion, diplomatic support of the economy.

References

1. AFROKOM. Available at: <https://afrocom.info/about> [Accessed 18/08/2022].
2. Ekonomicheskaya diplomatiya [Economic diplomacy]. *Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy [Accessed 12/08/2022].
3. Karta mira [Map of the world]. *Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. Available at: <http://www.mid.ru/ru/maps> [Accessed 18/08/2022].
4. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo [International cooperation]. *Rossiiskii soyuz promyshlennikov i predprinimatelei* [Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs]. Available at: <https://rspp.ru/activity/cooperation> [Accessed 12/08/2022].
5. O Ministerstve ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 05 iyunya 2008 goda № 437 (red. ot 12.02.2021) [On the Ministry of Economic Development of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation No. 437 of June 05, 2008 (as amended on February 12, 2021)]. *SPS "Konsul'tantPlyus"* [SPS Consultant]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77491 [Accessed 16/08/2022].
6. O Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii: feder. konstituts. zakon ot 6 noyabrya 2020 goda № 4-FKZ [On the Government of the Russian Federation: Federal Constitutional Law No. 4-FKZ of November 6, 2020]. *SPS "Konsul'tantPlyus"* [SPS Consultant]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950 [Accessed 11/09/2022].
7. O Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii: feder. konstituts. zakon ot 6 noyabrya 2020 goda № 4-FKZ (odobren Gosudarstvennoi Dumoi 27 oktyabrya 2020 goda; odobren Sovetom Federatsii 3 noyabrya 2020 goda) [On the Government of the Russian Federation: Federal Constitutional Law No. 4-FKZ of November 6, 2020 (approved by the State Duma on October 27, 2020; approved by the Federation Council on November 3, 2020)]. *SPS "Konsul'tantPlyus"* [SPS Consultant]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950 [Accessed 12/09/2022].
8. O vnesenii izmenenii v nekotorye akty Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.08.2018 № 1008 [On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1008 of August 28, 2018]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305758/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b [Accessed 19/08/2022].
9. Ob osnovakh gosudarstvennogo regulirovaniya vneshnetorgovoi deyatelnosti: feder. zakon ot 8 dekabrya 2003 goda № 164-FZ [On the basics of state regulation of foreign trade activity: Federal Law No. 164-FZ of December 8, 2003]. *SPS "Konsul'tantPlyus"* [SPS Consultant]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397 [Accessed 10/09/2022].
10. *Prezident Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [President of the Russian Federation: official site]. Available at: <http://www.kremlin.ru> [Accessed 12/08/2022].
11. Rossiiskii soyuz promyshlennikov i predprinimatelei [Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs]. Available at: <https://rspp.ru/about/inform>.
12. Strany mira [Countries of the world]. *Portal vneshneekonomicheskoi informatsii Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii* [Portal of foreign economic information of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at <http://www.ved.gov.ru/exportcountries> [Accessed 14/08/2022].
13. Struktura i grafik provedeniya zasedanii mezhpravitel'stvennykh komissii [Structure and schedule of meetings of intergovernmental commissions]. *Portal vneshneekonomicheskoi informatsii Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii* [Portal of foreign economic information of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: http://www.ved.gov.ru/at_mpk [Accessed 13/09/2022].
14. Torgovye predstavitel'stva na poroge novoi reformy [Trade missions on the verge of a new reform] (2018). *Informatsionnoe agentstvo TASS* [TASS Information Agency]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/5207168>.

-
15. TPP RF segodnya [Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation today] (2021). *Torgovo-promyshlennaya Palata Rossiiskoi Federatsii* [Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation].. Available at: <https://tpprf.ru/ru/about> [Accessed 12/08/2022].
 16. Vneshneekonomicheskaya deyatelnost': prioritetye napravleniya [Foreign economic activity: priority areas]. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost [Accessed 12/08/2022].

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.89.90.018

Медиапространство в XXI веке: основные тенденции

Пань Вэньшо

Магистрант,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail:535848775@qq.com

Аннотация

Во всем мире основным трендом современного общества становится обширная информатизация процессов и явлений общественной жизни, в результате которой происходит трансформация традиционных социальных директив. На сегодняшний день одной из основных технологий, идущих неразрывно с развитием инновационных каналов общественной коммуникации, является Интернет, на основе которого формируется коммуникационное пространство современности. Особое внимание в данной статье уделено анализу важнейших тенденций становления медиапространства, а также факторам, влияющим на его развитие. Актуальность исследования медиапространства состоит в том, что интернет-коммуникации до сих пор мало изучены, несмотря на то, что Всемирная сеть давно стала неотъемлемой частью нашей жизни не только как инструмент для учебы или работы, но и как возможность коммуникации. Особенность интернет-общения заключается в стремительном развитии социальных сетей, тонкости взаимодействия в которых еще не изучены достаточно тщательно и развернуто. Влияние Интернета пронизывает все общество, в том числе постепенно захватывая политическое пространство, а медиаграмотность становится одной из важных составляющих профессионализма практически в любой сфере, в особенности в политической.

Для цитирования в научных исследованиях

Пань Вэньшо. Медиапространство в XXI веке: основные тенденции // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 154-161. DOI: 10.34670/AR.2022.89.90.018

Ключевые слова

Медиапространство, массовые коммуникации, интернет-сообщество, социальные связи, информационное пространство, виртуальная реальность, СМИ.

Введение

В современных реалиях мир столкнулся с информационной перегрузкой, новости поступают ежесекундно посредством различных СМИ и медиаканалов. Традиционные СМИ постепенно отходят на второй план, газеты, радио, журналы перестают быть единственным источником информации и постепенно превращаются в непопулярный ресурс. Интернет-СМИ, персонифицированный контент выходят на первый план, символизируя собой уникальный продукт, который востребован всеми социальными группами и сообществами. Соответственно, для грамотного управления медиaprостранством необходимо проводить анализ его формирования, изучать структуру и фиксировать изменения, происходящие в нем [Плахтий, 2017, 205].

Основная часть

Многообразие медиaprостранства позволяет делить его по возрастным группам, создавая контент под каждую отдельную платформу. К примеру, медиа, ориентированные на молодежь, продвигают аккаунты в Instagram (запрещена в РФ), Вконтакте, Facebook (запрещена в РФ), так как, по статистике, большая часть аудитории там – молодые люди до 35 лет [Самый свежий отчет Digital 2022 Global Overview, www]. Мы можем наблюдать соответствующий контент в виде опросов, конкурсов, фото- и видеоматериалов, которые могут понравиться и привлечь внимание молодежи, вовлечь их в социальную и политическую жизнь и зачастую навязать собственную точку зрения по разным вопросам.

Социальная сеть «Одноклассники», напротив, имеет более зрелую аудиторию, и здесь, соответственно, меняется контент в тему волонтерства, статей о здоровье, пенсионных вопросов, обсуждений жилищных условий и прочих насущных проблем.

Медиaprостранство можно рассматривать с точки зрения различных дискурсов – социального, геополитического и коммуникативного. С точки зрения социального дискурса это площадка взаимодействия между людьми, обществом и властью, сообществами и социальными группами. Это уникальный масштабный ресурс, и тот, кто им грамотно владеет, способен реализовывать все свои поставленные цели [Антюшев, 2017, 77].

Прекрасным примером грамотного владения всеми ресурсами медиaprостранства с точки зрения геополитики может служить сетевое сопровождение избирательной кампании Д. Трампа, характерной чертой которого была постоянная прямая связь с избирателями посредством Сети, в частности путем использования приложения Twitter (на данный момент заблокирован в России за распространение незаконной информации). Сам Дональд Трамп никогда не скрывал того, что социальные сети – это его лучшая площадка для агитации, которая позволяет избежать зависимости от государственных СМИ [Полозов, 2018, 62]. Таким образом, Интернет можно назвать мощным инструментом Д. Трампа при работе с различными слоями населения; кроме поддержки со стороны республиканцев, данному кандидату удалось получить часть голосов от демократических избирателей, что впоследствии сыграло решающую роль в его победе.

С точки зрения коммуникативного дискурса медиaprостранство представляет собой арену действий, где пользователи имеют возможность взаимодействовать друг с другом в любой момент времени, найти сообщество по интересам, политическим убеждениям и так далее.

Исследования медиaprостранства дают возможность увидеть и проанализировать все преимущества и недостатки социальных сетей как действенного механизма влияния на

общественное мнение и в дальнейшем пробовать создавать идеальную модель эффективного инструмента действий политических акторов, которая будет базироваться на особенностях менталитета населения страны, материальных возможностях и желаемой цели.

Несомненно, в политических технологиях используется большое количество всевозможных приемов и стратегий, влияющих на общество, но хочется отметить важность успешной деятельности в информационном поле интернет-технологий. Интернет на сегодняшний день оказывает революционное влияние на мир коммуникаций, не имеющее аналогов в истории.

Нельзя отрицать постепенную виртуализацию политики и общественной жизни в целом, смещение политической борьбы преимущественно в медиaprостранство.

Медиапространство несет в себе целый ряд функций: информационную, коммуникационную, развлекательную, функции формирования общественного мнения, политико-мобилизационную, маркетинговую, рекламную, политико-имиджевую и манипулятивную функции и многие другие.

Онлайн-площадки имеют очевидные преимущества в эффективности социальных сетей как политического инструмента благодаря интерактивности, скорости, независимости от административного ресурса, очевидной простоте, возможности создать наиболее выгодный имидж медийной личности, явному расширению границ социологических исследований.

Обширное внедрение интернет-технологий в политическую сферу ознаменовывает новый этап в современной политической активности, а доступность политической информации и возможность сформулировать огромной аудитории свою точку зрения в какой то степени способствуют политической активности обычных пользователей Сети.

По мнению большинства политтехнологов, интернет-пространство с большими сложностями контролируется властью из-за сложной структуры и других особенностей. Исходя из этого, регулировать процессы, происходящие в социальных сетях и прочих интернет-площадках, достаточно сложно.

Зачастую «информационное пространство» заменяется словосочетанием «виртуальная реальность», видимо, с целью указать на то, что информация, в том числе и новости, отличается от реальной действительности и должна восприниматься неоднозначно. Именно таким образом работает пропаганда, существующая и функционирующая для того, чтобы дискредитировать кого-либо или что-либо, создать у определенной части населения определенное отношение к какому-либо событию или персоне. В результате медийное пространство зачастую превращается в множество сфабрикованных фактов, чужих необоснованных мнений и позиций и настоящая правда теряется благодаря отражению объективной реальности в реальности виртуальной [Кириллова, 2017, 260].

Одной из юридических проблем, связанных с использованием медиапространства в сфере политтехнологий, является отсутствие должной правовой регламентации их применения, необходимо взять под правовой контроль наиболее востребованные у пользователей Сети порталы, такие как новостные рассылки, электронную почту, баннерную рекламу, создание интернет-сообществ, ведение форумов и блогов. Как уже было замечено, все интернет-технологии в данном случае позволяют проводить информационно-пропагандистскую и манипуляционную работу.

С точки зрения политологии в данной тематике мало лишь структурировать накопленный опыт и анализировать результат, важно на практике разрабатывать методологическую основу для будущих исследований, которые будут включать в себя всевозможные парадигмальные подходы для грамотного и досконального анализа сети Интернет как самого масштабного

социального явления, которое стало неотъемлемой частью политических и социальных процессов [Антюшев, 2017, 76].

Если говорить об особенностях формирования российского сегмента медиапространства, то они заключаются в том, что первоначально интернет-технологии стали применяться в политической сфере и медиасреде и только спустя время – в сфере бизнеса. Исходя из вышесказанного, ключевым фактором развития медиапространства стала активность крупных политических и медиаобъединений, а не коммерческих структур.

В процессе формирования сети Интернет как пространства политического и социального взаимодействия управление основной массой населения вышло на новый уровень. В результате интернет-технологии в вопросах влияния их на общественное сознание изучаются и применяются на уровне руководства страны.

Как следствие, возможность применения многообразия способов взаимодействия с большой аудиторией пользователей посредством социальных медиа количественно и качественно увеличивает потенциал сети Интернет в качестве поля для формирования избирательной и социальной активности.

Безусловно, взаимодействие с участниками онлайн-диалога, а также использование возможностей социальных сетей определяют значимость интернет-пространства в выстраивании отношений между обществом и властью. Особая роль социальных сетей во взаимодействии государства и общественности определяется высокими возможностями Сети в отношении оперативности освещения событий. Даже при наличии оппозиционных телеканалов, посредством телевидения не удалось бы оказывать столь быстрого воздействия на массы, освещая события определенным образом, как это удавалось посредством использования социальных сетей. В этой связи Интернет становится площадкой для онлайн-диалога с возможностью построения общественного мнения в нужное политическое русло [Антюшев, 2017, 79].

Хорошим примером могут служить политтехнологи США, использующие онлайн-пространство в качестве средства агитации электората уже с середины 90-х гг. прошлого века, делая это достаточно продуктивно, привлекая на свою сторону новые голоса, попутно осуществляя сбор пожертвований на избирательную кампанию. Электронные ресурсы превратились в новое средство, с помощью которого открываются безграничные возможности для политической деятельности.

Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что использование медиапространства в политических целях играет решающую роль, так как дает возможность подходить индивидуально к каждому пользователю Сети, при помощи таргетированной рекламы аккумулируется тот контент, который будет интересен каждому человеку.

Нужно отметить и негативную тенденцию – люди перестали доверять традиционным СМИ, считая медиа частью правящей элиты, обращаясь к Интернету как к правдивому источнику информации, предпочитая больше доверять «независимым» комментаторам и друзьям в соцсетях. Нельзя не заметить, что такая отрицательная динамика является результатом качественного снижения уровня жизни и экономического кризиса, переживаемого обществом в последние годы [Елисеева, 2019, 5].

На сегодняшний день важно грамотно применять интернет-технологии, полностью используя их потенциал, сделав основным инструментом решения ключевых целей и задач, связанных с формулировкой и подачей информации для обычного пользователя Сети [Смоликова, 2017, 500].

Резюмируя, можно отметить, что с каждым годом во всем мире все интенсивнее используют

интернет-технологии, которые являются действующим инструментом, помогающим «достучаться» до общества, ранее слабо втянутого в политические противостояния, используя сетевые коммуникации, посредством которых пользователи Сети оказываются задействованными в сам ход событий, проявляя различную активность.

Под негативной составляющей мы понимаем неблагоприятное влияние, оказываемое участниками интернет-пространства на различные политические и социальные процессы. Те массивы социально-медийных сообществ, которые несут в себе негативный настрой на действие властей, медийных личностей, участвующих в скандалах, формируют сеть как пространство договоренностей, предусматривающих достижение определенных целей. Достижению поставленных целей способствуют уникальные свойства, характеризующие сетевые сообщества пользователей: широта охвата; постоянная возможность привлекать все новых участников; экономия денежных средств для передачи информации; «сетевая власть» каждого из участников онлайн-пространства [Антюшев, 2017, 77].

Также важно упомянуть о нездоровом пристрастии к видеоиграм, особенно среди подростков, что впоследствии приводит к утрате социальных связей личности и чрезмерной агрессивности. Для профилактики необходимо контролировать время нахождения ребенка перед монитором, переключая его внимание на различные хобби и совместные мероприятия [Найденова, 2021, 108].

Несомненными лидерами среди социальных сетей в мире является Facebook (запрещен в РФ) и видеохостинг YouTube. Возможности YouTube позволяют пользователям бесплатно размещать, просматривать и комментировать видеоконтент. Наряду с привлечением новой аудитории и возможностью снимать различные ролики, видеохостинг YouTube может использоваться в качестве провокационного контента против конкурентов. К примеру, после показа в марте 2017 года фильма «Фонда борьбы с коррупцией», набравшего более 36 миллионов просмотров на канале и повествующего о предполагаемом имуществе Дмитрия Медведева, социологи «Левада-центра» сразу отметили понижение рейтинга политика на 10% [Эффект от фильма «Он вам не Димон» почти прошел, www]. Таким образом, медиaprостранство показывает нам силу, способную одним роликом дискредитировать медийную личность или крупного политического деятеля.

На сегодняшний день существует тенденция к увеличению доли молодежи среди протестующих, это можно связать с тем, что большую часть аудитории YouTube составляет молодое поколение, и оно менее консервативно, обладая при этом такими социально-психологическими качествами, которые позволяют действовать порой достаточно радикально и без оглядки [Самый свежий отчет Digital 2022 Global Overview, www].

Интерес представляет тот факт, что молодое поколение в онлайн-пространстве по традиции является наиболее активной группой граждан, подчас негативно настроенной и оппозиционной по отношению к действующей власти. Созданный ими контент, размещенный в социальных сетях, способен влиять на представления о происходящих событиях в стране и политических реалиях других пользователей Сети, изначально лояльных к действующей власти [Остапова, 2019, 163].

В связи с этим Интернет выступает в качестве объединяющей площадки для сил оппозиции за счет транслируемых ею в социальные сети и онлайн-пространство информационных вбросов. Сетевые коммуникации пользователей выступают в качестве мощного механизма формирования политических взглядов.

Кроме того, представляется важным упомянуть о том, что сетевые технологии могут быть опасными не только для политических институтов, но и любых других коалиций, так как на

сегодняшний момент пронизывают все человеческое общество. Различие заключается только в степени интенсивности охвата населения той или иной страны сетевыми технологиями.

Безусловно, широкий спектр форм и методов практического применения интернет-технологий в конечном итоге может не только явиться одним из ключевых факторов успешной политической борьбы, но и причиной вызванного интереса у политических, научных и журналистских сообществ к данным технологиям [Остапова, 2019, 165].

Нужно отметить, что в будущем возможно активное формирование инструментариев интернет-активностей медиaprостранства. Необходимо проводить качественное обучение SMM-специалистов, структурировать внедрение рекламы, находить новые инструменты для формирования свежих трендов в рекламе и продвижении новостной информации в Интернете.

Заключение

Суммируя вышесказанное, можно говорить о том, что медиaprостранство является целостной, постоянно развивающейся системой, в которой любой пользователь может создавать и продвигать свой информационный продукт благодаря интерактивности и ревалентности контента, а также узнавать новости в режиме реального времени, о чем можно судить по тому обстоятельству, что интернет-пользователи все чаще выбирают онлайн-видео вместо офлайн-телевидения.

Бесконечные потоки интернет-сообщений пользователей, содержащие различные точки зрения, призывы к агитации, мнения о том или ином персонаже или событии, являются источником для исследования ученых, так как медиaprостранство – это уникальная площадка, на которой возможен открытый обмен точками зрения и информацией по различным вопросам, а также обширное обсуждение индивидуальных и групповых политических и социальных стратегий.

Важно отметить, что характерной чертой формирования медиaprостранства в XXI веке является то, что в условиях информационной эпохи смещаются акценты в отношениях между властью и обществом с реального пространства в онлайн-среду, а процессы, протекающие в медиaprостранстве, ведут к изменению социальной реальности и трансформации моделей взаимодействия в ней.

Библиография

1. Антюшев И.И. Проблема истины в медиaprостранстве современности // Сборник научных статей «Поиск истины в пространстве современной культуры». СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 76-83.
2. Елисеева М.А. Медиaprостранство: социально-философский анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. № 1. С. 4-7.
3. Кириллова Н.Б. Медиа – личность – общество: оценка социально-психологического взаимодействия // Парадоксы медицинской культуры. Екатеринбург, 2017. С. 258-261.
4. Найденова Ю.А. Культура потребления видеоконтента в современном медиaprостранстве // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2021. № 18. С. 108-110.
5. Остапова Л.Е. «Образ страны» в современном медиaprостранстве // Аллея науки. 2019. Т. 3. № 1 (28). С. 160-163.
6. Плахтий И.С. Развитие медиaprостранства в современном обществе // Молодой ученый. 2017. № 17 (151). С. 204-207. URL: <https://moluch.ru/archive/151/42922>.
7. Полозов В.М. Сравнительный анализ политических имиджей на примере В.В. Путина и Д. Трампа // Студенческий форум. 2018. № 10 (31). С. 55-62.
8. Самый свежий отчет Digital 2022 Global Overview. URL: <https://vc.ru/marketing/383351-samyi-svezhiy-otchet-digital-2022-global-overview>.

9. Смоликова Т.М. Интегрированные коммуникации медиапространства // XI Международная научно-практическая конференция «Культура. Наука. Творчество». Минск: Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2017. С. 500-505.
10. Эффект от фильма «Он вам не Димон» почти прошел. URL: <https://www.levada.ru/2017/05/29/effekt-ot-filma-on-vam-ne-dimon-pochtiproshel>.

Media space in the XXI century: main trends

Pan Wenshuo

Master Student,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: 535848775@qq.com

Abstract

Bo All over the world, the main trend of modern society is the extensive informatization of the processes and phenomena of public life, which results in the transformation of traditional social directives. Today, one of the main technologies that go inextricably with the development of innovative channels of public communication is the Internet, on the basis of which the communication space of modernity is formed. Particular attention in this article is paid to the analysis of the most important trends in the formation of the media space, as well as the factors influencing development. The relevance of the study of the media space lies in the fact that Internet communications are still little studied, despite the fact that the World Wide Web has long become an integral part of our lives, not only as a tool for studying or working, but mainly as an opportunity for communication. The peculiarity of Internet communication lies in the rapid development of social networks, the subtleties of interaction in which have not yet been studied thoroughly and extensively. The influence of the Internet permeates the entire society, including gradually capturing the political space, and media literacy is becoming one of the important components of professionalism in almost any field, especially in the political one.

For citation

Pan Wenshuo (2022) *Mediaprostranstvo v XXI veke: osnovnye tendentsii* [Media space in the XXI century: main trends]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 154-161. DOI: 10.34670/AR.2022.89.90.018

Keywords

Media space, mass communications, Internet community, social connections, information space, virtual reality, mass media.

References

1. Antyushev I.I. (2017) Problema istiny v mediaprostranstve sovremennosti [The problem of truth in the media space of modernity]. In: *Sbornik nauchnykh statei "Poisk istiny v prostranstve sovremennoi kul'tury"* [Collection of scientific articles "The search for truth in the space of modern culture"]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics, pp. 76-83.
2. *Effekt ot fil'ma "On vam ne Dimon" pochti proshel* [The effect of the film "He is not Dimon to you" has almost passed].

- Available at: <https://www.levada.ru/2017/05/29/effekt-ot-filma-on-vam-ne-dimon-pochtiproshel> [Accessed 04/08/2022].
3. Eliseeva M.A. (2019) Mediaprostranstvo: sotsial'no-filosofskii analiz [Media space: socio-philosophical analysis]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 19(1), pp. 4-7.
 4. Kirillova N.B. (2017) Media – lichnost' – obshchestvo: otsenka sotsial'no-psikhologicheskogo vzaimodeistviya [Media – personality – society: assessment of socio-psychological interaction]. *Paradoksy meditsinskoi kul'tury* [Paradoxes of medical culture]. Ekaterinburg, pp. 258-261.
 5. Naidenova Yu.A. (2021) Kul'tura potrebleniya videokontenta v sovremennom mediaprostranstve [The culture of video content consumption in the modern media space]. *Trudy molodykh uchenykh Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of young scientists of the Altai State University], 18, pp. 108-110.
 6. Ostapova L.E. (2019) "Obraz strany" v sovremennom mediaprostranstve ["The image of the country" in the modern media space]. *Alleya nauki* [Alley of Science], 3(1), 28, pp. 160-163.
 7. Plakhtii I.S. (2017) Razvitie mediaprostranstva v sovremennom obshchestve [The development of media space in modern society]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 17 (151), pp. 204-207. Available at: <https://moluch.ru/archive/151/42922> [Accessed 04/08/2022].
 8. Polozov V.M. (2018) Sravnitel'nyi analiz politicheskikh imidzhei na primere V.V. Putina i D. Trampa [Comparative analysis of political images on the example of V.V. Putin and D. Trump]. *Studencheskii forum* [Student forum], 10 (31), pp. 55-62.
 9. *Samyi svezhii otchet Digital 2022 Global Overview* [The most recent Digital 2022 Global Overview report]. Available at: <https://vc.ru/marketing/383351-samyi-svezhiy-otchet-digital-2022-global-overview> [Accessed 04/08/2022].
 10. Smolikova T.M. (2017) Integrirovannye kommunikatsii mediaprostranstva [Integrated communications of the media space]. In: *XI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Kul'tura. Nauka. Tvorchestvo"* [Proc. Int. Conf. "Culture. The science. Creation"]. Minsk: Belarusian State University of Culture and Arts, pp. 500-505.

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.99.18.019

Новые медиа в информационном пространстве России: проблемы и перспективы

Го Чжи

Магистрант,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: 3187048709@qq.com

Аннотация

Стремительное развитие информационных технологий повлекло за собой «рождение» новых медиа, которые постепенно вытесняют традиционные СМИ. В данной статье рассматривается процесс формирования новых медиа в современном информационном пространстве России, который в свою очередь, меняет процессы в обществе в целом, создавая новую среду обитания, меняя привычный образ жизни. «Новые медиа» рассматриваются с точки зрения силы их влияния на настроения и политические предпочтения современного российского общества, проводится анализ самых популярных и востребованных форматов, представленных в сети Интернет. Актуальность данной статьи подчеркивается влиянием новых медиа на социально-политические процессы, происходящие на данный момент в России, в том числе на рост пропаганды и разжигание информационных войн.

Для цитирования в научных исследованиях

Го Чжи. Новые медиа в информационном пространстве России: проблемы и перспективы // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 162-169. DOI: 10.34670/AR.2022.99.18.019

Ключевые слова

Онлайн-пространство, новые медиа, сеть Интернет, информационное пространство, средства массовой информации, цифровизация, политический интернет.

Введение

Понятие «новые медиа» возникло относительно недавно, в конце XX века, с целью выделить в отдельную группу новейшие интерактивные электронные издания и инновационные формы коммуникации авторов контента с потребителями, акцентируя своим названием отличие от традиционных источников информирования людей или средств массовой информации.

В современном обществе новые медиа представляют собой одно из важнейших достижений интернет-технологий, расширяющее горизонты возможностей в сфере обсуждения и донесении информации до огромного числа людей, также являя собой удобную платформу для освещения различных событий на многочисленных онлайн-площадках [Артемова, 2020, 146].

С помощью этого новейшего инструментария журналисты, блогеры, медийные личности, понимающие значимость подобного вида технологий, грамотно используют любую возможность повлиять на мнения и настроения общества. Всемирная Сеть как медиаплатформа предоставила новые возможности подачи информации, а также уникальные стратегии развития медиабизнеса именно посредством механизмов грамотного составления контента и его быстрого распространения в интернет-пространстве [Ржанова, Кокорев, 2017, 123].

Основная часть

С появлением новейших коммуникационных сетевых ресурсов мы видим кардинальное изменение в структуре электронных средств массовой информации. Безусловно, новейшие технологии диктуют новые правила, привнося качественные изменения в каждую часть медийного процесса. Политический интернет становится на порядок быстрее, заметно увеличиваются охваты аудитории, информация разлетается молниеносно, не успевая подвергаться цензуре и управлению со стороны властей.

Относительно недавно появилась возможность проводить прямые эфиры или онлайн-трансляции, которые стали доступны для любого пользователя Сети, такая возможность в еще большей степени повлияла на скорость коммуникации, показав тем самым неограниченный потенциал для подачи информации в режиме реального времени. Из явных преимуществ, помимо скорости, можно отметить также функцию обратной связи со зрителями, подключенными к трансляции, что обеспечивает новый вид сетевой коммуникации, который, нужно отметить, уже сейчас используется в современной журналистике, в том числе в пропаганде и информационных войнах.

Обычный пользователь может оказать влияние на политическую ситуацию в стране, не выходя из дома, для этого лишь нужно выйти в прямой эфир, написать блог или сообщение в Сети, высказав свою точку зрения на тот или иной вопрос, используя при этом любой доступный способ, например посредством обычного смартфона. Таким образом, постепенно появляется новый тренд – авторские медиа, частью которых являются блоги.

Став частью новых медиа, блоги, своего рода событийные интернет-журналы, онлайн-дневники, основным наполнением которых являются систематически добавляемые записи, текст, фото- и видеоизображения или мультимедиа, оказались невероятно популярны благодаря простоте размещения материалов и интерактивности [Игумнова, 2021, 95-96].

Интернет-общение, являясь достаточно четким видом взаимодействия людей с помощью Всемирной сети, может быть представлено как в непосредственном общении того или иного участника чата с другим, так и в обращении одного собеседника к большой группе других

людей.

На сегодняшний день, в условиях сложной геополитической обстановки в России, новые медиа становятся мощным оружием, способным разделить общество и разобщить, поэтому так необходимо анализировать происходящие события с точки зрения политических высказываний и пропаганды в Интернете. Это обуславливает актуальность исследования новых медиа в информационном пространстве в рамках их влияния на общество, геополитическую обстановку и различные сферы жизни России [Бирюлин, Сорокина, 2020, 192].

Политический Интернет, как отдельно существующий вид сетевой коммуникации в эпоху информационных технологий, посредством новых медиа становится важным средством коммуникации, широко применяемым государственной властью, политическими лидерами, партиями и различными представителями гражданского общества в своих интересах. Представляется важным постоянно исследовать различные точки зрения и взгляды на формулирование основных составляющих и проблем, связанных с развитием новых медиа как самого инновационного средства связи с общественностью в России.

На сегодняшний день социальные сети и различные медиа занимают важную роль в политических и социально значимых процессах государства, информационные технологии выходят на новый уровень в эффективности воздействия на общество в целом, постепенно видоизменяясь в конкурентной борьбе в политические пиар-технологии.

Если говорить об основных проблемах и трудностях применения новых медиа, имеющих большое количество мнений и споров среди авторов научных трудов, то частый дискурс по данной тематике посвящен влиянию Всемирной паутины на уровень демократизации государства и распространение пропаганды. В этой связи у многих российских политтехнологов возникают опасения, достаточно ли мощи сетевой коммуникации, чтобы изменить сложившийся политический строй в стране или оказать благотворное влияние на общественное мнение.

Надо отметить, что российская наука на протяжении последних лет занимается изучением фактора коммуникации в рамках исследования социальных медиа интернет-сообществ в России. Открытых вопросов достаточно много, но абсолютно очевиден тот факт, что потенциал интернет-коммуникаций колоссален.

Многие исследователи, понимая огромные возможности новых медиа в демократическом обществе, делают акцент на поиске условий, необходимых для строгого регулирования всех интернет-коммуникаций на практике, исходя из характера действующего политического режима. В данном вопросе сразу хочется упомянуть Китай, страну с огромным населением и авторитарным режимом правления, власти которой достаточно успешно удерживают демократизирующее влияние социальных медиа на общество посредством административных ресурсов и внедрения автоматизированных систем [Руденко, 2020, 66].

Если говорить о влиянии новых медиа на демократическое изменение режима, то здесь высказывается большое число диаметрально противоположных мнений среди исследователей, но что касается признания за интернет-коммуникациями ключевого значения в сфере влияния на общественное мнение, то разногласий практически не возникает.

Анализируя происходящие события в мире, мы видим, что информационные технологии и сетевые коммуникации на сегодняшний момент все же не являются мощным оружием, способным противостоять административному ресурсу и техническим средствам, применяемым для полного или частичного запрета нежелательных ресурсов в Сети.

Ярким примером может служить запрет нескольких социальных сетей в России в связи с

дискредитацией власти на фоне проводимой специальной военной операции на Украине. Как результат, после блокировки Facebook и Instagram выросла аудитория самой популярной в России соцсети «ВКонтакте». Аудитория Facebook и Instagram (принадлежат компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена в России) сократилась с января по июль 2022 года в восемь и почти в четыре раза соответственно, как следует из данных исследовательской компании Mediascope. Больше всего от блокировки иностранных сетей выиграл мессенджер Telegram: его суточная аудитория в России выросла за полгода на 66%, до 41,5 млн человек. Интересно отметить, что среди новых трендов в интернет-пространстве отмечается рост числа СМИ, существующих в виде e-mail-рассылок и использующих такой вид донесения информации из-за блокировок [Технологии и медиа, www].

Блокировки социальных сетей говорят о еще одном важном аспекте проблематики новых социальных медиа, вызывающем множество споров среди исследователей, – зависимости распространения социальных сетей, блогов и прочих медиа, радикализации отдельных групп населения, и все возрастающей гражданской активности. Безусловно, Интернет является удобной площадкой для объединения сил и обмена мнениями, но так ли он универсален с практической точки зрения, какой процент собравшихся на форуме людей выходит на улицы или является частью оппозиции [Ксенофонтова, 2012, 116]?

Сетевые ресурсы в качестве инструментария, используемого для увеличения политической активности простых пользователей, отражены в работах многих российских исследователей, в них часто высказывается точка зрения о том, что воздействие интернет-коммуникаций на политическую активность граждан достаточно велико и напрямую оказывает влияние на политическую позицию и предпочтения общества по различным вопросам.

Мы можем наблюдать в данный момент, как Интернет все чаще выступает в качестве площадки для высказывания мнений и проведения дискуссий по актуальным политическим и общественным вопросам. Онлайн-пространство стало очень удобным в техническом плане инструментом взаимодействия граждан между собой, каждый может получить нужную ему информацию, задать вопрос и получить ответ в режиме реального времени, объединиться на форумах, поделиться интересным сообщением или фактом, стать важным элементом общества.

Кроме того, новые медиа превратились в быстрый источник фото- и видеоконтента с места событий, возможность онлайн-трансляций стала заметно чаще использоваться при проведении различных знаковых событий, подавая информацию с пылу с жару.

Нельзя не сказать и о феномене интернет-цензуры в социальных сетях и мессенджерах, являющейся насущной проблематикой, так как государственное регулирование в этой области развито пока очень слабо. Но с превращением Всемирной паутины в инструмент политической борьбы вопрос наименее эффективнейшего способа контроля новой коммуникационной арены встал как никогда остро.

На сегодняшний день новые медиа больше не могут существовать без правового регулирования и разработанных грамотных приемов сдерживания и структурирования действий, совершаемых во время коммуникации в Сети, учитывая при этом особенности и менталитет российского общества.

Манипулятивные возможности Всемирной сети также являются неотъемлемой частью новейших политических и экономических технологий. Говоря об особенностях манипуляции в онлайн-пространстве, можно с уверенностью утверждать, что они на сегодняшний день являются общемировым новейшим оружием, которое используют власти для дискредитации недружественных стран с целью возвысить себя на политической общемировой арене.

Нужно признать, что интернет-пространство способно воздействовать на умы простого народа и оказывать влияние на общемировую политическую обстановку, но пока данные возможности применяются не в полной мере, и на сегодняшний день необходимо заглянуть вперед и заранее принять меры для будущего контроля подобного рода манипуляций посредством модернизации технологий воздействия и сдерживания, руководствуясь примерами других стран.

Интернет-коммуникации в новых медиа-пространствах, форумах, телеграмм-каналах проникли в политику и социальную сферу не одномоментно, их появление и развитие является процессом, который видоизменяется каждую секунду, поэтому так много диаметрально противоположных точек зрения сложилось по данному вопросу. Это можно объяснить недостаточной изученностью некоторых аспектов проблематики симбиоза социальных сетей, медиа-каналов и политики.

Во-первых, на сегодняшний день нет четкого понимания степени влияния электронных СМИ на этнополитические процессы; во-вторых, непонятна роль виртуальной реальности в развитии экстремизма и националистических настроений; в-третьих, не изучена степень влияния новых медиа на подрастающее поколение с точки зрения роста игровой зависимости; мало исследованы технологии медиаманипулирования в онлайн-пространстве и др.

Наконец, важен вопрос субъективности интернет-текстов, в которых зачастую преобладает свобода стиля. Пользователи Сети могут свободно выражаться в интернет-текстах, при этом воздействуя на умозаключение большой целевой аудитории. Интернет-коммуникация наделяется новым смыслом, способствуя развитию инновационных процессов в политической системе общества [Горшкова, 2020, 98].

Не вызывает сомнения тот факт, что интернет-коммуникации в новых медиа, например в телеграмм-каналах, очень перспективны в плане развития электронных сервисов обращения граждан, проведения интернет-голосований, развития электронного участия, – все это, без сомнения, оказывает существенное влияние на сегодняшнюю демократию и развитие социальной сферы.

Современные реалии требуют анализа новых моделей коммуникации в связи с быстрым развитием Интернета и, в частности, новых медиа, которые на данный момент являются одним из перспективнейших направлений в изучении влияния на современную общественно-политическую жизнь России. Можно с уверенностью говорить о том, что роль новых медиа в воздействии на общественное мнение будет еще более значимой.

В современных условиях, когда сетевая информация превращается в один из самых эффективных способов воздействия на сознание общества, представляется важным более тщательно изучать интернет-технологии воздействия на обычных пользователей Сети. Данная проблематика является актуальной в силу того, что в демократическом обществе роль функциональных и ресурсных возможностей социальных сетей и медиа-сообществ наиболее показательно проявляется во время кардинальных изменений в стране. Именно в непростой геополитической обстановке, связанной с проведением специальной военной операции на Украине, ценность информационных коммуникаций между населением и властью как никогда важна и значима [Мирзакулов, 2019, 155].

В то же время в вопросе политической пропаганды значительно растет эффективность использования социальных сетей, за последние три года соцсети поднялись в рейтинге полезности на второе место, следом за ними идет использование мессенджеров.

К примеру, Telegram является лидирующей соцсетью в качестве новостных каналов за

последние годы, несмотря на небольшое снижение популярности за 2021 год. Хотя нужно отметить, что, по мнению некоторых политтехнологов, какая-то часть пользователей перестала воспринимать Telegram-каналы всерьез из-за часто встречающейся недостоверной информации и фэйковых новостей.

На первый план постепенно выходят сервисы с визуальным контентом – Яндекс Дзен, Rutube, YouTube и Instagram (принадлежит компании Meta, признанной в РФ экстремистской). Это объясняется тем, что большинство людей – визуалы, их восприятие действительности чаще происходит через картинку или видео, чем через текстовый материал [Технологии и медиа, www].

Как можно заметить, влияние интернет-коммуникаций на политические и социальные процессы в России представляется довольно масштабным. Производным продуктом интернет-технологий в новых СМИ становится новостной онлайн-контент, доступный 24 часа в сутки из любой точки земного шара и не требующий значительных материальных вложений.

Специфика среды новых медиа в онлайн-пространстве характеризуется новым свойством, таким как виртуальность, которое, в свою очередь, несет за собой такие понятия, как анонимность, конфиденциальность.

Из-за анонимности в сети возникает и другая проблема, связанная со снижением психологического и социального риска в процессе дискуссии, – явное проявление раскрепощенности, ненормативности и безответственности собеседников. Человек в интернет-пространстве может использовать большое количество высказываний и явных угроз (нередки оскорбления, нецензурные выражения), потому что шанс разоблачения и собственной отрицательной оценки другими участниками ничтожен [Ксенофонтова, 2012, 100]. Поэтому грамотное правовое регулирование на данный момент просто необходимо в новых медиа, так как, судя по сообщениям СМИ, в 2022 году резко возросло число уголовных статей за фейки и дискредитацию действующей власти, за призывы к насилию и разжиганию розни среди людей [МВД назвало число уголовных и административных дел за дискредитацию армии, www].

Заключение

Таким образом, роль сетевых технологий в современном обществе на сегодняшний день сложно переоценить, а грамотное применение онлайн-коммуникаций способно обеспечить новым СМИ или иным интернет-каналам поддержку существенных слоев населения, разнообразных правящих кругов или же отдельно заинтересованных сообществ. Наглядно это можно видеть именно в период серьезных геополитических изменений не только в России, но и во всем мире.

Библиография

1. Артемова Д.Ш. Роль и место социальных медиа в становлении нового коммуникативного пространства // Бизнес. Общество. Власть. 2020. № 4 (38). С. 143-153.
2. Бирюлин И.В., Сорокина Ю.В. О роли новых медиа в трансформации информационного пространства России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4(135). С. 191-199.
3. Горшкова Л.А. Коммуникативные особенности социального медиа Youtube в современном информационном пространстве // Медиасреда. 2020. № 2. С. 94-100.
4. Игумнова Е.Ю. Новые медиа в современном информационно-коммуникационном пространстве: блогосфера как медиа // Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции «Новые медиа для современной молодежи». СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2021. С. 93-100.

5. Ксенофонтова И.В. Роль Интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3 (109). С. 114-116.
6. МВД назвало число уголовных и административных дел за дискредитацию армии // Информационное агентство «РосБизнесКонсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/10/2022/634fb9b09a79477c820127d0>.
7. Мирзакулов Г.М. Новые медиа, социальные сети и блогосфера в системе информационного права // European Science. 2019. № 7 (49). С. 98-100.
8. Ржанова С.А., Кокорев Е.В. Новые медиа в информационном пространстве России // Медиаисследования. 2017. № 4-1. С. 152-157.
9. Руденко Ю.Ю. Возможности развития и продвижения культуры в пространстве новых и социальных медиа // Общество: философия, история, культура. 2020. № 8 (76). С. 123-126.
10. Технологии и медиа // Информационное агентство «РосБизнесКонсалтинг». URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/20/03/2022/62349dae9a7947e973dbb666.

New media in the information space of Russia: problems and prospects

Guo ZhiYi

Master Student,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: 3187048709@qq.com

Abstract

The rapid development of information technology has led to the "birth" of new media, which are gradually replacing traditional media. The article discusses the process of formation of new media in the modern information space of Russia, which, in turn, changes the processes in society as a whole, creating a new habitat, changing the usual way of life. "New media" are considered from the point of view of the strength of their influence on the moods and political preferences of modern Russian society, an analysis is made of the most popular and sought-after formats presented on the Internet. The relevance of this article is emphasized by the influence of new media on the socio-political processes currently taking place in Russia, including the growth of propaganda and the incitement of information wars.

For citation

Guo ZhiYi (2022) Novye media v informatsionnom prostranstve Rossii: problemy i perspektivy [New media in the information space of Russia: problems and prospects]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 162-169. DOI: 10.34670/AR.2022.99.18.019

Keywords

Online space, new media, Internet, information space, mass media, digitalization, political internet.

References

1. Artemova D.Sh. (2020) Rol' i mesto sotsial'nykh media v stanovlenii novogo kommunikativnogo prostranstva [The role and place of social media in the formation of a new communicative space]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'* [Business. Society. Power], 4 (38), pp. 143-153.

2. Biryulin I.V., Sorokina Yu.V. (2020) O roli novykh media v transformatsii informatsionnogo prostranstva Rossii [On the role of new media in the transformation of the Russian information space]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 4(135), pp. 191-199.
3. Gorshkova L.A. (2020) Kommunikativnye osobennosti sotsial'nogo media Youtube v sovremennom informatsionnom prostranstve [Communicative features of social media Youtube in the modern information space]. *Mediasreda* [Media environment], 2, pp. 94-100.
4. Igumnova E.Yu. (2021) Novye media v sovremennom informatsionno-kommunikatsionnom prostranstve: blogosfera kak media [New media in the modern information and communication space: the blogosphere as media]. In: *Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Novye media dlya sovremennoi molodezhi"* [Proc. Int. Conf. "New media for modern youth"]. Saint Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, pp. 93-100.
5. Ksenofontova I.V. (2012) Rol' Interneta v razvitii protestnogo dvizheniya [The role of the Internet in the development of the protest movement]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Public opinion monitoring: economic and social changes], 3 (109), pp. 114-116.
6. Mirzakulov G.M. (2019) Novye media, sotsial'nye seti i blogosfera v sisteme informatsionnogo prava [New media, social networks and the blogosphere in the system of information law]. *European Science*, 7 (49), pp. 98-100.
7. MVD nazvalo chislo ugovolnykh i administrativnykh del za diskreditatsiyu armii [The Ministry of Internal Affairs named the number of criminal and administrative cases for discrediting the army]. *Informatsionnoe agentstvo "RosBiznesKonsalting"* [RosBusinessConsulting Information Agency]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/19/10/2022/634fb9b09a79477c820127d0> [Accessed 04/08/2022].
8. Rudenko Yu.Yu. (2020) Vozmozhnosti razvitiya i prodvizheniya kul'tury v prostranstve novykh i sotsial'nykh media [The opportunities for the development and promotion of culture in the space of new and social media]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 8 (76), pp. 123-126.
9. Rzhanova S.A., Kokorev E.V. (2017) Novye media v informatsionnom prostranstve Rossii [New media in the information space of Russia]. *Mediaissledovaniya* [Media Research], 4-1, pp. 152-157.
10. Tekhnologii i media [Technologies and media]. *Informatsionnoe agentstvo "RosBiznesKonsalting"* ["RosBusinessConsulting" Information Agency]. Available at: https://www.rbc.ru/technology_and_media/20/03/2022/62349dae9a7947e973dbb666 [Accessed 04/08/2022].

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2022.92.97.020

Особенности формирования политики устойчивого развития рынка труда в России в контексте стран БРИКС

Ермолаева Юлия Вячеславовна

Научный сотрудник,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук,
117218, Российская Федерация, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5;
e-mail: mistelfrayard@mail.ru

Аннотация

В статье проанализированы показатели устойчивости рынка труда в странах БРИКС по последним данным в соответствии со статистикой согласно программам развития целей устойчивого развития по рынку труда. Главная триада первоочередной повестки: сокращения бедности, неравенства и безработицы наравне с выходом из теневого сектора особенно остро стоит в Африке, Бразилии и Индии. Самые высокие показатели социальной обеспеченности льготами наблюдаются к Китае, Бразилии и России. При этом для этих стран высоко расслоение в области доходов, особенно в региональном срезе. Все страны БРИКС имеют высокую необходимость в модернизации основообразующих секторов экономики применительно к целям устойчивого развития, снижении углеродного следа, создании зеленой повестки, нуждаются в ребалансировке промышленной, сырьевой и энергетической повестки с введением инноваций и реформирования экономики на курс зеленого рынка труда. Подытоживая основные выдержки, найденные в ходе анализа, каждой из стран БРИКС необходимо обеспечить общие правила по целям устойчивого развития применительно к политике формирования устойчивых рабочих мест в странах БРИКС: ресурсоэффективность, производительность и человеко-ориентированный рынок труда; создать гендерно-нейтральные и инклюзивные рабочие места; сократить безработицу в молодежной среде; стратегии занятости молодежного рынка труда; социально-экологическое право и охрана труда; создать зеленую повестку развития устойчивых рабочих мест по секторам экономики, адаптировать образовательную систему.

Для цитирования в научных исследованиях

Ермолаева Ю.В. Особенности формирования политики устойчивого развития рынка труда в России в контексте стран БРИКС // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 170-180. DOI: 10.34670/AR.2022.92.97.020

Ключевые слова

БРИКС, устойчивое развитие, социология профессий, рынок труда, социальная динамика, модернизация рынка труда.

Введение

В последние десятилетия человечество увеличило свое давление на окружающую среду (далее – ОС). Ресурсоемкая модель интенсивного использования ОС, на которую опирался экономический прогресс, привели к ухудшению ее состояния [The employment impact of climate change adaptation, 2018]. Политическое и антропогенное влияние отражается не только на ОС, экономике, но и на социальной жизни, в том числе рынке труда. Устойчивость рынка труда и предприятий обозначает производство продуктов с использованием таких технологических процессов и такой схемы управления, которые уменьшают негативное воздействие на окружающую среду, сохраняют энергию и природные ресурсы, безопасны для общества (т.е. сотрудников, сообществ и потребителей) и экономически выгодны для предприятия.

Основная часть

Чтобы оценить степень устойчивости рабочих мест и предприятий, МОТ предоставляет в ООН данные по 14 показателям ЦУР, сгруппированным по 5 из 17 целей, которые будут проанализированы в данной статье. Статистические показатели представлены в базе данных ILOSDG и данные адаптированы для стран БРИКС.

Таблица 1 - Показатель 1.1.1: Доля населения, живущего за чертой бедности, принятой по международным меркам (в странах БРИКС)

Страна	Значение
Бразилия	1,8%
Россия	0%
Индия	7,6%
Китай	0,2%
Южная Африка	7,7%

Всемирный банк и ILO считает бедными людей, которые живут меньше, чем на 1,9 доллара в день по паритету покупательской способности (ППС). Согласно этому подходу, самые высокие показатели зарегистрированы в ЮАР и в Индии (в Индии снизился с 21% с 2011). Внутри каждой страны выстраиваются свои собственные «показатели бедности». Согласно расчетам по методике Тендулкара, которая используется в Индии, в 2011-2012 годах процент бедных в стране составлял 21,9%, но по другим методикам процент может быть выше (до 30%). На третьем месте по числу бедного населения стоит Бразилия. Бразилия занимает 49-е место по индексу коэффициента Джини, при этом 10% самых богатых бразильцев зарабатывают 43% национального дохода, а 34% самых бедных зарабатывают менее 1,2%. По международным данным, в России 0% бедных согласно международным показателям и 11% по внутренним подсчетам РосСТАТ на декабрь 2021. Китай – мировой рекордсмен в области ликвидации бедности за прошедшие десять лет, на данный момент по внутренним подсчетам в КНР – 8% за чертой бедности против 30% с конца прошлого столетия [Brics economic bulletin, www]. Согласно исследованию Тихоновой Т. и Аникина В. бедность и неравенства в разных странах БРИКС имеют разную структуру, так в Бразилии феномен бедности особенно распространен, учитывая высокую плотность населения и социальную нагрузку в городах, фавелизацию и усиленную модернизацию, провоцирующую большее социальное расслоение, от которой в первую очередь страдает молодежь на рынке труда. В России категории бедности

сосредоточены в уязвленных социальных группах (пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи, жители сельских и удаленных территорий, в России социальные условия и рынки труда значительно отличаются в зависимости от регионов и отрасли. В Китае особые категории бедности – мигранты, жители высоко перенаселенных городских районов. Бедность в Китае сосредоточена в северо-западных районах страны. В Индии, учитывая также фактор перенаселения, есть несколько категорий, подверженных феномену бедности – сельские жители, жители перенаселенных урбанизированных территорий с низким достатком, многодетные семьи. ЮАР особенно подвержена бедности в отдаленных и сельских территориях [Аникин, Тихонова, 2016].

Таблица 2 - Индикатор 1.3.1: Доля населения, охваченного минимальными системами социальной защиты по странам БРИКС

	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
Доля населения, охваченного минимальными системами социальной защиты (%)	69	100	24,4	79,9	49,3
Лица старше пенсионного возраста, получающие пенсию (%)	100	100	42,6	44,4	81,5
Пособие по инвалидности (%)	100	100	5,6	12,7	66,5
Многодетные и нуждающиеся семьи с детьми, получающие пособие (%)	67,7	100	24,1	16,4	76,6
Нетрудоустроенные, получающие пенсию (%)	17,6%	100	0	15,3	11,9
Люди за чертой бедности, получающие пособие (%)	100	-	-	-	-
Другие социально уязвимые группы населения, получающие льготы (%)	45,9	-	-	16,6	-
Кол-во женщин, получающих выплату на новорожденных (материнский капитал) (%)	45,9	100 (2017)	41,6 (2020)	-	7,6

Безусловный лидер, предоставляющий наибольший охват социальных пособий согласно отчету ILO – Россия, на втором находится Бразилия. Более низкие уровни экономического роста в странах БРИКС и меняющиеся демографические тенденции (рост пожилого населения, взрыв рождаемости) потребуют корректировки системы социального обеспечения. В России для решения новых проблем и устранения растущего неравенства, не в последнюю очередь между сельскими и городскими районами были внедрены различные программы: Дальневосточный гектар для предпринимателей, материнский капитал, «Развитие образования», доступная среда, индексирование пенсионной реформы, содействие занятости [Государственные программы в России, www]. В Индии программы социального страхования направлены на сектор неформальной и сельской экономики, борьбы с бедностью, введены программы продовольственной помощи, здравоохранения, всевозможного страхования, включая микрострахование для охраны здоровья, микропенсии, охрана труда и социальная защита. В Китае существуют накопительные и ненакопительные программы социального страхования и социальной помощи, основанной так же существуют базовые и доступные всем пенсии и медицинское обслуживание, включая пособие по бедности. В Южной Африке социальные пособия широко распространены во всех группах населения, и все традиционные риски покрываются за счет предоставления финансируемых за счет налогов субсидий [Social security coverage extension in the BRICS, 2013].

Таблица 4 - Индикатор 8.2.1: Годовой темп роста реального ВВП на одного занятого USD% в странах БРИКС

Страна	Показатель
Бразилия (2021)	3
Россия (2020)	5,1
Индия (2020)	4,1
Китай	7,6
Южная Африка	5,3

Суммарный рост экономик стран БРИКС в 2021 году оценивается в 6-7%. Доля участия стран БРИКС в формировании мирового ВВП за период 2009-2020 гг. находится в пределах от 15,9% до 23,7%, в стоимостном выражении это составляет в среднем около 15793 млрд долл. США. Значительную долю в приросте объемов ВВП стран БРИКС обеспечил Китай – более 65% совокупного экономического потенциала БРИКС. Вклад ЮАР наименьший – 1,82% совокупного ВВП стран БРИКС. В общем объеме ВВП стран БРИКС в 2018 г. доля Бразилии составляет 9,2%, России – 8,1%, Индии – 13,6%. В странах БРИКС сосредоточена минерально-сырьевая и производственная мировая база, Банк развития и валютные резервы альянса, в некоторой степени оправдывая себя как ответ на однополярность западного мира, выдвигая свои экологические, экономические и социальные цели устойчивого развития [Буценко, Горина, 2020].

Таблица 5 - Индикатор 8.3.1: Доля неформальной занятости в общей занятости в разбивке по секторам и полу% в странах БРИКС

Страна	Показатели
Бразилия (2015)	45% всего Для мужчин – Агрокультура – 85% Остальные сектора 38,3% Для женщин – 42,5% В агрокультуре – 94,5% в остальных секторах 36,9% От всего населения
Россия (2020)	-
Индия (2020)	88% всего, агрокультура 90%, из них 88% мужчин, 99% женщин от всего населения
Китай (2020)	-
Южная Африка (2020)	41% всего, из них 77% в агрокультуре, 23% в остальных секторах

Самый крупный теневой рынок занятости находится Индии, затем следует Бразилия и Южная Африка, при этом безусловный и основной «антилидер» отрасли – агрокультура. Формально в Китае и России не дается данных о развитии теневого рынка. Есть разные взгляды на развитие теневого сектора в странах БРИКС: одни авторы указывают, что доминируют экономические факторы, такие как уровень безработицы, коррупция, налоговое бремя для предпринимателя и степень открытости торговли [Schneider, 2005; Mauleon, Sarda, 2017]. Другие авторы предполагают, что главными оказываются психологические установки, социальные условия как следствие экономических реформ, и формальные и неформальные институты (например, культура бедности, культура фавел, преступные группировки и др., например собиратели отходов [Torgler, Schneider, 2009; Feld, Frey, 2017]). Объем средней теневая экономика размер БРИКС составляет примерно 27,98% ВВП за период 2011-2019. Чем больше уровень безработицы, слабее социальная политика, и выше существующая налоговая

нагрузка на населения и уровень коррупции, тем сильнее распространяются теневые формы занятости, ассимилируясь в формальных институтах и составляя своеобразный институциональный симбиоз.

Таблица 6 - Индикатор 8.5.1: Средний почасовой заработок работников в разбивке по роду занятий в странах БРИКС в местной валюте

Показатели	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
всего	15	-	70	-	20
Менеджеры, управленцы	31 из них 32 М, 14.6 Ж	-	15.1, М 15.3, Ж 13.8	-	10.3, М 98, Ж 11.5
Профессионалы	31.8, из них, 36 М, 28.1 Ж	-	11.9, М 12.5, Ж 10.8	-	12.7, М 13.9, Ж 12.7
Техники и профессиональные ассистенты	19 из них 21 М, 16,5 Ж	-	81, М 46, Ж 74	-	36, М 38, Ж 34
Клерки	12,7, из них 13 М, 12% Ж	-	46, М 82, Ж 77	-	27, М 26, Ж 27
Работники сферы услуг	10, из них 11 М, 9% Ж	-	46, М 50, Ж 33	-	18.4, М 19, Ж 17
Работники агрокультуры, рыбной и лесной промышленности	7.6, из них 7 М, 7.2 Ж	-	49, М 49, Ж 29 Ж	-	14, М 15, Ж 11
Ручной труд	10.8 из них 11 М, 9. Ж	-	48, М 53, Ж 32	-	23, М 23, Ж 20
Работники с промышленными установками, работники заводов	11, из них 11,3 М, 81 Ж	-	48, М 4.9, Ж 32	-	20, М 20, Ж 19
Элементарные задачи	7.8, из них 7,3 М, 8.2 Ж	-	37, М 4.1	-	20, М 16, Ж 15
Ручной труд	31.9, 31,2 М, 38.6 Ж	-	-	-	15, М 12, Ж 14
Неклассифицированный труд	8.4, из них 8,1 М, 9.6 Ж	-	7.1, М 7.4 Ж 5.9	-	12, М 10, Ж 19

Несмотря на некоторый значительный прогресс в последние годы, гендерные разрывы в участии на рынке труда сохраняются. Во всех странах БРИКС женщины, имеющие детей в возрасте до 6 лет, имеют самый низкий уровень занятости по сравнению не только с отцами, но и с мужчинами и женщинами без детей или женщин с детьми старше 6 лет [Decent Work and Economic Growth..., www]. Так называемые феномен «штрафа за трудоустройство в связи с материнством» обозначился для женщин, который прямо пропорционален в «надбавке за отцовство» для мужчин в контексте занятости и уровня доходов. Немаловажную роль играет форма семейственности и культурные ожидания от института материнства и отцовства и модели семей, которая сложилась в конкретном государстве. За последние пять лет доля занятости в сфере услуг увеличилась как для мужчин, так и для женщин, в то время как занятость в сельском хозяйстве уменьшилось для обоих полов в Бразилии, Индии и Российской Федерации и оставалась в целом стабильной в Южной Африке, Бразилии, Российской Федерации, причем в Южной Африке женщины переместились в сфере услуг, где их доля занятости на 22-26% выше,

чем у мужчин. И наоборот, сельское хозяйство остается преобладающим сектором для обоих полов в индийской экономике, но доля женщин, занятых в сельском хозяйстве, превышала процент мужчин. Все страны приняли комплексную политику, планы или программы, ориентированные на женщин.

Таблица 7 - Индикатор 8.5.2: Уровень безработицы в разбивке по полу, возрасту %

Страна	Мужчины	Женщины
Бразилия	15+ (10%)	15+(16%)
	15-25 (24%)	15-25 (34%)
	25+ (8%)	25+(13,1%)
Россия	15+(5.6%)	15+(5.5%)
	15-25 (16%)	15-25 (18%)
	25+(5%)	25+(4.8%)
Индия	15+(4.8%)	15+(4.4%)
	15-25 (19%)	15-25 (21%)
	25+(2%)	25+(2.2%)
Китай	5%	
ЮАР	15+(28.8%)	15+(27%)
	15-25 (22.8%)	15-25 (45%)
	25+(28%)	25+(25%)

Уровень безработицы в странах БРИКС снизился до 5,3% в 2021 году и, по прогнозам, снизится до 4,5% в 2022 году. Около 28,4% молодежи не были заняты в 2019 году; были либо безработными, или частично занятыми. Пандемия COVID – 10 усугубила безработицу, в качестве мер борьбы было обозначено продвижение коллаборации между странами БРИКС в области социального обеспечения, поиски формализации рабочих мест, повышение экономической активности женщин, программа цифровизации навыков и «экономики случайных заработков», гиг-экономики. За все время пандемии безработица в Бразилии выросла приблизительно на 14,6%, (потеря 1,1 млн рабочих мест) В России процент безработицы в связи с вирусом в среднем составляет 6% (4,5 млн человек), в Индии в мае составил 27,1% (122 млн человек), уровень безработицы поднялся до 30%. ВВП Китая под влиянием COVID-19 снизился на 6,8%, однако данных о повышении безработицы нет. В странах БРИКС Уровень безработицы среди молодежи постоянно растет с 2010 года и достиг рекордного уровня в 20,5% в 2021 году. Доля молодежи, которая не работает, не учится и не проходит профессиональную подготовку (NEET), увеличилась с 14 процентов в 2019 году до 16,1 процента в 2020 году для мужчин и с 36,2 процента в 2019 году до 36,8 процента в 2020 году для женщин [The ILO and the BRICS, www]. Это незначительное увеличение, однако общий процент обозначает, что в будущем возможна нехватка кадров определенной квалификации в странах БРИКС, если ситуация не изменится [Панталева и др., 2021].

Таблица 8 - Показатель 8.7.1: Доля и количество детей в возрасте 5–17 лет, вовлеченных в детский труд, в разбивке по полу и возрасту в % от всего населения

Страна с разбивкой по возрасту (всего)	Мужчины	Женщины
Бразилия	1-14(2.1%)	1-14 (1%)
	15-17(3.5%)	15-17(1.1%)
	1-14 (1.5%)	
15-17 (2.3%)		

Страна с разбивкой по возрасту (всего)	Мужчины	Женщины
Россия	-	-
Индия 1-14 (0.9%) 15-17 (3.5%)	1-14 (1.6%) 15-17(5.8%)	1-14 (0.2%) 15-17(0.8%)
Китай	-	-
ЮАР – 1-14 – 0.4% 15-17 – 0.3%	1-14 (0.6%) 15-17 (0.3%)	1-14 (0.2%) 15-17 (0.3%)

Тренды развития рынка труда в странах БРИКС в соответствии с ЦУР

Бразилия. Местную экономику поддерживает производство биоэнергетического топлива, машиностроение, сельское хозяйство (17% населения), нефтепереработка, в Бразилии добываются более 40 видов полезных ископаемых. В промышленности и легкой промышленности на данный момент занято 14% населения страны. Первостепенная проблема связана с распространением с неформальных рабочих мест и теневого сектора рынка, а также появлением нестандартных форм занятости (НФЗ) и неравенством доходов, основная экономическая проблем состоит в феномене «бразильской цены» – высокими ценами на товары и услуги и низким уровнем жизни, что создает стеклянный социальный потолок, и необходимость вкладывать в средства жизнеобеспечения а не социального роста [Экономика Бразилии OECD, [www](#)]. Модернизации важных сегментов экономики, таких как сельское хозяйство, промышленность, возобновляемая энергетика способствуют повсеместному повышению уровня образования и квалификации, тем самым создавая низкоуглеродные рабочие места. Необходимо ускорение распространения новых технологий для повышения производительности, инноваций и конкурентоспособности; продвижение качественного образования, профессиональной подготовки и цифровых навыков, с учетом гендерного равенства и снижения неравенства в доходах; обеспечение большего процента населения, на которых распространяются льготы, социальная защита и пенсионное обеспечение при переходе к стареющему обществу, необходимо расширение нормативно-правовой базы для продвижения инклюзивного, человеко-ориентированного рынка труда.

Индия остается одной из самых быстрорастущих экономик в мире с годовым ростом ВВП на уровне 6,8%. По данным на 2018 год, в сельском хозяйстве было занято свыше 50% населения Индии, это страна № 2 по распространению сельского хозяйства в мире. За период с 2000 по 2017 год экономика Индии выросла в 3,3 раза, открывает новые горизонты (центр производства одежда, лидер по фармацевтике, машиностроении, IT- технологий [Экономика Индии..., [www](#)]. Проблема глобального изменения климата в первую очередь может коснуться условий труда индийских рабочих. И переориентации политики на рост промышленности и предпринимательства; пересмотр системы установления минимальной заработной платы; реформирование трудового законодательства; и поощрение использования новейших технологий для облегчения перехода к цифровой экономике. В то время как экономический рост в основном обусловлен сектором услуг, Индия в настоящее время сосредоточена на развитии производственного сектора с принятием новой промышленной политики. Будущее рынка труда в Индии будет определяться реакцией страны на воздействие четырех основных факторов: глобализации, демографических и климатических изменений и внедрения новых

технологий в основообразующих секторах экономики, в частности, в сельском хозяйстве и производстве. Основными болевыми точками рынка труда остаются: бедность, мизерная оплата труда, теневой рынок труда, очень слабая система охраны труда, распространенность детского труда [Малюженко, Дмитриевская, 2016].

Китай. После достижения впечатляющего социально-экономического прогресса за последние 40 лет реформ, Китай сегодня сталкивается с рядом проблем, которые, включают неравномерный уровень экономического развития в масштабах крупных городов и провинций, где соответственно можно наблюдать разброс от высокого уровня благосостояния до значительного неравенства в доходах, а также неравномерное развитие рынка труда в зависимости от высокотехнологичных регионов и городских центров. Полярность развития наблюдается и по другим показателям устойчивости [Чжэнчи, 2020]. В этом контексте в разработке социально – экономической повестке важно включить поощрение инклюзивной и достойной работы, соблюдающей все аспекты охраны труда и экологического права, особенно в бурно развивающемся секторе услуг.

Южная Африка. Создание ориентированного на человека рынка труда для всех южноафриканцев потребует решения трех проблем одновременно: безработицы, бедности и тотального неравенства в контексте быстрого технического прогресса, адаптации к изменению климата, снижению антропогенного влияния и достижению более высоких темпов экономического роста. На данный момент ключевыми приоритетами являются решение проблемы высокого уровня безработицы (особенно среди молодежи), улучшение системы базового образования и развития социальных навыков. В данном регионе особенно важна поддержка предприятий и работников при их переходе из неформальной экономики в формальную для достижения правовых целей в области достойной работы и повышения уровня жизни, все это необходимо совершить при одновременном управлении трудовой миграцией и укреплении представительных институтов рынка труда [Паммер и др., 2020]. В то же время расширятся возможности для более образованных людей, обладающих навыками цифровой грамотности и доступом к цифровым технологиям.

Россия. Технологические, демографические и климатические изменения являются основными движущими силами российского рынка труда и создают как возможности, так и проблемы для инклюзивного, ориентированного на человека будущего сферы труда. Однако наибольший дисбаланс на российском рынке труда наблюдается в неравномерном региональном развитии, в особенно в разрезе промышленных центров и периферии, способствующее неравенству в доходах. Планируется расширить национальные проекты / государственные программы РФ в области труда и занятости в области индивидуального предпринимательства. По-прежнему актуальными для России остается развитие увеличение количества рабочих мест в сфере науки и технологий, оборонно-промышленного комплекса, фармацевтической и медицинской промышленности биотехнологий, атомного энергопромышленного, нефтегазовых технологий. Технологий ВИЭ, сельского хозяйства, радиоэлектронной промышленности, IT сфера и сфера услуг Задачи РФ по достижению целей устойчивого развития в области труда и занятости.

Заключение

Подытоживая основные выдержки, найденные в ходе анализа, каждой из стран БРИКС необходимо обеспечить общие правила по ЦУР применительно к политике формирования устойчивых рабочих мест в странах БРИКС: (1). ресурсоэффективность, производительность и

человеко-ориентированный рынок труда; (2). создать гендерно-нейтральные и инклюзивные рабочие места; (3) сократить безработицу в молодежной среде; (4) стратегии занятости молодежного рынка труда; (5) социально-экологическое право и охрана труда (6) создать зеленую повестку развития устойчивых рабочих мест по секторам экономики, адаптировать образовательную систему.

Библиография

1. Аникин В., Тихонова Н. Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика // Общество и экономика. 2016. № 1. С. 78-114.
2. Буценко И.Н., Горина Н.А. ВВП стран БРИКС: сравнительный анализ // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 5-1. С. 112-116.
3. Государственные программы в России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2649/>
4. Малюженко Е.В., Дмитриевская В.А. Экономика Индии на современном этапе // Экономика и бизнес: теория и практика. 2016. № 12. С. 66-68.
5. Паммер Ф. и др. Анализ институционального качества рынка труда в ЮАР // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2020. № 4 (18). С. 16-31.
6. Пантлеева А.А. и др. COVID-19 и проблемы занятости в странах БРИКС // Вестник ПензГУ. 2021. № 1 (33). С. 46-49.
7. Чжэнчи Ч. Особенности формирования занятости молодежи в России и Китае // Экономика труда. 2020. № 11. С. 993-1006.
8. Экономика Бразилии. URL: <https://www.oecd.org/economy/brazil-economic-snapshot>
9. Экономика Индии. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/62b9b3b59a7947336eed1321>
10. BRICS economic bulletin. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/39624/BRICS_Bulletin_2021.pdf
11. Decent Work and Economic Growth: Women's Participation – Equal Pay for Work of Equal Value. URL: https://www.ilo.org/global/publications/meeting-reports/WCMS_636205/lang-en/index.htm
12. Feld L.P., Frey S.B. Tax compliance as the result of a psychological tax contact: the role of incentives and responsive regulation // Law and Policy. 2017. Vol. 29. No. 1. P. 102-120.
13. Mauleon I., Sarda J. Unemployment and the shadow economy // Applied Economics. 2017. Vol. 49. No. 37. P. 3729-3740.
14. Schneider F. Shadow economies around the world: what do we really know? // European Journal of Political Economy. 2005. Vol. 21 No. 3. P. 598-642.
15. Social security coverage extension in the BRICS. A comparative study on the extension of coverage in Brazil, the Russian Federation, India, China and South Africa International Social Security Association. 2013. URL: <http://apsredes.org/wp-content/uploads/2014/03/2-BRICS-report-final.pdf>
16. The employment impact of climate change adaptation. 2018. URL: <https://www.ilo.org/>
17. The ILO and the BRICS. URL: <https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/how-the-ilo-works/multilateral-system/brics/lang-en/index.htm>
18. Torgler B., Schneider F. The impact of tax morale and institutional quality on the shadow economy // Journal of Economic Psychology. 2009. Vol. 30. No. 2. P. 228-245.

Features of the formation of the policy for sustainable development of the labour market in Russia in the context of the BRICS countries

Yuliya V. Ermolaeva

Researcher,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
117218, b. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: mistelfrayard@mail.ru

Abstract

The article analyzes the indicators of labor market stability in the BRICS countries according to the latest data in accordance with statistics according to the development programs of the sustainable development goals for the labor market. The main triad of the priority agenda: reducing poverty, inequality and unemployment along with leaving the shadow sector is especially acute in Africa, Brazil and India. The highest rates of social security with benefits are observed in China, Brazil and Russia. At the same time, income stratification is high for these countries, especially in the regional context. All BRICS countries have a high need to modernize the fundamental sectors of the economy in relation to sustainable development goals, reduce the carbon footprint, create a green agenda, and need to rebalance the industrial, raw materials and energy agenda with the introduction of innovations and reforming the economy towards a green labor market. Summing up the main points found in the course of the analysis, each of the BRICS countries needs to provide common rules on sustainable development goals in relation to the policy of creating sustainable jobs in the BRICS countries: resource efficiency, productivity and a human-oriented labor market; create gender-neutral and inclusive jobs; reduce youth unemployment; employment strategies for the youth labor market; socio-ecological law and labor protection; create a green agenda for the development of sustainable jobs by sectors of the economy, adapt the educational system.

For citation

Ermolaeva Yu.V. (2022) Osobennosti formirovaniya politiki ustoichivogo razvitiya rynka truda v Rossii v kontekste stran BRIKS [Features of the formation of the policy for sustainable development of the labour market in Russia in the context of the BRICS countries]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 170-180. DOI: 10.34670/AR.2022.92.97.020

Keywords

BRICS, sustainable development, sociology of professions, labour market, social dynamics, labour market modernization.

References

1. Anikin V., Tikhonova N. (2016) Bednost' i neravenstvo v stranakh BRIKS: rossiiskaya spetsifika [Poverty and inequality in the BRICS countries: Russian specifics]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 1, pp. 78-114.
2. *BRICS economic bulletin*. Available at: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/39624/BRICS_Bulletin_2021.pdf [Accessed 08/08/2022]
3. Butsenko I.N., Gorina N.A. (2020) VVP stran BRIKS: sravnitel'nyi analiz [GDP of the BRICS countries: a comparative analysis]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and business: theory and practice], 5-1, pp. 112-116.
4. *Decent Work and Economic Growth: Women's Participation – Equal Pay for Work of Equal Value*. Available at: https://www.ilo.org/global/publications/meeting-reports/WCMS_636205/lang--en/index.htm [Accessed 08/08/2022]
5. *Ekonomika Braziliy* [Economy of Brazil]. Available at: <https://www.oecd.org/economy/brazil-economic-snapshot> [Accessed 08/08/2022]
6. *Ekonomika Indii* [Economy of India]. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/social/62b9b3b59a7947336eed1321> [Accessed 08/08/2022]
7. Feld L.P., Frey S.B. (2017) Tax compliance as the result of a psychological tax contact: the role of incentives and responsive regulation. *Law and Policy*, 29, 1, pp. 102-120.
8. *Gosudarstvennyye programmy v Rossii* [State programs in Russia]. Available at: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2649/> [Accessed 08/08/2022]
9. Malyuzhenko E.V., Dmitrievskaya V.A. (2016) Ekonomika Indii na sovremennom etape [Economy of India at the present stage]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and business: theory and practice], 12, pp. 66-68.
10. Mauleon I., Sarda J. (2017) Unemployment and the shadow economy. *Applied Economics*, 49, 37, pp. 3729-3740.

11. Pammer F. et al. (2020) Analiz institutsional'nogo kachestva rynka truda v YuAR [Analysis of the institutional quality of the labor market in South Africa]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal Krasnoyarskogo GAU* [Socio-economic and humanitarian journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University], 4 (18), pp. 16-31.
12. Pantileeva A.A. et al. (2021) COVID-19 i problemy zanyatosti v stranakh BRIKS [COVID-19 and employment problems in the BRICS countries]. *Vestnik PenzGU* [Bulletin of Penza State University], 1 (33), pp. 46-49.
13. Schneider F. (2005) Shadow economies around the world: what do we really know? *European Journal of Political Economy*, 21, 3, pp. 598-642.
14. (2013) *Social security coverage extension in the BRICS. A comparative study on the extension of coverage in Brazil, the Russian Federation, India, China and South Africa International Social Security Association*. Available at: <http://apsredes.org/wp-content/uploads/2014/03/2-BRICS-report-final.pdf> [Accessed 08/08/2022]
15. (2018) *The employment impact of climate change adaptation*. Available at: <https://www.ilo.org/> [Accessed 08/08/2022]
16. *The ILO and the BRICS*. Available at: <https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/how-the-ilo-works/multilateral-system/brics/lang--en/index.htm> [Accessed 08/08/2022]
17. Torgler B., Schneider F. (2009) The impact of tax morale and institutional quality on the shadow economy. *Journal of Economic Psychology*, 30, 2, pp. 228-245.
18. Zhengchi Ch. (2020) Osobennosti formirovaniya zanyatosti molodezhi v Rossii i Kitae [Features of the formation of youth employment in Russia and China]. *Ekonomika truda* [Labor Economics], 11, pp. 993-1006.

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.46.61.022

Система ценностей как средство легитимации внешней политики США

Капитонов Алексей Александрович

Соискатель,
Дипломатическая академия МИД России,
119034, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1;
e-mail: alexsdgs17@gmail.com

Аннотация

Во внешней политике Соединенные штаты часто позиционируют себя ключевым звеном в деле защиты демократии в мире, наиболее актуальным подтверждением чему может служить, например, выступление президента страны Дж. Байдена на полях 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН или в ходе проведенного по его инициативе Саммита за демократию. В этой связи внешнеполитические инициативы США, как правило, сопровождаются нарративом о равенстве, защите человеческих прав и свобод, укреплении суверенитета других стран. Как полагает автор настоящей статьи, этот набор демократических ценностей далеко не всегда имеет под собой реальную основу в рамках проводимой Соединенными штатами внешней политики. Целью данной работы является исследование проблемы ценностной легитимации внешней политики США. Автор ставит задачи проанализировать исторические предпосылки формирования современной системы ценностей США, выявить особенности ее использования властями для обоснования государственных внешнеполитических инициатив на национальном уровне и на международной арене, провести различие между применяемыми в этих целях наборами ценностных ориентиров, а также определить ядро ценностной системы США, служащее истиной мотивационной составляющей внешней политики. Автор доказывает, что система демократических ценностей США служит средством легитимации внешней политики Вашингтона, которая де факто определяется в интересах американских экономических элит и имеет мало общего с демократией как с точки зрения реальных целей страны на международной арене, так и с точки зрения самого процесса формирования внешнеполитического курса.

Для цитирования в научных исследованиях

Капитонов А.А. Система ценностей как средство легитимации внешней политики США // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 181-189. DOI: 10.34670/AR.2022.46.61.022

Ключевые слова

США, внешняя политика, легитимация, ценности, демократия, права человека, национальные интересы, исключительность, элитизм, капитализм.

Введение

США – относительно молодое государство, история которого не насчитывает и 250 лет, но за этот довольно непродолжительный период времени стране удалось закрепить за собой статус мирового лидера, оказывающего существенное влияние на принципы и векторы глобального развития.

Профессор политологии Принстонского университета Р. Кеохэйн под лидерством понимал потенциал одного государства определять цели для других стран и обеспечивать их достижение на основе общих возможностей [Keohane, 2014]. Иначе говоря, лидерство государства заключается в его способности влиять на формирование глобальной повестки дня, а вместе с тем задавать характер мировых политических и экономических процессов.

В основе лидерства США лежит целый ряд компонентов: американский доллар, являющийся мировой резервной валютой и основной расчетной валютой в глобальной торговле; первая экономика в мире (по номинальному ВВП) [Gross domestic product 2019, www]; технологически оснащенные вооруженные силы, а также обширная инфраструктура их зарубежного присутствия [Introduction..., www]; доминирование Вашингтона в определении политики созданных при его же ключевой роли международных структур, в числе которых ОЭСР, НАТО, G 7 и др.; превосходящая по объемам и географии распространения возможности других государств мира иностранная помощь [Pasco, www]. Среди прочих факторов, позволяющих США поддерживать высокий уровень влияния в мире, можно отметить широкие торговые связи, ставшие мировыми культуру, науку, образование, технологические возможности и пр.

Основная часть

В то же время важно заметить, что вышеприведенные источники влияния США на мировую политику и экономику не могли бы развиваться и стабильно существовать без уникальной политической системы, составляющей базис формирования внешней политики государства. Представители Чикагской школы политической науки Г. Алмонд, Д. Истон и С. Верба при рассмотрении государства использовали структурно-функциональный подход, то есть представляли государство как динамичную структуру в международном пространстве, институты власти которой при адаптации к внутренним и внешним факторам обеспечивают удовлетворение самостоятельных интересов формирующих эту структуру групп, а также вырабатывают общие для них цели на базе выстроенной политической культуры [Алмонд, 2002]. Политическая культура в этом случае рассматривается как система ценностей, исходя из которых акторы участвуют в политическом процессе.

Согласно немецкому социологу М. Веберу, ценности представляют собой значимые установки, направляющие деятельность индивида [Вебер, 1990]. В то же время несколько иной точки зрения придерживался американский социолог Т. Парсонс, утверждавший, что ценности являются объяснением действий индивида, то есть обоснованием его стремлений, поступков и предпочтений [Парсонс, 2000]. Оба суждения справедливы и применимы не только к отдельным личностям, но и к более крупным и сложным образованиям, таким как государство. В этой связи при исследовании политики государства формирующие его политическую культуру ценности будут выполнять две функции: во-первых, мотивационную, то есть направлять политический курс, приводить его в соответствие с желаемым идеалом, а, во-вторых, легитимационную, то

есть оправдывать или объяснять принимаемые решения стремлением достижения желаемого идеала.

Американская система ценностных ориентиров определяет развитие государства с момента его появления и характеризуется своей уникальностью. Ее в контексте исследования социокультурной составляющей политической системы США описывал еще французский политик и историк А. де Токвиль в период своего путешествия в Северную Америку в 1831 г. Он отмечал, что система американских ценностей исторически связана с религиозными воззрениями и убеждениями первых переселенцев из Старого Света – пуритан. Они придерживались либеральных взглядов, основанных на идеях равенства возможностей, соблюдения личных прав и свобод, индивидуализма, что, согласно А. де Токвилю, стало первоосновой формирования в США демократической системы [Токвиль, 2000].

Помимо этих основополагающих ценностей, американский ученый в сфере межкультурной коммуникации Л.Р. Кольс в рамках своего исследования «Ценности, которыми живут американцы», выделяет **такие важные для США установки, как** честная конкуренция, самодостаточность, материальное благополучие и практичность [Kohls, 1984], которые также тесно связаны с пуританскими воззрениями, а именно с идеей упорного труда как основы жизненного успеха. Немецкий социолог, историк и экономист В. Зомбарт замечает, что вышеобозначенный комплекс пуританских идей во многом оказал влияние на формирование в Соединенных Штатах капиталистической модели хозяйствования [Зомбарт, 2005]: она по своей природе экстенсивна и направлена на постоянное расширение рынков. Именно эти свойства можно выявить, рассматривая процесс освоения первыми переселенцами из Европы новых территорий американского континента.

Анализируя американскую систему ценностей, нельзя не уделить внимания такому важному ее аспекту, как вера американцев в исключительную роль своей страны в мировом развитии, истоки которой также непосредственно связаны с переселенцами-пуританами и задокументированы в проповеди Дж. Уинтропа «Образец христианского милосердия» 1630 г., где осваиваемая европейцами Америка отождествлялась с библейским «Градом на Холме», исполняющим великую миссию для человечества [Winthrop, 2009]. Советские американисты В.П. Шестаков и Т.Г. Голенпольский отмечают, что «присущий отцам-пилигримам религиозный оптимизм, их претензии на особую роль Америки в духовной судьбе человечества и даже так называемый «комплекс превосходства американцев», короче – весь синдром мессианских идей в колониальный период вытекал тогда из специфически американской трактовки Священного писания и служил той идейной основой, на которой формировалось духовное лицо американской нации» [Голенпольский, Шестаков, 1981].

Таким образом, идеи, заключающиеся в нерушимой вере США в свою особую роль для благого существования всего мира, не теряют актуальность и на сегодняшний день и, как замечает отечественный исследователь политики США С.А. Михайлов, «через эту призму видят мир как американские элиты, имеющие четкое представление об этой исторической модели, так и рядовые американцы» [Михайлов, www]. Все вышеупомянутые установки с цивилизационно-ценностной точки зрения послужили основой для развития США в качестве глобального лидера, и именно они часто сопровождают внешнюю политику страны. При этом установки капитализма, идеи демократии, равенства, прав и свобод, а также вера в исключительность США занимают разные ступени в системе формирования внешнеполитической повестки дня и ее легитимации на национальном и глобальном уровне.

В международной политике инициативы Соединенных Штатов часто сопровождаются

нарративом о всеобщем процветании на основе равенства и сотрудничества, во главу угла помещаются права человека, выгодный для всех экономический рост, искоренение нищеты, повышение доступности и качества образования и здравоохранения, разрешение конфликтов и поддержание мира [Address by President Dwight Eisenhower..., www; Address by President Jimmy Carter..., www; Address by President Ronald Reagan..., www]. На основе этих транслируемых с международных трибун ценностей США стремятся к поддержанию имиджа «защитника свободы и самоопределения для всех народов» [Address by President Ronald Reagan to the UN General Assembly, 1988, www], демократичного и ответственного лидера в глобальном пространстве, что используется Вашингтоном как элемент мягкой силы в контексте реализации своих международных инициатив.

При этом на стадии проектирования внешней политики на национальном уровне процесс ее обоснования увязан далеко не с презентуемыми на международной арене альтруистическими установками, а с идеями практической пользы непосредственно для самих США – с идеями национальной безопасности и противодействия геополитическим конкурентам. Так, в работе «Идеология и внешняя политика США» американский историк М. Хант в этом отношении замечает: «чем больше США пытались устранить сферы влияния других государств, тем более активно они формировали собственные, при этом подчеркивая свои благородные намерения» [Hunt, 1987]. Подтверждением использования разного спектра ценностных установок при выработке курса внешней политики США на национальном уровне и при его представлении на международном могут послужить американские стратегии национальной безопасности. В них определяемые на мировой арене в качестве самоцелей американской внешней политики идеи помощи в обеспечении экономического развития других стран, устранения торговых барьеров, защиты прав и свобод человека, создания демократических институтов зачастую представлены в качестве средств обеспечения государственной безопасности, сдерживания конкурентов, создания выгодных прежде всего США глобальных и локальных политико-экономических условий [Кузнецов, 2018]. То есть внешняя политика, направленная на помощь другим странам в достижении демократии, процветания и экономического развития, проводится США не на перманентной основе и сохраняет актуальность ровно до тех пор и там, пока и где это отвечает интересам США. Более того, проводимая Вашингтоном внешнеполитическая линия под эгидой декларирования перечисленных выше идей де факто может вовсе им не соответствовать. Еще один из отцов-основателей США, первый министр финансов страны А. Гамильтон в контексте рассуждений о внешней политике государства отмечал, что национальные внешнеполитические устремления призваны удовлетворять нужды граждан, а посему представляются более важными, чем моральные принципы солидарности, взаимоподдержки или альтруизма по отношению другим странам [Hamilton, www].

Итак, идейные установки, необходимые для представления внешней политики США в выгодном свете перед международным сообществом и для ее обоснования в национальных рамках перед избирателями или в случае конфликта между ветвями власти, отличаются. Оба приведенных набора ценностей служат средством легитимации внешнеполитического курса, однако ни тот, ни другой набор зачастую не представляет собой мотивационный компонент проводимой политики, то есть не отвечает на вопрос об истинных целях тех или иных внешнеполитических инициатив.

Для понимания того, какие ценности мотивируют внешнюю политику США, необходимо выявить группу акторов, оказывающих наибольшее влияние на формирование политической повестки дня страны. Несмотря на декларируемое США как внутри страны, так и на мировой

арене верховенство принципов демократии, американскую политическую систему нельзя назвать в полной мере демократической.

Авторитетный американский социолог, специализирующийся на исследовании элит, Ф. Хантер утверждает, что решения власти в политической системе США часто не отвечают волеизъявлению большинства, а принимаются в угоду обеспеченного меньшинства [Hunter, www]. Российский историк-американист Согрин В.В. в отношении политической системы Соединенных Штатов также замечает, что «наличие у тех или иных индивидуумов и социальных групп экономических и статусных преимуществ дает им наибольшие возможности воздействовать на государственную власть и в наибольшей степени использовать ее в своих интересах» [Согрин, 2004]. Проблема элитизма в процессе принятия политических решений в США вполне закономерна, поскольку в стране такие форматы участия в политике как обращения в госучреждения, протесты и митинги, референдумы, голосования сосуществуют с лоббизмом. Несмотря на то, что эта практика в США является предметом законодательного регулирования, ее теневые формы сохраняются [Shadow Lobbying In The USA, www]. Американские политологи Б. Пейдж, М. Джилленс и Р. Шоултер настаивают на том, что лоббизм губителен для демократии, так как способствует концентрации власти в руках наиболее обеспеченных групп, использующих ее ресурс лишь в своих интересах, направленных на монополизацию рынка и обеспечение роста собственного благосостояния [Showalter, www; Gilens, Page, www].

Согласно «железному закону олигархии» немецкого социолога Р. Михельса, любая социальная организация со временем неизбежно начинает управляться элитарным меньшинством [Погорелый, 2010], а отсюда ценности элитарного меньшинства неизбежно будут становиться отправной точкой при определении политического курса страны. При этом политические решения, принимаемые в угоду элитам, нуждаются в легитимации перед избирателями, которых правительство убеждает в преследовании национальных интересов и обеспечении безопасности США. А если речь идет о внешнеполитических инициативах, то, во избежание конфликтных ситуаций, эти решения также нуждаются в обосновании перед правительствами и гражданами других стран или международным сообществом в целом, где в ход идут идеи помощи развитию, взаимодействия на принципах равенства, обеспечения мира и повсеместной защиты человеческих прав и свобод.

Система ценностной легитимации инициатив США в области внешней политики может быть показана, например, при анализе интересов Вашингтона в афганской кампании 1979-1989 гг. США поддерживали исламских фундаменталистов в рамках их противостояния СССР, идеалистически представляя оказываемую помощь, в частности, в ходе выступлений в ООН, как содействие «борцам за свободу» [Address by President Ronald Reagan to the UN General Assembly, 1982, www]. В то же время в «Доктрине Картера» обозначено, что эта помощь важна, поскольку она позволяет обеспечить «жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки» в Персидском заливе [Доктрина Картера..., www]. На деле же, как аргументированно доказывает в своей работе «Наркотики, нефть и война. США в Афганистане, Колумбии и Индокитае» исследователь в области международных отношений, канадский дипломат П.Д. Скотт, главную причину вовлеченности Вашингтона в афганский конфликт составляли «интересы нефтяных компаний и связанных с ними лобби» [Скотт, 2012].

Заключение

Таким образом, мотивационное ядро внешней политики США, завуалированное на международном уровне нарративом о правах человека, миротворчестве и помощи развитию, а на национальном уровне – идеями госбезопасности и национальных интересов, составляют установки капитализма, которому часто свойственно стремление к увеличению прибыли любыми средствами, эгоизм, жесткая конкуренция, ориентация на сиюминутные личные выгоды без внимания к общим долгосрочным интересам [Бьюкенен, 2003]. Идеалы капитализма всегда принадлежали экономической парадигме, а принципы нравственности или насущные проблемы в экологической и социальной сферах в капиталистической системе координат часто позиционировались как издержки и просто игнорировались.

Библиография

1. Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002. 537 с.
2. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада М.: АСТ, 2003 С. 23.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 805 с.
4. Голенпольский Т.Г., Шестаков В.П. «Американская мечта» и американская действительность. М.: Искусство. 1981. 208 с.
5. Доктрина Картера – Выступление Джимми Э. Картера в Конгрессе США 23 января 1980 г. URL: http://www.coldwar.ru/bases/carter_doctrine.php
6. Железный закон олигархии // Погорелый Д.Е. (ред.) Новейший политологический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. С. 97.
7. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека // Собрание сочинений: в 3 т. СПб.: Владимир Даль, 2005. Т. 1. С. 27-48.
8. Кузнецов Д.В. Стратегии национальной безопасности США. 2018. 680 с.
9. Михайлов С.А. Идеология американской исключительности и ее исторические корни. URL: <https://riss.ru/analitics/26992/>
10. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. С. 458-563.
11. Скотт П.Д. Наркотики, нефть и война. США в Афганистане, Колумбии и Индокитае. М.: Кучково поле, 2012. 304 с.
12. Согрин В.В. Политическая власть в США: характер и исторические этапы // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 3-27.
13. Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Весь мир, 2000. 558 с.
14. Address by President Bill Clinton to the UN General Assembly, 1999. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/io/potusunga/207554.htm>
15. Address by President Dwight Eisenhower to the UN General Assembly, 1955. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/io/potusunga/207329.htm>
16. Address by President Jimmy Carter to the UN General Assembly, 1978. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/io/potusunga/207293.htm>
17. Address by President Ronald Reagan to the UN General Assembly, 1988. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/io/potusunga/207332.htm>
18. Address by President Ronald Reagan to the UN General Assembly, 1983. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/io/potusunga/207335.htm>
19. Address by President Ronald Reagan to the UN General Assembly, 1982. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/io/potusunga/207334.htm>
20. Easton D. An Approach to the Analysis of Political System // World Politics. 1957. Vol. 9 (3). P. 383-400.
21. Gilens M., Page B.I. Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens, 12 Perspectives on Politics. URL: https://www.researchgate.net/publication/278151684_Testing_Theories_of_American_Politics_Elites_Interest_Groups_and_Average_Citizens
22. Gross domestic product 2019. URL: <https://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf>
23. Hamilton A. Pacificus No. I, [29 June 1793]. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Hamilton/01-15-02-0038>
24. Hunt M.N. Ideology and U.S. foreign policy. N.Y.: Yale univ. press., 1987. 174 p.
25. Hunter F. Community Power Structure. A Study of Decision-makers. URL: <https://archive.org/details-/communitypowerst0000unse>

26. Ilasco I. Foreign aid and top donor countries in 2020. URL: <https://www.developmentaid.org#!/news-stream/post/92614/foreign-aid-and-top-donor-countries-in-2020>
27. Introduction: An Assessment of U.S. Military Power. URL: <https://www.heritage.org/military-strength/assessment-us-military-power>
28. Keohane N.O. Democratic leadership and dirty hands // Ethics, the Heart of Leadership. Santa Barbara, 2014. P. 151-175.
29. Kohls L.R. Values Americans Live. Meridian House International. Washington D.C., 1984. URL: <https://www2.pacific.edu/sis/culture/File/sec1-4-2h1.htm>
30. Remarks by the President to the United Nations General Assembly, 2010. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2010/09/23/remarks-president-united-nations-general-assembly>
31. Shadow Lobbying In The USA. URL: <http://www.aalep.eu/shadow-lobbying-usa>
32. Showalter R. Democracy for Sale: Examining the Effects of Concentration on Lobbying in the United States. URL: <https://www.economicliberties.us/our-work/democracy-for-sale/#>
33. Winthrop J. A Model of Christian Charity // The Puritans in America. A Narrative Anthology. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2009. P. 81-92.

System of values as a means of legitimization of the US foreign policy

Aleksei A. Kapitonov

Applicant,
Diplomatic Academy of Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation;
119034, b. 1, 53/2, Ostozhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: alexsdgs17@gmail.com

Abstract

Within the framework of its foreign policy, the United States often positions itself as a key link for defending democracy in the world, the most recent confirmation of which can be found, for example, the speech of the US President J. Biden on the sidelines of the 77th session of the UN General Assembly or in his remarks during the Summit for Democracy. In this regard, US foreign policy initiatives are usually accompanied by a narrative on equality, protection of human rights and freedoms, and strengthening the sovereignty of other countries. As the author of this research believes, this set of democratic values does not always have a real basis in the foreign policy led by the United States. The purpose of this research is to study the problem of the US foreign policy legitimization via the system of values. The author aims to analyse the historical prerequisites for the formation of the modern US value system, to identify the features of its use by the authorities to justify state foreign policy initiatives at the national level and in the international arena. The author proves that the system of democratic values of the United States serves as a means of legitimization of Washington's foreign policy, which is de facto determined to address the interests of the American economic elites and has little in common with democracy both in terms of the country's real goals in the international arena and in terms of the foreign policy formulation process.

For citation

Kapitonov A.A. (2022) Sistema tsennostei kak sredstvo legitimatsii vneshnei politiki SShA [System of values as a means of legitimization of the US foreign policy]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 181-189. DOI: 10.34670/AR.2022.46.61.022

Keywords

USA, foreign policy, legitimization, values, democracy, human rights, national interests, exclusivity, elitism, capitalism.

References

1. *Address by President Bill Clinton to the UN General Assembly, 1999.* Available at: <https://2009-2017.state.gov/p/io/potusunga/207554.htm> [Accessed 08/08/2022]
2. *Address by President Dwight Eisenhower to the UN General Assembly, 1955.* Available at: <https://2009-2017.state.gov/p/io/potusunga/207329.htm> [Accessed 08/08/2022]
3. *Address by President Jimmy Carter to the UN General Assembly, 1978.* Available at: <https://2009-2017.state.gov/p/io/potusunga/207293.htm> [Accessed 08/08/2022]
4. *Address by President Ronald Reagan to the UN General Assembly, 1988.* Available at: <https://2009-2017.state.gov/p/io/potusunga/207332.htm> [Accessed 08/08/2022]
5. *Address by President Ronald Reagan to the UN General Assembly, 1983.* Available at: <https://2009-2017.state.gov/p/io/potusunga/207335.htm> [Accessed 08/08/2022]
6. *Address by President Ronald Reagan to the UN General Assembly, 1982.* Available at: <https://2009-2017.state.gov/p/io/potusunga/207334.htm> [Accessed 08/08/2022]
7. Almond G. (2009) *Comparative Politics Today: A World View.* Longman.
8. Buchanan P.J. (2002) *The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization.* Griffin.
9. *Doktrina Kartera – Vystuplenie Dzhimmi E. Kartera v Kongresse SShA 23 yanvarya 1980 g.* [The Carter Doctrine. Speech by Jimmy E. Carter to the US Congress January 23, 1980]. Available at: http://www.coldwar.ru/bases/carter_doctrine.php [Accessed 08/08/2022]
10. Easton D. (1957) An Approach to the Analysis of Political System. *World Politics*, 9 (3), pp. 383-400.
11. Gilens M., Page B.I. *Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens, 12 Perspectives on Politics.* Available at: https://www.researchgate.net/publication/278151684_Testing_Theories_of_American_Politics_Elites_Interest_Groups_and_Average_Citizens [Accessed 08/08/2022]
12. Golenpol'skii T.G., Shestakov V.P. (1981) «*Amerikanskaya mechta*» i *amerikanskaya deistvitel'nost'* [The American Dream and American Reality]. Moscow: Iskustvo Publ.
13. *Gross domestic product 2019.* Available at: <https://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf> [Accessed 08/08/2022]
14. Hamilton A. *Pacificus No. I, [29 June 1793].* Available at: <https://founders.archives.gov/documents/Hamilton/01-15-02-0038> [Accessed 08/08/2022]
15. Hunt M.N. (1987) *Ideology and U.S. foreign policy.* N.Y.: Yale univ. press., 1987. 174 r.
16. Hunter F. *Community Power Structure. A Study of Decision-makers.* Available at: <https://archive.org/details/~communitypowerst0000unse> [Accessed 08/08/2022]
17. Ilasco I. *Foreign aid and top donor countries in 2020.* Available at: <https://www.developmentaid.org/#!/news-stream/post/92614/foreign-aid-and-top-donor-countries-in-2020> [Accessed 08/08/2022]
18. *Introduction: An Assessment of U.S. Military Power.* Available at: <https://www.heritage.org/military-strength/assessment-us-military-power> [Accessed 08/08/2022]
19. Keohane N.O. (2014) Democratic leadership and dirty hands. In: *Ethics, the Heart of Leadership.* Santa Barbara, 2014. P. 151-175.
20. Kohls L.R. (1984) *Values Americans Live. Meridian House International.* Washington D.C. Available at: <https://www2.pacific.edu/sis/culture/File/sec1-4-2h1.htm> [Accessed 08/08/2022]
21. Kuznetsov D.V. (2018) *Strategii natsional'noi bezopasnosti SShA* [US national security strategy].
22. Mikhailov S.A. *Ideologiya amerikanskoi isklyuchitel'nosti i ee istoricheskie korni* [The ideology of American exceptionalism and its historical roots]. Available at: <https://riss.ru/analytics/26992/> [Accessed 08/08/2022]
23. Parsons T. (1967) *The Structure of Social Action.* Free Press.
24. *Remarks by the President to the United Nations General Assembly, 2010.* Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2010/09/23/remarks-president-united-nations-general-assembly> [Accessed 08/08/2022]
25. Scott P.D. (2003) *Drugs, Oil, and War: The United States in Afghanistan, Colombia, and Indochina.* Rowman & Littlefield Publishers.
26. *Shadow Lobbying in the USA.* Available at: <http://www.aalep.eu/shadow-lobbying-usa> [Accessed 08/08/2022]
27. Showalter R. *Democracy for Sale: Examining the Effects of Concentration on Lobbying in the United States.* Available at: <https://www.economicliberties.us/our-work/democracy-for-sale/#> [Accessed 08/08/2022]

28. Sogrin V.V. (2004) Politicheskaya vlast' v SShA: kharakter i istoricheskie etapy [Political Power in the USA: Character and Historical Stages]. *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and Contemporary History], 2, pp. 3-27.
29. Sombart V. (2005) Burzhua: etyudy po istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka [Bourgeois: studies on the history of the spiritual development of modern economic man]. In: *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ. Vol. 1.
30. Tocqueville A. (2002) *Democracy in America*. University of Chicago Press.
31. Weber M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress Publ.
32. Winthrop J. (2009) A Model of Christian Charity. In: *The Puritans in America. A Narrative Anthology*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2009. P. 81-92.
33. (2010) Zheleznyi zakon oligarkhii [Iron law of the oligarchy]. In: Pogorelyi D.E. (red.) *Noveishii politologicheskii slovar'* [The latest political dictionary]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.

УДК 327.7

DOI: 10.34670/AR.2022.76.13.023

АСЕАН и гуманитарная безопасность: вызовы и возможности**Чинь Куок Винь**

Аспирант,
Российский государственный университет нефти и газа
имени И.М. Губкина,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский пр., 65;
e-mail: vinhtq95@gmail.com

Нгуен Тунг Шон

Магистрант,
МГИМО МИД России,
119454, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 76;
e-mail: ngtungson97@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается актуальная проблема реализации принципов гуманитарной безопасности в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН, далее – АСЕАН). Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в глобальном мире все более важными становятся аспекты, связанные с ролью и возможностями АСЕАН в сфере обеспечения гуманитарной безопасности. Вопросы региональных политико-экономических блоков в формате международных организаций сотрудничества становятся все более актуальными в связи с утратой доверия к международным институтам, сформированным западными странами после Второй мировой войны для реализации их геополитических интересов. Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также ряд специальных методов: контент-анализ научной литературы, дискурс-анализ, политический анализ. В ходе исследования были выявлены трудности и проблемы на пути обеспечения гуманитарной безопасности. По итогу исследования были выделены основные перспективы в области защиты прав и свобод населения стран Юго-Восточной Азии, а также рекомендованы необходимые для их реализации меры.

Для цитирования в научных исследованиях

Чинь Куок Винь, Нгуен Тунг Шон. АСЕАН и гуманитарная безопасность: вызовы и возможности // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 190-197. DOI: 10.34670/AR.2022.76.13.023

Ключевые слова

АСЕАН, гуманитарная безопасность, права человека, Юго-Восточная Азия, региональное сотрудничество.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что произошедшие на рубеже третьего тысячелетия в международной системе безопасности изменения привели к необходимости формирования и реализации принципов гуманитарной безопасности.

В данном контексте международно-правовые аспекты становления и развития новой системы безопасности и защиты прав и свобод человека в странах АСЕАН нуждаются в более тщательном исследовании. Кроме того, особого внимания заслуживают особенности имплементации концепции гуманитарной безопасности в странах Юго-Восточной Азии в рамках государственно-центричной стратегии «Путь АСЕАН», основанной на принципе невмешательства во внутренние дела государств-членов.

Термин «гуманитарная безопасность» впервые был введен ЮНЕСКО в 2006 году в рамках обсуждения проблем реализации прав человека в странах Центральной Азии [ASEAN, www] и означает «систему государственных и общественных действий для эффективного преодоления кризисных ситуаций, которые являются источниками гражданских несвобод». Согласно приведенному выше определению, гуманитарная безопасность направлена на обеспечение основных прав и свобод человека путем сочетания государственной политики и активности институтов гражданского общества. Главной особенностью концепции гуманитарной безопасности является то, что референт безопасности смещается с государства на отдельного человека. Правительства, международные ассоциации и союзы, бизнес-структуры, гражданское общество, религиозные общины и другие организации должны внести свой вклад в сфере обеспечения прав и свобод человека.

Историография темы достаточно обширна и включает в себя работы как российских, так и зарубежных исследователей. В массиве научной литературы можно выделить два основных направления: историко-правовое и политико-экономическое.

В рамках первого подхода интерес представляют работы таких авторов, как Ю.С. Безбородов [Безбородов, 2019], А.В. Кончугов [Кончугов, 2020], Хоу Ядань [Хоу Ядань, 018], В.М. Шумилов, М.Р. Салия [Шумилов, Салия, 2021], которые в основном сконцентрированы на анализе правовых норм и рамок суверенитета национальных государств и правовых возможностей международных организаций. В частности, глубокий концептуальный анализ правовых основ деятельности АСЕАН в сфере гуманитарной безопасности проведен такими авторами, как А.С. Ферару [Feraru, 2021], Р. Рамчаран [Ramcharan, 2021] и Сузуки Санаэ [Suzuki Sanae, 2019].

Второй подход отражен в исследованиях таких авторов, как В.В. Лисаускайте [Лисаускайте, 2018], Э.А. Павельева [Павельева, 2019], К.И. Трубачева [Трубачева, 2018]. В ряду этих работ особый интерес представляют статьи Дж. Бенцена [Bentzen, 2021], С. Чандра [Chandra, 2015], О.С. Крокко [Сроссо, 2021], в которых анализируются политические и социально-экономические возможности обеспечения гуманитарной безопасности стран-членов АСЕАН.

Тем не менее, несмотря на обширную историографию, исследуемая тема требует дополнительных научных изысканий в условиях стремительно меняющегося геополитического контекста.

Гуманитарная безопасность как необходимое звено международного сотрудничества в рамках АСЕАН

Вопросы гуманитарной безопасности стоят особенно остро для государств Юго-Восточной Азии, в которых ситуация осложняется многочисленными стихийными бедствиями и территориальными спорами. К числу конкретных потенциальных угроз относится также риск военных конфликтов, отношения между Китаем и Тайванем, ситуация на Корейском полуострове и т.д. [Sims, 2022]. Помимо этого, на повестке дня стоят проблемы бедности и сокращения социально-экономического неравенства. В настоящее время Юго-Восточная Азия достигла выдающихся показателей развития: в 2022 году уровень бедности достиг отметки 10% [там же, 122], что является самым быстрым темпом сокращения бедности в глобальном измерении (рис.1).

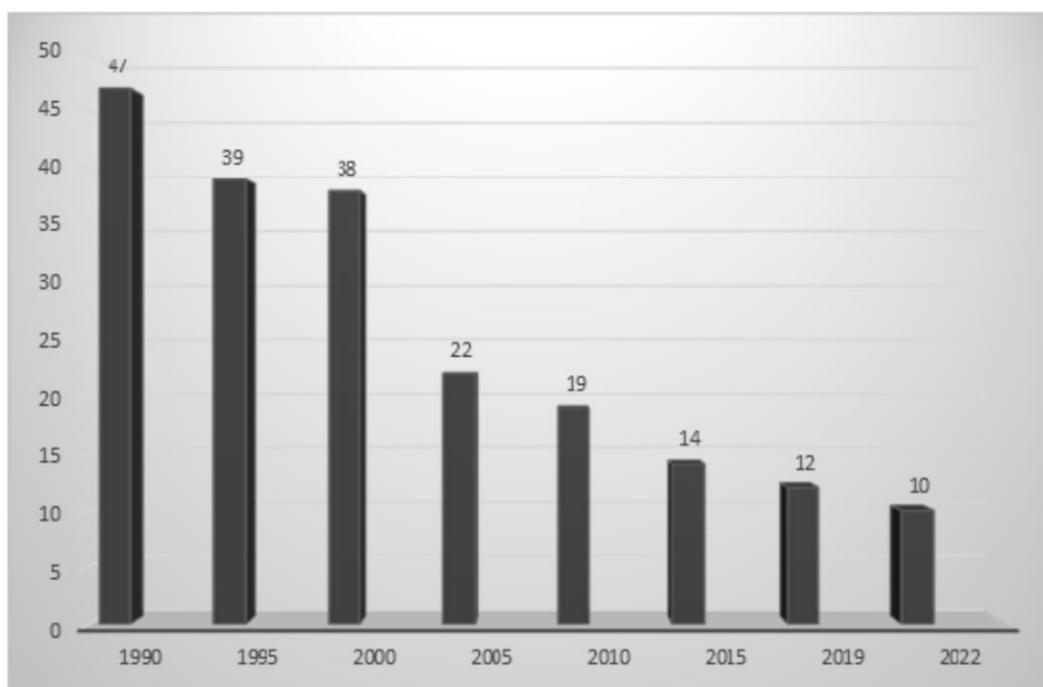

Рисунок 1 - Уровень бедности в странах Юго-Восточной Азии [ASEAN, www; Sims, 2022]

Значительный вклад в решение указанных выше проблем, связанных с обеспечением гуманитарной безопасности, вносит АСЕАН: с момента своего создания в 1967 году организации удалось существенным образом увеличить дипломатическое влияние на различные международные политические и экономические вопросы, создать благоприятные условия для экономического и социального развития, снизить риск военных конфликтов, а также поддержать мир и стабильность в регионе [Human Development Report 1994, www].

Однако несмотря на то, что в декларации АСЕАН отмечено, что государства придерживаются принципа всеобъемлющей безопасности, а министры обороны стран-членов подтвердили возросшую в последние годы серьезность нетрадиционных и транснациональных угроз безопасности, в экспертном и научном сообществе критически оценивается приверженность АСЕАН принципам гуманитарной безопасности. В данном случае исследователи отмечают коллизию между усилиями организации, чья деятельность

регламентируется международным правом, и правовым полем суверенных государств, которое регулируется национальным законодательством [Лисаускайте, 2018, 67]. Поэтому большинство стран-членов воспринимают деятельность организации по обеспечению гуманитарной безопасности как вызов фундаментальным принципам государственной независимости, суверенитету и территориальной целостности. Таким образом, в ее текущем виде концепция гуманитарной безопасности противоречит принципу невмешательства во внутренние дела стран-членом АСЕАН.

При этом некоторые страны-члены АСЕАН переживают внутренние конфликты и фактически неспособны справиться с собственными проблемами без помощи извне. Эти нерешенные конфликты влекут за собой угрозу жизни и безопасности людей и наглядно свидетельствуют об отсутствии защиты прав человека.

В тоже время, в рамках АСЕАН существует международный договор, который обязывает цивилизованные страны принимать односторонние меры независимо от принципа невмешательства в случае нарушения прав и свобод человека, повлекших за собой высылку, убийство, сексуальное насилие, захват земли и имущества, этнические чистки [ASEAN, www]. Все это свидетельствует о том, что АСЕАН необходимо принять всеобъемлющие тактические и оперативные меры в соответствии с Уставом ассоциации для решения различных проблем, связанных с обеспечением гуманитарной безопасности в регионе [O'Neill, 2022, 29].

В условиях национальных конфликтов, которые угрожают безопасности и стабильности всего региона, а также замедляют его экономическое развитие, стратегия «Путь АСЕАН» должна получить новую интерпретацию. В частности, в дальнейшем развитии и расширении нуждается государственно-центричная модель [Crabtree, 2022, 122], в результате чего государство должно выступать главным политическим актором, обеспечивающим безопасность. В процессе разработки политики и мер, реализуемых на практике, следует обеспечить постепенное сближение подходов стратегии «Путь АСЕАН» с ключевыми аспектами гуманитарной безопасности.

Проблемы реализации стратегии «Путь АСЕАН» в сфере гуманитарной безопасности

Сомнения экспертного сообщества в потенциале АСЕАН как структуры, способной реально влиять на разрешение конфликтов в регионе, в том числе, связанных с защитой прав и свобод человека, основаны на том, что стратегия «Путь АСЕАН» не является обязательным документом и потому не может стать прочным правовым фундаментом безопасности стран-членов и региона в целом. Стратегия основана на общих принципах организации, изложенных во второй статье Устава АСЕАН:

- 1) Уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной самобытности всех государств-членов АСЕАН.
- 2) Невмешательство во внутренние дела государств-членов АСЕАН.
- 3) Уважение права каждого государства-члена вести свое национальное существование без внешнего вмешательства, подрывной деятельности и принуждения.

При этом самый важный процедурный принцип АСЕАН – принятие решений на основе консенсуса. Это означает, что для имплементации каждого конкретного решения необходимо согласие всех стран-членов, а не простого большинства. Такой принцип принятия решения, с одной стороны, позволяет принять во внимание интересы каждой страны-члена, а с другой –

существенно замедляет процедуру принятия решений.

Другие институты и процессы, разработанные для разрешения конфликтов внутри и за пределами региона посредством стратегии «Путь АСЕАН», являются многосторонними и придерживаются собственных взглядов на разрешение противоречий. К ним относятся: Региональный форум АСЕАН, Регулярные встречи министров обороны АСЕАН плюс (ADMM) и Диалог Шангри-Ла (SLD). Эти институты носят исключительно рекомендательный характер и не обладают полномочиями для разрешения конфликтов, для принудительного исполнения коллективных решений. Для того, чтобы многосторонние институты эффективно решали вопросы гуманитарной безопасности, необходим действующий механизм регионального управления, основанный на принципах демократии, правах человека и социальной справедливости.

Однако, государства-члены АСЕАН не обладают единой структурой, в рамках которой можно было бы измерить критерии демократии, соблюдения прав человека и социальной справедливости из-за разнообразия культур, религий, этнической принадлежности, разных уровней экономического развития и различий в политическом устройстве.

Таким образом, можно говорить о двух основных проблемах реализации принципов гуманитарной безопасности в рамках стратегии «Путь АСЕАН»: институциональная слабость самой структуры АСЕАН и ограничения, связанные с рекомендательным характером решений, принимаемых на основе консенсуса.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

Стратегия «Путь АСЕАН» в настоящее время не играет ключевой роли в разрешении внутренних региональных конфликтов, связанных с защитой прав и свобод человека. Ее слабость как основы безопасности АСЕАН, в свою очередь, усиливает турбулентность в регионе.

АСЕАН еще предстоит провести фундаментальную работу по укреплению регионального единства, нивелированию конфликтов и поддержке постепенного перехода к разрешению конфликтов на институциональном уровне и диалога в процессе обеспечения гуманитарной безопасности в регионе. Более того, в рамках своей деятельности АСЕАН необходимо принять меры дополнительной поддержки для тех стран, в которых реализуются принципы гуманитарной безопасности, поскольку механизма принуждения к исполнению этих принципов не существует.

Библиография

1. Безбородов Ю.С. Средства сближения правовых систем государств азиатского региона в международном праве // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 15-25.
2. Кончугов А.В. Безопасность как понятие: проблемные аспекты теоретической дискуссии // Вопросы политологии. 2020. № 10 (62). С. 2872-2881.
3. Лисаускайте В.В. АСЕАН: решение региональных проблем по защите от бедствий // Международное право и международные организации. 2018. № 3. С. 62-73.
4. Павельева Э.А. Влияние международного культурного сотрудничества на международные интеграционные процессы // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2. С. 126-132.
5. Трубачева К.И. Программа Экономического сообщества АСЕАН-2025 как новый этап интеграционного развития // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 218-223.
6. Хоу Ядань. Институты регулирования социально-трудовых отношений на примере стран Азиатского региона //

- Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 42. С. 277-288.
7. Шумилов В.М., Салия М.Р. Идея всеобъемлющего (большого) евразийского партнерства в свете международного права // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 111-123.
 8. ASEAN. URL: <https://asean.org/about-asean/asean-charter/translations-of-the-asean-charter/>
 9. Bentzen J. A causality test between income, inequality and poverty – empirical evidence from South-East Asia // Applied economics letters. 2021. Vol. 28. P. 1682-1685.
 10. Chandra S. National Security: Concept, Measurement and Management // Strategic analysis. 2015. Vol. 39. P. 337-359.
 11. Crabtree A. (ed.) Sustainability, capabilities and human security. Palgrave Macmillan, 2020. 195 p.
 12. Crocco O.S. Regional human resource development: the case of Southeast Asia and ASEAN // Human resource development international. 2022. Vol. 25. P. 40-58.
 13. Feraru A.S. Weak states, vulnerable governments, and regional cooperation: an ASEAN case study. London, Routledge. 2021. 189 p.
 14. Human Development Report 1994. United Nations. Development Programme. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-1994>
 15. O'Neill P. (ed.) Securing the state and its citizens: national security councils from around the world. London: Bloomsbury Academic, 2022. 287 p.
 16. Ramcharan R. SDG 16 and the human rights architecture in Southeast Asia: A complementary protection process // Journal of human rights. 2021. Vol. 2. P. 228-244.
 17. Sims K. (ed.) The Routledge handbook of global development. London: Routledge, 2022. 328 p.
 18. Suzuki Sanae. Why is ASEAN not intrusive? Non-interference meets state strength // Journal of contemporary East Asia studies. 2019. Vol. 8. P. 157-176.

Challenges and opportunities in ASEAN humanitarian security

Chin Quoc Vinh

Postgraduate,
Gubkin University,
119991, 65, Leninskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vinhtq95@gmail.com

Nguyen Tung Son

Master's Student,
Moscow State Institute of International Relations (University),
119454, 76, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ngtungson97@gmail.com

Abstract

The article reveals an actual problem of political, economic and cultural regional development within the framework of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and the humanitarian security of the countries included in this structure. The research relevance is due to the fact that in the global world, aspects related to the role and capabilities of ASEAN in the ensuring human regional security are becoming increasingly important. The issues of regional political and economic blocs in the format of international cooperation organizations are becoming increasingly relevant due to the loss of confidence in international institutions formed by Western countries after World War II for their geopolitical interests. The research methodology is based on a systematic approach and includes the methods of the general scientific group (analysis, synthesis, induction, deduction), as well as a number of special methods: content analysis of scientific literature, discourse analysis,

political analysis. The study identified difficulties and problems on the path to ensuring human security, based on non-interference in the internal affairs of member countries. As a result of the study, the author identified the main prospects in the field of protecting the rights and freedoms of the population of countries in Southeast Asia, and also recommended the measures necessary for their implementation.

For citation

Chin Quoc Vinh, Nguyen Tung Son (2022) ASEAN i gumanitarnaya bezopasnost': vyzovy i vozmozhnosti [Challenges and opportunities in ASEAN humanitarian security]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 190-197. DOI: 10.34670/AR.2022.76.13.023

Keywords

ASEAN, human security, human rights, Southeast Asia, regional cooperation.

References

1. ASEAN. Available at: <https://asean.org/about-asean/asean-charter/translations-of-the-asean-charter/> [Accessed 08/08/2022]
2. Bentzen J. (2021) A causality test between income, inequality and poverty – empirical evidence from South-East Asia. *Applied economics letters*, 28, pp. 1682-1685.
3. Bezborodov Yu.S. (2019) Sredstva sblizheniya pravovykh sistem gosudarstv aziatskogo regiona v mezhdunarodnom prave [Means of convergence of the legal systems of the states of the Asian region in international law]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo* [Asia-Pacific region: economics, politics, law], 2, pp. 15-25.
4. Chandra S. (2015) National Security: Concept, Measurement and Management. *Strategic analysis*, 39, pp. 337-359.
5. Crabtree A. (ed.) (2020) *Sustainability, capabilities and human security*. Palgrave Macmillan.
6. Crocco O.S. (2022) Regional human resource development: the case of Southeast Asia and ASEAN. *Human resource development international*, 25, pp. 40-58.
7. Feraru A.S. (2021) *Weak states, vulnerable governments, and regional cooperation: an ASEAN case study*. London, Routledge.
8. Hou Yadan (2018) Instituty regulirovaniya sotsial'no-trudovykh otnoshenii na primere stran Aziatskogo regiona [Institutions of regulation of social and labor relations on the example of the countries of the Asian region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of the Tomsk State University. Economics], 42, pp. 277-288.
9. *Human Development Report 1994. United Nations. Development Programme*. Available at: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-1994> [Accessed 08/08/2022]
10. Konchugov A.V. (2020) Bezopasnost' kak ponyatie: problemnye aspekty teoreticheskoi diskussii [Security as a Concept: Problematic Aspects of Theoretical Discussion]. *Voprosy politologii* [Issues of Political Science], 10 (62), pp. 2872-2881.
11. Lissauskaite V.V. (2018) ASEAN: reshenie regional'nykh problem po zashchite ot bedstvii [ASEAN: solving regional problems of disaster protection]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii* [International Law and International Organizations], 3, pp. 62-73.
12. O'Neill P. (ed.) (2022) *Securing the state and its citizens: national security councils from around the world*. London: Bloomsbury Academic.
13. Pavel'eva E.A. (2019) Vliyanie mezhdunarodnogo kul'turnogo sotrudnichestva na mezhdunarodnye integratsionnye protsessy [Influence of international cultural cooperation on international integration processes]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian Legal Bulletin], 2, pp. 126-132.
14. Ramcharan R. (2021) SDG 16 and the human rights architecture in Southeast Asia: A complementary protection process. *Journal of human rights*, 2, pp. 228-244.
15. Shumilov V.M., Saliya M.R. (2021) Ideya vseob'emlyushchego (bol'shogo) evraziiskogo partnerstva v svete mezhdunarodnogo prava [The idea of a comprehensive (great) Eurasian partnership in the light of international law]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo* [Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law], 3, pp. 111-123.
16. Sims K. (ed.) (2022) *The Routledge handbook of global development*. London: Routledge.
17. Suzuki Sanae (2019) Why is ASEAN not intrusive? Non-interference meets state strength. *Journal of contemporary*

East Asia studies, 8, pp. 157-176.

18. Trubacheva K.I. Programma Ekonomicheskogo soobshchestva ASEAN-2025 kak novyi etap integratsionnogo razvitiya [Program of the ASEAN Economic Community-2025 as a new stage of integration development]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2, pp. 218-223.

УДК 327.8

DOI: 10.34670/AR.2022.48.13.024

Сотрудничество Китая и Вьетнама: современный научно-экспертный дискурс

Чинь Куок Винь

Аспирант,
Российский государственный университет нефти и газа
имени И.М. Губкина,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский пр., 65;
e-mail: vinhtq95@gmail.com

Бутко Александр Александрович

Ведущий специалист,
Центр научно-аналитической информации,
Институт востоковедения РАН,
107031, Российская Федерация, Москва, ул. Рождественка, 12;
e-mail: alexanderbutko27@gmail.com

Ха Ле Тхань Чунг

Магистрант,
МГИМО МИД России,
119454, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 76;
e-mail: halethanhtrung@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается актуальная тема возможных направлений сотрудничества между Китаем и Вьетнамом в контексте современных геополитических трансформаций в Тихоокеанском регионе. Статья носит обзорный характер и посвящена современной историографии темы, основным подходам к исследованию указанной проблематики в научно-экспертном дискурсе. Цель статьи заключается в том, чтобы представить результаты анализа современного научно-экспертного дискурса, посвященного возможностям сотрудничества Китая и Вьетнама. Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также ряд специальных методов: контент-анализ научной литературы по теме исследования, дискурс-анализ современной историографии, метод сопоставительного анализа. В результате проведенного исследования автор статьи пришел к следующим выводам: у двух стран есть потенциал сотрудничества, и они должны продолжать расширять сферы социально-экономического и политического взаимодействия, а также внедрять инновации, модернизировать методы сотрудничества, решать имеющиеся разногласия путем переговоров, консультаций и дипломатических усилий.

Для цитирования в научных исследованиях

Чинь Куок Винь, Бутко А.А., Ха Ле Тхань Чунг. Сотрудничество Китая и Вьетнама: современный научно-экспертный дискурс // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 198-205. DOI: 10.34670/AR.2022.48.13.024

Ключевые слова

Вьетнам, Китай, межправительственное взаимодействие, международное сотрудничество, вьетнамо-китайские отношения.

Введение

Актуальность темы исследования заключается в том, что в современном геополитическом контексте нарастание старых и новых вызовов безопасности оказывают сильное влияние как на стратегическое развитие всего Тихоокеанского региона, так и на внешнюю политику Социалистической Республики Вьетнам. На основе обобщения результатов научных исследований и экспертных оценок необходимо систематизировать современный научно-экспертный дискурс в сфере существующих и потенциальных стратегических направлений сотрудничества между Социалистической Республикой Вьетнам (далее – Вьетнам) и Китайской Народной Республикой (далее – КНР).

Историография темы достаточно обширна и включает в себя работы как отечественных, так и зарубежных авторов. Анализ научной литературы показал, что современный дискурс отношений между Китаем и Вьетнамом можно условно разделить на два основных направления: геополитическое и цивилизационное.

В рамках геополитического подхода научной разработкой темы вьетнамо-китайских отношений занимаются такие авторы, как М.С. Зеленкова [Зеленкова, 2016], Нгуен Куок Хунг, М.Т. Тригубенко [Нгуен Куок Хунг, Тригубенко, 2019], О.В. Новакова [Новакова, 2019], П.Ю. Цветов [Ю Хун, 2019], Ченг Ханпин [Cheng Hanping, 2019], М. Хазяр, А. Йордан, Г. Ризалди, Р. Ангриаван [Nazyar et al., 2022], Ли Далу [Lee Dalu, 2017], С.Р. Роберт [Robert, 2021], Д. Шамбо [Shambaugh, 2018], Тао Нгуен [Thao Nguyen, 2021], Юфен Чанг [Yufen Chang, 2021], А. Габриэле, Э. Джаббур [Gabriele, Jabbour, 2022], Чжи-Хуа Ху, Чан-Хуан Лю [Zhi-Hua Hu, Chan-Juan Liu, 2019].

В работах экспертного сообщества отражен цивилизационный подход, в рамках которого Азия рассматривается как единая система отношений, а Китай как геополитический центр этой системы. Среди работ этого спектра интерес представляют мнения таких авторов, как Ян Шэн, Дэн Сяоци [Yang Sheng, Deng Xiaoci, 2021], Ван И [Ван И, www], Т.М. Доан [Доан, www], Нгуен Хоа [Нгуен Хоа, www], Си Жентао [Си Жентао, 2021], Сунь Джиай [Сунь Джиай, www], Б.М. Фам [Фам, www], Фан Цзяюань [Фан Цзяюань, www], Ченг Ханпин [Ченг Ханпин, www], Ю Хун [Ю Хун, www].

Тем не менее, несмотря на обширную историографию, научно-экспертный дискурс исследуемой темы необходимо обобщить и систематизировать по указанным выше подходам к исследованию темы.

Геополитические аспекты дискурса вьетнамо-китайских отношений

По мнению большинства сторонников геополитического подхода, на развитие вьетнамо-китайских отношений оказывают влияние их стратегическая позиция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и интересы двух стран [Нгуен Куок Хунг, Тригубенко, 2019, 55]. При этом некоторые китайские исследователи относят вьетнамо-китайские отношения к геополитически единому пространству [Зеленкова, 2016, 138]. При этом основная задача Китая заключается в том, чтобы не допустить включения Вьетнама в геостратегическую орбиту влияния США [Доан, [www](#)]. Исследователи отмечают асимметрию между высокой заинтересованностью Китая в двустороннем сотрудничестве и позицией Вьетнама, который считает отношения с КНР менее приоритетными [Новакова, 2019, 4].

Исследователи полагают, что геополитическая настороженность в поведении Вьетнама, обусловлена тем, что его руководство опасается утраты политического суверенитета страны при более плотном сотрудничестве с Китаем [Назуар et al., 2022, 207], о чем свидетельствуют очень осторожные переводы речей Генерального секретаря Нгуен Фу Чонга о приоритетах Вьетнама в Азиатско-Тихоокеанском сотрудничестве [Фам, [www](#)]. По мнению исследователей такая позиция объясняется тем, что Вьетнам получил поддержку США в контексте роста китайско-американской напряженности, поэтому его политика стала более активной, чем раньше, в отношениях с Китаем, включая споры по Южно-Китайскому морю. Сторонники геополитического подхода следующим образом определяют цели двух стран в регионе:

Китайские ученые уделяют большое внимание предотвращению сближения Вьетнама с США, вытраиваями свой «пояс влияния» в Азиатско-Тихоокеанском регионе для ослабления регионального лидерства Китая [Ченг Ханпин, [www](#)]. При этом внешнеполитическая линия Китая на укрепление добрососедских отношений и сотрудничества с Вьетнамом, подчеркнутая Генеральным секретарем и Председателем КНР Си Цзиньпином в октябре 2013 года, до сих пор остается руководящим принципом китайской дипломатии в отношении Вьетнама [Cheng Hanping, 2019, 78].

В целом, Китай занимает разумную и сдержанную позицию в отношении проблем, связанных с геополитической ориентацией Вьетнама, о чем свидетельствуют как политическая риторика, так и конкретные дипломатические шаги со стороны китайского руководства. Некоторые исследователи полагают, что Китай стремится с помощью «идеологии взаимной выгоды и экономического сотрудничества с Вьетнамом минимизировать негативное воздействие вьетнамо-американского сотрудничества на интересы Китая в Южно-Китайском море и Юго-Восточной Азии» [Нгуен Куок Хунг, Тригубенко, 2019, 59]. Для достижения этой цели, по мнению исследователей, Китаю необходимо оптимизировать структуру своей торговли с Вьетнамом, используя преимущества двух стран, чтобы Вьетнам мог извлечь больше выгоды из экономического сотрудничества и торговли между двумя странами. Например, Китай может рассмотреть возможность увеличения импорта вьетнамской сельскохозяйственной продукции [Ченг Ханпин, [www](#)].

Геополитические цели Вьетнама исследователи определяют следующим образом: сотрудничество с США должно стать сигналом для Китая о том, что «Вьетнам хочет равноправных отношений, на правах партнера, а не младшего брата» [7, с. 12]. Не будем углубляться в критику такой политики, однако отметим, что подобные шаги других государств и использование сотрудничества с США как инструмента для шантажа своих ближайших

соседей уже привели к нескольким нерешенным замороженным конфликтам (Израильско-Палестинский конфликт, Нагорно-Карабахских конфликт и т.д.). По мнению сторонников геополитического подхода, покупка Вьетнамом оружия у США служит не только укреплению его оборонного потенциала, но и стимулом для втягивания США в спор о Южно-Китайском море с целью «сдерживания Китая» [Новакова, 2019, 16]. Однако вместо сдерживания, эти шаги вьетнамского руководства, напротив, крайне негативно сказываются на стабильности в регионе, фактически бросая вызов Китаю в непростой геополитической обстановке. Более того, некоторые исследователи полагают, что «Вьетнам своими амбициями играет на руку США, стремящимися втянуть Китай в глобальный вооруженный конфликт» [Nazyar et al., 2022, 206].

В целом, в современной дипломатической стратегии Вьетнама по сдерживанию Китая отдается предпочтение Западу, что негативно отразится на судьбе самого Вьетнама. Как отмечают исследователи, зависимость Вьетнама от США становится все более очевидной, но в долгосрочной перспективе такая политика является непоправимой стратегической ошибкой [там же]. В результате политики сдерживания, Вьетнам очень осторожно участвует в крупных внешнеполитических инициативах Китая, в том числе – в инициативе «Один пояс – один путь» [там же, 207]. Таким образом, дискурс вьетнамо-китайских отношений в рамках геополитического подхода рассматривается исследователями как политика баланса интересов со стороны Китая и как политика сдерживания со стороны Вьетнама.

Цивилизационный подход в дискурсе вьетнамо-китайских отношений

В рамках данного подхода экспертное сообщество выражает общий тезис о том, что Вьетнам по-прежнему нуждается в отношениях с Китаем на условиях равенства и взаимной выгоды [Yufen Chang, 2021, 94]. По мнению сторонников цивилизационного подхода, Вьетнаму необходимо демонстрировать свою заинтересованность в отношениях с Китаем, который по-прежнему остается крупнейшим поставщиком материалов и оборудования для быстрорастущей вьетнамской промышленности [там же].

Традиционные культурные связи и единая расовая принадлежность, лежащие в основе незападной цивилизационной парадигмы, являются важным основанием для стратегического партнерства между странами. Более того, эксперты полагают, что регионально-цивилизационная идентичность двух стран – это «самая прочная основа для двусторонних отношений, вне текущих выгод и политических коллизий» [там же, 95]. Сторонники цивилизационного подхода также выделяют ряд конкретных направлений сотрудничества между Китаем и США: сотрудничество в области безопасности; торгово-экономическое сотрудничество, социально-культурное взаимодействие.

Еще одним связующим фактором является коммунистическая идеология. Отношения между Коммунистическими партиями Китая и Вьетнама имеют специфические характеристики и являются важной частью дипломатических связей двух стран [Yang Sheng, Deng Xiaosi, 2021]. По мнению исследователей, «уникальная традиционная дружба двух партий сегодня не может сравниться ни с одной политической ситуацией в развитых странах и является ценным активом в развитии двухпартийных отношений» [Robert, 2021, 614]. Поэтому двусторонние отношения между Китаем и Вьетнамом играют важную роль в развитии двух стран. Механизмы обмена между двумя сторонами служат укреплению связей и разрешению конфликтов. К настоящему времени Коммунистические партии Китая и Вьетнама установили три регулярных и

эффективных механизма политического взаимодействия: регулярные встречи руководителей партий; встречи глав комитетов по внешней политике; научно-практические семинары в области теоретических исследований и обмена опытом между странами [Lee Dalu, 2017, 47].

Исследователи также отмечают [Zhi-Hua Hu, Chan-Juan Liu, 2019], что за последние 30 лет с момента официальной нормализации отношений между Вьетнамом и Китаем в 1991 году, высшие руководители двух стран совершили 35 официальных визитов. Общее понимание, достигнутое в ходе визитов, переговоров и в телефонных беседах между Генеральными секретарями двух стран, направляет текущий тренд развития двусторонних отношений.

Заключение

Анализ научно-экспертного дискурса вьетнамо-китайских отношений показал, что в современной историографии существует два основных направления исследования темы: геополитическое и цивилизационное. В рамках первого подхода эксперты и исследователи отмечают те противоречия и конфликтогенные факторы, которые существуют между странами на геополитической арене. Сторонники данного подхода также полагают, что при текущей политике Вьетнама, нацеленной на сдерживание Китая путем усиления сотрудничества с США, геополитическое противостояние между странами в долгосрочной перспективе только усилится.

Исследователи, придерживающиеся цивилизационного подхода, напротив, делают акцент на культурных связях, общности политической идеологии и расовой принадлежности, которые являются более мощными факторами регионального сотрудничества для Китая и Вьетнама, чем тактическое сближение последнего с США. Тем не менее, геополитический подход является доминирующим в современном научно-экспертном дискурсе вьетнамо-китайских отношений.

На наш взгляд, перспективными направлениями дальнейших исследований являются эмпирические работы по выявлению критериев цивилизационной общности Китая и Вьетнама в оценке самих китайцев и вьетнамцев, а также в экспертных оценках возможностей геополитического баланса в отношениях двух стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Библиография

1. Ван И. Основное различие в совместном заявлении китайско-вьетнамо-гонконгской прессы о китайско-вьетнамском призыве раскрывает причину «теплоты из Китая и холода из Вьетнама». URL: <https://www.dwnews.com/>
2. Вьетнам-Китай: президент Нгуен Суан Фук хочет «равноправных, взаимовыгодных» отношений. URL: <https://www.bbc.com/vietnamese/vietnam-56828663>
3. Доан Т.М. Надлежащее регулирование отношений Вьетнама с США и Китаем способствует поддержанию независимости, суверенитета, а также мирной и стабильной среды для развития страны. URL: <http://lyluanchinhtri.vn/home/index.php/quoc-te/item/3296-xu-ly-dung-dan-moi-quan-he-cua-viet-nam-voi-my-va-trung-quoc-gop-phan-giu-vung-doc-lap-chu-quyen-moi-truong-hoa-binh-on-dinh-de-phan-trien-dat-nuoc.html>
4. Зеленкова М.С. Вьетнам между США и Китаем // Вьетнамские исследования. 2016. № 6. С. 137-148.
5. Нгуен Куок Хунг, Тригубенко М.Е. Угрозы устойчивому развитию экономики Вьетнама: прогнозные оценки // Экономика и управление. 2019. № 2. С. 54-69.
6. Нгуен Хоа. Вьетнамо-китайские отношения после инцидента с морской нефтяной вышкой № 981. URL: <https://vass.gov.vn/an-pham-vien-han-lam/sach-hang-nam/quan-he-viet-nam-trung-quoc-tu-sau-su-kien-gian-khoan-hai-duong-981-nam-2014-1033>
7. Новакова О.В. Геополитический код и национальные интересы Вьетнама – XXI в. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. № 2. С. 2-19.
8. Си Жентао. Вьетнамская дипломатия в мечте о развитии страны. 2021. URL: <http://comment.csisnet.com/2021/0203/1322128.html>

9. Сунь Джиай. China Review: почему китайско-вьетнамские отношения «горячие и холодные». URL: <https://news.mingpao.com/pns/中國/article/20210210/s00013/1612895591900/>
10. Фам Б.М. К 70-летию вьетнамо-китайских отношений: дружба и сотрудничество – главное направление. URL: <https://baochinhphu.vn/70-nam-quan-he-viet-nam-trung-quoc-huu-nghi-hop-tac-la-dong-chay-chinh-102267190.htm>
11. Фан Цзяюань. Инцидент с китайско-вьетнамской буровой платформой и связанные с этим мысли. URL: <http://comment.cfnisnet.com/2014/1208/1300115.html>
12. Цветов П.Ю. Вьетнам в новой геополитической реальности // Вьетнамские исследования. 2019. № 3. P. 104-109.
13. Ченг Ханпин. Влияние Вьетнама и США на укрепление стратегического сотрудничества и контрмеры Китая. URL: <https://nanhai.nju.edu.cn/4a/d6/c5320a281302/page.htm>
14. Ченг Ханпин. Китай и Вьетнам должны усилить координацию и сотрудничество перед лицом меняющейся ситуации в мире. URL: <https://finance.sina.com.cn/review/jcgc/2021-07-08/doc-ikqciyzk4165382.shtml>
15. Ю Хун. Инициатива «Один пояс, один путь» и Вьетнам. Taobao Union. 2019. URL: <https://www.zaobao.com.sg/forum/expert/others/story20191223-1015430>
16. Cheng Hanping. U.S.-Vietnam strategic interactions around the South China Sea issue in light of the Indo-Pacific strategy: Path, objective and influence // Asia-Pacific security and South China Sea studies. 2019. Vol. 2. P. 77 -92.
17. Gabriele A., Jabbour E. Vietnam and China // Socialist Economic Development in the 21st Century. P. 300-305.
18. Hazyar M. et al. The Fishing Rights Conflict in the South China Sea between Vietnam and China // Sriwijaya Law Review. 2022. Vol. 5 (2). P. 205-234.
19. Lee Dalu. Analysis of the shortcomings of the three countries Vietnam // Malaysia and Indonesia balancing strategy toward China in the South China Sea dispute. 2017. Vol. 2. P. 46-54.
20. Robert S.R. China-Vietnamese Relations in the Era of Rising China: Power, Resistance, and Maritime Conflict // Journal of Contemporary China. 2021. Vol. 30. P. 613-629.
21. Shambaugh D. U.S.-China Rivalry in Southeast Asian Power Shift or Competitive Coexistence? // International Security. 2018. Vol. 42. P. 85-127.
22. Thao Nguyen. The impact of current economic structure on the environment in Vietnam and China // Conference: 25th International Input-Output Conference. 2021. P. 12-29.
23. Yang Sheng, Deng Xiaoci. Vietnam says it won't follow others in opposing China; experts note 'US has no chance to use sovereignty issue to divide region. Global Times. 2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202104/1222213.shtml>
24. Yufen Chang. Constructing Vietnam, Constructing China // Journal of Vietnamese Studies. 2021. Vol. 16 (1). P. 90-131.
25. Zhi-Hua Hu, Chan-Juan Liu. Maritime convection and fluctuation between Vietnam and China: A data-driven study. Research in Transportation Business and Management. 2019. 122 p.

Cooperation between China and Vietnam: modern scientific and expert discourse

Chin Quoc Vinh

Postgraduate,
Gubkin University,
119991, 65, Leninskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vinhtq95@gmail.com

Aleksandr A. Butko

Leading Specialist,
Center for Scientific and Analytical Information,
Institute of Oriental Studies of RAS,
107031, 12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: alexanderbutko27@gmail.com

Ha Le Thanh Chung

Master's Student,
Moscow State Institute of International Relations (University),
119454, 76, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: halethanhtrung@gmail.com

Abstract

The article reveals the relevant topic of possible cooperation areas between China and Vietnam in the context of modern geopolitical transformations in the Pacific region. The article is a discourse review and devoted to the modern historiography, the main approaches to the issue in scientific and expert discourse. The research goal is to present the results of the modern scientific and expert discourse on the possibilities in cooperation between China and Vietnam. The research methodology is based on a systematic approach and includes the methods of the general scientific group (analysis, synthesis, induction, deduction), as well as a number of special methods: content analysis of scientific literature on the research topic, discourse analysis of modern historiography, comparative analysis method. As a research result, the author of the article came to the following conclusions: the two countries have the potential for cooperation, and they should continue to expand the areas of socio-economic and political interaction, as well as introduce innovations, modernize methods of cooperation, and resolve existing differences through negotiations, consultations and diplomatic efforts. Promising areas for further research are empirical work to identify criteria for the civilizational commonality of China and Vietnam in the assessment of the Chinese and Vietnamese themselves, as well as in expert assessments of the possibilities of a geopolitical balance in relations between the two countries in the Asia-Pacific region.

For citation

Chin Quoc Vinh, Butko A.A., Ha Le Thanh Chung (2022) Sotrudnichestvo Kitaya i V'etnama: sovremennyyi nauchno-ekspertnyi diskurs [Cooperation between China and Vietnam: modern scientific and expert discourse]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 198-205. DOI: 10.34670/AR.2022.48.13.024

Keywords

Vietnam, China, intergovernmental interaction, international cooperation, Vietnamese-Chinese relations.

References

1. Cheng Hanping. *China and Vietnam should strengthen coordination and cooperation in the face of the changing world situation*. Available at: <https://finance.sina.com.cn/review/jcgc/2021-07-08/doc-ikqciyzk4165382.shtml> [Accessed 08/08/2022]
2. Cheng Hanping. *Influence of Vietnam and the United States on Strengthening Strategic Cooperation and China's Countermeasures*. Available at: <https://nanhai.nju.edu.cn/4a/d6/c5320a281302/page.htm> [Accessed 08/08/2022]
3. Cheng Hanping. (2019) U.S.-Vietnam strategic interactions around the South China Sea issue in light of the Indo-Pacific strategy: Path, objective and influence. *Asia-Pacific security and South China Sea studies*, 2, pp. 77 -92.
4. Doan T.M. *Proper regulation of Vietnam's relations with the United States and China is conducive to maintaining independence, sovereignty, and a peaceful and stable development environment for the country*. Available at: <http://lyluanchinhtri.vn/home/index.php/quoc-te/item/3296-xu-ly-dung-dan-moi-quan-he-cua-viet-nam-voi-my-va-trung-quoc-gop-phan-giu-vung-doc-lap-chu-quyen-moi-truong-hoa-binh-on-dinh-de-phat-trien-dat-nuoc.html> [Accessed 08/08/2022]

5. Fam B.M. *On the occasion of the 70th anniversary of Vietnamese-Chinese relations: friendship and cooperation is the main direction*. Available at: <https://baochinhphu.vn/70-nam-quan-he-viet-nam-trung-quoc-huu-nghi-hop-tac-la-dong-chay-chinh-102267190.htm> [Accessed 08/08/2022]
6. Fang Jiayuan. *Sino-Vietnamese oil rig incident and related thoughts*. Available at: <http://comment.cfisnet.com/2014/1208/1300115.html> [Accessed 08/08/2022]
7. Gabriele A., Jabbour E. (2022) Vietnam and China. In: *Socialist Economic Development in the 21st Century*.
8. Hazyar M. et al. (2022) The Fishing Rights Conflict in the South China Sea between Vietnam and China. *Sriwijaya Law Review*, 5 (2), pp. 205-234.
9. Lee Dalu (2017) Analysis of the shortcomings of the three countries Vietnam. *Malaysia and Indonesia balancing strategy toward China in the South China Sea dispute*, 2, pp. 46-54.
10. Nguyen Hoa. *Sino-Vietnam Relations after Offshore Oil Rig Incident No. 981*. Available at: <https://vass.gov.vn/an-pham-vien-han-lam/sach-hang-nam/quan-he-viet-nam-trung-quoc-tu-sau-su-kien-gian-khoan-hai-duong-981-nam-2014-1033> [Accessed 08/08/2022]
11. Nguyen Quoc Hung, Trigubenko M.E. (2019) Ugrozy ustoichivomu razvitiyu ekonomiki V'etnama: prognoznye otsenki [Threats to the Sustainable Development of the Vietnamese Economy: Forecast Estimates]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2, pp. 54-69.
12. Novakova O.V. (2019) Geopoliticheskii kod i natsional'nye interesy V'etnama – XXI v. [Geopolitical code and national interests of Vietnam – XXI century]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* [South-East Asia: actual problems of development], 2, pp. 2-19.
13. Robert S.R. (2021) China-Vietnamese Relations in the Era of Rising China: Power, Resistance, and Maritime Conflict. *Journal of Contemporary China*, 30, pp. 613-629.
14. Shambaugh D. (2018) U.S.-China Rivalry in Southeast Asian Power Shift or Competitive Coexistence? *International Security*, 42, pp. 85-127.
15. Sun Jiai. *China Review: why Sino-Vietnamese relations are 'hot and cold'*. Available at: <https://news.mingpao.com/pns/中國/article/20210210/s00013/1612895591900/> [Accessed 08/08/2022]
16. Thao Nguyen. (2021) The impact of current economic structure on the environment in Vietnam and China. In: *Conference: 25th International Input-Output Conference*.
17. Tsvetov P.Yu. (2019) V'etnam v novoï geopoliticheskoi real'nosti [Vietnam in the new geopolitical reality]. *V'etnamskie issledovaniya* [Vietnam Studies], 3, pp. 104-109.
18. *Vietnam-China: President Nguyen Xuan Phuc wants an equal, mutually beneficial relationship*. Available at: <https://www.bbc.com/vietnamese/vietnam-56828663> [Accessed 08/08/2022]
19. Wang Yi. *The main difference in the joint statement of the Chinese-Vietnamese-Hong Kong press about the Chinese-Vietnamese call reveals the reason for "warmth from China and cold from Vietnam."* Available at: <https://www.dwnews.com/> [Accessed 08/08/2022]
20. Xi Zhentao (2021) *Vietnamese diplomacy in the dream of developing the country*. Available at: <http://comment.cfisnet.com/2021/0203/1322128.html> [Accessed 08/08/2022]
21. Yang Sheng, Deng Xiaoci (2021) *Vietnam says it won't follow others in opposing China; experts note 'US has no chance to use sovereignty issue to divide region'*. *Global Times*. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202104/1222213.shtml> [Accessed 08/08/2022]
22. Yufen Chang (2021) Constructing Vietnam, Constructing China. *Journal of Vietnamese Studies*, 16 (1), pp. 90-131.
23. Yu Hong (2019) *Belt and Road Initiative and Vietnam*. *Taobao union*. <https://www.zaobao.com.sg/forum/expert/others/story20191223-1015430> [Accessed 08/08/2022]
24. Zhi-Hua Hu, Chan-Juan Liu (2019) *Maritime convection and fluctuation between Vietnam and China: A data-driven study*. *Research in Transportation Business and Management*.
25. Zelenkova M.S. (2016) V'etnam mezhdu SShA i Kitaem [Vietnam between the USA and China]. *V'etnamskie issledovaniya* [Vietnam Studies], 6, pp. 137-148.

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.92.37.025

Воздействие политических процессов на развитие экономики Кипра 1960–1974 гг.

Данилов Алексей Витальевич

Аспирант,
Российский университет дружбы народов,
117198, Москва, Российская Федерация, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: danalessio@ya.ru

Данилова Елена Валерьевна

Кандидат исторических наук,
доцент,
Российский университет дружбы народов,
117198, Москва, Российская Федерация, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: alendan@mail.ru

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Аннотация

Кипр всегда занимал особую роль в международной политике и экономике за счет своего выгодного геостратегического положения, находясь на перекрестке торговых путей и являясь связующим звеном между Европой, Азией и Африкой. Тем самым остров притягивал к себе внимание великих держав в разные исторические этапы. Так было в эпоху античности, средневековья, так было и конце XIX в., когда в результате Берлинского конгресса в 1878 г. Кипр был передан под контроль Великобритании. Ситуация повторилась в 1960 г., когда остров получил независимость от британской короны. В статье авторы рассматривают развитие экономики Кипра после обретения независимости страны в 1960 г. до турецкого вторжения и раздела острова на две хозяйственные единицы в 1974 г. Хронологические рамки определены процессом формирования экономического курса нового государства в различных секторах экономики и началом активной реализации государственных планов по развитию Кипра. С момента обретения независимости от Соединенного Королевства в 1960 г. Кипр добился успешных экономических показателей, что нашло отражение в высоких темпах роста, условиях полной занятости и относительной стабильности. Слаборазвитая аграрная экономика, унаследованная от колониального правления, превратилась в современную экономику с динамичным сектором услуг, эффективным промышленным и сельскохозяйственным секторами и развитой инфраструктурой.

Для цитирования в научных исследованиях

Данилов А.В., Данилова Е.В. Воздействие политических процессов на развитие экономики Кипра 1960–1974 гг. // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 206-214. DOI: 10.34670/AR.2022.92.37.025

Ключевые слова

Республика Кипр, Кипр, экономика, экономическое развитие, экономические отношения, политические процессы, независимость.

Введение

Важной вехой в новейшей истории Кипра стал 1960 г., когда Великобритания, официально осуществлявшая свой суверенитет над островом по решению Берлинского конгресса с 1878 г., передала суверенные права новообразованной Республике Кипр. В августе того же года была объявлена независимость нового кипрского государства [Кипрская проблема – самая застарелая и нерешенная в Европе, www]. Спустя месяц, 21 сентября 1960 г. Кипр был принят в число стран – членов ООН.

При рассмотрении экономического анализа развития Кипра в указанный период необходимо несколько слов сказать об этнической ситуации на острове Кипр, ставшей результатом долгого исторического процесса. Двумя основными этническими группами, проживающими на острове, являются греки-киприоты и турки-киприоты. Эта особенность значительно усложняла становление нового государственного образования на Кипре, поскольку первые стремились к дальнейшему объединению с Грецией – «энозису», вторые стремились предотвратить этот процесс и предпочли бы окончательный раздел острова («таксим») [Бредихин, 2006]. При этом соотношение греческого и турецкого населения Кипра составляло примерно 4:1, что позволяет считать греков этническим большинством, а турок, соответственно, меньшинством [Иванова И.И. и др., 1992].

Особую роль в процессе также играла Великобритания, которая на деле стремилась сохранить свое влияние в регионе путем дальнейшего размещения своих военных баз на Кипре, поэтому был предложен принцип так называемого «ограниченного суверенитета» [Cyprus Act, 1960..., www], который должен был обеспечить ключевую роль Великобритании в делах Кипра на некоторое время. В рамках понятия «ограниченного суверенитета» подразумевались следующие ограничения: во-первых, единое кипрское государство не могло объединиться ни с Грецией, ни с Турцией, во-вторых, на острове сохраняла свое военное присутствие бывшая метрополия – Великобритания. Таким образом, Лондон автоматически становился гарантом процесса становления независимого Кипра в указанных рамках. Это обстоятельство шло в противоречие с интересами греческого населения, желавшего объединиться с Грецией, но вполне устраивало более конъюктурно подходящее к вопросу о дальнейшем статусе турецкое меньшинство.

Основная часть

Вопрос о государственном устройстве Кипра обсуждался тремя сторонами – Лондоном, Анкарой и Афинами. В 1958–1959 гг. переговоры на уровне премьер-министров проходили в несколько раундов в Нью-Йорке, Париже, Лондоне и Цюрихе. Однако в силу того, что греки в вопросе выработки статуса Кипра оказались фактически в одиночестве, многие итоговые решения были приняты с большими уступками турецкой стороне. Отметим, что Макариос пытался воздействовать как на греческую, так и на турецкую стороны, однако итогов эта деятельность не принесла. Во-первых, в основу Конституции Республики Кипр, принятой в 1960 г., был заложен принцип этнического дуализма, который должен был обеспечить равное

обеспечение интересов греков и турок [Конституция Республики Кипр, [www](#)]. Две этнические общины были признаны «соучредителями» государства, что являлось большой уступкой со стороны греков. Во-вторых, в рамках лондонско-цюрихских соглашений 1959 г.: соглашение об организации государственной власти [Sozen, 2004], предусматривавшее диалитическую систему власти на острове, «Договор о гарантиях» [Treaty Concerning the Establishment of the Republic of Cyprus, [www](#)], который подразумевал широкие гарантии турецкому населению, «Договор о союзе» [Cyprus Treaty of Alliance, [www](#)], согласно которому на Кипре было создано единое греко-турецкое военное командование, а также размещены греческие и турецкие военные гарнизоны (950 и 650 человек соответственно) [Кипрская проблема – самая застарелая и нерешенная в Европе, [www](#)]. В-третьих, любые шаги, направленные на объединение всего Кипра (или его части) с третьей страной, были выведены из правового поля.

Таким образом, конфликтный потенциал в отношениях между греками-киприотами и турками-киприотами был заложен еще на этапе формирования постколониальной государственности на Кипре, что в дальнейшем вылилось в противостояние как между греческой и турецкой этническими группами на Кипре, так и между Афинами и Анкарой на международной арене.

В период с 1960 по 1973 г. Республика Кипр, в которой действовала экономика свободного предпринимательства, основанная на сельском хозяйстве и торговле, достигла уровня жизни выше, чем большинство ее соседей, за исключением Израиля. Этому прогрессу в значительной степени способствовали различные учреждения Организации Объединенных Наций (ООН), действующие в рамках Программы развития ООН. Щедрая финансовая помощь была предоставлена Всемирным банком и Международным валютным фондом в виде займов для конкретных проектов развития, включая электроснабжение, развитие портов и системы канализации. Отдельные зарубежные страны также предоставили некоторую помощь Кипру. Эти страны и организации предоставили экспертов для экономического планирования и инициирования продуктивных проектов; стипендии и гранты предусмотрены для подготовки кипрских специалистов в этих областях. За это время валовой внутренний продукт (ВВП) и доход на душу населения существенно выросли, сельскохозяйственное производство удвоилось, промышленное производство и экспорт товаров и услуг выросли более чем втрое, а туризм стал значительным источником иностранной валюты.

Кроме того, британцы во время своего правления на Кипре формировали экономику острова за счет экспорта сырьевых товаров в обмен на промышленные, которые импортировались из Великобритании. В результате после обретения независимости в 1960 г. экономика Кипра была слабо развита. С другой стороны, колониализм оставил в наследство относительно хорошую инфраструктуру и квалифицированный персонал, а также институциональный и административный базис.

Данные преимущества создали необходимые начальные условия для последующего экономического роста. Согласно мнению Раниса [Ranis, 1995], существование начальных условий играет решающую роль в процессе роста экономики страны. Несмотря на характерные только для Кипра особенности, Кипрская республика и некоторые другие быстроразвивающиеся страны обладают рядом общих черт, которые послужили катализатором взлета их экономики.

Анализируя экономику Кипра 1960–1974 гг., явно прослеживается ее сильная зависимость от сырьевого сектора (сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность и разработка карьеров), на которые приходилось 20,9% валового внутреннего продукта (ВВП). Население,

занятое в области сельского хозяйства, составляло 63,9% от общей численности населения в 1961 г., в то время как сельскохозяйственные земли и постоянные пахотные земли составляли 22,2% и 10,8% от общей площади острова соответственно, а индексы урожайности, продовольствия и животноводства оставались на относительно низком уровне [The Cyprus economy. Central Bank of Cyprus, 2012, www].

Доля промышленности в ВВП составляла 12,4%, в основном мелкого производства сельскохозяйственной техники. Таким образом, спрос на промышленную продукцию удовлетворялся за счет импорта. Поступления от туризма были очень ограничены, и сама туристическая инфраструктура находилась лишь в зачаточном состоянии, с общей вместимостью 4 300 мест, в основном сосредоточенных в горных курортах, в то время как иностранные туристы предпочитали морские курорты. Кроме того, инфраструктура страны, в первую очередь дороги, аэропорты, морские порты и плотины, остро нуждалась в модернизации и расширении с целью восстановления необходимых условий для быстрого экономического роста. Источники иностранной валюты были скудными и нестабильными, экспорт металлов давал значительную долю от общего объема иностранной валюты. Спрос на металлы и их цены на международных рынках зависели от резких колебаний, при этом рудные месторождения стали истощаться.

Социальные условия в целом отражали состояние экономики в 1960 г. В среднем только 43% детей в возрасте 12-17 лет посещали среднюю школу, и только 28% жилых домов в сельской местности были подключены к электричеству. Кроме того, в 93% домов в сельской местности не было наружного или внутреннего водоснабжения. На каждые 1,440 человек приходился один врач и одна больничная койка – на каждые 217 человек. Более того, в 1960 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляла 69,6 лет для мужчин и женщин вместе, у мужчин ожидаемая продолжительность жизни достигала 67,6 лет, а ожидаемая продолжительность жизни женщин – 71,6 лет.

Экономические условия, которые преобладали на Кипре после его независимости, характеризовались тем, что техническая миссия ООН отметила в так называемом отчете Торпа (1961 г.) [Thorp, 1961], что «экономика Кипра, кажется, идет под откос». В том же ключе Майер (1959 г.) [Mayer, 1959] писал накануне обретения независимости острова, что экономика Кипра полностью зависела от его статуса британской военно-воздушной базы. Он считал, что независимость приведет к неминуемому падению уровня жизни на острове [The Cyprus economy. Central Bank of Cyprus, 2012, www].

Таким образом, существовало господствующее мнение о том, что свободного рынка будет недостаточно, чтобы обеспечить основу для серьезных структурных изменений страны. Правительство Кипра приняло основные принципы ориентировочного экономического планирования с целью достижения быстрого экономического и социального развития при сохранении условий внешней и внутренней экономической стабильности. Стратегия, цели и задачи экономической политики были воплощены в пятилетних планах развития, которые разрабатывались Бюро планирования при Министерстве финансов. Бюро привлекло экспертов из-за рубежа (ООН, Всемирный банк и др.) для разработки указанных планов.

Первый пятилетний план, охватывающий период 1961–1966 гг., был направлен на достижение более высоких доходов, полной занятости населения, стабильности цен и улучшение платежного баланса. План предполагал 62 млн кипрских фунтов государственных инвестиций на проекты развития дорог, портов, аэропортов, ирригационных проектов, а также телекоммуникации и электрических систем [The First Five-Year Plan (1962–1966) (Πενταετής

Πρόγραμμα Οικονομικής Αναπτύξεως), [www](#)].

В целом, в указанный период экономика острова (реальный ВВП) увеличивалась на 6,5% в год, экспорт товаров и услуг увеличивался на 10,7% в год.

Вторая пятилетка, рассчитанная на 1966–1971 гг., вышла за рамки фундаментальных подходов первого плана и была направлена на обеспечение социальных и правовых структур, необходимых более развитой экономике. Особенно возросла роль бизнес-сообщества [The Second Five-Year Plan (1967–1971), [www](#)]. Инициировалось создание «консультативных комитетов», где частные организации и независимые эксперты вносили свой вклад в процесс планирования развития. В этом интервале реальный ВВП увеличился на 8,5%.

Третья пятилетка охватывала период 1971–1976 гг. Приоритет был отдан социальной и культурной сферам, а также справедливому распределению доходов, институциональным аспектам развития [The Third Five-Year Plan (1972–1976), [www](#)].

Правительство инициировало развитие экономических отношений между Кипром и Европейскими сообществами, что привело к снижению торговых барьеров. Страна также присоединилась к Международному банку реконструкции и развития и Международному валютному фонду (МВФ).

В целом, показатели экономики за первые четырнадцать лет независимости до турецкого вмешательства были впечатляющими. Все экономические и социальные индикаторы указывали на то, что экономика Кипра переживала период процветания до 1973 г. В период с 1960 по 1973 г. ВВП рос в среднем на 7% в год в реальном выражении. Сельскохозяйственное производство удвоилось, а промышленное производство и экспорт товаров и услуг утроились. Туризм стал крупнейшим источником иностранной валюты. Фиксированный капитал увеличился с 18% ВВП в 1961 г. до 28,5% в 1973 г. Инвестиции в инфраструктурные проекты, такие как плотины, дороги, порты, аэропорты, электричество, связь и т.д. достигли очень удовлетворительного уровня. Заработок сотрудников в реальном выражении вырос более чем вдвое, пока они были зарегистрированы. Безработица удерживалась на низком уровне, достигнув 1,2% в 1973 г. Уровень инфляции держался на уровне 2,4% в среднем в год в течение 1961–1973 гг., а текущий счет платежного баланса в основном был профицитным, несмотря на значительное увеличение импорта. В результате накопленный внешний долг в 1973 г. был относительно низким – на уровне 7 процентов ВВП.

Важно отметить, что экономика работала на уровне практически полной занятости, и реальная заработная плата росла примерно на 5% в год, что отражало увеличение темпа роста производительности труда, который составлял 5,4 в год.

В перспективе видно, что доля сырьевого сектора в ВВП снизилась с 26,3% в 1960 г. до 17% в 1973 г. Около 38,5% рабочих были заняты в первичном секторе, 26,5% – во вторичном секторе и 34,9% – в сфере третичного производства.

Ключевые драйверы роста экономики приходились на производство, туризм и сельское хозяйство, в то время как строительство также играло значительную роль. В частности, расширение производства поддерживалось за счет замещения импорта внутренними произведенными товарами путем реализации стратегии импортозамещения. В основе этой стратегии лежало сочетание тарифов, количественных и валютных ограничений, направленных на стимулирование и создание необходимой отечественной промышленной инфраструктуры.

Согласно Деметриадесу (1984) [Demetriades, 1984], уровень эффективной защиты производства Кипра по сравнению с импортными продуктами колебался от 25% до 190% в 1967 г. Принимая во внимание, что производство Кипра было защищено рядом других мер,

таких как количественные ограничения и полный запрет на некоторые категории товаров, понятно, что именно этот сектор пользовался эффективной защитой. По оценке Института исследований развития Университета Сассекса, добавленная стоимость для ряда промышленной продукции оказалась отрицательной по отношению к стоимости замещаемой импортной продукции из-за мер протекционизма. Кроме того, правительство помогло национальному промышленному сектору с недостатками в области регулирования тарифов, беспошлинным импортом сырья и материалов, а также ввело преференциальный режим в государственных закупочных тендерах. Протекционизм оставался достаточно высоким даже после того, как промышленность достигла зрелости в 1980-х гг. Индустриализация острова не могла быть достигнута без необходимой инфраструктуры. Таким образом, в тот же период упор был сделан на модернизацию морских портов, аэропортов, дорог, телекоммуникаций и водоснабжения, а также на расширение электросетей.

Кроме того, строительный сектор выиграл от крупных инвестиций в инфраструктурные проекты и жилые помещения, а также от повышения спроса на арендуемые офисы, магазины и размещение туристов.

Упор также делался на повышение продуктивности сельскохозяйственных угодий за счет перераспределения земель, расширения водных систем, повсеместного использования техники и удобрений, а также создания Института сельскохозяйственных исследований. В результате сельскохозяйственное производство было почти удвоено. Ранняя фаза индустриализации обычно связана с улучшенным сельским хозяйством, предоставлением простых в использовании и эффективных сельскохозяйственных орудий и техники, а также более широким использованием ирригации. Все это сыграло важную роль в общем экономическом росте.

Повышение производительности сельского хозяйства высвободило рабочие места, которые были направлены в промышленность и другие сектора, такие как туризм и строительство. Кроме того, рост доходов от сельского хозяйства создал спрос для промышленной продукции. Отражая эти изменения, экспорт товаров и услуг значительно увеличился в течение 1960–1973 гг., и экспорт сельскохозяйственной продукции стал основным источником привлечения иностранной валюты. Вклад сельского хозяйства был даже больше, если учесть, что значительная часть промышленного экспорта, такая как вино и соки, имеет сельскохозяйственное происхождение. Экспорт одежды и обуви также был весьма велик.

Постепенно более сбалансированная модель роста расширилась во всех секторах производства, и обрабатывающая промышленность стала новой опорой экономики.

Доля сельского хозяйства в ВВП снизилась, но все же оставалась основной, обеспечивая занятость. Орошаемые культуры, в основном цитрусовые и картофель, пользующиеся большим спросом на международном рынке, увеличили свою долю в экспорте. Что касается сферы услуг, туризм стал значительным источником притока иностранной валюты на фоне политики правительства по превращению этого сектора в движущую силу роста экономики за счет дополнительных стимулов в виде благоприятных условий кредитования и концессии на землю в государственной собственности.

Добыча полезных ископаемых продолжала играть важную роль в экспорте, но их доля в ВВП снизилась. При этом, как было сказано выше, строительный сектор продолжал расти, жилье составляло значительную долю от общей строительной деятельности, отражая возросшую покупательную способность частного сектора.

Расходы на образование увеличилось с 17,6% ВВП в 1960 г. до 28,6% ВВП в 1973 г. Помимо

обязательного начального образования, государство постепенно предоставляло бесплатное среднее образование в течение трех лет (неполная средняя школа). Особое внимание было уделено техническому образованию, созданию двух новых институтов профессионального обучения на уровне послесреднего образования. Это были Высший технический институт и Институт общественного питания, которые были созданы вместе с Кипрским центром производительности. Таким образом, с первых лет независимости были заложены основы для развития человеческого капитала, который должен был стать одним из главных сравнительных преимуществ кипрской экономики.

В период с 1960 по 1973 г. были созданы такие учреждения, как:

- 1) Центральный банк Кипра (СВС), ответственный за проведение денежно-кредитной и курсовой политики, а также банковский надзор.
- 2) Кипрский банк развития, который занимался долгосрочным финансированием производства и туризма, предоставлением среднесрочных и долгосрочных кредитов на проекты развития.
- 3) Бюро планирования для подготовки планов развития, постановки целей, расстановки приоритетов и распределения ресурсов развития.
- 4) Кипрская туристическая организация.

Заключение

В результате в указанный период экономика Кипра демонстрировала быстрый рост, эмиграция с острова была остановлена. Государство за счет использования протекционистских мер обеспечило развитие почти всех отраслей экономики. Приобретенные инвестиции были использованы для укрепления конкурентных преимуществ Кипра в области развития человеческого капитала, большие финансовые вложения делались в сферу образования для создания квалифицированных кадров. Дополнительный импульс получила уже достаточно развитая отрасль сельского хозяйства за счет повышения эффективности использования земель, а также внедрения новых технологий. Фактически с нуля создана промышленная база. Значительно расширилась существующая и создавалась новая инфраструктура в виде портов, дорог, платин и т.д. Важным финансовым базисом для проведения комплексной модернизации экономики стала помощь, оказываемая ООН, а также кредиты МВФ и Всемирного банка.

Библиография

1. Бредихин О.Н. Кипрский конфликт: генезис и основные этапы развития: дисс. ... канд. истор. наук. М., 2006. 183 с.
2. Иванова И.И. и др. Республика Кипр. Справочник. 3-е изд. М.: Наука, 1992. 304 с.
3. Кипрская проблема – самая застарелая и нерешенная в Европе. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1182>.
4. Конституция Республики Кипр. URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/cypros/cyprus-r.htm.
5. Cyprus Act, 1960, sec. 1, Republic of Cyprus Order in Council 1960 S.I. 1960 No. 1368, Cyprus: Presented to Parliament by the Secretary of State for the Colonies, the Secretary of State for Foreign Affairs and the Minister of Defence, Cmnd. 1093, July 1960. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un-dpadm/unpan039703~1.pdf>.
6. Cyprus Treaty of Alliance. URL: <http://www.cypnet.co.uk/ncyprus/history/republic/try-alliance.html>.
7. Demetriades E.I. The Process of Industrialisation in Cyprus. Nicosia: Social Research Centre, 1984.
8. Mayer A.J. Middle Eastern Capitalism: Nine Essays. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1959.
9. Ranis G. Another look at the East Asian miracle // The World Bank Review. 1995. No. 9(3). P. 509-534.
10. Sozen A. A Model of Power-Sharing in Cyprus: From the 1959 London-Zurich Agreements to the Annan Plan // Turkish Studies. 2004. No. 5. P. 61-77.

11. The Cyprus economy. Central Bank of Cyprus, 2012. URL: https://www.centralbank.cy/images/media/pdf/CBC_book_EN.pdf.
12. The First Five-Year Plan (1962–1966) (Πενταετής Πρόγραμμα Οικονομικής Αναπτύξεως). URL: http://www.dgepcd.gov.cy/dgepcd/dgepcd.nsf/page59_en/page59_en?OpenDocument.
13. The Second Five-Year Plan (1967–1971). URL: http://www.dgepcd.gov.cy/dgepcd/dgepcd.nsf/page59_en/page59_en?OpenDocument.
14. The Third Five-Year Plan (1972–1976). URL: http://www.dgepcd.gov.cy/dgepcd/dgepcd.nsf/page59_en/page59_en?OpenDocument.
15. Thorp W.L. Cyprus: Suggestions for a Development Programme, prepared for the government of Cyprus under the United Nations Programme of Technical Assistance. New York, 1961.
16. Treaty Concerning the Establishment of the Republic of Cyprus. URL: <http://www.mfa.gov.tr/treaty-concerning-the-establishment-of-the-republic-of-cyprus.en.mfa>.

The impact of political processes on the development of the Cyprus economy of 1960–1974

Aleksei V. Danilov

Postgraduate Student,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: danalessio@ya.ru

Elena V. Danilova

PhD in History,
Associate Professor,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: alendan@mail.ru

Abstract

Cyprus always played a special role in international politics and economics due to its advantageous geostrategic location, being at the crossroads of trade routes and being a link between Europe, Asia and Africa. Thus the island attracted the attention of the great powers at different historical stages in the era of Antiquity, the Middle Ages, so it was at the end of the 19th century when as a result of the Berlin Congress in 1878 Cyprus was transferred to the control of Great Britain. The situation repeated itself in 1960 when the island gained independence from the British crown. In the article the authors made a research of the Cyprus economy development after the country gained its independence in 1960 till the Turkish invasion and the division of the island into two economic units in 1974. The chronological framework is determined by the process of shaping the economic course of the new state in various sectors of the economy and the beginning of the active implementation of state five-year plans. Since gaining independence from the United Kingdom in 1960 Cyprus gained strong economic performance which is reflected in high growth rates, full employment conditions and stability. The undeveloped agrarian economy inherited from colonial rule has evolved into a modern economy with a dynamic service sector, efficient industrial and agricultural sectors, and developed infrastructure.

For citation

Danilov A.V., Danilova E.V. (2022) Vozdeistvie politicheskikh protsessov na razvitie ekonomiki Kipra 1960–1974 gg. [The impact of political processes on the development of the Cyprus economy of 1960–1974]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 206-214. DOI: 10.34670/AR.2022.92.37.025

Keywords

Republic of Cyprus, Cyprus, economy, economic development, economic relations, political processes, independence.

References

1. Bredikhin O.N. (2006) *Kiprskii konflikt: genezis i osnovnye etapy razvitiya. Dokt. Diss.* [Cyprus conflict: genesis and main stages of development: genesis and main stages of development. Doct. Diss.]. Moscow.
2. *Cyprus Act, 1960, sec. 1, Republic of Cyprus Order in Council 1960 S.I. 1960 No. 1368, Cyprus: Presented to Parliament by the Secretary of State for the Colonies, the Secretary of State for Foreign Affairs and the Minister of Defence, Cmnd. 1093, July 1960.* Available at: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un-dpadm/unpan039703~1.pdf> [Accessed 12/07/2022].
3. *Cyprus Treaty of Alliance.* Available at: <http://www.cypnet.co.uk/ncyprus/history/republic/try-alliance.html> [Accessed 17/07/2022].
4. Demetriades E.I. (1984) *The Process of Industrialisation in Cyprus.* Nicosia: Social Research Centre.
5. Ivanova I.I. et al (1992) *Respublika Kipr. Spravochnik* [Republic of Cyprus. Directory], 3th ed. Moscow: Nauka Publ.
6. *Kiprskaya problema – samaya zastarelaya i nereshennaya v Evrope* [The Cyprus problem is the most old and unsolved in Europe]. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1182> [Accessed 12/07/2022].
7. *Konstitutsiya Respubliki Kipr* [Constitution of the Republic of Cyprus]. Available at: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/cypros/cyprus-r.htm [Accessed 17/07/2022].
8. Mayer A.J. (1959) *Middle Eastern Capitalism: Nine Essays.* Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press.
9. Ranis G. (1995) Another look at the East Asian miracle. *The World Bank Review*, 9(3), pp. 509-534.
10. Sozen A. (2004) A Model of Power-Sharing in Cyprus: From the 1959 London-Zurich Agreements to the Annan Plan. *Turkish Studies*, 5, pp. 61-77.
11. *The Cyprus economy. Central Bank of Cyprus, 2012.* Available at: https://www.centralbank.cy/images/media/pdf/CBC_book_EN.pdf [Accessed 12/07/2022].
12. *The First Five-Year Plan (1962–1966) (Πενταετές Πρόγραμμα Οικονομικής Αναπτύξεως).* Available at: http://www.dgepcd.gov.cy/dgepcd/dgepcd.nsf/page59_en/page59_en?OpenDocument [Accessed 22/07/2022].
13. *The Second Five-Year Plan (1967–1971).* Available at: http://www.dgepcd.gov.cy/dgepcd/dgepcd.nsf/page59_en/page59_en?OpenDocument [Accessed 12/07/2022].
14. *The Third Five-Year Plan (1972–1976).* Available at: http://www.dgepcd.gov.cy/dgepcd/dgepcd.nsf/page59_en/page59_en?OpenDocument [Accessed 11/07/2022].
15. Thorp W.L. (1961) *Cyprus: Suggestions for a Development Programme, prepared for the government of Cyprus under the United Nations Programme of Technical Assistance.* New York.
16. *Treaty Concerning the Establishment of the Republic of Cyprus.* Available at: <http://www.mfa.gov.tr/treaty-concerning-the-establishment-of-the-republic-of-cyprus.en.mfa> [Accessed 09/07/2022].

УДК 327

DOI: 10.34670/AR.2022.27.43.026

Проблемы развития российско-китайского сотрудничества в авиакосмической отрасли

Зайнуллина Полина Рифовна

Магистрант,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: zainullinap@gmail.com

Махнёв Владислав Александрович

Магистрант,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: makhnev.va@students.dvfu.ru

Аннотация

Целью статьи является анализ российско-китайского сотрудничества в авиакосмической сфере и выявление проблем, существующих в данной области. В последнее десятилетие Россия заметно активизировала свою международную деятельность в данной сфере ввиду того, что столкновение интересов РФ и США на Украине стало причиной введения санкций с обеих сторон, затрагивающих почти все сферы сотрудничества, в том числе и область освоения космического пространства. С целью ослабления негативных последствий санкций Россия стала укреплять отношения с Китаем по многим направлениям международных отношений, в том числе и в авиакосмической сфере. Авторы приходят к выводу, что дальнейшее совершенствование китайской космонавтики не гарантирует перспективу равного партнерства между двумя странами. Однако в таком случае действительно появится возможность совершенствовать российско-китайское сотрудничество в авиакосмической отрасли, составляя конкуренцию таким космическим державам, как США.

Для цитирования в научных исследованиях

Зайнуллина П.Р., Махнёв В.А. Проблемы развития российско-китайского сотрудничества в авиакосмической отрасли // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 215-223. DOI: 10.34670/AR.2022.27.43.026

Ключевые слова

Российско-китайское сотрудничество, авиакосмическая сфера, космическая программа, Российская Федерация, Китайская Народная Республика.

Введение

Освоение космического пространства является важным направлением деятельности ряда стран. Для Российской Федерации и Китайской Народной Республики освоение космоса является одним из средств обеспечения национальной безопасности, стабильного развития. Согласно российской космической программе, за последний год стоимость проектов Федеральной космической программы (ФКП) подверглась серьезным изменениям, если учесть сложившиеся экономические условия, изменение курса валют и изменение уровня инфляции. ФКП должна была составить 2,85 триллиона рублей, однако это была бы серьезная нагрузка на бюджет. На данный момент удалось уложиться в 2,004 триллиона рублей. Приоритетами для космонавтики остаются формирование и поддержание орбитальной группировки космических аппаратов, фундаментальные исследования в области космического пространства и дальнего космоса, а также пилотируемые полеты. Однако дорогостоящих крупных экспедиций Россия организовывать пока не будет [Волков, Чих, 2021].

Основные положения российской и китайской космических программ

Проект Федеральной космической программы России на 2016–2025 годы предусматривает отказ от ряда научных программ, но в него заложено финансирование работ, целью которых является пилотируемая экспедиция к Луне с возможной высадкой. Предусмотрено в ней и финансирование создания ракеты-носителя среднего класса и ракеты-носителя тяжелого класса с повышенной грузоподъемностью. Данная ракета (речь идет об «Ангара-А5В» грузоподъемностью до 37,5 тонн на опорную орбиту) просто необходима России, поскольку иначе в перспективе Роскосмос будет вытолкнут конкурентами из целого сегмента космических пусков. Эта ракета станет новой рабочей лошадкой Роскосмоса. До 2030 года все полезные нагрузки будут выводиться в космос с помощью тяжелых ракет-носителей «Ангара-А5В». От ракеты-носителя сверхтяжелого класса было решено отказаться [Иншаков, 2019].

Кроме того, Россия к 2025 году должна начать летные испытания перспективного пилотируемого корабля для полетов к Луне. Если бы была поставлена политическая задача совершить экспедицию к Луне, то Россия смогла бы совершить это в короткие сроки, но теперь Роскосмос планирует отодвинуть эту задачу на конец следующего десятилетия, чтобы сделать это менее затратным образом. Глава Научно-технического совета Роскосмоса Ю. Коптев считает, что космическая отрасль должна быть ближе к практическим, насущным интересам экономики и простых людей. «Мы находимся в той ситуации, когда наша орбитальная группировка, отвечающая за социально-экономическое развитие, научное развитие системы двойного назначения, находится не в самом лучшем состоянии. Мы уже не говорим о соревновательном элементе с США, орбитальная группировка которых составляет более четырехсот аппаратов» [Лян Цзячу, 2020], – считает Ю. Коптев.

В настоящее время в строительстве группировки спутников ориентироваться Россия будет скорее на Китай, у которого такая группировка больше на пять аппаратов и составляет 139 спутников. Согласно проекту ФКП, российская группировка должна в результате вырасти до 181 спутника. Спутников связи станет больше в два раза, дистанционного зондирования Земли – в 2,3 раза, число научных аппаратов вырастет втрое. [Кохно, Кохно, 2020]. В Роскосмосе существуют планы по созданию орбитальной станции на основе модулей российского сегмента

– тех, которые к 2024 году будут пристыкованы к МКС. Однако ее окончательная структура не определена, как не определено участие в ней иностранных партнеров.

Стоит также рассмотреть и китайскую космическую программу. Истоки китайской космической программы можно проследить до исследований и разработок (НИОКР) ракет, созданных по образцу иностранных источников в конце 1950-х годов, как сообщается, с помощью советской технической помощи и, в меньшей степени, с некоторым знанием ракетной программы США. Политиками, сыгравшими решающую роль в этой программе, были Чжоу Эньлай, Линь Бяо и «Банда четырех», в которую входили наиболее приближенные к Мао Цзэдуну лица в последние годы его жизни: Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань и Ван Хунвэнь. Чжоу и Линь считали, что достижения Китая в космосе приведут к международному престижу. Интерес «Банды четырех» был основан на их попытке перенести центр космических операций из Пекина в Шанхай. В 1975 году разработки спутников связи были включены в Госплан. При Дэн Сяопине военно-космическая программа была сосредоточена на геосинхронных спутниках связи. Эти спутники в сочетании со спутниками для съемки Земли были жизненно важны для управления, контроля и разведки. Первый геосинхронный спутник связи был запущен 8 апреля 1984 года на борту ракеты-носителя Chang Zheng-3 («Великий поход»). В 1986 году космосу был присвоен наивысший приоритет в технологической программе. После серии пусков малых и средних ракет в 1960-х годах в начале 1970-х годов был проведен предварительный пуск межконтинентальной ракеты, но первые полномасштабные пусковые испытания межконтинентальной ракеты состоялись только более чем через девять лет, в мае 1980 года [Хронология ядерной программы КНР, [www](#)].

Программа противоракетной обороны Народно-освободительной армии Китая (НОАК) включала строительство двух противоракетных систем: Fan Ji 1 («Контратака») и Fan Ji 2. Также была разработана Fan Ji 3, но, как сообщается, программа Fan Ji не пережила хаос Культурной войны. Отчеты аэрокосмической техники КНР за середину 1990-х годов также указывают на то, что КНР разрабатывает противоракетные или противоспутниковые системы [Acuthan, 2006].

За исследования и разработки в области ракетных технологий отвечает Китайская академия космических технологий, а Китайская академия технологий ракет-носителей отвечает за разработку космических ракет-носителей. В настоящее время разработки ракетной техники находятся в ведении Министерства аэрокосмической промышленности. Китайские космические ракеты собственного производства, получившее обозначение Chang Zheng, и первый китайский спутник в космос в апреле 1970 года сделали Китай пятым членом самого эксклюзивного международного клуба в мире, способного запустить спутник на орбиту Земли. С момента своего появления ракеты Chang Zheng претерпели значительные изменения. Одним из вариантов серии Chang Zheng является ракета FB-1 («Шторм»), разработанная в Шанхае. Одной из его особенностей является то, что он может запускать более одного спутника одновременно. Ракеты FB-1 запустили шесть спутников с момента их ввода в эксплуатацию до сентября 1988 года. Запуски на геостационарную орбиту предполагаются последующими версиями ракет Chang Zheng-3 и Chang Zheng-4. Ракеты Chang Zheng-3 были приняты на вооружение в 1984 году и с тех пор осуществили все запуски на эту орбиту, за исключением запусков китайских спутников Chang Zheng-4 в 1988 и 1990 годах.

Большинство из вышеперечисленных ракет запускаются с двух стартовых площадок, находящихся в ведении China Satellite Launch и TT&C General (CLTC): одна – в Цзюцюане в провинции Ганьсу, другая – в Сичане в провинции Сычуань. Третий пусковой комплекс, близ Тайваня в провинции Шаньси, не фигурирует в официальных китайских публикациях как

таковой, но использовался для пуска ракеты Chang Zheng-4 в сентябре 1988 года. Развитие спутниковых приложений в Китае сосредоточено на таких областях, как дистанционное зондирование, связь и исследование космической физики [Acuthan, 2006].

Китай также занимается исследованиями в таких областях, как спутники связи большой емкости и многоцелевые спутники ресурсов Земли, большие объемы и долговременные спутники связи и вещания, а также наземные прикладные системы для спутников. В этом контексте космическая политика Китая предусматривает развитие всех видов космических спутниковых систем, а также строительство космической станции, тяжелой ракеты-носителя и космической транспортной системы. Годовые расходы на всю китайскую космическую программу трудно установить. Д. Джонсон-Фриз из Военно-морского колледжа США оценивает, что Китай ежегодно тратит на космос 1,4–2,2 миллиарда долларов США, но предостерегает от прямых сравнений с расходами США на космос из-за проблем с конвертацией валюты. Китайская космическая программа по-прежнему отстает от американской с точки зрения опыта, знаний и ресурсов, но китайский режим не сидит сложа руки, поскольку Соединенные Штаты остаются доминирующей космической державой [Кулешова, Лян Цзячу, 2021].

Китай выступает против вепонизации космоса по ряду причин. Самое главное, Пекин выступает против использования космического оборудования в системах противоракетной обороны, таких как датчики космического базирования и боеголовки-перехватчики в космическом пространстве, которые потенциально могут быть развернуты в планируемых американских системах противоракетной обороны. Китай обеспокоен тем, что развертывание США средств противоракетной обороны, особенно национальной противоракетной обороны (НПРО), сведет на нет их стратегические ядерные средства сдерживания, что может вынудить Китай вступить в дорогостоящую гонку вооружений, которую он в настоящее время не может себе позволить. Сосредоточенность Пекина на контроле над вооружениями в космосе является попыткой заблокировать будущее развертывание ПРО Соединенными Штатами.

Таким образом, за последние годы Китай значительно догнал Россию в космической сфере, а также вкладывает огромное количество финансов в поддержку именно этой отрасли ввиду ее стратегического значения.

Проблемы развития российско-китайского сотрудничества в авиакосмической сфере

Россия и Китай регулярно одобряют программы космического сотрудничества с 2001 года, что привело к внушительному объему договоренностей в этой области. Тем не менее, сотрудничество двух стран в космосе остается фрагментарным, о чем свидетельствует постоянная нехватка совместных проектов.

На веб-сайте Роскосмоса даже нет страницы, посвященной китайско-российскому сотрудничеству, хотя там упоминаются совместные проекты с более мелкими странами, такими как Никарагуа и Южная Африка, и с западными соперниками, такими как США и ЕС. И это несмотря на то, что именно с Китаем, а не с партнерами по Международной космической станции, Россия решила построить лунную базу. [Хэ Цисун, 2016].

Более того, сотрудничество двух стран в области наукоемких отраслей и машиностроения еще не привело к каким-либо успехам. Переговоры о совместной постройке широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета CR929 велись почти десятилетие и

сопровождались разногласиями. В сентябре китайские новостные агентства сообщили, что первая установка запущена в производство, – сообщения, которые государственные предприятия еще не подтвердили или не опровергли. Еще больше времени потребовалось России и Китаю для обсуждения строительства тяжелого вертолета, проекта, в котором роль России в конечном счете ограничивалась поставкой отдельных компонентов.

Следует отметить, что проект Международной лунной исследовательской станции не является исключительно китайско-российским. Еще в 2019 году Россия и Китай все еще обсуждали идею строительства совместной лунной базы с Европейским космическим агентством. Сегодня проект остается «открытым для всех международных партнеров, заинтересованных в сотрудничестве», и другим странам и международным организациям предлагается внести свой вклад в «любой аспект миссии на каждом этапе». В дорожной карте упоминаются «потенциальные миссии других партнеров»; ведутся переговоры с Таиландом, ОАЭ и Саудовской Аравией; не исключено участие частных компаний.

Теоретически проект Международной лунной исследовательской станции может стать противовесом Artemis Accords. Безусловно, Китай планирует продвигать его как альтернативу другим странам, заинтересованным в освоении космоса. Для России этот проект – возможность сделать свою космическую отрасль более динамичной и диверсифицировать свои контакты в этой области, тем более что пространство для сотрудничества с Соединенными Штатами продолжает сужаться. Однако самая большая проблема проекта заключается в том, что он не привлечет другие страны, пока Россия и Китай не продемонстрируют его жизнеспособность. При этом если сравнивать космический потенциал двух держав, то можно представить его в виде таблицы 1.

Таблица 1 – Показатели космического потенциала России и Китая [Лузянин и др., 2020]

Критерии №	КНР	РФ
1. Эффективность успешности запусков за 10 лет	96,3% (208 на 216)	84,2% (230 на 273)
2. Наличие орбитальной космической станции	есть	есть
3. Количество видов ракетоносителей	9	9
4. Объекты для запуска (спутники, космонавты и т.д.)	Спутники, Космонавты, грузы, отдельные модули МКС	Спутники, космонавты, грузы, отдельные модули МКС
5. Количество собственных космодромов	4	4
6. Возможность пилотируемых полетов	есть	есть
7. Сотрудничество (количество отправленных спутников)	13	14
8. Общее количество аппаратов в космосе	431	168

Как видно из таблицы, обе державы достаточно схожи в своем потенциале. Реальность такова, что хотя России и Китаю еще предстоит реализовать крупные, технически сложные проекты из-за разногласий по поводу разделения труда, обе страны выиграют от этого конкретного проекта. Ни один партнер не предлагает России лучших перспектив, чем Китай, и ни один партнер не предлагает Китаю больше опыта в области пилотируемых полетов и космических атомных электростанций, чем Россия. Однако по мере того, как две страны будут работать вместе, Москве прежде всего необходимо будет обеспечить одно: чтобы проект не

остановился после того, как Китай приобрел от России необходимый опыт [Ватанабэ, 2019].

Стоит отметить такой факт, что 15 ноября 2021 года Россия испытала противоспутниковую ракету прямого взлета (ASAT), которая поразила российский спутник и создала более 1500 отслеживаемых фрагментов орбитального мусора. Созвездия спутников и многолетний проект по строительству китайской космической станции на низкой околоземной орбите (НОО) близятся к завершению, российские испытания противоспутниковой системы угрожают китайским тайконавтам и спутникам, работающим на НОО. Тем не менее, в отличие от резкого осуждения Соединенными Штатами российских противоспутниковых испытаний, китайские официальные лица демонстративно сохранили молчание относительно теста [Ali, Gorman, 2021]. Однако, поскольку Китай продолжает становиться все более зависимым от космических возможностей, цена российских испытаний противоспутниковой системы для Китая будет только возрастать [Приходько, Фролова, 2019].

Отношение Китая к этому инциденту подчеркивает как стратегическую логику, так и возможные проблемы в отношениях между Китаем и Россией в космосе. Китай и Россия все больше сотрудничают друг с другом в космическом пространстве, начиная от дипломатического сотрудничества в области управления космосом и заканчивая планами создания совместной лунной базы. Это более тесное сотрудничество между двумя державами может сократить расходы на дорогостоящие, хотя и потенциально прибыльные проекты, такие как исследование Луны, и может помочь сбалансировать ситуацию с Соединенными Штатами. Тем не менее, остаются серьезные препятствия для сотрудничества между Китаем и Россией в космосе. Опасения России перед китайским технологическим плагиатом и перспектива играть вторую скрипку по отношению к Китаю будут продолжать обострять отношения. Более того, российские испытания противоспутниковой системы демонстрируют, что Россия готова поставить под угрозу космические интересы Китая, если это служит интересам России. Таким образом, хотя тесные отношения между Китаем и Россией в космосе представляют собой серьезную проблему для Соединенных Штатов, это более тесное партнерство не является предпрешенным. Определенные проблемы делают китайско-российское космическое сотрудничество далеким от безупречного [Бинь, 2020].

Сотруднические отношения России и Китая в авиакосмической сфере стоят также перед такой проблемой, как отставание Китая по развитию космических технологий от Российской Федерации. При всей их развитости в Китае для России многие этапы за годы покорения космоса уже являются пройденными, Китай же только начинает свое продвижение в космическое пространство.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что активное сотрудничество России и Китая может обернуться для российской стороны только уменьшением разрыва в технологиях, а если конкретизировать, то именно Китай будет сокращать отставание от РФ [Ватанабэ, 2019]. При этом теоретически Россия может получить от подобного сотрудничества деньги, но рассчитывать на широкое финансирование не стоит, учитывая тот факт, что Китай в первую очередь будет вкладывать в собственную космонавтику.

При всех этих проблемах нельзя не отметить, что сегодня на Земле и в космосе китайско-российские отношения обусловлены согласованием интересов и попыткой уравновесить более мощные в военном отношении Соединенные Штаты. Поскольку вооруженные силы США в

наибольшей степени полагаются на космические технологии для демонстрации своей мощи в глобальном масштабе, Россия и Китай заинтересованы в развитии возможностей, позволяющих свести на нет эти преимущества. Используя противокосмическое оружие, Россия и Китай могут угрожать американским спутникам, потенциально сдерживая американские военные действия или лишая Соединенные Штаты космических преимуществ (например, средств связи, разведки, рекогносцировки и высокоточных боеприпасов) в случае конфликта.

Сотрудничество в космосе также дает Китаю и России возможность сократить расходы и заняться потенциально прибыльными начинаниями, такими как добыча лунных ресурсов, компенсируя при этом высокие первоначальные затраты, необходимые для этих миссий. Хотя строительство базы на Луне может быть дорогостоящим, совместная разработка базы может предоставить обоим государствам более рентабельные средства для разработки лунных ресурсов. В более широком смысле там, где Россия предлагает глубокие знания и технологические ноу-хау, Китай – вторая по величине экономика мира – имеет в своем распоряжении ресурсы.

У Китая и России есть общие интересы, которые углубят их сотрудничество в космосе. Россия и Китай договорились о совместном роботизированном исследовании астероида в 2024 году [Панов, 2021], подписали меморандум о взаимопонимании по совместной разработке лунной базы, также создали в Пекине Центр космической погоды Китайско-российского консорциума [В Пекине открылся российско-китайский глобальный центр космической погоды, 2021].

В целом, дальнейшее совершенствование китайской космонавтики не гарантирует перспективу равного партнерства между двумя странами. Однако в таком случае действительно появится возможность совершенствовать российско-китайское сотрудничество в авиакосмической отрасли, составляя конкуренцию таким космическим державам, как США.

Библиография

1. Бинь С. Развитие устойчивого научнотехнического и инновационного сотрудничества Китая и России // Российский совет по международным делам (РСМД). 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-andcomments/columns/asian-kaleidoscope/razvitieustoychivogo-nauchno-tekhnicheskogo-i-innovatsionnogosotrudnichestva-kitaya-i-rossii>.
2. В Пекине открылся российско-китайский глобальный центр космической погоды // РИА новости. 2021. URL: <https://ria.ru/20211117/kosmos-1759399221.html>.
3. Ватанабэ Ё. Россия и Китай стремительно сближаются в сфере высоких технологий, но создать союз им сложно. Почему? // JB Press. 2019. URL: <https://inosmi.ru/politic/20191113/246212283.html>.
4. Волков С.Ю., Чих И.Н. Милитаризация космоса как глобальная политическая проблема // Огарёв-Online. 2021. № 7 (160). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/militarizatsiya-kosmosa-kak-globalnaya-politicheskaya-problema>.
5. Иншаков С.М. Космическая безопасность: системный анализ // Вопросы безопасности. 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmicheskaya-bezopasnost-sistemnyy-analiz>.
6. Кохно П., Кохно А. Оценка инновационного развития ракетно-космической промышленности // Общество и экономика. 2020. № 3. С. 101-124.
7. Кулешова Н.С., Лян Цзячу. Китай в современном космическом порядке // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitay-v-sovremennom-kosmicheskom-poryadke>.
8. Лузянин С.Г. и др. Российско-китайский диалог: модель 2020: доклад № 58/2020 // Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2020. 254 с.
9. Лян Цзячу. Космос как сфера политического взаимодействия государств в условиях глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmos-kak-sfera-politicheskogo-vzaimodeystviya-gosudarstv-v-usloviyah-globalizatsii>.
10. Панов К. Россия присоединилась к миссии Китая по исследованию астероида и кометы // TechInsider. 2021. URL: <https://www.techinsider.ru/technologies/news-691413-rossiya-prisoedinilas-k-missii-kitaya-po-issledovaniyu-asteroidea-i-komety>.

11. Приходько Н.Н., Фролова Н.А. Основные направления развития международных отношений в инновационной космической платформе Амурского государственного университета // Вестник Амурского государственного университета. 2019. № 85. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-razvitiya-mezhdunarodnyh-otnosheniya-v-innovatsionnoy-kosmicheskoyplatforme-amurskogo-gosudarstvennogo>.
12. Хронология ядерной программы КНР // ПИР – центр. URL: <https://www.pircenter.org/static/hronologiya-yadernoj-programmy-knr>.
13. Хэ Цисун. Отношения в космической сфере между Китаем, Соединенными Штатами и Россией // Тихоокеанский журнал. 2016. № 24 (12). С. 64.
14. Acuthan J.P. China's Outer Space Programme: Diplomacy of Competition or Co-operation? // China Perspectives. 2006. No. 63.
15. Ali I., Gorman S. Russian anti-satellite missile test endangers space station crew – NASA // Reuters. 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/us-military-reports-debris-generating-event-outer-space-2021-11-15>.

Problematic aspects in the development of Russia-China cooperation in aerospace industry

Polina R. Zainullina

Master Student,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: zainullinap@gmail.com

Vladislav A. Makhnev

Master Student,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: makhnev.va@students.dvfu.ru

Abstract

The purpose of this study is to analyze Russia-China cooperation in the aerospace sector and identify some problems. In the last decade, Russia has noticeably engaged in international activities in this area since the clash of interests of the Russian Federation and the United States over Ukraine has led to the imposition of sanctions on both sides, which affect almost all areas of cooperation, including the field of outer space exploration. In order to mitigate the negative consequences of the sanctions, Russia began to strengthen relations with China in many areas of international relations, including in the aerospace sector. The authors come to the conclusion that the further improvement of the Chinese astronautics does not guarantee the prospect of an equal partnership between the two countries. However, in this case, it will really be possible to improve Russian-Chinese cooperation in the aerospace industry, competing with such space powers as the United States.

For citation

Zainullina P.R., Makhnev V.A. (2022) Problemy razvitiya rossiisko-kitaiskogo sotrudnichestva v aviakosmicheskoi otrasli [Problematic aspects in the development of Russia-China cooperation in aerospace industry]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 215-223. DOI: 10.34670/AR.2022.27.43.026

Keywords

Russian-China cooperation, aerospace sphere, space program, Russian Federation, People's Republic of China.

References

1. Acuthan J.P. (2006) China's Outer Space Programme: Diplomacy of Competition or Co-operation? *China Perspectives*, 63.
2. Ali I., Gorman S. (2021) Russian anti-satellite missile test endangers space station crew – NASA. *Reuters*. Available at: <https://www.reuters.com/world/us-military-reports-debris-generating-event-outer-space-2021-11-15> [Accessed 12/06/2022].
3. Bin' S. (2020) Razvitie ustoichivogo nauchnotekhnicheskogo i innovatsionnogo sotrudnichestva Kitaya i Rossii [Development of sustainable scientific, technical and innovative cooperation between China and Russia]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)* [Russian International Affairs Council (RIAC)]. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-andcomments/columns/asian-kaleidoscope/razvitieustoychivogo-nauchno-tekhnicheskogo-i-innovatsionnosotrudnichestva-kitaya-i-rossii> [Accessed 26/06/2022].
4. Inshakov S.M. (2019) Kosmicheskaya bezopasnost': sistemnyi analiz [Space Security: System Analysis]. *Voprosy bezopasnosti* [Security Issues], 6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmicheskaya-bezopasnost-sistemnyy-analiz> [Accessed 19/07/2022].
5. Khe Tsisun (2016) Otnosheniya v kosmicheskoi sfere mezhdru Kitaem, Soedinennymi Shtatami i Rossiei [Relations in the space sphere between China, the United States and Russia]. *Tikhookeanskii zhurnal* [Pacific Journal], 24 (12), p. 64.
6. Khronologiya yadernoi programmy KNR [Chronology Nuclear Program of the People's Republic of China]. *PIR – tsentr* [PIR Center]. Available at: <https://www.pircenter.org/static/hronologiya-yadernoj-programmy-knr> [Accessed 12/06/2022].
7. Kokhno P., Kokhno A. (2020) Otsenka innovatsionnogo razvitiya raketno-kosmicheskoi promyshlennosti [Evaluation of the innovative development of the rocket and space industry]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 3, pp. 101-124.
8. Kuleshova N.S., Lyan Tsyachu (2021) Kitai v sovremennom kosmicheskom poryadke [China in the modern cosmic order]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitay-v-sovremennom-kosmicheskom-poryadke> [Accessed 14/06/2022].
9. Luzyanin S.G. et al. (2020) Rossiisko-kitaiskii dialog: model' 2020: doklad № 58/2020 [Russian-Chinese Dialogue: Model 2020: Report No. 58/2020]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)* [Russian International Affairs Council (RIAC)]. Moscow.
10. Lyan Tsyachu (2020) Kosmos kak sfera politicheskogo vzaimodeistviya gosudarstv v usloviyakh globalizatsii [Space as a sphere of political interaction between states in the context of globalization]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmos-kak-sfera-politicheskogo-vzaimodeystviya-gosudarstv-v-usloviyah-globalizatsii> [Accessed 23/07/2022].
11. Panov K. (2021) Rossiya prisoedinilas' k missii Kitaya po issledovaniyu asteroida i komety [Russia joined China's mission to explore the asteroid and comet]. *TechInsider*. Available at: <https://www.techinsider.ru/technologies/news-691413-rossiya-prisoedinilas-k-missii-kitaya-po-issledovaniyu-asteroida-i-komety> [Accessed 12/06/2022].
12. Prikhod'ko N.N., Frolova N.A. (2019) Osnovnye napravleniya razvitiya mezhdunarodnykh otnoshenii v innovatsionnoi kosmicheskoi platforme Amurskogo gosudarstvennogo universiteta [The main directions of development of international relations in the innovative space platform of the Amur State University]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Amur State University], 85. Available at L: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-razvitiya-mezhdunarodnyh-otnosheniy-v-innovatsionnoy-kosmicheskoyplatforme-amurskogo-gosudarstvennogo> [Accessed 22/07/2022].
13. V Pekine otkrylsya rossiisko-kitaiskii global'nyi tsentr kosmicheskoi pogody [Russian-Chinese global space weather center opened in Beijing] (2021). *RIA novosti*. Available at: <https://ria.ru/20211117/kosmos-1759399221.html>.
14. Vatanabe E. (2019) Rossiya i Kitai stremitel'no sblizhayutsya v sfere vysokikh tekhnologii, no sozdat' soyuz im slozhno. Pochemu? [Russia and China are rapidly approaching in the field of high technologies, but it is difficult for them to create an alliance. Why?]. *JB Press*. Available at: <https://inosmi.ru/politic/20191113/246212283.html> [Accessed 12/06/2022].
15. Volkov S.Yu., Chikh I.N. (2021) Militarizatsiya kosmosa kak global'naya politicheskaya problema [Space militarization as a global political problem]. *Ogarev-Online*, 7 (160). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/militarizatsiya-kosmosa-kak-globalnaya-politicheskaya-problema> [Accessed 11/06/2022].

УДК 327

DOI: 10.34670/AR.2022.45.41.027

Геополитические факторы национальной безопасности Российской Федерации

Крючков Илья Викторович

Советник директора по развитию,
Аналитический центр Министерства просвещения Российской Федерации,
125212, Российская Федерация, Москва, ш. Головинское, 8/2;
e-mail: hook_44@mail.ru

Аннотация

Современные реалии, характеризующиеся глобальной экономической и политической нестабильностью, перманентностью кризисных потрясений во всех сферах общественного развития, обуславливают новые подходы к поддержанию национальной безопасности Российской Федерации. В сложившейся экономической ситуации, обусловленной беспрецедентной зарубежной санкционной политикой, значительную трансформацию претерпела отечественная макроэкономика. Процесс противостояния многополярному миропорядку обусловлен конкуренцией силовых центров за статус макрорегиональных «лидеров», что создает эффект усиления военно-политической и военно-силовой составляющих процесса. В статье актуализируется геополитическая составляющая потенциальных угроз российскому государству. Детерминирующим аспектом выступает возможность имплементационных мер Российской Федерации, направленных на опережение потенциального негативного воздействия со стороны враждебно настроенных внешнеполитических контрагентов. Учитывая факторную трансформацию потенциальных угроз отечественной национальной безопасности, автор аннотирует новые организационные формы ее обеспечения и политико-силового планирования. В качестве методологии исследования использован принцип пространственно-территориального императива, обуславливающего возникновение межгосударственных конфликтов, связанных с установлением контроля над стратегическими геоформациями. Напряженность современной геополитической ситуации, сложившейся в мировом сообществе, актуализирует необходимость разработки комплексных методологических решений, способствующих конструктивному межгосударственному диалогу, направленному на локализацию и предотвращение потенциальных военно-политических и экономических конфликтов.

Для цитирования в научных исследованиях

Крючков И.В. Геополитические факторы национальной безопасности Российской Федерации // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 224-231. DOI: 10.34670/AR.2022.45.41.027

Ключевые слова

Геополитика, макрорегионы, геоэкономическая взаимозависимость, военно-силовые риски, ментальная война, гибридная война, национальная безопасность.

Введение

Современные глобальные геэкономические процессы отличаются неустойчивостью и многовекторностью, что не дает возможности говорить о формировании устоявшегося вектора формирования новой глобальной политической и экономической архитектуры. Затянувшееся состояние геэкономического «предхаоса», в том числе связанное с активным противодействием со стороны США и их сателлитов (прежде всего, Великобритании) попыткам сформировать новые глобальные «правила игры» в мировой политике и экономике, с одной стороны, стимулирует попытки решить проблемы злоупотребления Соединенными Штатами своим потенциалом управления глобальной геэкономической взаимозависимостью за счет купирования «частных угроз», с другой – усугубляет уже сформировавшиеся геэкономические диспропорции и делает весьма вероятным сценарий перерастания локализованных противоречий в региональные.

Эти факторы создают эффект возможной радикализации сценариев развития международных отношений. В частности, сценарий непосредственно секторального финансового кризиса уже невозможен, вероятен лишь системный кризис всего глобализированного сегмента экономики. В условиях сохранения значимых узлов глобальной геэкономической взаимозависимости это обуславливает осторожность поведения важнейших акторов в системе международных отношений.

Основная часть

Целесообразно предположить, что будущий мир будет системой, где диспропорции развития станут естественной и постоянной чертой, в среднесрочной перспективе способствуя более четкому очерчиванию границ геэкономических регионов. В рамках этих регионов многофакторная защищенность будет иметь фундаментальное значение, но в краткосрочной перспективе создаст эффект мультипликации малых по масштабам и относительно коротких в силу ограниченности ресурсов конфликтов в регионах, «выпадающих» из традиционных сфер влияния крупнейших игроков. Это может обусловить то, что в среднесрочной перспективе значение силовой (в широком смысле термина) защищенности для устойчивого развития будет расти.

Закономерно возникнет вопрос о необходимости нового уровня интеграции различных составляющих российской политики – от поддержки продвижения продукции российской экономики на новые рынки до формирования новой системы логистической связности. Ключевым вызовом российской политике на ближайшие 10 лет, таким образом, станет вызов новой управленческо-политической интегративности, что выведет на первый план необходимость резкого повышения качества и усиления целостности государственного управления.

Возникающую в мире ситуацию можно охарактеризовать следующим образом. С одной стороны, США уже не способны даже в партнерстве с другими игроками в системе международных отношений обеспечить сбалансированное навязывание собственных правил игры по всему пространству современной межгосударственной конкуренции. С другой стороны, ни одна из сил, считающих себя конкурентами США, пока не способна оспорить доминирование США в важнейших для развития мировой политики и экономики узлах глобального развития. Иными словами, американоцентричный глобализм становится очаговым

явлением, а пространства, где произошло его размывание, не замещаются другими «центрами силы», а становятся регионами вакуума влияния, заполняемыми ситуативно, в том числе и силами, порождающими геоэкономический хаос.

«По объективным показателям США сегодня – слабеющая держава. Если после Второй мировой войны ВВП США был равен примерно половине номинала мирового ВВП, то сейчас, по данным Международного банка, это 23-24%. По паритету покупательной способности Китай уже превзошел США и, по самым оптимистичным для Вашингтона прогнозам, к 2030 г. выйдет на первое место по всем показателям» [Ильницкий, 2021].

Согласно китайским и американским рейтингам (например, по данным американской аналитической компании Global Firepower и китайского агентства Sohu), российская армия – на втором месте в мире [Sohu..., www]. С учетом этого фактора гегемония США выглядит довольно неприглядно.

В качестве результата на переходный период возможно возникновение системы «скорректированного глобализма». Подобные идеи начинают активно обкатываться в США [Naass, Kurchan, www]. Сокращенное «ядро» нового «коллективного Запада», интегрированное на основе систем корпоративного управления (этот процесс начал происходить уже в 2020 г. во время острой фазы пандемической истерии), распространенное на «периферию», куда будет включена и бывшая «полупериферия», опирается на корпоративные механизмы и на ранее заявленные стратегии догоняющего социального развития [Морозов, 2022, www]. Данное обстоятельство – постепенный и неафишируемый отказ лидеров глобализации от роли догоняющего социального развития – является фундаментальным. Это подразумевает возможность глубокой архаизации – как социальной, так и политико-экономической. Последнее предполагает переход к «трофейной экономике», а затем к экономике «набеговой». Это существенным образом может изменить характер геоэкономических процессов в современном мире, включая формирование геоэкономических макрорегионов, что, безусловно, замедлено пандемией коронавируса, но остается одним из центральных в формировании постглобального мира.

Бывший министр обороны США Дональд Рамсфельд отмечал, что «для выхода из кризиса и создания нового мира необходимо “трансформирующее событие”» [Ильницкий, 2021]. Такими «трансформирующими событиями» могут стать эпидемии, революции/перевороты и, конечно, войны. Выход из кризиса посредством войны – традиционное для США решение.

Характер, содержание и определение войны меняются. Космос, информационное и киберпространство, глобальная цифровизация все активнее вовлекаются в военное противоборство. С радикальным изменением качественной составляющей спектра угроз подвергаются трансформации инструменты ведения современной войны.

Классические войны преследуют цель завоевания территорий с уничтожением противника. Цель современных инфо- и кибервойн – уничтожение критически значимой инфраструктуры противника с целью потери управления, создания хаоса, дисбаланса и ликвидации государства.

Цель видоизмененной войны – уничтожение самосознания, изменение ментальной цивилизационной основы общества противника. По существу, это новый тип войны – ментальная война. Она направлена на разрушение мировоззрения и цивилизационных основ противника.

Главным вызовом современности и одновременно императивом глобального развития становится «вызов комплексности», т. е. способности интегрировать разнородные проблемы и вызовы развитию в единую систему целеполагания и как минимум среднесрочных действий

[Mauro, 2020]. В полной мере этот вызов стоит перед Россией, вокруг которой сформировалась система конфликтных узлов, объединяющая различные факторы – от экономических до политических – и формирующая трансграничные риски.

В условиях, когда формирование глобальных геоэкономических макрорегионов будет происходить при относительно высоком уровне военно-политической напряженности с элементами локальной военно-силовой конфронтации (в формате гибридных войн или на несколько более высокой стадии), становится операционно невозможной реализация сценария «разноэтажных» макрорегионов, когда то или иное пространство может быть включено одновременно в различные секторальные системы [Лукьянов, 2022, www] (например, быть частью «атлантического мира» политически, но принадлежать к формирующейся на Среднем Востоке с проекцией на Балканы туркоцентричной геоэкономической системе). Мир по объективным причинам начинает двигаться к новой геоэкономической и геополитической целостности, что само по себе становится серьезным и не вполне еще осознанным вызовом.

На фоне формирования в различных регионах мира «ядер» нового пространственного суверенитета, обеспечиваемых государствами-лидерами (наиболее явные – Китай, Россия, Иран и Турция), возникновение некоего конкурентного «дикого поля», куда могут попасть не только маргинальные в геоэкономическом плане пространства, но и ресурсно и логистически ценные, представляется неизбежным. Ситуация в этих «серых зонах» может стать долгосрочным источником напряженности и рисков для претендентов на статус «ядра» макрорегионов. Вопрос о возможности управления «серыми зонами» постепенно становится одним из центральных в геополитическом дискурсе, в том числе применительно к отношениям с Россией [Bolton, www].

На этом фоне существенно растет интерес к инструментарию, адекватному задачам безопасного и нереволюционного изменения систем региональной и в особенности трансрегиональной экономической взаимозависимости. Специалисты констатируют, что характер взаимозависимости неизбежно изменится, причем произойдет это в результате сочетания объективных факторов упрощения систем управления и ситуативного влияния пандемии, стимулировавшей изменение восприятия неэкономических элементов взаимозависимости [Хейфец, Чернова, 2020].

Рассмотрим структуру и особенности важнейших макрорегионов по периметру Евразии. Для этого обозначим несколько принципиальных рисков, связанных с влиянием процессов регионализации на проблематику безопасности России в евразийском контексте (см. табл. 1).

Таблица 1 - Потенциальные риски национальной безопасности России

Риск	Локализация	Проявления трансграничной гибридности	Наличие военно-силового компонента	Тенденции развития	Примечания
Этнический радикализм	Причерноморье, Восточная Европа, Средний Восток, Центральная Азия	Пока незначительные	Да, незначительный	Сращивание с религиозным радикализмом	Нарастание рисков для России с «западного» направления
Религиозный радикализм	Прикаспий, Центральная Азия, Средний Восток, Северный Кавказ	Да	Да, низкая интенсивность «войны союзников» (proxy warfare)	Стагнация, возникновение запроса на новую идеологическую платформу	Высокий уровень стимулирования извне

Информационные манипуляции	Социально вовлеченные группы в крупных (мегаполисы) и средних городах	Да, методика основана на трансграничном воздействии	Нет	Радикализация фейков, вовлечение в манипуляции институтов государственных коммуникаций	«Рубежной» является ситуация вокруг взрывов оружейных складов во Врбетице (Чехия), это обозначило переход к неограниченной информационной войне
Применение киберударных средств	Социальные системы крупных субъектов РФ, социально вовлеченные группы в крупных городах	Да	Ситуативно, легко интегрируется с низкоинтенсивным применением силовых методов	Сопряжение информационных манипуляций и использования киберударных средств	Освоение технологий киберударного воздействия негосударственными участниками
«Гражданский протест»	Крупные города, узловые логистические точки, важнейшие ресурсные точки	Да, управление протестом извне	Нет	Исчерпание возможностей классических протестных технологий Интенсивный поиск новых тематических и организационных решений	Попытки легитимизации насильственного протеста, попытки конструирования новой идеологической основы
Военные демонстрации	Черное море, Прибалтика	Нет, имеются отдельные попытки интеграции давления и протестов	Да	Наращение провокативности, реальная перспектива возникновения вооруженного конфликта	Высокий уровень рисков эскалации в силу слабой контролируемости союзников, появление запроса на правила игры
Локальные конфликты	Центральная Азия, Южный Кавказ, регионы	Да	Да	Исчерпание возможностей нынешнего поколения «гибридных войн», попытки освоения «серой зоны» между «низкой» и «средней» интенсивностью	Попытки использования диаспор в России как фактора давления на руководство страны в ходе 2-й войны в Карабахе

Составлено по: [Балдина, 2019, www].

Заключение

Трансграничная гибридность рисков для России становится уже не политической, но операционной реальностью, причем применительно не только к классическим пространствам Евразии, но и непосредственно к территории России. Главным вызовом для развития России является необходимость формирования единого контура управления стратегическими

приоритетами внешней и внутренней политики. Евразия в этом формате становится естественным приоритетом российской политики, но не в рамках лишь «международного» понимания происходящих там процессов, а в рамках политики по формированию защищенной и экономически функциональной полупериферии России на смешанной индустриально-ресурсной основе. Это неизбежно потребует от России усилий и затрат по частичной реиндустриализации стран Евразии на базе российских технологических цепочек и стандартов.

Приоритеты в области безопасности становятся для обеспечения целостности евразийского пространства в краткосрочной перспективе одними из важнейших. Именно в этой области, вероятнее всего, будут проявляться основные риски, грозящие окончательным разрушением целостности. Эти риски в большинстве своем будут первоначально реализовываться в формате конфликтов низкой интенсивности, базового военно-силового сегмента платформы гибридных войн. Именно этот формат реализации уже накопленных противоречий даст наибольший потенциал манипулируемости.

Важнейшим фактором, оказывающим влияние на межгосударственную и межсистемную конкуренцию в Евразии и вокруг нее, становится игра с идеологическими, точнее социально-идеологическими, сущностями, с управлением конфликтами с неэкономической составляющей. Это определит остроту возможного эффекта применения в Евразии (включая Россию) инструментария «ментальной войны», становящегося важнейшим компонентом несилового инструментария на платформе гибридной войны. Это означает, что Россия в рамках своих усилий по консолидации евразийского пространства и обеспечения собственной безопасности рано или поздно будет вынуждена выйти на поле социально-идеологической конкуренции, чего Москва пока избегала.

Россия оказывается прагматически заинтересованной в сохранении постсоветскими государствами своего суверенитета, реального, основанного на устойчивых системах власти, как гарантии от внешнего манипулирования, в том числе вывода потенциально конфликтных межгосударственных или внутригосударственных ситуаций в военно-силовое русло. В условиях относительного кризиса механизмов ОДКБ и неготовности ряда стран к многосторонним договоренностям, вероятно, имеет смысл сделать акцент на двусторонних отношениях в области безопасности, имея в виду необходимость уточнения в рамках ОДКБ общего вектора развития.

Таким образом, при сохранении существующих тенденций развития у России не будет «среднего» варианта политики в отношении постсоветского пространства: либо Евразия будет окончательно разорвана более сильными в геоэкономическом плане регионами и, даже сохранив формально-правовой статус на уровне национальных государств, будет источником нестабильности, связанной с возникновением «серых зон», либо большая ее часть станет основой нового региона, близкого к самодостаточности. России, как нам представляется, нужно сосредоточиться на себе, на формировании своего геополитического панрегиона – пространства национальных интересов, суверенитета, влияния, безопасности, защищенного «красными линиями», переступить через которые не позволено никому.

Библиография

1. Sohu назвало две страны, с которыми США не хотят вступать в военный конфликт. URL: <https://shraibikus.com/69674-568521291.html>
2. Балдина Д.С. Риски в области обеспечения национальной безопасности // Юридическая техника. 2019. № 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-v-oblasti-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti>

3. Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19-33.
4. Лукьянов В.Ю. Постсоветское пространство в контексте отношений Россия – Запад: проблемы и перспективы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postsovetskoe-prostranstvo-v-kontekste-otnosheniy-rossiya-zapad-problemy-i-perspektivy>
5. Морозов И.Л. «Стратегия национальной безопасности России» 2021 года – сравнительный анализ реальных и декларируемых геополитических угроз // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii-2021-goda-sravnitelnyy-analiz-realnyh-i-deklariruemyh-geopoliticheskikh-ugroz>
6. Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Новый глобальный экономический кризис: как изменится глобализация? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 34-52.
7. Bolton J.R. How Biden can turn the tables on Putin. URL: <https://www.nationalreview.com/magazine/2021/06/01/how-biden-can-turn-the-tables-on-putin/>
8. Dadabaev T. "Silk Road" as foreign policy discourse: the construction of Chinese, Japanese and Korean engagement strategies in Central Asia. URL: https://www.researchgate.net/publication/321989152_2018_Silk_Road_as_foreign_policy_discourse_The_construction_of_Chinese_Japanese_and_Korean_engagement_strategies_in_Central_Asia_Journal_of_Eurasian_Studies_91_1-12
9. Haass R.N., Kupchan C.A. The new concert of powers. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers>
10. Mauro F.G. 2030: how today's biggest trends will collide and reshape the future of everything. New York, 2020. 288 p.

Geopolitical factors affecting the national security of the Russian Federation

Il'ya V. Kryuchkov

Development Advisor to the Director,
Analytical Center under the Ministry of Education of the Russian Federation,
125212, 8/2 Golovinskoe hwy, Moscow, Russian Federation;
e-mail: hook_44@mail.ru

Abstract

Modern realities, characterized by global economic and political instability, permanent crisis shocks in all spheres of social development, condition new approaches to ensuring the national security of the Russian Federation. The macroeconomics of the Russian Federation has undergone a significant transformation in the current economic situation caused by the unprecedented foreign sanctions policy. The confrontation with the multipolar world order is caused by the power centers competing for the status of macroregional "leaders", which creates the effect of strengthening the military-political and military-power components of this process. The article deals with the geopolitical component of potential threats to the Russian state. The determining aspect consists in the possibility of implementing measures taken by the Russian Federation with a view to preempting the potential negative impact on the part of its hostile foreign policy counterparts. Considering the factor transformation of potential threats to the national security of the Russian Federation, the article annotates new organizational forms of its ensuring and political-power planning. The research methodology is based on the principle of the spatial-territorial imperative, which determines the emergence of interstate conflicts related to the establishment of control over strategic geoformations. The tension of the current geopolitical situation in the global community actualizes the need to develop comprehensive methodological solutions that promote constructive interstate dialogue aimed at localizing and preventing potential military-political and economic conflicts.

Il'ya V. Kryuchkov

For citation

Kryuchkov I.V. (2022) Geopoliticheskie faktory natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Geopolitical factors affecting the national security of the Russian Federation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 224-231. DOI: 10.34670/AR.2022.45.41.027

Keywords

Geopolitics, macroregions, geoeconomic interdependence, military-power risks, mental warfare, hybrid warfare, national security.

References

1. Baldina D.S. (2019) Riski v oblasti obespecheniya natsional'noi bezopasnosti [Risks in the field of national security]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technique], 13. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-v-oblasti-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti> [Accessed 12/08/22].
2. Bolton J.R. *How Biden can turn the tables on Putin*. Available at: <https://www.nationalreview.com/magazine/2021/06/01/how-biden-can-turn-the-tables-on-putin/> [Accessed 12/08/22].
3. Dadabaev T. "Silk Road" as foreign policy discourse: the construction of Chinese, Japanese and Korean engagement strategies in Central Asia. Available at: https://www.researchgate.net/publication/321989152_2018_Silk_Road_as_foreign_policy_discourse_The_construction_of_Chinese_Japanese_and_Korean_engagement_strategies_in_Central_Asia_Journal_of_Eurasian_Studies_91_1-12 [Accessed 12/08/22].
4. Haass R.N., Kupchan C.A. *The new concert of powers*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers> [Accessed 12/08/22].
5. Il'nitskii A.M. (2021) Mental'naya voyna Rossii [Russia's mental warfare]. *Voennaya mysl'* [Military thought], 8, pp. 19-33.
6. Kheifets B.A., Chernova V.Yu. (2020) Novyi global'nyi ekonomicheskii krizis: kak izmenitsya globalizatsiya? [The new global economic crisis: how will globalization change?] *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of global transformations: politics, economics, law], 13 (4), pp. 34-52.
7. Luk'yanov V.Yu. (2022) Postsovetskoe prostranstvo v kontekste otnoshenii Rossiya – Zapad: problemy i perspektivy [The post-Soviet space in the context of relations between Russia and the West: problems and prospects]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences], 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/postsovetskoe-prostranstvo-v-kontekste-otnosheniy-rossiya-zapad-problemy-i-perspektivy> [Accessed 12/08/22].
8. Mauro F.G. (2020) *2030: how today's biggest trends will collide and reshape the future of everything*. New York.
9. Morozov I.L. (2022) "Strategiya natsional'noi bezopasnosti Rossii" 2021 goda – sravnitel'nyi analiz real'nykh i deklariruemykh geopoliticheskikh ugroz [Russia's 2021 National Security Strategy – comparative analysis of real and declared geopolitical threats]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law], 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii-2021-goda-sravnitelnyy-analiz-realnyh-i-deklariruemykh-geopoliticheskikh-ugroz> [Accessed 12/08/22].
10. *Sohu nazvalo dve strany, s kotorymi SShA ne khotyat vstupat' v voennyy konflikt* [Sohu named two countries with which the USA does not want to come into a military conflict]. Available at: <https://shraibikus.com/69674-568521291.html> [Accessed 12/08/22].

УДК 070

DOI: 10.34670/AR.2022.35.36.028

Влияние глобализации на китайские и российские СМИ: сравнительный анализ

Айлифэйжань

Студентка,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: 734033462@qq.com

Аннотация

По мнению автора, на процесс глобализации оказывают воздействие национальные факторы. И здесь, как полагает автор, национальные СМИ так и или иначе вносят вклад в глобальную медиасистему, что является вполне обоснованным. В статье предпринята попытка раскрыть роль глобализации, которую она оказала на трансформацию СМИ Китая и России. Автор провел анализ процесса трансформации китайских и российских СМИ. Помимо этого, автором раскрыто влияние глобализации на медиасистемы двух стран. Автор указывает тот факт, что трансформация китайских и российских СМИ проходила в несколько этапов, что обусловлено политическими, социальными и национальными особенностями стран. Профессиональная культура СМИ в Китае и России ощущает влияние западных традиций. И если в Китае западные профессиональные приемы используют далеко не все СМИ, то для России это стало универсальным способом донесения информации. Китайской медиаполитике присущи более строгие рамки, тогда как российская Доктрина информационной безопасности имеет поверхностный характер, а соответственно, далеко не всегда реализуется на практике. Несомненно, что Китай, что Россия уделяют повышенное внимание процессам глобализации и пытаются принять различные мероприятия в указанной сфере. Все это позволяет говорить о том, что медиасистемы Китая и России находятся под сильным воздействием процесса глобализации, но в то же время ощущается их связь с культурными, национальными традициями.

Для цитирования в научных исследованиях

Айлифэйжань. Влияние глобализации на китайские и российские СМИ: сравнительный анализ // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 232-239. DOI: 10.34670/AR.2022.35.36.028

Ключевые слова

Медиасистемы, глобализация, СМИ, страны Запада, национальные СМИ, изоляция, гласность, импортируемые медиапродукты.

Введение

Медиасистемы как России, так и Китая являются активными участниками процесса глобализации. И здесь необходимо учитывать ряд основных особенностей. С одной стороны, национальные медиасистемы – это основная движущая сила, так как именно посредством СМИ процесс глобализации стал реальным. С другой стороны, именно глобализация оказывает существенное воздействие на различные институты государства и общества [Рыжов, 2020, 30], в т.ч. на содержание и структуру национальных СМИ.

Необходимо учитывать тот факт, что Россия и Китай являлись социалистическими странами и до сих пор Китай признается таковой. Именно поэтому всегда прослеживалось достаточно негативное отношение к странам Запада. Китай и Россия стремились к тому, чтобы занять определенную изолированную позицию по отношению к культуре Запада, в то же время страны шли по пути формирования своей особенной национальной культуры. Все это способствовало тому, что национальные медиасистемы находились в определенной изоляции от процесса обмена информацией с западными странами. Однако в период 70-80-х гг. XX века стали прослеживаться некоторые изменения. Именно указанный временной период можно считать началом глобализации в России и Китае [Рихтер, 2009, 77].

Основная часть

Ввиду глобализации процесс трансформации российских и китайских СМИ развивался практически параллельно, и здесь представляется возможным обозначить несколько основных этапов.

Первый этап получил название начального. В указанный период Россия и Китай признавались странами, для которых характерна неразвитость массмедиа. Так, на рынке просто отсутствовали какие-либо транснациональные медиакорпорации, не существовал медийный рынок как таковой.

Второй этап характеризуется тем, что за счет постепенного накопления опыта, а также изучения особенностей зарубежного формата стала происходить постепенная адаптация брендов, но при этом сохранен импорт медиапродуктов.

Для *третьего этапа* характерно то, что начался процесс формирования своих собственных информационных каналов. Речь идет о разработке и внедрении своего собственного спутникового телевидения, а также разработке сайтов в Интернете [Митрофанов, 2007, 55].

Необходимо говорить о том, что на первом этапе глобализации (это период 1840-1949 гг.) Китай находился в достаточно сильной зависимости от стран Запада. На втором этапе (1949-1978 гг.) коммунистическая партия Китая стала принимать попытки противопоставить западным моделям социалистический путь развития государства. Несмотря на то, что такого рода сопротивление страны способствовало формированию определенной независимости, тем не менее, отмечено отставание страны в культурном и социальном плане. И только на третьем этапе Китай стал активным участником процесса глобализации.

Современный этап процесса глобализации Китая условно начался еще в 1972 г. – именно в указанный период Китаю присвоен статус легитимного представителя ООН, что позволило восстановить отношения с США. Все это способствовало тому, что китайское правительство вышло на совершенно новый уровень дипломатических отношений. Официально же третий этап процесса глобализации начался в 1978 г., на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва. На данном созыве руководство страны определило путь открытости внешнему миру. В конечном итоге

такие преобразования в политическом смысле позволили запустить на китайских каналах рекламу в 1979 г. И уже в начале XXI века стали отмечаться ускоренные темпы перехода медиаиндустрии Китая к основам рыночной экономики. Медиаиндустрия стала восприниматься в качестве основы наращивания экономической мощности Китая, что в конечном итоге привело к трансформации сферы культуры.

В России периода советского государства в СМИ также ощущалась изоляция от внешнего мира. Это привело к тому, что советские власти просто затруднили проникновение процесса глобализации. В тоже время уже в последней четверти XX века, ввиду невозможности надлежащим образом модернизировать экономику страны, Советский Союз пал. Во многом это обусловлено и глобальными коммуникациями. Правительство СССР было просто не в состоянии запретить гражданам слушать радиостанции западных стран, а также смотреть телепередачи. Именно поэтому в стране возникли такие явления, как «телевизионные революции» [Копьев, 2005, 114].

Часть исследователей полагают, что именно новости западных СМИ во многом способствовали развалу СССР. То есть получается, что западное телевидение, радиослужбы оказывали активное разрушительное воздействие. С уверенностью стоит сказать о том, что новостные медиа оказали воздействие на формирование новых государств. Все это позволяет говорить о том, что процесс глобализации способствовал в России развитию гласности и перестройки. И уже после распада СССР данный процесс пошел ускоренными темпами.

Процесс глобализации оказал свое воздействие и на национальные медиа двух стран. И здесь представляется возможным обозначить несколько основных моментов:

- медиасодержание;
- собственность;
- профессиональная культура;
- национальная медиapolитика [Водяников, 2021, 172].

Остановимся более подробно на медиасодержании. Несмотря на то, что в Китае СМИ находятся под весьма жестким контролем со стороны правительства, но в условиях глобализации отмечается трансляция зарубежных медиапродуктов. Изначально в Китае начали импортировать японские мультики, а также американские, латиноамериканские, тайваньские телесериалы 80-х гг. XX века. Сегодня в Китае есть значительное количество зарубежных каналов. В качестве примера можно привести и корейский канал «Альлан», который вещает на территории Китая. За последние несколько лет в республике все чаще стали транслировать китайские сериалы.

Процесс глобализации в советском государстве, как было отмечено, начался еще до момента распада СССР. Так, в 1991 г. на территории России стала работать радиостанция «Свободная Европа». Помимо этого, вещание открыло и ВВС. Ввиду падения политических преград после распада СССР данный процесс приобрел ускоренные темпы. Все это способствовало тому, что на российском телевидении появилось значительное количество зарубежных программ. Телевидение, по сути, стало неким средством глобализации. При этом необходимо учитывать тот факт, что импорт зарубежных программ стал одним из основных аспектов глобализации, который отразился на национальном характере российских СМИ [Яньсянь Янь, 2004, 115].

В первой половине 90-х гг. XX в. в России процесс глобализации сопровождался американизацией. Существенной особенностью указанного периода было то, что наблюдался перевес иностранных сериалов (американских, латинских), транслируемых на российских каналах. Однако уже начиная с 1997 г. появилось значительное количество отечественных

сериалов, посвященных криминалу. В 2002 г. с телеканала «Россия» убран сериал «Санта-Барбара», и место было занято уже сериалом российского производства. Постепенно зарубежные сериалы ушли из сетки вещания ведущих российских каналов, то есть можно сказать о том, что России удалось выйти из зависимости от импортной медиапродукции [Дегтерева, 2007, 11].

Сегодня в Китае особой популярностью пользуется ряд западных программ: «Миллионер», «Американский культ». Помимо этого, на китайском телевидении присутствуют и некоторые аналоги зарубежных телепередач: «Суперголос девушки», «Веселый словарь». Несомненно, западные программы адаптированы под китайское телевидение. Например, в программе «Веселый словарь» также используется постановка вопросов, как и в «Миллионере», но при этом тематика касается китайского образа жизни, культуры и т.д. Таким образом, получается, что фактически осуществляется поддержка официальной китайской идеологии.

Также для Китая характерно наличие и некоторых аналогов зарубежных печатных изданий (газет, журналов). Так, есть китайские версии «The Wall Street Journal» и «Times». В указанных СМИ содержится в большей степени информация, посвященная Китаю [Лукина, 2006, 90].

В Китае уделяется повышенное внимание и локализации медиа-содержания. На китайском телеканале «Синкон», который контролируется со стороны правительства государства, практически все программы китайские, большая часть из сотрудников китайского происхождения. Интерес представляет и канал Фэньхуань (Phoenix), политика которого ориентирована на китайцев по всему миру. Именно поэтому на указанном канале представлено достаточное количество западных программ, что делает его привлекательным для совершенно различной аудитории.

В конце 90-х гг. XX века в России наблюдалась трансформация процесса глобализации. Так, необходимо обратить внимание на то, что стало происходить заимствование значительного количества западных форматов. При этом зарубежные программы адаптировались с учетом национальных условий. Все большую популярность стали приобретать реалити- и игровые шоу. Особо стоит выделить такие телевизионные проекты, как «Большой брат», «Кто хочет стать миллионером», «Фабрика звезд». И достаточно часто указанные проекты на российском телевидении представлены на высоком уровне и не уступали оригинальным проектам. И здесь особо стоит отметить телесеть ТНТ, которая ориентирована на подобного рода телевизионные проекты.

За счет процесса заимствования форматов, а также процесса адаптации зарубежных программ стала прослеживаться определенная близость с западной телепродукцией. Все это указывает на сохранение западных тенденций в стране.

Большая часть исследователей полагает, что современные коммерческие СМИ в России мало чем отличаются от западных. Так, все больше передач становятся предсказуемыми для телезрителей, дублируются однотипные программы и т.д. В области медиа рыночный характер постепенно приобретает глобальный вид.

Китай и Россия, показывая свою реакцию на процесс глобализации, стали активными участниками глобального информационного обмена. Именно это позволило сформировать так называемые глобальные информационные каналы.

Так, в Китае есть круглосуточный англоязычный канал CCTV-9. Он ориентирован на китайцев вне зависимости от места их нахождения. В 2008-2009 гг. выпущен французский, испанский, а также русский CCTV-9 [Вартанова, 2005, 35].

Что касается Российской Федерации, то до момента распада СССР медиапродукты советского производства экспортировались в большей части в восточноевропейские страны.

Московская радиостанция транслировалась более чем на 70 языках. Что касается сегодняшнего времени, то «Голос России» вещается всего на 38 языках и территориальный охват составляют только страны СНГ. Получается, что после распада СССР произошло уменьшение объема информации о России и из России.

Большое значение имело появление в 2005 г. круглосуточного англоязычного канала Russia Today, что заложило основы для восстановления иностранного пространства. Основное предназначение Russia Today выражалось в необходимости обозначить российскую позицию относительно событий и явлений, происходящих в стране.

В связи с тем, что стали формироваться медиакорпорации, это способствовало изменению собственности медиасистем как в России, так и в Китае [Гидденс, 2004, 54].

Так, для Китая характерно наличие достаточно строгих ограничений в части медиасодержания. Соответственно, медиаресурсы находятся под строгим контролем со стороны правительства государства. Правительство контролирует и все зарубежные инвестиции в медиасферу. Однако ввиду значительного экономического роста страны глобальным медиакомпаниям все-таки удалось проникнуть на рынок Китая. Среди них можно выделить Ньюс корпорейшн, Виакон, Тайм Уорнер и Бертельманн.

В 2002 г. Китай вступил в ВТО, что способствовало распространению рекламы со стороны иностранных компаний в китайских изданиях. Помимо этого, отмечается значительное количество сайтов, периодических компаний, в которых также присутствуют зарубежные инвестиции.

В 2005 г. правительство Китая опубликовало акт «Некоторые мнения о вложении иностранных инвестиций в культурную область», согласно которому установлен запрет на создание и управление иностранным капиталом журналистикой, радиостанцией, телестанцией, трансляционными сетями радио- и телевидения, а также принимать участие в компании по производству программ и вещанию. Получается, что Китай, несмотря на активные процессы глобализации, все-таки продолжает держать под контролем медиаиндустрию и активность зарубежных инвестиций [Прайс, 2004, 17].

Ввиду такого жесткого контроля со стороны государства, иностранные инвестиции присутствуют только в несущественных сегментах. Именно поэтому возникли даже некоторые убытки у телеканала «Син-кон». И как показывает текущая ситуация, каких-либо послаблений в данной области со стороны правительства не планируется.

Что касается Российской Федерации, то таких существенных ограничений иностранных инвестиций нет. В Законе о СМИ отмечаются, например, такие ограничения, как запрет выступать иностранным гражданам учредителями средств массовой информации. В тоже время на первых порах распада СССР такого запрета не было для иностранных компаний, и только в 2001 году законодательство в этой части ужесточено.

Ввиду того, что до начала 2000-х гг. в России наблюдалась крайне нестабильная ситуация, политическая обстановка, то и глобальные медиаконцерны крайне подозрительно относились к стране. Сегодня же стоит отметить наличие иностранных инвестиций в прессе, онлайн-СМИ. Постепенно произошел процесс вхождения зарубежных медиакорпораций в российский медиарынок.

Профессиональная культура в китайских массмедиа характерна для гляцевых журналов. Такие всемирно известные гляцевые журналы, как Marie Claire, Vogue, Elle, Cosmopolitan и т.д. давно уже выпустили китайские версии или сотрудничают с китайскими партнерами. Их качество печати, верстка и способы использования иллюстраций приближаются к их материнским версиям. Кроме того, путем тренинга китайских редакторов также

распространяется западная профессиональная культура.

Отмечается и некоторая схожесть новостных еженедельников с аналогами западных стран. Например, «Еженедельник Синьминь», как считают профессионалы, кроме языка, очень похож на «Newsweek»: бумага, печатное качество, верстка и иллюстрации. Часть исследователей придерживаются позиции о том, что китайские новостные журналы испытывают на себе существенное влияние со стороны Запада, что выражается в процессе отбора освещаемых событий, размещении иллюстраций к репортажу и т. д. Получается, что китайское медиапространство постепенно начинает подстраиваться под существующие западные стандарты. И это в большей степени характерно для новых изданий, например, таких как «Восточная утренняя газета», «Новый Пекин» [Hu, 2012, 32].

В России проявления западной профессиональной культуры в СМИ являются наиболее очевидными. Уже в период перестройки стали появляться модели западного стиля новостей. Так, стали использовать метод «жесткого отбора событий». Изначально частные и иностранные агентства придерживались таких веяний. Со временем даже ТАСС было вынуждено придерживаться подобной тенденции, что способствовало введению иностранных профессиональных стандартов в написании новостей.

Сегодня зарубежный опыт стали уже внедрять на стадии обучения и преподавания журналистики в российских учебных заведениях. Такие новостные модели стали использоваться крупными изданиями: «Сегодня», «Коммерсантъ». И на сегодняшний день практически все российские СМИ в своей деятельности используют подобные приемы.

Таким образом, в 70-80 гг. XX в. Россия и Китай стали постепенно отходить от изоляции, а соответственно, открываться для внешнего мира, вступив в процесс глобализации. С одной стороны, медиасистемы стран были подвержены происходящим глобализационным процессам, с другой стороны, странам удалось создать собственные информационные каналы, которые позволяют активно продвигаться на глобальном рынке.

Заключение

Как в Китае, так и в России в области контента активно используются зарубежные медиапродукты. Помимо этого, отмечается и заимствование брендов. Основное различие состоит только в объеме импортируемых программ – на российском телевидении их гораздо больше. Также необходимо учитывать и тот факт, что для Китая характерен более низкий уровень коммерциализации СМИ. Несмотря на то, что в странах удалось создать собственные глобальные телеканалы, нельзя сказать о том, что они являются конкурентоспособными.

Зарубежные медиакорпорации так или иначе вошли на рынок российских и китайских СМИ, что способствовало изменению их собственности. Особенность Китая заключается в том, что существует запрет на участие зарубежных медиакорпораций в важнейших секторах экономики страны. В России же к этим вопросам более лояльное отношение.

Профессиональная культура СМИ в Китае и России также ощущает влияние западных традиций. И если в Китае западные профессиональные приемы используют далеко не все СМИ, то для России это стало универсальным способом донесения информации.

Китайской медиаполитике присущи более строгие рамки, тогда как российская Доктрина информационной безопасности имеет поверхностный характер, а соответственно, далеко не всегда реализуется на практике. Несомненно, что Китай, что Россия уделяют повышенное внимание процессам глобализации и пытаются принять различные мероприятия в указанной сфере.

Все это позволяет говорить о том, что медиасистемы Китая и России находятся под сильным воздействием процесса глобализации, но в то же время ощущается их связь с культурными, национальными традициями.

Библиография

1. Варганова Е.Л. Глобализация СМИ и массмедиа России // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2005. № 4. С. 34-38.
2. Водяников В.А. Глобализация китайских СМИ как метод повышения экономического и политического статуса Китая // Молодой ученый. 2021. № 24 (366). С. 171-175.
3. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 221 с.
4. Дегтерева Е. Российское ТВ через призму глобализации // Меди@льманах. 2007. № 1. С. 11-14.
5. Копьев В.В. Средства массовой коммуникации в контексте глобализации мировой экономики и развитие информационного пространства России. М.: Научная книга, 2005. 187 с.
6. Лукина М.М. Старые заповеди и новые мантры: российский взгляд на эволюцию журналистики. Журналистика на перепутье: опыт России и США. М.: МедиаМир, 2006. 220 с.
7. Митрофанов А. Концепция вещания Russia Today // Меди@льманах. 2007. № 4. С. 54-58.
8. Прайс М.Э. Массмедиа и государственный суверенитет. М.: Институт проблем информационного права, 2004. 226 с.
9. Рихтер А.Г. Правовые основы журналистики. М.: ВК, 2009. 198 с.
10. Рыжов В.Б. Диалектика глобализации и регионализации в правовом пространстве государств и международных организаций // Международное право и международные организации – International Law and International Organizations. 2020. № 1. С. 29-44.
11. Яньсянь Янь. Управляемая глобализация. Государственная власть и изменения в культуре Китая // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. 2004. С. 27-56.
12. Hu Z. Ambiguities in communicating with the world: The Going-out policy of China's media and its multilayered contexts // Chinese journal of communication. 2012. № 1. P. 32-37.

The impact of globalization on Chinese and Russian media: a comparative analysis

Alifeiran

Master Student,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: 734033462@qq.com

Abstract

According to the author, the process of globalization is influenced by national factors. And here, as the author believes, the national media in one way or another contribute to the global media system, which is quite reasonable. The article attempts to reveal the role of globalization that it has had on the transformation of the media in China and Russia. The author analyzed the process of transformation of Chinese and Russian media. In addition, the author reveals the impact of globalization on the media systems of the two countries. The author points out the fact that the transformation of the Chinese and Russian media took place in several stages, due to the political, social and national characteristics of the countries. The professional media culture in China and Russia is influenced by Western traditions. And if in China far from all mass media use Western professional techniques, for Russia it has become a universal way of conveying information. Chinese

media policy has a stricter framework, while the Russian Doctrine of Information Security is superficial and, accordingly, is not always implemented in practice. There is no doubt that China and Russia are paying increased attention to the processes of globalization and are trying to take various measures in this area. All this allows us to say that the media systems of China and Russia are under the strong influence of the globalization process, but at the same time, their connection with cultural and national traditions is felt.

For citation

Alifeiran (2022) Vliyanie globalizatsii na kitaiskie i rossiiskie SMI: sravnitel'nyi analiz [The impact of globalization on Chinese and Russian media: a comparative analysis]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 232-239. DOI: 10.34670/AR.2022.35.36.028

Keywords

Media systems, globalization, mass media, Western countries, national media, isolation, publicity, imported media products.

References

1. Degtereva E. (2007) Rossiiskoe TV cherez prizmu globalizatsii [Russian TV through the prism of globalization]. *Medi@l'manakh* [Media Almanac], 1, pp. 11-14.
2. Giddens A. (2002) *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. Routledge.
3. Hu Z. (2012) Ambiguities in communicating with the world: The Going-out policy of China's media and its multilayered contexts. *Chinese journal of communication*, 1, pp. 32-37.
4. Kop'ev V.V. (2005) *Sredstva massovoi kommunikatsii v kontekste globalizatsii mirovoi ekonomiki i razvitie informatsionnogo prostranstva Rossii* [Mass media in the context of the globalization of the world economy and the development of the information space in Russia]. Moscow: Nauchnaya kniga Publ.
5. Lukina M.M. (2006) *Starye zapovedi i novye mantry: rossiiskii vzglyad na evolyutsiyu zhurnalistiki. Zhurnalistika na pereput'e: opyt Rossii i SShA* [Old Commandments and New Mantras: A Russian Perspective on the Evolution of Journalism]. Moscow: MediaMir Publ.
6. Mitrofanov A. (2007) Kontseptsiya veshchaniya Russia Today [The concept of broadcasting Russia Today]. *Medi@l'manakh* [Media Almanac], 4, pp. 54-58.
7. Price M.E. (2002) *Media and Sovereignty: The Global Information Revolution and Its Challenge to State Power*. The MIT Press.
8. Rikhter A.G. (2009) *Pravovye osnovy zhurnalistiki* [Legal foundations of journalism]. Moscow: VK Publ.
9. Ryzhov V.B. (2020) Dialektika globalizatsii i regionalizatsii v pravovom prostranstve gosudarstv i mezhdunarodnykh organizatsii [Dialectics of globalization and regionalization in the legal space of states and international organizations]. *International Law and International Organizations*, 1, pp. 29-44.
10. Vartanova E.L. (2005) Globalizatsiya SMI i massmedia Rossii [Globalization of mass media and mass media in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism], 4, pp. 34-38.
11. Vodyannikov V.A. (2021) Globalizatsiya kitaiskikh SMI kak metod povysheniya ekonomicheskogo i politicheskogo statusa Kitaya [Globalization of Chinese media as a method to improve the economic and political status of China]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 24 (366), pp. 171-175.
12. Yanxian Yan (2004) Upravlyaemaya globalizatsiya. Gosudarstvennaya vlast' i izmeneniya v kul'ture Kitaya [Managed globalization. State power and changes in the culture of China]. In: *Mnogolikaya globalizatsiya. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire* [The Multiple Faces of Globalization].

УДК 321.01; 354

DOI: 10.34670/AR.2022.39.31.029

Воплощение принципа разделения властей в политической и правовой системе США

Кучаренко Даниил Сергеевич

Ассистент,
Национальный исследовательский университет МИЭТ,
124498, Российская Федерация, Зеленоград, Площадь Шокина, 1;
e-mail: rast-v2012@yandex.ru

Аннотация

Несмотря на сложность современных геополитических процессов, несмотря на неустойчивость баланса сил в многополярном мире и многоаспектность межстрановых и межгосударственных отношений России и США с преобладанием в последние несколько лет отношений непонимания и несогласия по ряду вопросов мирового развития, теоретики не вправе игнорировать опыт США в построении модели разделения властей. Анализируется политическая система США, которая интересна тем, что Конституция, провозглашающая принципы сдержек и противовесов, разделения властей и верховенства закона, остается незыблемым базисом устройства и функционирования политической системы. Система разделения властей инсталлирована не только в правовую, но и политическую систему и является реально действующим механизмом ее функционирования. Утверждается, что устойчивость и незыблемость реализации принципа достигается посредством реализации трех требований Конституции: 1) каждая из трех ветвей власти имеет собственный механизм и источник формирования; 2) срок выборов и период полномочий каждого органа не совпадает со сроками выборов и периодом функционирования других; 3) обеспечение взаимных сдержек и противовесов различными ветвями власти за счет полной независимости от других ветвей, но ограниченности в своих действиях их решениями.

Для цитирования в научных исследованиях

Кучаренко Д.С. Воплощение принципа разделения властей в политической и правовой системе США // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 240-246. DOI: 10.34670/AR.2022.39.31.029

Ключевые слова

Разделение властей, государство, политическая система, конституционализм, Французская республика, теория общественного договора, система государственного управления.

Введение

Несмотря на сложность современных геополитических процессов, несмотря на неустойчивость баланса сил в многополярном мире и многоаспектность межстрановых и межгосударственных отношений России и США с преобладанием в последние несколько лет отношений непонимания и несогласия по ряду вопросов мирового развития, теоретики не вправе игнорировать опыт США в построении модели разделения властей, хотя бы на том основании, что Конституция США была написана не только на двести лет раньше первой демократической Конституции РФ, но и даже чуть раньше, чем Конституция революционной Франции. Кроме того, нельзя не согласиться, что «сегодня сложные процессы общественной и государственной жизни в различных странах, обусловленные глобализацией (и, добавим от себя, усложнением и ускорением социальных, экономических и политических процессов во всем мире), интенсивно отражаются в соответствующих процессах сближения правовых семей и правовых систем ... возникли вариации национальных правовых систем, содержащие черты и континентального, и англо-американского права» [Оксамытный, 2008, 121].

Основная часть

История разделения властей в США интересна и уникальна тем, что основные принципы построения политической системы, продуманные первыми американскими законодателями, действуют до сих пор, поскольку Конституция США, принятая еще в 1787 году, то есть за два года до начала Великой французской революции, остается основным законом страны. На ее основе развивалась и продолжает развиваться правовая система государства, и она остается незыблемым базисом устройства и функционирования политической системы. Причем американские исследователи отмечают, что тот факт, что за более чем двести лет в нее было внесено всего только 27 поправок, означает не только то, что «люди, которые создавали Конституцию США в 1787 году, скорее всего, и сейчас, несмотря на все ее формальные и неформальные изменения, без труда узнали бы в ней творение своих рук» [Петрова, 2010, 183; См. также: Жидков, 1993; Чудаков, 2003], но и то, что Конституция прошла проверку историческим временем, выдержала испытание политическими кризисами и, в результате, не только остались незыблемыми основные конституционные формы государства, но и «сохранился дух, воплощенный тогда в чеканных строках Конституции» [там же, 12].

Нельзя утверждать, что все положения Конституции США остаются актуальными: некоторые нормы устарели и играют роль свидетельств о правовых нормах и традициях, на которых основывается нынешняя правовая и политическая система. Вместе с тем, основы политической системы остаются неизменными, что позволяет называть Конституцию США «юридической Библией» [Жидков, 1993, 10], а также молитвенником, «символом веры», «эталоном справедливости и добра» американского общества и каждого американского гражданина [Власихин, 2000, 127].

Незыблемость текста Конституции является символом воплощения в американской политической системе принципа верховенства закона, который не может быть подменен никакими иными понятиями, даже если это долг, справедливость или требования времени: «Ни один человек, ни одна ветвь власти – ни президент, ни Конгресс, ни полицейский на перекрестке – не имеют права игнорировать Конституцию» [Саидов, 2003, 269].

В основу конфигурации политической системы Конституцией США положены принципы

федерализма и разделения властей. Оба принципа прошли длительный путь становления и внедрения в политические системы европейских стран, в то время как в Конституции США еще в 1787 году воплотилось американское понимание идей французских просветителей. Опираясь на идеи Дж. Локка и Ш. Монтескье, американские законодатели «создали самую сложную форму правления из всех, когда-либо и кем-либо выработанных, самую уравновешенную и наиболее прочно застрахованную от злоупотреблений» [Невинс, 1991, 131], что позволяет не законсервировать, но сохранить в неизменном виде принцип разделения властей в качестве базового, на котором строится политическая система и политические отношения между различными ветвями и органами власти.

Система разделения властей в США основывается на нескольких императивных принципах, которые делают ее особенно устойчивыми по отношению к политическим кризисам.

Во-первых, каждая из трех ветвей власти имеет собственный механизм и источник формирования, которые никак не пересекаются и не накладываются на механизмы и источники формирования иных ветвей власти. Так, каждая из двух палат американского парламента формируется на выборной основе: нижняя палата – Конгресс – избирается населением, а Сенат состоит из представителей штатов, избираемых населением соответствующих штатов. Президент США также избирается, но не прямым, а косвенным образом: коллегией выборщиков, избираемых гражданами. Носителям исполнительной власти запрещено избираться в Конгресс, напротив, конгрессмены не имеют права занимать государственные должности и должности в органах власти штатов.

Второй принцип заключается в том, что каждый орган власти избирается или назначается на определенный срок, который не совпадает со сроком полномочий других органов власти. Так, выборы в Конгресс проходят каждые два года, одна треть сенаторов избирается также один раз в два года, в то время как срок полномочий Президента составляет четыре года, и президент может быть переизбран лишь единожды. Только федеральные судьи могут занимать судебные должности пожизненно, но при условии незапятнанности их репутации. Разные сроки полномочий разных должностных лиц и органов власти являются препятствием – системой сдержек – к монополизации власти одной политической группой за счет замещения всех государственных должностей.

Третий принцип состоит в обеспечении взаимных сдержек и противовесов различными ветвями власти за счет полной независимости от других ветвей, но ограниченности в своих действиях их решениями. Так, Президент имеет право подписания законопроектов и может пользоваться правом президентского вето. Вместе с тем, вето может быть преодолено за счет повторного принятия законов квалифицированным большинством обеих палат. Следует отметить, что, несмотря на принятую в отечественной правовой и политической литературе трактовку американского права как права прецедентного, главным творцом американского права является двухпалатный парламент, а главным источником права – закон.

Президент не имеет права законодательной инициативы, однако может вносить законотворческие идеи в своих ежегодных посланиях Конгрессу. Конгресс может как принимать, так и отклонять предложения Президента. «Следуя принципу разделения властей, Конституция лишила президента законодательной инициативы в строгом смысле слова (права представлять палатам готовый законопроект); его вето на законопроект, принятый обеими палатами, может быть «опрокинуто» квалифицированным большинством обеих палат» [Фридмен, 1993, 58]. Решения о всех назначениях на государственные должности принимаются Президентом самостоятельно, но утверждаются Сенатом. Интересно, как система сдержек и

противовесов регулирует функционирование судебной ветви власти: судьи, кандидатуры которых предлагает Президент и утверждает Сенат, несут ответственность перед Конгрессом.

Следует подчеркнуть, что, при сохранении внутренней логики принципа сдержек и противовесов, в содержательном отношении, он претерпел значительные изменения, каждое из которых было вызвано необходимостью адаптировать запрограммированные Конституцией механизмы к изменяющимся потребностям общества и запросу граждан и государства к повышению эффективности государственного управления. Так, в системе власти появлялись и исчезали различные институты и учреждения, однако все изменения осуществлялись исключительно в рамках конституционного механизма [Мишин, 1991, 78-79]. При этом сам механизм так легко адаптируется к изменениям политической ситуации, поскольку Конституция прописывает общие принципы взаимодействия ветвей власти, не детализируя конкретные полномочия каждого из государственных органов. То есть, действительно, «установление четких конституционных рамок для «разделенных» государственных властей составляло предмет особой заботы «отцов-основателей» США... они с достаточной долей политической прозорливости решили задачу создания самостоятельных, но вместе с тем эффективно контролирующих друг друга федеральных конституционных органов. Но сделано это было по ряду причин в самом общем виде» [Жидков, 1993, 13]. Более того, исследователи отмечают, что отсутствие детализации в основном законе США отсылает и граждан, и представителей государства к общепонятным смыслам терминов «законодательная власть» и «исполнительная власть», заложенные в них как историей, так и философами Просвещения. Вместе с тем, в интерпретациях общих формул Конституции почти никогда не наблюдалось разночтений [Марченко, 1988, 14].

Помимо принципа разделения властей, базовым конституционным принципом, определяющим функционирование политической системы, является принцип федерализма. Он, в свою очередь, базируется также на двух императивах. Первый императив – делегирование парламентом законодательных полномочий законодательным органам штатов по принципу «остаточной компетенции». Статья 1 (Раздел 8) Конституции содержит перечень сфер, подлежащих законодательному регулированию парламентом: налоги, внешняя торговля, денежная эмиссия, объявление войны и др., а остальные сферы – по остаточному принципу – остаются в ведении штатов. Таким образом, «в Конституции фактически предусматривается такая основа американской правовой системы, как существование дуалистической системы источников права: наличие федерального законодательства и законодательства штатов» [Петрова, 2010, 184].

Следует отметить, что сложное размежевание законодательных полномочий федерации и штатов, в том числе, на основе так называемых «подразумеваемых полномочий», создает проблемы двойного регулирования, когда одни и те же сферы регулируются и законами, принятыми Конгрессом, и законами штатов. Преодоление возникающих противоречий зиждется на втором императиве федерализма – принципе верховенства федерального законодательства, основанного на Конституции, над законодательством штатов. Этот принцип, при возникновении коллизий, предписывает правоприменителю рассматривать федеральный закон как нормативный акт большей юридической силы. Этот приоритет имеет не только и не столько правовое значение: он обеспечивает цельность федеративного государства, прочность вертикали власти, стабильность и устойчивость политической системе. Понятие «верховного права», то есть права, источником которого являются Конституция и законы, принятые парламентом, является исключительно простой, прозрачной, но, вместе с тем, стройной скрепой

и принципа федерализма, и принципа разделения властей, «краеугольным камнем всего здания американского федерализма» [Мишин, 1991, 37]. По оценкам А. Невинса и Г. Комманджера, «это положение вдохнуло в Конституцию новую силу, которой иначе она, быть может, никогда бы не имела. Эта статья является наглядной иллюстрацией того сочетания здравого смысла и вдохновения, практической изобретательности и дальновидности, которыми пропитан весь этот документ» [Невинс, 1991, 305-306].

Заключение

Таким образом, устойчивость политической системы США обеспечивается зафиксированными Конституцией императивами федерализма и разделения властей.

Система разделения властей в США основывается на нескольких принципах: 1) каждая из трех ветвей власти имеет собственный механизм и источник формирования, которые никак не пересекаются и не накладываются на механизмы и источники формирования иных ветвей власти; 2) каждый орган власти избирается или назначается на определенный срок, который не совпадает со сроком полномочий других органов власти; 3) обеспечение взаимных сдержек и противовесов различными ветвями власти за счет полной независимости от других ветвей, но ограниченности в своих действиях их решениями.

Императив федерализма зиждется на следующих принципах: 1) делегирование парламентом законодательных полномочий законодательным органам штатов по принципу «остаточной компетенции»; 2) верховенство федерального законодательства, основанного на Конституции, над законодательством штатов.

Библиография

1. Власихин В.А. Американский конституционализм // США на рубеже веков. М.: НОРМА, 2000. С. 126-138.
2. Жидков О.А. (ред.) Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1993. 766 с.
3. Марченко М.Н. Конституция и политическая система // Конституция США: История и современность. М., 1988. 320 с.
4. Мишин А.А. Конституция США – первая писаная буржуазная Конституция // Конституция США: История и современность. М., 1988. 320 с.
5. Мишин А.А. Соединенные Штаты Америки // История государства и права зарубежных стран. М., 1991. Ч. 2. 335 с.
6. Невинс А., Комманджер Г. История США. От английской колонии до мировой державы. Нью-Йорк: Телекс, 1991. 440 с.
7. Оксамытный В.В. Правовые системы современных государственно-организованных обществ. М., 2008. 164 с.
8. Петрова Е.А. Конституционные основы правовой системы США // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 182-186.
9. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). М.: Юрист, 2003. 448 с.
10. Фридмен Л. Введение в американское право. М.: Прогресс, Универс, 1993. 286 с.
11. Чудаков М.Ф. Конституционное право Соединенных Штатов Америки: основные институты. Мн.: Тесей, 2003. 192 с.

The embodiment of the principle of separation of powers in the political and legal system of the United States

Daniil S. Kucharenko

Assistant,
National Research University of Electronic Technology,
124498, 1, Shokina square, Zelenograd, Russian Federation;
e-mail: rast-v2012@yandex.ru

Abstract

Despite the complexity of modern geopolitical processes, despite the instability of the balance of power in a multipolar world and the multifaceted nature of intercountry and interstate relations between Russia and the United States, with the prevalence of misunderstanding and disagreement over a number of issues of world development over the past few years, theorists cannot ignore the experience of the United States in building a separation model. authorities. The US political system is analyzed, which is interesting because the Constitution, which proclaims the principles of checks and balances, separation of powers and the rule of law, remains an unshakable basis for the structure and functioning of the political system. The system of separation of powers is installed not only in the legal, but also in the political system and is a real mechanism for its functioning. It is argued that the stability and inviolability of the implementation of the principle is achieved through the implementation of the three requirements of the Constitution: 1) each of the three branches of power has its own mechanism and source of formation; 2) the term of elections and the period of authority of each body does not coincide with the terms of elections and the period of functioning of others; 3) ensuring mutual checks and balances by various branches of power due to complete independence from other branches, but limited in their actions by their decisions.

For citation

Kucharenko D.S. (2022) Voploshchenie printsipa razdeleniya vlastei v politicheskoi i pravovoi sisteme SShA [The embodiment of the principle of separation of powers in the political and legal system of the United States]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 240-246. DOI: 10.34670/AR.2022.39.31.029

Keywords

Separation of powers, state, political system, constitutionalism, French Republic, theory of social contract, public administration system.

References

1. Chudakov M.F. (2003) *Konstitutsionnoe pravo Soedinennykh Shtatov Ameriki: osnovnye instituty* [Constitutional Law of the United States of America: Basic Institutions.]. Minsk: Tesei Publ.
2. Friedman L. (1993) *Vvedenie v amerikanskoe pravo* [Introduction to American law]. Moscow: Progress, Univers Publ.
3. Marchenko M.N. (1988) *Konstitutsiya i politicheskaya sistema* [Constitution and political system]. In: *Konstitutsiya SShA: Istoriya i sovremennost'* [US Constitution: History and Modernity]. Moscow.
4. Mishin A.A. (1988) *Konstitutsiya SShA – pervaya pisanaya burzhuaznaya Konstitutsiya* [The US Constitution as the first written bourgeois Constitution]. In: *Konstitutsiya SShA: Istoriya i sovremennost'* [US Constitution: History and Modernity]. Moscow.

5. Mishin A.A. (1991) Soedinennye Shtaty Ameriki [United States of America]. In: *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [History of state and law of foreign countries]. Moscow. Part 2.
6. Nevins A., Kommager H. (1966) *A Short History of the United States*. Knopf.
7. Oksamytnyi V.V. (2008) *Pravovye sistemy sovremennykh gosudarstvenno-organizovannykh obshchestv* [Legal systems of modern state-organized societies]. Moscow.
8. Petrova E.A. (2010) Konstitutsionnye osnovy pravovoi sistemy SShA [Constitutional Foundations of the US Legal System]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 4, pp. 182-186.
9. Saidov A.Kh. (2003) *Sravnitel'noe pravovedenie (osnovnye pravovye sistemy sovremennosti)* [Comparative jurisprudence (the main legal systems of our time)]. Moscow: Yurist Publ.
10. Vlasikhin V.A. (2000) Amerikanskii konstitutsionalizm [American constitutionalism]. In: *SShA na rubezhe vekov* [USA at the turn of the century]. Moscow: NORMA Publ.
11. Zhidkov O.A. (ed.) (1993) *Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstitutsiya i zakonodatel'nye akty* [United States of America: Constitution and Legislation]. Moscow: Progress Publ.

УДК 324

DOI: 10.34670/AR.2022.47.15.030

Э. Макрон и относительное большинство. Итоги парламентских выборов во Франции в 2022 г.

Осипов Евгений Александрович

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт всеобщей истории РАН,
119334, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинский, 32а;
e-mail: eaossipov@gmail.com

Аннотация

В статье анализируются результаты парламентских выборов, прошедших в июне 2022 г. во Франции. Президентская коалиция «Вместе» не получила абсолютного большинства в Национальном собрании и теперь в ближайшие пять лет будет вынуждена искать себе союзников для проведения в жизнь задуманных реформ. В большинстве случаев таким союзником будут депутаты от «Республиканцев». Автор показывает, что неудача президентской коалиции связана не с желанием французов проголосовать против Эммануэля Макрона, как думают некоторые французские аналитики, а прежде всего с тем, что часть французского электората устала делать выбор между ним и Марин Ле Пен, считая подобную антитезу очень узкой и не представляющей всю полноту французской политической жизни. Успех Жан-Люка Меланшона и возглавляемого им объединения «Новый народный экологический и социальный союз» как раз объясняется тем, что он смог стать третьей силой, альтернативной Макрону и Марин Ле Пен. «Национальное объединение» добилось исторического для себя результата и получило 89 мест в парламенте. Успех Марин Ле Пен на парламентских выборах объясняется последовательной работой по «дедemonизации» образа партии и по расширению электоральной базы, что особенно заметно на примере французского пролетариата, который теперь гораздо активнее голосует за «Национальное объединение», чем за левые партии.

Для цитирования в научных исследованиях

Осипов Е.А. Э. Макрон и относительное большинство. Итоги парламентских выборов во Франции в 2022 г. // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 247-254. DOI: 10.34670/AR.2022.47.15.030

Ключевые слова

Франция, парламентские выборы, Пятая республика, Эммануэль Макрон, Марин Ле Пен, Жан-Люк Меланшон, относительное большинство, мажоритарная система, «Национальное объединение», «Национальный фронт».

Введение

В июне 2022 г. во Франции состоялись очередные парламентские выборы. В отличие от 2017 г., когда возглавляемая Э. Макроном «Республика на марше» получила 314 мест и абсолютное большинство в Национальном собрании, на этот раз ведомая действующим президентом коалиция «Вместе» получила всего 250 мест, не добившись абсолютного большинства (всего в нижней палате французского парламента 577 мест). Как верно отметили обозреватели французского журнала L'Obs Александр Ле Дролле и Жульен Мартан Макрон, по итогам выборов он стал «относительным президентом» [L'obs, 2022, 25], у которого в парламенте депутатов больше, чем у остальных фракций, но нет необходимого для принятия решений большинства.

Итоги выборов оказались неожиданными и нехарактерными для французской политической системы. В 2001 г. усилиями Лионеля Жоспена, занимавшего тогда пост председателя правительства, во Франции был изменен политический календарь. Парламентские выборы отныне проводились почти сразу (через полтора месяца) после президентских. Подобное решение стало возможным после сокращения в 2000 г. президентского срока с 7 до 5 лет. Целью реформы было стремление избежать очередного «сосуществования»¹ [Арзаканян, 2020, 84], которое к тому моменту в истории Пятой республики случалось трижды и каждый раз приводило к заметному осложнению в функционировании государственного механизма. Предполагалось, что проведение парламентских выборов сразу после президентских должно привести к тому, что избранный президент на волне своей победы легко получит большинство в парламенте и сможет реализовывать свою программу. С тех пор во Франции часто говорят о выборах «в четыре тура» или о том, что парламентские выборы являются всего лишь третьим и четвертым туром президентских выборов.

Результаты исследования

На протяжении двадцати лет система функционировала без сбоев. Жак Ширак в 2002 г., Николя Саркози в 2007 г., Франсуа Олланд в 2012 г. и сам Эммануэль Макрон в 2017 г. получили большинство на парламентских выборах. В 2022 г. Макрон, таким образом, стал первым президентом, кому это сделать не удалось. Второй президентский срок Макрона отныне представляется «бесконечно более трудным, чем предполагалось изначально» [L'obs, 2022, 25].

О новом «сосуществовании» речь сегодня не идет. Результат парламентских выборов парадоксален тем, что Макрон одновременно и главный проигравший, и основной победитель. Несмотря на отсутствие абсолютного большинства, президентская коалиция «Вместе» с большим отрывом заняла первое место. Главный преследователь – возглавляемое Жан-Люком Меланшоном объединение «Новый народный экологический и социальный союз» (NUPES) – получил 151 место в парламенте и, соответственно, не мог претендовать на назначение своего лидера премьер-министром страны. Главой правительства в итоге осталась назначенная Макроном еще до парламентских выборов Э. Борн. Однако – с точки зрения перспектив для реализации поставленных в президентской программе целей в течение второго срока –

¹ Ситуация, когда президент и председатель правительства представляют противоположные политические силы.

полученный по итогам выборов результат для Макрона является чувствительным поражением.

Созданное Макроном в 2016 г. политическое движение «Республика на марше» так и не стало в представлении французов полноценной политической партией с четкой политической идеологией и программой. В 2017 г. на волне роста популярности Макрона «Республика на марше» с центристской политической позицией смогла получить абсолютное большинство в парламенте. Однако в последующие пять лет она растворилась за спиной самого президента. Кризис «желтых жилетов», а потом и эпидемия коронавируса не дали реализовать тот реформаторский потенциал, который изначально был у молодого президента и его движения. В итоге к выборам 2022 г. президентская коалиция подходила с ослабленными позициями. Понимая ситуацию, Макрон использовал украинский кризис как возможность затмить внешнеполитической повесткой трудности во внутренней политике. Он фактически отказался от ведения полноценной предвыборной кампании, выдвинув свою кандидатуру всего за пять недель до первого тура президентских выборов. Что касается выборов главы государства, подобная тактика оправдала себя, и Макрон уверенно переизбрался на второй срок. Однако с парламентскими выборами все сложилось иначе.

В последние несколько лет во Франции политическая жизнь строилась не на основе борьбы двух основных партий и их лидеров, как это было почти на протяжении всей истории Пятой республики, а вокруг трех ключевых фигур – Э. Макрона, М. Ле Пен и Ж.-Л. Меланшона. Более того, их популярность была сопоставима. Так, в первом туре президентских выборов 2022 г. Макрон набрал 27,85 %, Марин Ле Пен – 23,15 %, а Меланшон – 21,95 %. Все трое улучшили свои результаты по сравнению с 2017 г. Президентом в итоге стал кандидат, за которого не голосовали 72% французов в первом туре. В такой ситуации парламентские выборы перестают быть третьим или четвертым туром президентских выборов, как это было в предыдущие двадцать лет, а становятся возможностью для французов высказать свое недовольство и фактически превращаются в референдум по доверию к действующему президенту.

Во Франции популярно мнение, что результаты парламентских выборов говорят о том, что избиратели проголосовали именно против Макрона. Известный журналист Гийом Табар на страницах «Фигаро» сразу после оглашения результатов выборов написал, что если раньше во втором туре парламентских выборов действовал так называемый «республиканский фронт»² [Клинова, Кудрявцев, Тимофеев, 2022, 91], то теперь, наоборот, во втором туре избиратели поддерживают как раз депутатов от «Национального объединения»³ и не дают избраться представителю президентского движения [Le Figaro, 2022, 20 juin]. В действительности все не совсем так. В 16 избирательных округах представитель президентской коалиции «Вместе», заняв первое место в первом туре, уступил в итоге своему оппоненту во втором, и всего в четырех случаях это случилось по отношению к кандидату от «Национального объединения». При этом в 55 округах кандидат от правящей коалиции, заняв второе место в первом туре, праздновал итоговую победу.

Скорее, речь идет о протесте французов против тех тенденций, которые укрепились во французской политической жизни с приходом Макрона к власти. В ходе президентских выборов

² Если кандидат от «Национального фронта» выходил во второй тур, то все остальные кандидаты объединялись и не давали представителю партии Жана-Мари Ле Пена, а потом и Марин Ле Пен победить и пройти в парламент.

³ В 2018 г. «Национальный фронт» сменил название на «Национальное объединение».

2017 г. Макрону удалось разрушить существовавшее на протяжении десятилетий соперничество правых и левых и прекратить, соответственно, гегемонию двух партий – «Республиканцев» и Социалистической партии. В 2017 г. это привело к ослаблению правых (Франсуа Фийон не вышел во второй тур президентских выборов, но до последнего претендовал на это) и к полному краху социалистов, которые во главе с Бенуа Амоном показали самый низкий в истории результат как на президентских, так и на парламентских выборах 2017 г. Макрон добился главной цели – его основным соперником стала Марин Ле Пен.

Для обоих это идеальное соперничество, дающее возможность Марин Ле Пен и дальше укоренять «Национальное объединение» во внутривнутриполитический ландшафт с вполне реальной перспективой закрепиться там в качестве одной из основных политических сил, а Макрону оно позволило уверенно переизбраться на второй президентский срок. В некотором смысле на протяжении пяти лет Макрон реализовывал стратегию «Или я, или хаос» [L'obs, 2022, 4]. Французы устали от подобной ситуации. Они по-прежнему не готовы избрать Марин Ле Пен президентом, но и не хотят отдавать всю полноту власти Макрону.

Противостояние Макрона и Марин Ле Пен, которое фактически монополизировало французскую политическую жизнь в последние пять лет, не устраивает многих французов. «Новый народный экологический и социальный союз» во главе с Меланшоном [Шмелев, 2018] стал третьей политической силой, за которую французы отдали голоса в качестве протеста против сложившейся политической конфигурации. Этим объясняется то, что за NUPES на парламентских выборах и Меланшона на президентских голосовала и некоторая часть центристского и правого электората.

Еще одна причина успеха Меланшона заключается в том, что французские социалисты были вынуждены объединиться с ним. Закат социалистической партии [Осипов, 2017], несколько десятилетий определявшей политическую жизнь Пятой республики, сегодня очевиден для всех. В 2017 г. на президентских выборах лидер социалистов Бенуа Амон набрал всего 6,36%, что стало самым низким показателем в истории партии. Не лучше для социалистической партии сложились и парламентские выборы: всего 30 мест в парламенте в 2017 г., хотя в 2012 г. социалисты были крупнейшей партией в стране с 280 депутатами в Национальном собрании. Катастрофой закончились и президентские выборы 2022 г. Кандидат от социалистов и мэр Парижа Анн Идальго набрала еще меньше, чем Бенуа Амон в 2017 г. (1,75%). Она проиграла даже лидеру коммунистической партии Франции Фабьену Русселю, набравшему 2,28% голосов. В таких условиях социалистическая партия была вынуждена пойти на объединение с Меланшоном. Союз с социалистами оказался чрезвычайно важен для него. Несмотря на неудачи последних лет, социалисты остаются одной из самых «укорененных» политических сил в стране, т. е. они традиционно имеют влияние во многих коммунах и городах Франции, что играет большую роль при мажоритарной избирательной системе. Важно и то, что в условиях, когда Макрон, Марин Ле Пен и «Республиканцы» оспаривают между собой лидерство на правом политическом фланге, Меланшону удалось консолидировать по-прежнему значительный левый электорат.

Главный же триумфатор прошедших в 2022 г. парламентских выборов – «Национальное объединение» во главе с Марин Ле Пен. Депутат европейского парламента Эммануэль Морель по этому поводу сказал: «Центральный элемент – это результат “Национального объединения”». Никогда не было такого продвижения крайне правых» [Le Figaro, 2022, 20 juin]. Партия Марин Ле Пен получила 89 мест в парламенте, хотя до этого у нее было всего восемь мест, она даже не имела возможности сформировать депутатскую группу. До этого лучшим результатом для

«Национального фронта» были 35 мест, полученных в 1986 г., когда выборы проходили по пропорциональной системе. Получить же 89 мест при мажоритарной системе – действительно очень серьезный успех для Марин Ле Пен. Если смотреть на результаты отдельных партий, а не объединений, то по итогам выборов 2022 г. «Национальное объединение» стало второй партией в стране и набрало даже больше, чем «Непокоренная Франция» и «Республиканцы», уступив только президентскому движению.

Успех «Национального объединения» на парламентских выборах стал возможен благодаря продуманной политике «дедemonизации», которую Марин Ле Пен начала после того, как возглавила «Национальный фронт» в 2011 г. Она отказалась от очевидно радикальных и антисемитских идей, очистила кадровый состав от наиболее одиозных политиков, в том числе даже от собственного отца – Ж.-М. Ле Пена [Alduy, Wahnich, 2015, 12]. «Национальный фронт» под руководством Марин Ле Пен постепенно превратился из хоть и популярного, но все же маргинального политического движения в настоящую политическую партию. Ребрендинг партии в 2018 г. и смена названия преследовали ту же цель. Само слово «фронт» означало внесистемность партии и ее противопоставление традиционным политическим силам. Новое же название – «Национальное объединение» – подчеркивает готовность партии стать неотъемлемой частью новой французской политической системы. Парламентские выборы 2022 г. показали, что это действительно произошло.

Еще одна причина успеха «Национального объединения» – продолжающийся рост популярности партии среди французского пролетариата. Еще с 2012 г. Марин Ле Пен наравне с антииммиграционной тематикой сделала антикапиталистическую составляющую одной из главных в своей программе [Le Bras, Todd, 2013, 293-299]. В последние годы результаты Марин Ле Пен в рабочей среде постепенно улучшались. На парламентских выборах 2022 г. кандидаты от «Национального объединения» победили во всех одномандатных округах в промышленных департаментах Верхняя Марна (рабочие составляют 31% от населения департамента) и Верхняя Сона (30,3% рабочих), а в департаменте Эн (30,7% рабочих) победили в трех из пяти округов. Если посмотреть на 10 департаментов с наиболее высоким процентом рабочих среди населения (Майен, Верхняя Марна, Вандея, Эн, Орн, Верхняя Сона, Арденны, Юра, Мез и Вогеzy) [Les catégories..., www], то президентское движение «Вместе» победило в девяти округах в этих департаментах, «Национальное объединение» – в восьми округах, «Республиканцы» – также в восьми округах. Таким образом, французский пролетариат становится одной из социальных баз для Марин Ле Пен и ее движения. Важно, что «Новый народный экологический и социальный союз» (NUPES), который как раз должен представлять интересы рабочих, в этих департаментах победил всего в трех округах.

Очень важным для «Национального объединения» является финансовый вопрос. Известно, что в последние годы партия испытывала серьезные финансовые трудности и из-за отказа французских банков в предоставлении средств была вынуждена взять кредит в российском банке, что вызвало очень неоднозначную реакцию во Франции и стало одной из главных тем дебатов между Марин Ле Пен и Макроном перед вторым туром президентских выборов 2022 г. [Осипов, www]. Теперь же, после получения 89 мест в парламенте, «Национальное объединение» может рассчитывать на дотации из бюджета в размере более чем 10 млн евро в год [Le Figaro, 2022, 20 juin], что позволит серьезно поправить финансовое положение партии.

С первых дней работы нового состава парламента «Национальное объединение» заняло позицию конструктивной оппозиции к президентскому движению [Ibidem, 24 juin]. Марин Ле Пен отказалась от объединения усилий с NUPES для блокирования действий правительства. В

ближайшие годы мы увидим дальнейшую «нормализацию» партии. Есть даже мнение, что она будет занимать более конструктивную позицию, чем «Республиканцы», и постепенно превратится в ключевую правую партию в стране, какой было ранее созданное Жаком Шираком голлистское «Объединение в поддержку Республики»⁴ [Ibidem, 21 juin].

Исторические результаты Меланшона и Марин Ле Пен показывают, что во Франции продолжается поляризация политической жизни с усилением позиций крайних политических сил. «В ближайшие пять лет я сделаю все, чтобы у избирателей не было ни одной причины голосовать за крайние политические силы» [Ibidem, 20 juin] – так Макрон формулировал одну из своих главных задач вечером 7 мая 2017 г. после победы во втором туре президентских выборов. Однако в первом туре президентских выборов 2022 г. Марин Ле Пен, Эрик Земмур и Меланшон набрали в совокупности больше половины голосов – 52,17%, а на парламентских выборах, как уже говорилось выше, «Национальное объединение» и «Непокоренная Франция» стали второй и третьей политической партией в стране.

Результаты парламентских выборов 2022 г. показывают, что теперь президентскому движению при принятии каждого законопроекта придется искать союзников из других фракций. Никаких постоянных коалиций по итогам выборов создано не было, поэтому каждый раз конфигурация будет разной. Большая часть из запланированных президентом законопроектов на 2022-2027 гг., особенно пенсионная реформа, носит скорее правый характер, поэтому поиск союзников среди правых партий становится приоритетной задачей для Макрона. Ключевая роль в данном контексте будет принадлежать «Республиканцам».

Для «Республиканцев» результаты выборов противоречивы. С одной стороны, всего 62 места в парламенте и проигрыш «Национальному объединению» говорят о катастрофическом и самом низком в истории результате. С другой стороны, как уже упоминалось выше, политическая расстановка сил в новом парламенте такова, что именно от действий «Республиканцев» во многом будет зависеть реализация президентской программы, что сильно повышает их роль на ближайшие пять лет.

Первые полтора месяца работы нового парламента подтверждают эти прогнозы. Из 121 голосования, уже состоявшегося в Национальном собрании, в 74% случаев решения президентской фракции и республиканцев совпали. Среди республиканцев есть даже такие депутаты (например, Жан-Луи Тьеро), чьи решения во всех случаях совпали с президентским движением. Сложившуюся ситуацию прокомментировала депутат от «Республиканцев» Валери Базин-Мальгра: «Когда Э. Макрон обнародовал свою президентскую программу, он включил в нее $\frac{3}{4}$ мер, которые предлагала Валери Пекресс⁵. Поэтому я без колебаний заявляю, что за них надо голосовать, внося необходимые поправки, что мы уже неоднократно и сделали» [Ibidem, 29 juillet].

Заключение

Итоги парламентских выборов 2022 г. во Франции показывают, что роль Национального собрания в ближайшие пять лет заметно возрастет. Радикальные прогнозы о том, что, получив всего лишь относительное большинство, Макрон окажется президентом «неуправляемой страны» [Ibidem, 20 juillet], пока не сбываются. Однако необходимость поиска союзников среди

⁴ Партия существовала с 1976 по 2002 г.

⁵ Кандидат на президентских выборах от «Республиканцев».

правых партий для проведения обещанных реформ приведет к еще более акцентированному, чем в предыдущие пять лет, сдвигу политики Макрона вправо. Для «Республиканцев» роль «арбитра президентских законопроектов» [Ibidem, 29 juillet] дает шанс на возрождение партии, а невозможность для Макрона участвовать в президентских выборах 2027 г. делает подобное возрождение очень своевременным и при удачном выборе нового лидера партии дает шанс побороться за президентское кресло на следующих выборах. Для Марин Ле Пен и «Национального объединения» ближайшие пять лет также будут ключевыми: получив рекордные 89 мест в парламенте, партия впервые в своей истории получает возможность реально влиять на политику страны. Процесс постепенной «нормализации» и очищения ее образа от всего, что было связано с Ж.-М. Ле Пенем, продолжится в ближайшее время, что также особенно важно в свете перспектив на 2027 г. «Новый народный экологический и социальный союз» во главе с Меланшоном станет главной оппозиционной силой. Основная задача Меланшона – сохранить единство внутри своего движения. Так как в NUPES входят разные по взглядам, структуре и опыту политической борьбы партии и движения, обуздать центробежные силы будет очень непросто.

Библиография

1. Арзаканян М.Ц. Жак Ширак – последний исполнин французской политики // *Международная жизнь*. 2020. № 6. С. 83-93.
2. Клинова М.В., Кудрявцев А.К., Тимофеев П.П. (отв. ред.) *Современная Франция: между тревогами и надеждами*. М.: ИМЭМО РАН, 2022. 256 с.
3. Осипов Е.А. Дебаты во Франции. Ничья в пользу Макрона. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/34851>
4. Осипов Е.А. Кризис французского социализма // *Международная жизнь*. 2017. № 1. С. 37-41.
5. Шмелев Д.В. Левый популизм в странах Запада. Феномен Ж.-Л. Меланшона // *Контур* глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 3. С. 69-84. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-69-84
6. Alduy C., Wahnich S. *Marine Le Pen prise aux mots. Décryptage du nouveau discours frontiste*. Paris: Seuil, 2015. 304 p.
7. *L'obs*. 2022. 23 juin.
8. Le Bras H., Todd E. *Le mystère français*. Paris: Seuil, 2013. 336 p.
9. *Le Figaro*. 2022. 20 juillet.
10. *Le Figaro*. 2022. 20 juin.
11. *Le Figaro*. 2022. 21 juin.
12. *Le Figaro*. 2022. 24 juin.
13. *Le Figaro*. 2022. 29 juillet.
14. Les catégories sociales dans les départements. URL: <https://www.inegalites.fr/Les-categories-sociales-dans-les-departements>

Emmanuel Macron and a relative majority. The results of the 2022 French legislative election

Evgenii A. Osipov

PhD in History,
Senior Researcher,
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
119334, 32a Leninsky av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: eaossipov@gmail.com

Abstract

The article analyzes the results of the 2022 French legislative election. The presidential Ensemble coalition failed to win an absolute majority in the National Assembly and will have to look for allies to implement the planned reforms in the next five years. In most cases, the Republicans will be such an ally. The author of the article shows that the presidential coalition failed not due to the desire of the French to vote against Emmanuel Macron, as some French analysts think, but, first of all, due to the fact that some part of the French electorate is tired of making a choice between Emmanuel Macron and Marine Le Pen, believing that such an antithesis is very narrow and does not represent the entirety of French political life. The success of Jean-Luc Mélenchon and the New Ecologic and Social People's Union headed by him is explained by the fact that he became the third force alternative to Macron and Le Pen. The National Rally achieved its historic result and gained 89 seats in Parliament. The success of Marine Le Pen in the legislative election is determined by her constant effort to "dedemonize" the image of the party and to expand the electorate.

For citation

Osipov E.A. (2022) E. Makron i otnositel'noe bol'shinstvo. Itogi parlamentskikh vyborov vo Frantsii v 2022 g. [Emmanuel Macron and a relative majority. The results of the 2022 French legislative election]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 247-254. DOI: 10.34670/AR.2022.47.15.030

Keywords

France, legislative election, Fifth French Republic, Emmanuel Macron, Marine Le Pen, Jean-Luc Mélenchon, relative majority, majority voting system, National Rally, National Front.

References

1. Arzakanyan M.Ts. (2020) Zhak Shirak – poslednii ispolin frantsuzskoi politiki [Jacques Chirac—the last giant of French politics]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International affairs], 6, pp. 83-93.
2. Alduy C., Wahnich S. (2015) *Marine Le Pen prise aux mots. Décryptage du nouveau discours frontiste*. Paris: Seuil.
3. Klinova M.V., Kudryavtsev A.K., Timofeev P.P. (eds.) (2022) *Sovremennaya Frantsiya: mezhdru trevogami i nadezhdami* [Modern France: between worries and hopes]. Moscow: Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences.
4. *L'obs* (2022), 23 juin.
5. Le Bras H., Todd E. (2013) *Le mystère français*. Paris: Seuil.
6. *Le Figaro* (2022), 20 juillet.
7. *Le Figaro* (2022), 20 juin.
8. *Le Figaro* (2022), 21 juin.
9. *Le Figaro* (2022), 24 juin.
10. *Le Figaro* (2022), 29 juillet.
11. *Les catégories sociales dans les départements*. Available at: <https://www.inegalites.fr/Les-categories-sociales-dans-les-departements> [Accessed 08/08/22].
12. Osipov E.A. *Debaty vo Frantsii. Nich'ya v pol'zu Makrona* [Debates in France. A draw in favor of Macron]. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/34851> [Accessed 08/08/22].
13. Osipov E.A. (2017) Krizis frantsuzskogo sotsializma [The crisis of French socialism]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International affairs], 1, pp. 37-41.
14. Shmelev D.V. (2018) Levyi populizm v stranakh Zapada. Fenomen Zh.-L. Melanshona [Left-wing populism in Western countries. The phenomenon of J.-L. Mélenchon]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of global transformations: politics, economics, law], 11 (3), pp. 69-84. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-69-84

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.89.65.031

Современная политика великих держав на Ближнем Востоке: стратегия и тактика

Абдулрахман Ханфвр Фахад

Аспирант,
Институт истории и политики
Московского педагогического государственного университета,
119571, Российская Федерация, просп. Вернадского, 88;
e-mail: Khanfvr@mail.ru

Аннотация

В статье автор исследует роль великих держав в развитии политической ситуации на Ближнем Востоке. Обозначены причины геополитического интереса этих стран к ближневосточной проблематике. Анализируется реализация внешнеполитического вектора современной России в государствах Ближнего Востока. Акцентируется внимание на задействовании политических технологий мировыми и региональными державами в ближневосточном регионе с целью достижения мира и стабильности жизнедеятельности стран и народов Ближнего Востока. Рассматриваются причины региональной конфронтации в данном регионе. Говорится о необходимости усиления роли Российской Федерации в разрешении ближневосточных региональных противоречий.

Для цитирования в научных исследованиях

Абдулрахман Х.Ф. Современная политика великих держав на Ближнем Востоке: стратегия и тактика // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 255-262. DOI: 10.34670/AR.2022.89.65.031

Ключевые слова

Великие державы, СССР, США, Россия, геополитика, Ближний Восток, Сирия.

Введение

Мировой порядок после завершения Второй мировой войны во многом основывался на двухполюсной структуре организации международных отношений (капиталистический мир, социалистический лагерь), безусловными лидерами которых являлись, соответственно, Соединенные Штаты Америки и Союз Советских Социалистических Республик [Ryzhov, 2015]. Такая расстановка политических сил присутствовала и на Ближнем Востоке.

При этом Ближний Восток претерпел несколько геополитических трансформаций за десятилетия после окончания Второй мировой войны [Веретенников, Овсянкина, 2011; Лебедева, 2009]. Хотя это отчасти было вызвано политическими и экономическими реалиями, присущими региону, наиболее глубокие изменения произошли в результате действий внешних игроков, сначала ряда европейских государств, а затем Соединенных Штатов и Советского Союза.

Сегодня Ближний Восток переживает еще одну трансформацию, возможно, самую серьезную в и без того сложной политической истории этого региона [Барановский, Наумкин, Сарабьев, 2019; Корольков, 2015; Ланцов, 2013; Наумкин, Кузнецов, 2013]. Несмотря на то, что Россия и США активно задействованы в «горячих точках» региона, происходящие сегодня геополитические процессы в основном обусловлены внутренними факторами.

Основная часть

Наиболее важным текущим фактором, формирующим новый Ближний Восток, являются продолжающиеся гражданские войны, в которых задействованы региональные и международные державы.

Хотя холодная война закончилась почти три десятилетия назад, наследие этого периода соперничества все еще оказывает влияние на Ближний Восток. Причина, по которой этот период соперничества сверхдержав был настолько глубоким и теперь имеет решающее значение для понимания региона, заключается в том, что его приход совпал с освобождением большинства арабских стран от ига колониализма [Медведко, 1980].

У каждой из этих молодых арабских стран были особые потребности в безопасности, политике и экономике, когда они изо всех сил пытались осуществить переход от колонии к независимому государству. Вездесущей угрозой безопасности для большинства арабских государств был страх европейского колониального реваншизма. Также существовало мнение, что создание государства Израиль представляет собой форму неоколониализма. Многие государства, особенно те, которые не имеют значительных нефтяных активов, например Сирия, столкнулись с социально-экономическими проблемами, которые они надеялись решить с помощью внешних сил.

И Соединенные Штаты, и Советский Союз рассматривали этот зарождающийся арабский политический ландшафт как плодородную почву, на которой можно было соперничать в части глобальных амбиций друг друга. Каждая из сверхдержав боролась за арабских союзников, пытаясь взять верх в регионе [Бжезинский, 2010].

Совмещение потребностей новых независимых арабских стран во внешней поддержке и доступный запас этой поддержки со стороны Соединенных Штатов и Советского Союза создали современный Ближний Восток.

Для Соединенных Штатов и Советского Союза сотрудничество в регионе рассматривалось

в основном как инструмент борьбы и сдерживания друг друга. Когда распался Советский Союз, этот стратегический императив закончился для Соединенных Штатов. В то же время Ближний Восток оставался важным для Вашингтона, учитывая его зависимость от нефти и газа из Персидского залива и связи с Израилем. Два десятилетия спустя это послужило толчком для «поворота администрации Б. Обамы в Азию».

Бывшим советским союзникам, таким как Сирия, Ирак, Ливия, Южный Йемен, пришлось кардинально изменить свои и политические, и экономические, и социальные приоритеты, внести серьезные изменения во внешнюю политику своих стран.

Сирия, например, пыталась перейти от разросшегося государственного сектора к экономике, ориентированной на частный сектор, частично из-за потери советской экономической помощи. Из-за укоренившихся экономических принципов, которые возникли в результате плановой экономики, переход Сирии к более рыночному подходу не был таким полным, как хотелось бы тем, кто видел в Башаре Асаде реформатора. Это наряду с отсутствием либерализации политической системы способствовало недовольству, которое распространилось по Сирии в 2011 г. и в конечном итоге ввергло страну в гражданскую войну.

В Йемене окончание холодной войны совпало с единством между Севером и Югом. В то время как СССР начал сворачивать свою поддержку Южному Йемену (PDRY) до окончания холодной войны, Салим аль-Бид из Южного Йемена и Али Абдулла Салех с севера начали обсуждать объединение, которое завершилось в 1990 г. Отношение официальной Москвы к странам Ближнего Востока трансформировалось по мере того, как отмирали пережитки «холодной войны», что заставило руководство на Юге Йемена заключить сделку с Севером.

Американские союзники, Саудовская Аравия и Израиль, поддерживали отношения с единственной оставшейся сверхдержавой, сохраняя при этом «зонтик» безопасности. Бывшие советские союзники потеряли свои «зонтики» безопасности, а в случае Южного Йемена – также свою социалистическую идентичность.

Кроме того, окончание «холодной войны» перевернуло баланс сил в регионе. Поскольку Сирия уступила Голанские высоты Израилю во время войны 1967 г., она попыталась создать достаточно рычагов, чтобы вести переговоры о репатриации этой стратегической территории. С окончанием «холодной войны» влияние, которое Сирия получила от своего советского покровителя в отношении Израиля, испарилось.

Каждый бывший советский союзник на свой лад справлялся с этим геополитическим потрясением, потерей советской поддержки. Ливия, которая при М. Каддафи имела репутацию «плохого мальчика» арабского мира, добровольно отказалась от своей программы создания ядерного оружия и быстро улучшила свои отношения с Соединенными Штатами. Йемен, как было сказано ранее, был объединен.

При этом в регионе выросло влияние таких государств, как Израиль, Саудовская Аравия, Иордания, ОАЭ и Египет, которые в своей внешней политике смещены в сторону Соединенных Штатов. С другой стороны, и укреплялось влияние в регионе Ирана и Сирии вместе с негосударственными субъектами «Хезболла» и «Хамас», которые стремились противостоять тому, что они считают американскими замыслами на Ближнем Востоке.

В конце «холодной войны» было две фазы американской однополярности. Первым был период «тихой однополярности» при администрации Б. Клинтона в 1990-е гг. Это было тогда, когда зарождались планы расширения НАТО и когда Соединенные Штаты проводили политику двойного сдерживания в отношении Ирака и Ирана, фактически навязывая Pax Americana на Ближнем Востоке в отсутствие какого-либо глобального соперника. Вашингтон, видя мало

ограничений для своего поведения на Ближнем Востоке, ввел более жесткие санкции против Ирана, назвав его «государством-изгоем».

Вторая фаза была более «агрессивной однополярностью», начавшейся сразу после 11 сентября 2001 г., когда Соединенные Штаты не потерпели активного сопротивления со стороны ближневосточных режимов. Это вылилось в военные вторжения как в Афганистан, так и в Ирак [Лукьянов, 2018].

Наметилось трехстороннее соперничество между иранскими, арабскими и турецкими центрами силы, что выразилось в разжигании гражданских войн на Ближнем Востоке (Йемен, Сирия и Ирак).

Обычно участие Ирана, Турции и Саудовской Аравии в гражданских войнах на Ближнем Востоке рассматривается как прокси-феномен, когда боевики на стороне правительства или повстанцев выполняют приказы своих соответствующих внешних благодетелей. Но сводить участие этих стран в гражданских войнах к этой прокси-динамике ошибочно, так как эти конфликты распространяются через границы не только по горизонтали на уязвимые соседние государства, но и по вертикали к более сильным и крупным региональным державам.

Следует рассмотреть два аспекта этого явления вертикального заражения. Во-первых, сжатие времени, туман войны и «эффекты плохого соседства» гражданских войн вовлекли региональных игроков, таких как Иран, Саудовская Аравия, Турция, а теперь и Израиль, в гражданские войны в регионе. Это не означает, что сами боевые действия распространяются на эти региональные державы, а скорее, что политические и экономические последствия боевых действий экспортируются. В качестве примера можно привести гражданскую войну в Сирии, где Турция, Израиль, Саудовская Аравия и Иран почувствовали на себе последствия конфликта в виде беженцев, усиленных сторонников жесткой линии, террористических атак и других угроз своим интересам, что заставило их остаться в стороне.

Но второй аспект вертикального заражения во многих отношениях является наиболее глубоким с точки зрения сдвигов в балансе сил. То есть гражданские войны в Сирии, Ираке, Йемене и Ливии превратились в региональный конфликт между основными региональными державами, где жестокая конкуренция за краткосрочное региональное господство полностью затмевает долгосрочные общие интересы стабильного и процветающего Ближнего Востока. В то время как войны на уровне страны касаются того, какие элиты управляют государством, региональная гражданская война – это установление баланса сил или, что еще хуже, какое государство утверждает господство над более широким Ближним Востоком.

Другой способ размышления о вертикальном заражении заключается в том, что гражданские войны на уровне страны превратили эту борьбу за власть в рамках регионального порядка из соперничества без жертв в разрушительное соревнование, которое имеет смертельные последствия для Ближнего Востока и мирового порядка.

Активное вовлечение России в сирийскую действительность в 2015 г. означало конец американской однополярной эпохи. Правда в том, что Соединенные Штаты уже стали условной державой на Ближнем Востоке еще до действий Москвы, к большому разочарованию Саудовской Аравии и Израиля. Встревоженные трудностями в Ираке и Афганистане, Соединенные Штаты начали отступать с Ближнего Востока к концу правления администрации Дж. Буша.

На сегодняшний день регион превратился в трехуровневую систему. Первый уровень – это борьба за государство между повстанцами и правительством в сирийских, йеменских, иракских и ливийских гражданских войнах. Второй уровень – это борьба за региональное господство

между Ираном, Саудовской Аравией и Турцией. И третье – это соперничество Вашингтона и Москвы в Сирии и в более широком смысле, на Ближнем Востоке.

Возвращение России на Ближний Восток напоминало эпоху «холодной войны», когда снова две великие державы боролись за влияние в этом беспокойном регионе. Но если копнуть глубже, мы увидим, что эта эпоха во многих отношениях является явным отходом от прошлого. Во-первых, в отличие от времен «холодной войны», опорой Ближнего Востока сегодня является не соперничество между Соединенными Штатами и Россией, а скорее региональное соперничество между Ираном, Саудовской Аравией и Турцией, разыгрывающееся в гражданских войнах в регионе. Во-вторых, идеологии, которые сегодня служат линиями сектантского разлома, не импортированы из великих держав, как это было во время холодной войны, а скорее присущи Ближнему Востоку. В-третьих, в отличие от прошлого, у России и США есть некоторые общие интересы на Ближнем Востоке, такие как региональная стабильность.

Хотя Соединенные Штаты, благодаря своим политическим альянсам и военному присутствию, остаются важным игроком на Ближнем Востоке, обсуждение того, что ждет впереди с точки зрения смены власти не должно быть чрезмерно ориентировано на Америку. На это есть несколько причин. Во-первых, с приходом России в Сирию в 2015 г. официальная Москва стала, пожалуй, самым важным внешним игроком в регионе. Во-вторых, Соединенные Штаты при президенте Д. Трампе прекратили поддержку сирийских повстанцев и отказались от лидерства в мае 2017 г., нарушив ядерную сделку с Ираном (СВПД). Эти действия укрепили мнение о том, что Соединенные Штаты являются ненадежным, произвольным и стремительным игроком в регионе. По этим причинам любое обсуждение политических рекомендаций должно также включать Россию, Китай и Европейский Союз.

Политические дискуссии также должны включать понимание того, что, каким бы разрушенным ни казался Ближний Восток сегодня, он, тем не менее, представляет собой взаимосвязанную региональную систему, где изменения, происходящие в одной части, могут вызвать нарушения в другом месте. Хотя сейчас эта система дисфункциональна и порождает нестабильность, тем не менее, это система взаимозависимости. Директивным органам, которые традиционно смотрели на регион через призму конкретной страны, необходимо расширить свое видение, чтобы думать о политике с региональной точки зрения и о том, как взаимозависимость в регионе может быть переведена с конфликта на сотрудничество.

При взвешивании вариантов политики, направленных на укрепление региональной стабильности, ключевым моментом являются отношения между Турцией, Ираном, Саудовской Аравией и Израилем. Именно эти страны могут помочь деэскаляции гражданских войн, разорвать вертикальный вихрь заражения и положить конец взаимным обвинениям, которые добавляют смятения и без того напряженному региону.

Фактически Россия придерживается регионального подхода, ориентированного на эти субъекты. Российское государство вместе с Турцией и Ираном предпринимают действенные меры, чтобы управлять зонами конфликта в Сирии. Хотя этот процесс далек от совершенства с учетом сложностей на местах, он помог деэскаляции конфликта в некоторых из наиболее напряженных районов Сирии. Недавние попытки России договориться между Ираном и Израилем о красных линиях для Сирии – еще один пример.

В идеале, эта модель работы по налаживанию сотрудничества между региональными державами должна распространяться за пределы России и Сирии на более широкий регион и международное сообщество, чтобы разрушить чары вертикального заражения. Один из путей

для глобальных держав – работать с региональными державами над архитектурой безопасности для Ближнего Востока, которая будет работать над прекращением гражданских войн, предотвращает возобновление боевых действий после прекращения боевых действий и обеспечивает механизмы для мирного конфликта.

Заключение

Скептики утверждают, что, учитывая степень враждебности между Ираном и Саудовской Аравией, маловероятно, чтобы нынешние ядовитые отношения между этими региональными державами можно было обратить вспять. Но есть две причины, почему это не совсем нереально. Во-первых, регион очень чувствителен к сигналам международной среды. Хотя нет гарантии, что согласованные усилия международных держав сблизят региональные державы, в прошлом глобальные форумы объединяли воюющие стороны. Соединенные Штаты и Советский Союз совместно спонсировали Мадридскую конференцию в 1991 г., которая действительно положила начало переговорам между Израилем и Организацией освобождения Палестины (ООП). И хотя переговоры по ядерной сделке СВПД с Ираном не получили широкой поддержки в регионе.

Во-вторых, споры между Ираном и Саудовской Аравией, Израилем и Ираном не касаются территории. Вместо этого они сосредотачиваются на региональном поведении этих стран и мотивах, стоящих за ними. Хотя в некотором смысле это затрудняет разрешение, поскольку споры не связаны с конкретными жалобами, это также упрощает их разрешение. Соглашения не требуют от государств отказываться от земли, чего лидеры обычно политически не любят.

В-третьих, несмотря на нынешнюю язвительность и резкость, между региональными державами существуют общие интересы. Без региональной стабильности ни одно государство не может максимизировать свое долгосрочное экономическое процветание и политическую безопасность. Тот факт, что непосредственные угрозы затмевают общие долгосрочные интересы, не означает, что их не существует.

Те, кто все еще не убежден в перспективах или целесообразности регионального сотрудничества, могут предположить, что сохранение баланса сил – лучший способ обеспечить региональную безопасность. Идея состоит в том, что внешние игроки оказывают влияние на региональную конкуренцию на стороне потерпевшей стороны с целью восстановления в регионе здорового баланса сил. В каком-то смысле именно это и осуществляла администрация Д. Трампа, поддерживая Саудовскую Аравию и Израиль в их борьбе против Ирана.

При этом у этого геополитического подхода есть две сложности. Во-первых, и Саудовская Аравия, и Израиль уже обладают превосходством в обычных вооруженных силах над Ираном, даже без дальнейшего «уравновешивания» со стороны Соединенных Штатов. Преимущества Ирана в регионе связаны не с его обычными возможностями, а с его нетрадиционными возможностями гибридной войны. Уникальные возможности Ирана идеально подходят для распространения влияния на такие хрупкие государства, как Сирия, Ирак и Йемен, которые в настоящее время являются слабым местом арабского мира. Другими словами, текущие региональные условия играют на сильных сторонах Ирана и на слабостях Саудовской Аравии. Оффшорное балансирование вместо того, чтобы навредить Ирану, скорее всего, дало бы ему стимул к дальнейшему укрытию в зонах гражданской войны на Ближнем Востоке, еще больше ослабив позиции Саудовской Аравии и Израиля и потенциально усилив цикл насилия.

Во-вторых, балансирование предполагает, что нет конкурирующей державы, готовой усилить поддержку другой стороны регионального уравнения власти. Если Иран продолжит

чувствовать себя в осаде со стороны Соединенных Штатов, он может обратиться за поддержкой к России, Китаю и, возможно, даже к Европейскому союзу. Этот эффект усиления может привести к эскалации имеющегося конфликта, а не к стабилизации, подрывая цель балансирования ситуации в регионе.

Библиография

1. Барановский В.Г., Наумкин В.В., Сарабьев А.В. (ред.) Ближний Восток в поисках политического будущего. М.: ИВ РАН, 2019. 484 с.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010. 256 с.
3. Веретенников Ю., Овсянкина А. Полиглобализация: от homo sapiens к homo техногенномодифицированному // Общество и экономика. 2011. № 8/9. С. 133-141.
4. Карпович О.Г., Манойло А.В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2020. 492 с.
5. Корольков Л. Меняющаяся геометрия ближневосточных раскладов // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 1. С. 97-106.
6. Ланцов С.А. Революционные процессы на Ближнем Востоке: социально-политические механизмы и геополитические последствия // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2013. Т. 9. № 1. С. 144-159.
7. Лебедева М.М. Мировая политика в XXI в: акторы, процессы и проблемы. М.: МГИМО (У), 2009. 142 с.
8. Лукьянов Ф.А. Блеск и нищета альянса. Как атлантизм выиграл холодную войну и сделал ее вечной // Лукин А.В. (ред.) Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России. М.: Международные отношения, 2018. С. 69-91.
9. Медведко Л.И. К Востоку и к Западу от Суэца: (Закат колониализма и манёвры неоколониализма на Араб. Востоке). М.: Политиздат, 1980. 368 с.
10. Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 4. С. 30-56.
11. Ryzhov V.B., Shinkaretskaya G.G. World order: from World War II to present time // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2015. № 4. С. 396-404. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16400.

Modern policy of the great powers in the Middle East: strategy and tactics

Abdulrahman Khanfvr Fakhad

Postgraduate Student,
Institute of History and Politics
of the Moscow Pedagogical State University,
119571, 88 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Khanfvr@mail.ru

Abstract

The author examines the role of great powers in the development of the political situation in the Middle East. The reasons for the geopolitical interest of these countries in the Middle East issues are indicated. The article analyzes the implementation of the foreign policy vector of modern Russia in the states of the Middle East. Attention is focused on the use of political technologies by world and regional powers in the Middle East region in order to achieve peace and stability in the life of the countries and peoples of the Middle East. The reasons for the regional confrontation in this region are analyzed. The author speaks of the need to strengthen the role of the Russian Federation in resolving Middle East regional contradictions.

For citation

Abdulrahman Kh.F. (2022) Sovremennaya politika velikikh derzhav na Blizhnem Vostoke: strategiya i taktika [Modern policy of the great powers in the Middle East: strategy and tactics]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 255-262. DOI: 10.34670/AR.2022.89.65.031

Keywords

Great powers, USSR, USA, Russia, geopolitics, Middle East, Syria.

References

1. Baranovskii V.G., Naumkin V.V., Sarab'ev A.V. (eds.) (2019) *Blizhnii Vostok v poiskakh politicheskogo budushchego* [The Middle East in Search of a Political Future]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.
2. Bzhezinskii Z. (2010) *Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy* [Great chessboard. American dominance and its geostrategic imperatives]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
3. Karpovich O.G., Manoilov A.V. (2020) *Politika mnogopolyarnosti: novye vyzovy i ugrozy* [Multipolar policy: new challenges and threats]. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
4. Korol'kov L. (2015) Menyayushchayasya geometriya blizhnnevostochnykh raskladov [The changing geometry of the Middle East alignments]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International processes], 13(1), pp. 97-106.
5. Lantsov S.A. (2013) Revolyutsionnye protsessy na Blizhnem Vostoke: sotsial'no-politicheskie mekhanizmy i geopoliticheskie posledstviya [Revolutionary Processes in the Middle East: Socio-Political Mechanisms and Geopolitical Consequences]. *POLITEKS: Politicheskaya ekspertiza* [POLITEKS: Political Expertise], 9(1), pp. 144-159.
6. Lebedeva M.M. (2009) *Mirovaya politika v XXI v: aktory, protsessy i problem* [World politics in the XXI century: actors, processes and problems]. Moscow: Moscow State Institute of International Relations.
7. Luk'yanov F.A. (2018) Blesk i nishcheta al'yansa. Kak atlantizm vyigral kholodnuyu voinu i sdela ee vechnoi [Shine and poverty of the alliance. How Atlanticism won the Cold War and made it eternal]. In: Lukin A.V. (ed.) *Novye mezhdunarodnye otnosheniya: osnovnye tendentsii i vyzovy dlya Rossii* [New International Relations: Main Trends and Challenges for Russia]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., pp. 69-91.
8. Medvedko L.I. (1980) *K Vostoku i k Zapadu ot Suetsa: (Zakat kolonializma i manevry neokolonializma na Arab. Vostoke)* [East and West of Suez: (The Decline of Colonialism and the Maneuvers of Neocolonialism in the Arab East).]. Moscow: Politizdat Publ.
9. Naumkin V.V., Kuznetsov V.A. (2013) Islamskii mir i islamskie organizatsii v sovremennoi miropoliticheskoi sisteme [Islamic World and Islamic Organizations in the Modern World Political System]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskije nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science], 4, pp. 30-56.
10. Ryzhov V.B., Shinkaretskaya G.G. (2015) World order: from World War II to present time. *International Law and International Organizations*, 4, pp. 396-404. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16400 [Accessed 12/05/2022].
11. Veretennikov Yu., Ovsyankina A. (2011) Poliglobalizatsiya: ot homo sapiens k homo tekhnogennomodifitsirovannomu [Polyglobalization: from homo sapiens to technogenically modified homo]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 8/9, pp. 133-141.

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.54.81.032

**Современное состояние и перспективы политического развития
Ближнего Востока в контексте применения технологий
политического доминирования**

Абдулрахман Ханфвр Фахад

Аспирант,
Институт истории и политики
Московского педагогического государственного университета,
119571, Российская Федерация, просп. Вернадского, 88;
e-mail: Khanfvr@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается влияние технологий политического доминирования на формирование современного развития государств Ближнего Востока. Автор констатирует, что ближневосточный мир представлял собой конгломерат разнообразных политических систем, во многом противоречивых между собой. Особое внимание уделяется роли глобализации в принятии политических решений в данном регионе. Исследуются причины смены политических режимов и военных конфликтов, охвативших значительное число стран региона, в сочетании с изменением роли и степени участия внешних акторов на такого рода процессы в ближневосточном регионе. Отмечается негативное влияние внешней политики США и государств – членов НАТО на современную политическую ситуацию в государствах Ближнего Востока.

Для цитирования в научных исследованиях

Абдулрахман Х.Ф. Современное состояние и перспективы политического развития Ближнего Востока в контексте применения технологий политического доминирования // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 263-272. DOI: 10.34670/AR.2022.54.81.032

Ключевые слова

Технологии политического доминирования, Ближний Восток, сирийский конфликт, суверенитет, гражданское общество, глобализация.

Введение

На наш взгляд, сложно гадать о перспективах ближневосточного развития, когда каждый день появляется все больше заинтересованных и вовлеченных сторон, а с ними и новые политические течения в государствах Ближнего Востока.

Новые социальные движения – это сознательные коллективные усилия или действия по внесению желаемых изменений или предотвращению неблагоприятных социальных, экономических, политических и культурных изменений, которые иногда используют взрывчатые методы для достижения своих целей. Во всех обществах социальные движения являются проявлением социальной и политической жизни, которая иногда бросает вызов постоянству правительства. Новые интеллектуальные, культурные и социальные движения приобрели различные измерения государственной независимости и суверенитета.

Основная часть

Стоит вспомнить, как с 2010 по 2011 г., когда протесты и уличные восстания начались в некоторых арабских странах Ближнего Востока, таких как Тунис, Ливия, Египет и Сирия, гражданские либертарианские движения успешно использовали Интернет и такие платформы, как Facebook и Tweeter, для организации своей деятельности. Например, многие активные оппозиционеры Йемена призвали к демонстрации через Facebook. Никто не знал, сколько людей примут приглашение, но результат был потрясающим. За несколько часов до марша сотни молодых людей собрались на Университетской площади Санаа. Правительства Египта, Туниса и Ливии были свергнуты, а другие страны, такие как Бахрейн и Сирия, столкнулись с народными протестами и гражданскими войнами. Роль технологий ИТЦ была настолько важна, что король Саудовской Аравии предложил 150 миллиардов долларов на покупку Facebook, чтобы исказить в СМИ волну арабских восстаний и нераспространения этого восстания в Саудовской Аравии.

Так называемое молодежное движение 6 апреля становится одним из важнейших проявлений формирования протестных движений и направления протестующих через киберпространство и Интернет в связи с событиями в Египте. Чтобы поддержать рабочих промышленного города «Аль-Махалла Аль-Кобра», Ахмед Махер весной 2008 г. разработал египетскую страницу в Facebook и планировал провести акцию протеста 6 апреля. Блогеры и репортеры использовали Facebook, твиттер и веб-сайты, а также другие средства массовой информации для сообщения о забастовке, предупреждения о деятельности полиции, организации правовой защиты и комментирования принятых ими мер. До января 2009 г. группа насчитывала около 70 000 членов, в основном молодых и образованных. Большинство из них, которые не были активными в политике, были обеспокоены «отсутствием свободы слова, родственными связями в правительстве и экономическим спадом в стране». За день до «Friday Rage» группа распространила 20 000 брошюр, в которых указывались места, где должны собираться протестующие. Кроме того, они напомнили людям публиковать информацию по электронной почте вместо Facebook и Твиттера, чтобы предотвратить вмешательство правительства. В ливийской революции значительную роль сыграли социальные сети и виртуальные коммуникации. В Ливии программное обеспечение Google Earth было стратегическим инструментом для революционеров. Ливийские протестующие смогли определить и идентифицировать местонахождение военной техники в городе Мисрата с помощью этого программного обеспечения.

Во время своего правления Хосни Мубарак жестоко подавлял гражданское общество. Несмотря на подавление Коллегии адвокатов, организаций гражданского общества и независимых журналистов, религиозные учреждения не подвергались репрессиям со стороны правительства. В таких условиях они постоянно разрастались через сеть мечетей и стали главной альтернативой режиму Мубарака. Политически мрачная и удушающая атмосфера эпохи Мубарака заложила основу для мобилизации людей и организации народных движений. Движущей силой египетской революционной мобилизации было молодежное движение или студенты университетов, которые не были удовлетворены политической, социальной и экономической ситуацией в стране. В то время как режим Мубарака основывался на разделении критических и опасных классов, эти протестующие смогли объединить политические, социальные и экономические требования различных слоев общества. Таким образом, появилось новое поколение молодых людей, которые, далекие от теоретизирования и новаторства новых методов сопротивления, возглавили народные восстания. К удивлению политических элит и противников режима, это новое революционное поколение выросло из атмосферы народа, не имевшей ничего общего с идеологией. Это поколение было патриотом, не цепляющимся за предрассудки и экстремизм.

Более того, с глобализацией политики и культуры отношения сил на арабском Ближнем Востоке стали более заметной угрозой [Звягельская, 2017; Ибрагимбейли, 2017]. Появление новых социальных институтов и движений, таких как зеленые, экологические и феминистские движения, которые определяют свою идентичность в отличие от идентичности, одобренной теми, кто находится у власти, представляет собой новый вызов абсолютной власти. С этой точки зрения наиболее очевидным аспектом нового мира является принятие и признание различий в идентичности. Таким образом, глобализация делает традиционные идентификации неприемлемыми на арабском Ближнем Востоке и открывает перспективу за пределами современности. Он искажает единство субъекта и проникает во все области сомнений и неуверенности, расширяя сферу социальных отношений и делая социальный мир людей намного больше, чем когда-либо прежде. Прозрачные идентичности и сильные позиции столкнулись с непрозрачными и мозаичными идентичностями и смешанными, связанными позициями, и государство в процессе индивидуализации заменяется индивидом. Вечные священные святилища были разрушены, универсальные дискурсы были заменены субдискурсами и локализмом, а кризис оригинальности бросил вызов абсолютизму.

Обоснование управления – еще один инструмент, который способствует господству и контролю над обществами на арабском Ближнем Востоке. На арабском Ближнем Востоке традиционное управление властными отношениями, в теории и на практике, дает правителям полный суверенитет и свободу действий таким образом, чтобы лидеры могли принимать решения относительно судьбы людей не на основании каких-либо институтов или законов, а в соответствии со своими интересами. Однако глобализация поставила под сомнение эту свободу действий, потому что сегодня суверенитет и легитимность государства тесно связаны с точкой зрения международного сообщества на законное правительство. Фактически государства в сегодняшней глобализированной международной системе нуждаются в подтверждении и поддержке мирового сообщества, которое само находится под влиянием глобального общественного мнения.

Именно благодаря легитимности люди понимают и уважают высокое положение правительства [Ivanchuk, 2022]. Кризис легитимности возникает, когда разрушаются база и авторитет властных институтов. Другими словами, когда небольшое меньшинство поддерживает правительство, а большинство людей ставят под сомнение его легитимность,

возникает кризис легитимности. В последнее десятилетие традиционные модели легитимности на арабском Ближнем Востоке серьезно столкнулись с рядом проблем, ведущих к выявлению уязвимых мест в политическом потенциале, формированию социальных движений и возникновению кризиса управления в этих странах. Сегодня любая попытка подавить и сдержать предстоящие вызовы с помощью обоснований управления становится очевидной с небольшими затратами и в очень короткие сроки. Даже в самых отдаленных частях страны очевидец может легко предупредить мир о любых репрессивных действиях правительства. Например, самосожжение двух молодых людей в Тунисе и Египте из-за жесткого экономического давления и репрессий со стороны правительства транслировалось по всему миру. События поставили две страны на грань революции. Таким образом, сделав политическую тайну практически невозможной, глобализация увеличила стоимость подавления оппозиции и политической критики. В Ливии такая же ситуация наблюдалась, поскольку протесты, начавшиеся с 13 января и 17 февраля 2011 г., стали более масштабными и постепенно переросли в общенациональные восстания и кровавые жестокие столкновения между правительством Ливии и демонстрантами. Из-за освещения в СМИ и раскрытия ужасных масштабов трагедии протесты постепенно охватили все ливийские города, что привело к городским и межгородским войнам. Таким образом, сегодняшние авторитарные режимы не могут успешно развиваться без опоры на внутреннюю легитимность, основанную на уважении прав граждан и создании надлежащей атмосферы для их сознательного участия в процессе достижения безопасности и мира для реализации национальных интересов и целей.

На сегодняшний день из-за значительного разнообразия средств массовой информации монополия на значение натолкнулась на серьезное препятствие. Бросая вызов монополии смысла, глобализация информации привела к множественным и изменчивым идентичностям, в которых новые значения и перспективы привлекли внимание субъектов. Глобализация передачи новостей и коммуникативных средств массовой информации увеличивает расширение свободного доступа к информации и возможность повышения осведомленности за пределами территорий, контролируемых государством, что ведет к расширению и углублению демократии. Более того, проникновение средств массовой информации с помощью глобализации информационных и коммуникативных технологий привело к росту личностных или индивидуальных культур и менее эффективному влиянию политических обобщений на властных подчиненных, что в целом противоречит тенденциям и интересам властей. По мере продолжения такого воздействия на граждан и подданных их мировоззрения становятся все более расходящимися, а их интерпретации мира – более разнообразными.

До сих пор властные отношения на арабском Ближнем Востоке основывались на одностороннем восприятии и исключительном прочтении, в котором такие концепции, как права граждан и гражданское сообщество, имеют особое значение. В этом отношении у граждан есть обязанности, а не права. Гражданское сообщество рассматривается как монополизированная структура, которая поддерживает существующие властные отношения. Таким образом, общая политика на арабском Ближнем Востоке строилась на игнорировании законных требований граждан, подавлении, политических репрессиях или маргинализации различных идентичностей. Однако глобализация информации и появление сетевого сообщества подчеркивают новую концепцию, в которой подчеркивается не только отрицание исключительного смысла, но и его новая интерпретация, выражающаяся в выходе за национальные границы. Например, несмотря на то, что Египет пережил самую долгую историю модернизации в арабском мире, его главная проблема в прошлом веке заключалась в том, как интегрировать национализм с исламизмом. Кроме того, отношения между государством и

гражданским обществом не в полной мере сбалансированы, имеют черты неадекватности, неразвитости и односторонности. У правительства отсутствуют основные условия, необходимые для распространения демократии и участия населения, и оно не чувствует ответственности за общество и людей. Одним из наиболее важных факторов в создании разрыва между правительством и гражданским обществом является диктаторское правление, уходящее корнями в политическую историю Египта. В Ливии, хотя глобализация проложила путь многим племенам и социальным группам к борьбе против Каддафи, эта укоренившаяся этническо-племенная идентичность между различными классами общества является одним из многих факторов, которые не смогли достичь национального консенсуса относительно формирования приемлемого политического режима.

Китай становится все более значимым игроком на Ближнем Востоке. Хотя он все еще относительно новичок в регионе и крайне осторожен в своем подходе к местным политическим вызовам и вызовам безопасности, страна вынуждена расширить свое взаимодействие с Ближним Востоком из-за его растущего экономического присутствия там. В тот момент, когда давнишнее доминирование США над регионом демонстрирует признаки снижения, европейские политики все активнее обсуждают будущее ближневосточной архитектуры безопасности и потенциальную роль Китая в этой структуре. Однако многие политики имеют мало знаний о положении и целях Китая на Ближнем Востоке или о способах, которыми эти факторы могут повлиять на региональную стабильность и политическую динамику в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Учитывая, что подъем Китая привел к усилению геополитической конкуренции по соседству с Европой, европейские политики должны начать учитывать эту страну в своих размышлениях о Ближнем Востоке. Отношения Китая с Ближним Востоком вращаются вокруг спроса на энергию и Инициативы «Один пояс, один путь» (BRI), запущенной в 2013 г. В 2015 г. Китай официально стал крупнейшим в мире импортером сырой нефти, почти половина поставок которого приходится на Средний Восток. Как стратегически важный перекресток торговых путей и морских путей, связывая Азию с Европой и Африкой, Ближний Восток важен для будущего BRI – ставит Китай в центр глобальных торговых сетей. На данный момент отношения Китая с регионом сосредоточены на странах Персидского залива из-за их преобладающей роли на энергетических рынках.

Следует ли Западу вооружить сирийских повстанцев? Вот это главный вопрос дня в Вашингтоне, Лондоне и на саммитах. Но за этими дебатами стоит более серьезный вопрос: могут ли западные державы и дальше формировать будущее Ближнего Востока, как они делали это в прошлом веке?

Нынешние, все более хрупкие границы Ближнего Востока в значительной степени являются результатом некоторых линий на карте, проведенной Великобританией и Францией в соглашении Сайкса-Пико 1916 г. Эпоха, когда Великобритания и Франция были доминирующими внешними державами, окончательно закончилась Суэцким кризисом 1956 г., когда США перекрыли интервенцию двух стран в Египте. Во время холодной войны США и СССР были крупными игроками. После распада Советского Союза в 1991 г. Америка стояла одна как великая держава на Ближнем Востоке: организовала коалицию для победы над Саддамом Хусейном в 1991 г., защитила поток нефти из Персидского залива, сдержала Иран и попыталась добиться мирного урегулирования между Израилем и арабскими государствами.

Те, кто сейчас призывает США более активно участвовать в сирийском конфликте, живут в прошлом. Они полагают, что Америка может и должна продолжать доминировать в политике на Ближнем Востоке. Но четыре фундаментальных изменения делают невозможным или даже нежелательным, чтобы США доминировали в регионе по-старому. Эти изменения – провалы

войн в Афганистане и Ираке; Великая рецессия, арабская весна и перспектива энергетической независимости США.

За последнее десятилетие США узнали, что, хотя их военная мощь может очень быстро свергнуть режимы на Большом Ближнем Востоке, Америка и ее союзники очень плохо строят нацию. Десятилетие участия сделало Афганистан и Ирак крайне нестабильными и раздираемыми конфликтом. Ни одна из стран не находится надежно в «западном лагере».

В результате даже сторонники западного вмешательства в Сирию, такие как сенатор Джон Маккейн, заявляют, что они против «сапог по земле». Вместо этого они настаивают на поставках оружия сирийским повстанцам, утверждая, что это необходимо для обеспечения более желаемого политического исхода [Васильев, 2015].

Президент Барак Обама дал некоторые основания лагерю «вооружить повстанцев». Но его нежелание и скептицизм очевидны и вполне оправданны. Если полномасштабная западная оккупация Ирака и Афганистана не смогла обеспечить достойный результат, почему кто-то считает, что поставка небольшого количества легких вооружений сирийским повстанцам будет более эффективной?

Великая рецессия также означает, что способность Запада «нести любое бремя» больше не может считаться само собой разумеющейся. Европейские военные расходы быстро падают, и началось сокращение бюджета Пентагона. Учитывая, что прямые и косвенные издержки войны в Ираке оцениваются в 3 триллиона долларов, а правительство США занимает 40 центов с каждого потраченного доллара, неудивительно, что правительство не заинтересовано в дальнейшей эскалации конфликта.

Третий новый фактор – арабская весна. Президент Египта Хосни Мубарак был давним союзником и клиентом США. Тем не менее, Вашингтон решил позволить ему пасть в начале 2011 г., к большой тревоге других давних американских союзников в регионе, особенно Саудовской Аравии и Израиля. Но администрация Обамы была права, отказавшись от г-на Мубарака. Его нельзя было поддержать, не рискуя устроить кровавую бойню в сирийском стиле.

В более фундаментальном плане США признали, что в конечном итоге народы Ближнего Востока должны будут определять свою собственную судьбу. Многие силы, действующие в регионе, такие как исламизм и суннитско-шиитское сектантство, вызывают тревогу на Западе, но их нельзя вечно направлять или подавлять.

Наконец, способность США проявлять больше невмешательства значительно усиливается сланцевой революцией в США, которая снижает зависимость Америки от ближневосточной нефти.

Однако признание того факта, что господство Запада на Ближнем Востоке подходит к концу, не следует путать с утверждением, что западные страны не будут защищать свои интересы.

У США есть большие военные базы в Персидском заливе, и они вместе со своими союзниками по-прежнему будут пытаться предотвратить доминирование на Ближнем Востоке враждебной державы. Несмотря на свою роль в Сирии, Россия не является вероятным региональным гегемоном. Но Иран беспокоит США; нападение на ее ядерную программу остается вариантом, несмотря на обнадеживающие результаты президентских выборов в эти выходные. Силы джихадистов, связанные с «Аль-Каидой», также столкнутся с сопротивлением Запада, это одна из причин, по которой к сирийской оппозиции по-прежнему относятся очень осторожно. А США и их европейские союзники по-прежнему будут активно участвовать в региональной дипломатии по Сирии [Манойло, 2020; Сюкияйнен, 2008].

Западные гуманитарные инстинкты также будут играть роль, как они сыграли в решении поддержать ливийское восстание. Но, как демонстрирует Сирия, есть предел тому, что

предпримет Запад. Даже бывший министр иностранных дел Австралии Гарет Эванс, интеллектуальный крестный отец доктрины «ответственности за защиту» гражданского населения, предостерегает от военного вмешательства в Сирию.

Перед расширением глобализации в арабских странах Ближнего Востока субъекты готовы узаконить действия правителей и властные отношения путем массовой мобилизации или, по крайней мере, терпимости и молчания. Но сегодня, с появлением глобальных информационных сетей и влиянием идеологической революции на все аспекты человеческой жизни, субъекты, используя средства и платформы, пытаются укрепить свою критическую позицию против общих властных отношений. Одним из последствий глобализации является доступ подчиненных властей к информационным технологиям, которые, как следствие, укрепляют их аналитические способности. До сих пор субъекты арабского Ближнего Востока не могли представить себя за пределами национальных границ и объяснить и понять сложные глобальные отношения. Однако с приходом нового мира и все более широким использованием новых информационных технологий субъекты сталкиваются с серьезной проблемой, поскольку они отходят от бессознательного подчинения властным отношениям и ставят под сомнение статус-кво. В настоящее время, укрепляя аналитические навыки, испытываемые на основе действий, которые они оценивают соответствующим образом, могут определять легитимность или нелегитимность власти.

Легитимность, проистекающая из эффективности, – это еще одно изменение в отношении ближневосточных подданных. Еще несколько десятилетий назад, в дополнение к критерию традиционной и божественной легитимности на арабском Ближнем Востоке, безопасность была единственной концепцией, к которой правители прибегали, чтобы увековечить свое господство и узаконить властные отношения. Тем не менее, испытываемые подчеркивают два элемента: эффективность и подотчетность как наиболее важные компоненты легитимности. Столь резкое изменение можно увидеть при переходе от безопасности к эффективности на арабском Ближнем Востоке. Новые электронные технологии привлекают всеобщее внимание ко всем разработкам. Особое значение имеет влияние СМИ на изменение критериев легитимности на арабском Ближнем Востоке. Вначале государственные должностные лица могут считаться законными по умолчанию. Но за их работой внимательно следят телекамеры и новости СМИ. Таким образом, власти должны предложить приемлемые разумные оправдания для сохранения своей легитимности. В противном случае субъекты стремятся к политическим изменениям. Следовательно, сегодня легитимность властных отношений – это больше, чем принятие таких понятий, как божественное право, идеология и приоритет. Скорее, это понимается с точки зрения таких понятий, как эффективность и уважение гражданских прав. В результате, чтобы сохранить легитимность своих властных отношений, лидеры должны решать реальные, ощутимые проблемы общества.

Пересматривая вышеупомянутые проблемы и основываясь на уменьшении доминирования и абсолютной власти правителей, изменении отношения подданных, необходимость изменения нынешних властных отношений на арабском Ближнем Востоке кажется неоспоримым фактом. Вступая в новый мир, эти страны нечаянно потеряли иммунитет из-за ряда требований нового мира. Таким образом, глобализация, ослабляя господство и авторитет, которые ранее позволяли правителям обезопасить себя от фундаментальных изменений, и изменяя отношение подданных к отношениям господства, представляет фундаментальные угрозы для сохранения нынешних властных отношений на арабском Ближнем Востоке [Мирский, 2014; Примакова, 2016]. С этой точки зрения новая форма властных отношений основана на нескольких особенностях. Прежде всего, легитимность правителей должна основываться на эффективности и подотчетности

подданным. Более того, правители, принимая потребности нового мира, должны ограничивать свои необузданные свободы и двигаться к справедливым отношениям, принимая своих подданных, требования и потребности. Основываясь на ответственности и подотчетности, которые правители испытывают по отношению к гражданам, следует предложить новую интерпретацию концепции гражданства и гражданского сообщества, которая подразумевает заверение граждан и организаций гражданского общества в мирной передаче власти. Таким образом, новые отношения должны основываться на согласии субъектов, политике эффективности и консенсусе в отношении властных отношений. Основываясь на ответственности и подотчетности, которые правители испытывают по отношению к гражданам, следует предложить новую интерпретацию концепции гражданства и гражданского сообщества, которая подразумевает заверение граждан и организаций гражданского общества в мирной передаче власти. Таким образом, новые отношения должны основываться на согласии субъектов, политике эффективности и консенсусе в отношении властных отношений.

Заключение

Из-за глобализации и революций в области информационных и коммуникационных технологий контакты между разными людьми и группами в разных обществах расширились с 1990-х гг. и после окончания холодной войны. Мировое общественное мнение как высокопоставленный и неоспоримый наблюдатель следит за действиями политических лидеров и правительств по всему миру. Это фундаментальный вызов суверенитету государств посредством таких новаций. Такой процесс естественным образом сопровождался осознанием общественностью их гражданских прав и прав человека во всем мире, в основном на арабском Ближнем Востоке. Повышение осведомленности граждан о своих правах привело к признанию структурной отсталости, что ведет к расширению объема притязаний и увеличению требований к изменению условий жизни и труда в этих сообществах. Яркими примерами являются беспрецедентные кризисы и события в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки, которые порождают самые разные проблемы, от демонстраций и восстаний до революции и гражданской войны. Существует консенсус в отношении того, что, главным образом в недемократических странах, чем больше люди узнают о мире, своих правах и обязанностях, тем больше они стремятся к изменениям и реформам.

Иначе говоря, глобализация заставляет страны Ближнего Востока изменить свое поведение и функции, а вместе с этим и политическое доминирование. Многие эксперты считают, что упадок господства и суверенитета государств в целом является признаком углубления и расширения последствий глобализации [Гуторов, 2006; Рыжов, 2020]. Это убеждение основано на относительно общем предположении, что глобализация противоречит государственному суверенитету и автономии. Из-за глобализации человеческие ценности и права, а также политические, культурные и социальные свободы превозносятся настолько, что их нарушение со стороны тоталитарных и авторитарных режимов не имеет оправдания, поскольку наносит ущерб общественному мнению и совести в мире. Отсутствие свободы и маргинализация женщин, племен и групп меньшинств, непрерывные репрессии и безответственность страны являются фундаментальными чертами тоталитарных правительств на арабском Ближнем Востоке.

Фактически в последние десятилетия процесс глобализации привел к появлению значительной динамики в арабском гражданском обществе и различных группах и партиях, особенно радикальных исламистах и светских деятелях. Однако события последнего

десятилетия в некоторых из этих стран показывают, что предстоит пройти долгий путь, прежде чем эти группы смогут сформировать сильное гражданское общество для достижения своих целей мирными, ненасильственными способами.

Библиография

1. Васильев М.В. Борьба глобального бизнеса в контексте сирийского конфликта // Политика, государство и право. 2015. № 10. С. 28-46.
2. Гуторов В.А. Политическая культура и политическая власть в эпоху глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2006. Т. 2. № 4. С. 63-74.
3. Звягельская И.Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке – невыносимая хрупкость бытия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 2. С. 97-109.
4. Ибрагимбейли М.Х. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М.: Наука, 2017. 319 с.
5. Манойло А.В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 2. С. 145-172.
6. Мирский Г.И. Драма Арабского Востока // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 11. С. 77–87.
7. Примакова Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. Конфиденциально. М.: Центрполиграф, 2016. 415 с.
8. Рыжов В.Б. Диалектика глобализации и регионализации в правовом пространстве государств и международных организаций // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2020. № 1. С. 29-44. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30979.
9. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманская правовая культура и проблемы безопасности в Северной Африке и на Ближнем Востоке // Россия и мусульманский мир. 2008. № 10. С. 125-142.
10. Топоров Д.А. Историко-правовой анализ государственной политики на Дону в 1861–1927 гг.: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 32 с.
11. Цыганок А.Д. Война в Сирии и ее последствия для Ближнего Востока, Кавказа и Центральной Азии. М.: Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI), 2016. 394 с.
12. Ivanchuk A.K. The importance of IFRS reporting as a mechanism for attracting foreign investment in the coal industry // XXXIV International Multidisciplinary Conference "Recent Scientific Investigation". 2022.

The current state and prospects of the political development of the Middle East in the context of the application of the technologies of political domination

Abdulrahman Khanfvr Fakhad

Postgraduate Student,
Institute of History and Politics
of the Moscow Pedagogical State University,
119571, 88 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Khanfvr@mail.ru

Abstract

The article examines the influence of political domination technologies on the formation of the modern development of the Middle East states. The author states that the Middle East world was a conglomeration of various political systems, in many respects contradictory. Particular attention is paid to the role of globalization in political decision-making in this region. The reasons for the change of political regimes and military conflicts, which have engulfed a significant number of countries in the region, are studied, combined with a change in the role and degree of participation

of external actors in such processes in the Middle East region. The negative impact of the foreign policy of the United States and NATO member states on the current political situation in the states of the Middle East is noted.

For citation

Abdulrahman Kh.F. (2022) Sovremennoe sostoyanie i perspektivy politicheskogo razvitiya Blizhnego Vostoka v kontekste primeneniya tekhnologii politicheskogo dominirovaniya [The current state and prospects of the political development of the Middle East in the context of the application of the technologies of political domination]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), 263-272. DOI: 10.34670/AR.2022.54.81.032

Keywords

Technologies of political domination, Middle East, Syrian conflict, sovereignty, civil society, globalization.

References

1. Gutorov V.A. (2006) Politicheskaya kul'tura i politicheskaya vlast' v epokhu globalizatsii [Political culture and political power in the era of globalization]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEKS], 2(4), pp. 63-74.
2. Ibragimbeili M.Kh. (2017) *Krakh "Edel'veisa" i Blizhnii Vostok* [The collapse of Edelweiss and the Middle East]. Moscow: Nauka Publ.
3. Ivanchuk A.K. (2022) The importance of IFRS reporting as a mechanism for attracting foreign investment in the coal industry. *XXXIV International Multidisciplinary Conference "Recent Scientific Investigation"*.
4. Manoilo A.V. (2020) Konflikt v Sirii i vneshnyaya politika Rossii [The conflict in Syria and Russia's foreign policy]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Actual problems of Europe], 2, pp. 145-172.
5. Mirskii G.I. (2014) Drama Arabskogo Vostoka [Drama of the Arab East]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 11, pp. 77-87.
6. Primakova E.M. (2016) *Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami. Konfidentsial'no* [Middle East on stage and behind the scenes. Confidentially]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.
7. Ryzhov V.B. (2020) Dialektika globalizatsii i regionalizatsii v pravovom prostranstve gosudarstv i mezhdunarodnykh organizatsii [Dialectics of globalization and regionalization in the legal space of states and international organizations]. *International Law and International Organizations*, 1, pp. 29-44. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30979 [Accessed 12/05/2022].
8. Syukiyainen L.R. (2008) Musul'manskaya pravovaya kul'tura i problemy bezopasnosti v Severnoi Afrike i na Blizhnem Vostoke [Muslim Legal Culture and Security Issues in North Africa and the Middle East]. *Rossiya i musul'manskii mir* [Russia and the Muslim World], 10, pp. 125-142.
9. Toporov D.A. (2008) *Istoriko-pravovoi analiz gosudarstvennoi politiki na Donu v 1861–1927 gg.. Dokt. Diss. Abstract* [Historical and legal analysis of state policy on the Don in 1861–1927. Doct. Diss. Abstract]. Krasnodar.
10. Tsyganok A.D. (2016) *Voyna v Sirii i ee posledstviya dlya Blizhnego Vostoka, Kavkaza i Tsentral'noi Azii* [The war in Syria and its consequences for the Middle East, the Caucasus and Central Asia]. Moscow: Association of Researchers of the Russian Society (AIRO-XXI),.
11. Vasil'ev M.V. (2015) Bor'ba global'nogo biznesa v kontekste siriiskogo konflikta [The Struggle of Global Business in the Context of the Syrian Conflict]. *Politika, gosudarstvo i pravo* [Politics, State and Law], 10, pp. 28-46.
12. Zvyagel'skaya I.D. (2017) Suverenitet i gosudarstvennost' na Blizhnem Vostoke – nevynosimaya khрупkost' bytiya [Sovereignty and statehood in the Middle East - the unbearable fragility of being]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of global transformations: politics, economics, law], 10(2), pp. 97-109.

УДК 32.019.51

DOI: 10.34670/AR.2022.30.92.033

Мягкая сила: американский и китайский подходы**Медушевский Николай Андреевич**

Доктор политических наук,
доцент кафедры сравнительной политологии РУДН;
профессор кафедры культуры мира и демократии,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Ермакова Анастасия Николаевна

Студентка,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: Nastyaermwa@yandex.ru

Аннотация

С момента разработки концепции мягкой силы Д. Наем прошло уже около 50 лет, но в течение всего этого периода инструментарий мягкой силы продолжал меняться и вбирать в себя новые подходы и стратегии. Исключением не стали и подходы к мягкой силе, сформированные США и Китаем. В своей сути данные подходы отличаются и во многом вторят идеологическим установкам двух стран, сохраняя и популяризируя национальную специфику на международной арене. В то же время можно говорить и о прямом конфронтационном аспекте практик применения инструментов мягкой силы со стороны двух стран, так как они направляют свои действия друг против друга, заигрывая с широкой общественностью, создавая спрос на национальные разработки и достижения. Отметим, что направления реализации «мягкой силы» были определены на XVII съезде КПК: тема «мягкой силы» была включена в раздел, посвященный культуре, а не внешней политике Китая. Поэтому можно утверждать, что «мягкая сила» Китая в большей мере действует в «культуроцентричном измерении». Что касается американской политики мягкой силы, в американской культуре все еще есть источники устойчивости, которые пессимисты в прошлом недооценивали. Даже когда ошибочная политика правительства снижает привлекательность Америки, ее способность к самоанализу и самоисправлению делает ее привлекательной для других на более глубоком уровне.

Для цитирования в научных исследованиях

Медушевский Н.А., Ермакова А.Н. Мягкая сила: американский и китайский подходы // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 273-282. DOI: 10.34670/AR.2022.30.92.033

Ключевые слова

Мягкая сила, США, КНР, конфронтация, имидж, культурный потенциал, экономическое превосходство.

Введение

Феномен «силы» – одно из ключевых понятий среди теорий, разработанных в области международных отношений до сегодняшнего дня. Сила в международных отношениях – это эффект, который государство оказывает на другое государство, и заставляет его делать то, что при нормальных обстоятельствах оно не желало бы делать. На протяжении веков технологии силы совершенствовались. Мягкая сила проистекает из «очарования» культурой страны, политических ценностей и внешней политики, включая в себя внушительный инструментарий, «мягкая сила» в качестве основных действенных технологий, применяемых для достижения желаемых результатов, включает в себя следующие сферы воздействия: культура, образование, экономика, дипломатия, бизнес и инновации. Когда культура страны включает универсальные ценности, а культурная политика служит ценностям и интересам, которые разделяют другие, это увеличивает вероятность достижения желаемых результатов – влияния на другие страны. XXI век является новым этапом взаимодействия и расширения каналов, технологий и инструментов сотрудничества, по которым КНР и США, а также любые другие государства, могут оказывать влияние на международные процессы и вектор проводимой политики других стран. На сегодняшний день экономический успех страны, ее идеологический авторитет и культурное очарование часто представляют более важные факторы, чем достижения и усовершенствования в военной сфере, включая разработку новых военных технологий и обладание ядерным оружием.

Актуальность данной темы обусловлена многолетней конфронтацией между США и КНР, которая начала набирать силу с 2000-х годов, и связана непосредственно с усилением китайской экономики на мировом поприще, что позволяет Китаю выступать сильным соперником для Соединенных Штатов Америки и контролировать экономику США. В свою очередь Штаты пытаются ослабить давление и закрепить политико-экономическое первенство в мире. Конфронтации ведутся на уровнях мягкой силы, что предусматривает многоплановое и многоуровневое противостояние через технологии мягкой силы. Так концепция «мягкой силы» становится все более популярной как среди политиков, так и среди ученых, что требует более пристального изучения именно национальных подходов и парадигм. В данной статье мы сопоставляем Американский и китайский варианты.

«Мягкая сила» США

США берут за основу принципы неолиберального институционализма для комплексной зависимости, состоящей из экономического сотрудничества, интереса государств в недопущении ядерной войны и других глобальных проблем – благодаря международным политическим институтам государства могут достаточно эффективным и выгодным образом кооперировать в межгосударственных отношениях – и выступают за глобализацию в таких областях как политика, экономика, культура и распространение информации, что очевидно существенно сужает роль суверенного государства и меняет роли мировых политических элит в послушных последователей волеизъявлений стороны «прогрессивного мнения». Желание зафиксировать преимущество политики Белого дома в мировой политической структуре через массовое распространение американской культуры «подарило» неолиберальной идеологии определение «мягкая сила». Автором термина является американский политик Джозеф Най,

который впервые его охарактеризовал в 1990 г. в книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы». Итак, данный феномен достаточно естественно вписывается в стратегию США в XXI веке, которая, по мнению автора, должна носить динамичный характер: «Если Соединенные Штаты замедлят мобилизацию своих ресурсов ради международного лидерства, полиархия может возникнуть достаточно быстро и оказать свое негативное воздействие. Управление взаимозависимостью становится главным побудительным мотивом приложения американских ресурсов, и оно должно быть главным элементом новой стратегии» [Nye, 2004]. В своем анализе, Дж. Най выделяет три вида внешнеполитических ресурсов, которые служат основой могущества США:

- 1) Возможности в военной сфере – военная мощь, США по-прежнему остается лидером опережая остальные страны;
- 2) Экономическое превосходство, на данный момент Вашингтон постепенно вытесняется Европейским союзом и Китаем;
- 3) Имидж и культурный потенциал, которые включают такие составляющие как ТНК, НПО, массовую культуру; внешнеполитическую идеологию. Главным составляющим элементом проводимой США политики в культурной сфере является массовая культура, благополучие которой можно объяснить развитием и усовершенствованием технологий, благодаря чему американская поп-культура транслируется на весь мир, являясь при этом результативным политическим и идеологическим инструментом, транснациональных корпораций, представителей политических группировок и иных кругов.

Классическим примером американской мягкой силы является план Маршалла. После Второй мировой войны Соединенные Штаты вкачивали миллиарды долларов в разоренную войной Западную Европу, чтобы не допустить ее падения под влияние коммунистического Советского Союза. План Маршалла включал гуманитарную помощь, такую как продукты питания и медицинское обслуживание; консультации экспертов по восстановлению разрушенных инфраструктур, таких как транспортно-коммуникационные сети и коммунальные услуги; и прямые денежные субсидии.

Най также рассматривает американский культурный экспорт, такой как фильмы, безалкогольные напитки и сети быстрого питания, как элемент мягкой силы. Хотя они также включают в себя решения многих частных американских предприятий, международная торговая и деловая политика США позволяет осуществлять эти культурные обмены. Культурные обмены неоднократно впечатляют иностранные государства свободой и открытостью американского бизнеса и динамики общения. Интернет, отражающий американскую свободу выражения мнений, также является мягкой силой.

Наблюдать снижение использования Соединенными Штатами «мягкой силы» можно после случившегося 11 сентября. Войны в Афганистане и Ираке и использование доктрины Буша превентивной войны и одностороннего принятия решений затмили ценность мягкой силы в умах людей дома и за границей. В 2008 году, в конце своего второго президентского срока, Буш оставил страну в состоянии экономического кризиса – пузырь субстандартного кредитования только что лопнул – и международная арена теперь характеризовалась присутствием множества акторов, способных выполнять функцию убеждения, т.е. осуществлять мягкую силу. Хотя Соединенные Штаты оставались единственной сверхдержавой, многие страны продолжали осуждать американскую модель. Соединенные Штаты все еще внушали идею страны, которая благодаря своей военной и экономической мощи намеревалась построить империю.

Антиамериканизм, возникший со времен холодной войны, продолжал распространяться, укрепляться, даже когда американское обязательство против исламского фундаментализма было максимум. Соединенные Штаты казались более одинокими, чем когда-либо.

Приход Барака Обамы в Белый дом встретили даже Нобелевской премией за «благие намерения» в октябре 2009 г. Еще до своего заселения кандидат от Демократической партии четко обозначил свою роль во внешней политике. Было ясно, что новая администрация США во главе с Обамой не стала бы оставаться в тени во внешней политике и, прежде всего, отличалась бы от администрации президента Буша. Во многих отношениях президентство Обамы и его ближневосточная политика символизируют практические ограничения «мягкой силы». После войны администрации Буша с террором Обама начал свое пребывание в должности с обращения «Новые начинания», в котором он призвал к новому началу отношений Америки с мусульманским миром. За этим провозглашением последовали массовые инвестиции в мягкую силу по всему региону, включая вещание, культурные обмены и программы гражданской дипломатии. Тем не менее, несмотря на постоянное и широкое взаимодействие с арабами и мусульманами на Ближнем Востоке и в Южной Азии, антиамериканские настроения остаются высокими [Най, 2014].

После избрания Дональда Трампа автор книги «Шоковая экономика» Наоми Кляйн заговорила о политике шока. Как она подчеркивает, Келлиэнн Конвей, соратница Трампа, также определяет новую американскую эру как шок для системы. Мало того, что на международном уровне Трамп использует угрозу военной мощи Америки, на внутреннем уровне он просто угрожает действовать и править посредством непрерывных потрясений. Таким образом, можно определить его силу как силу резкости. Но его политики в значительной степени опасаются и в Америке, и в Европе. Най недавно подтвердил, что политика Дональда Трампа оказывала серьезное негативное влияние на сокращение мягкой силы Америки. На самом деле, как он объясняет, «острая сила – это всего лишь новый термин для обозначения того, что мы когда-то называли информационной войной, которая существовала десятилетиями.

Если внимательно посмотреть на действия, предпринятые Дональдом Трампом в первый год его правления, мы увидим, что он действует между национализмом и неолиберализмом: внешний национализм (пошлины на сталь и алюминий, пошлины на китайские товары), внутренний неолиберализм (снижение налогов, полная либерализация оружия, сокращение надлежащей экологической практики, сокращение конфиденциальности, нападение на Obama Care). Суд по делу об импичменте Трампа также оказал влияние. По словам Дэвида Хэя, председателя и генерального директора Brand Finance, другие меры и методы помогли Трампу занять первое место. «Мягкая сила не может быть быстро ни достигнута, ни утрачена. Соединенные Штаты продемонстрировали, что в конечном счете, несмотря на репутационные проблемы, связанные с импичментом и непредсказуемой внешней политикой, их положение в качестве законодателя в международной системе не имеет себе равных», – сказал Хей в пресс-релизе.

Восстанавливая глобальную репутацию США в посттрамповскую эпоху, Джо Байден признает фундаментальную истину о «мягкой силе» – ее возрождение часто начинается дома. В последние годы в США наблюдается более широкое социальное и экономическое брожение. Ключевые события включают убийство Джорджа Флойда и движение Black Lives Matter, рост популярности движений сторонников превосходства белой расы и диалоги о равенстве и сексуальном насилии после разоблачений MeToo. Вот почему, после злости недавнего времени,

Байден стремится исцелить испорченные отношения и приблизить страну к реализации одного из ее давних девизов – «*e pluribus unum*» (из многих – один).

Если команда Байдена правильно поймет эту повестку дня, включая создание более справедливой и инклюзивной экономики, она многое сделает для устранения подрыва доверия к США. Однако самого по себе этого может быть недостаточно, чтобы позволить нации полностью оправиться от упадка «мягкой силы» последней администрации.

В отличие от активов жесткой силы (таких как вооруженные силы), многие ресурсы мягкой силы отделены от правительства и привлекают других, несмотря на политику. Голливудские фильмы и популярная музыка, демонстрирующие независимых женщин или представителей меньшинств, могут привлечь других. То же самое можно сказать и о разнообразной и свободной американской прессе, благотворительной деятельности ее фондов и свободе исследований в ее университетах. Американские фирмы, университеты, фонды, церкви и протестные движения развивают собственную мягкую силу, которая может укреплять взгляды других на страну. Но в то время как мирные протесты могут генерировать мягкую силу, толпа в Капитолии и вокруг него 6 января 2021 года была далеко не мирной. События того дня стали тревожной иллюстрацией того, как политика Трампа усугубила политическую поляризацию.

Участие в глобальных соглашениях. В опросе Gallup 2021 года 52% американских респондентов были либо несколько недовольны, либо очень недовольны той ролью, которую США играют в мировых делах. Некоторые наблюдатели, особенно критически настроенные по отношению к администрации Трампа, утверждают, что концепция «Америка прежде всего» негативно изменила роль Америки в мире. Демонстрация большей поддержки глобальных соглашений путем не только присоединения к ним и продолжения их участия, но и поддержки их создания может улучшить способность США использовать влияние посредством лидерства в области мягкой силы.

Лидерство в климатических инициативах. Поскольку все больше и больше стран начинают ставить перед собой амбициозные цели в области климата, крайне важно, чтобы США взяли на себя более важную роль лидера. В отчете Brookings подчеркивается, что «четыре года отсутствия США в глобальном климатическом сообществе оставили большой пробел в международном лидерстве и доверии». Будучи второй после Китая страной по выбросам парниковых газов, США должны ускорить действия по борьбе с изменением климата и взять на себя более существенные обязательства. Согласно опросу, Gallup в 2021 г. 58% американских респондентов рассматривают изменение климата как серьезную угрозу в течение следующих 10 лет, однако темпы нынешних действий не соответствуют срочности.

Подчеркивание американских ценностей. Президент Байден унаследовал запятанный имидж США за рубежом. Согласно опросу Gallup, проведенному в 2020 году, одобрение лидерства США в странах было низким, например, в Германии - 6% и в Исландии - 5%. Как показывают эти статистические данные, США объединены с Россией и Китаем, у которых аналогичные процентные показатели.

Укрепление международных альянсов. Сеть альянсов США, возможно, один из самых успешных и устойчивых аспектов американской внешней политики за последние 70 лет, позволила США преследовать свои стратегические цели. Союзы предотвращают войны, контролируют соперников и союзников, позволяют балансировать и могут способствовать глобальному проецированию власти. Поскольку Китай продолжает расширять свои экономические, военные и технологические возможности, жизненно важно, чтобы США

пользовались поддержкой своих союзников для противодействия растущей угрозе со стороны Китая. Продвижение администрацией Трампа доктрины «Америка прежде всего» подорвало доверие к США и заставило союзников задуматься, могут ли они рассчитывать на США. При новой администрации США не следует недооценивать важность своего восприятия за рубежом и коллективных действий со своими союзниками для достижения своих целей в стратегической битве с Китаем.

Итак, спустя тридцать лет после окончания биполярной фазы международная система все еще находится в глубокой эволюции, и тезисы об упадке демократий вызывают все большую неуверенность. Конечно, уже невозможно говорить о конце национального государства, которое сегодня становится более чем когда-либо глубоко необходимым. В то же время в предстоящие годы ни одна власть, национальное государство или сообщество государств не сможет противостоять понятию риска (теперь столь разнообразному) без формы власти, обязательно основанной на обоих элементах – мягкая и жесткая сила.

«Мягкая сила» Китая

В последнее время приобретенный вес в политико-экономической сфере позволяет КНР закрепить за собой авторитетность на мировой платформе, что непосредственно приводит к формированию конкурентных настроений как на региональном, так и на международном уровнях, в том числе это способствует возникновению конфликтных отношений с ведущей державой – США. Противостояние выше указанных стран в основном связано с растущей экономической и, соответственно, геополитической мощью, а также амбициями Китая, что в свою очередь не устраивает Белый дом [Лексютина, 2011].

В XXI веке китайское правительство обнаружило важность политики мягкой силы на политическом уровне параллельно с ее растущей экономической и военной мощью. С назначением Ху Цзиньтао на пост президента в 2002 году концепция мягкой силы стала входить в повестку дня страны.

Причина, по которой концепция мягкой силы, определенная Джозефом Наем, приобрела популярность среди китайских политиков и мыслителей заключается в том, что, подчеркивая конъюнктуру, в которой концепция мягкой силы получила широкое распространение, после распада Советского Союза, в китайском общественном мнении развернулись интенсивные дебаты о причинах роста и сокращения великих держав в международном масштабе. Эти дискуссии показывают, что Советский Союз, который когда-то боролся за международную гегемонию против США, проиграл холодную войну, потому что он не принял во внимание концепцию мягкой силы при ведении этой борьбы. По этой причине китайские правящие элиты и ученые соглашались с тем, что на международной арене Китай не должен иметь аналогичную судьбу как растущего игрока и должен придавать значение мягкой силе, а также жесткой силе, чтобы поддерживать свое глобальное влияние [Кочетков, Грачиков, 2014].

Однако есть разные причины, лежащие в основе интереса Китая к мягкой силе. Самым важным из них является заявление американского журналиста Джошуа Курланцика. По словам Курланцика, причина, по которой правительство Пекина придает большое значение мягкой силе, заключается в том, чтобы изменить восприятие Китая, страны, которая является агрессивной и с трудом устанавливает отношения по региональным проблемам, возникающим в мировом общественном мнении [Eisenman, 2007]. Хотя многие эксперты поддерживают эту

интерпретацию Курланчика, они добавляют, что Китай разработал стратегию увеличения своих экономических ресурсов с помощью политики мягкой силы, чтобы укрепить свои позиции перед лицом проблем в своем регионе и ослабить влияние США.

Некоторые другие комментаторы утверждают, что Китай обратился к политике мягкой силы, чтобы преодолеть кризис легитимности в своей стране. Дело в том, что в политике мягкой силы Китая китайские правители больше озабочены внутренним и внешнеполитическим контекстом этой политики, чем ее целью. Эта политика является продуктом государственного мышления, которое придерживается долгосрочной стратегии.

Политика мягкой силы Китая была сформирована в рамках новой дорожной карты, разработанной внешнеполитическими экспертами в 2003 году. В этой дорожной карте было решено пересмотреть восприятие угрозы Китаю во внешнем мире и допустить подъем Китая. В этом контексте дискурс изменился [Callahan, 2011].

В 2007 году председатель Коммунистической партии Китая Ху Цзиньтао в своем выступлении на 17-м Конгрессе заявил, что стране следует больше инвестировать в вопрос «мягкой силы». После этого выступления из государственного бюджета были выделены миллиарды долларов на политику мягкой силы.

Что касается культурных инструментов, политика, которая была впервые установлена в рамках привлекательности исторического фона государства, была разработана китайской администрацией. В Национальном плане культурного развития 2006 года был предложен новый план расширения с целью распространения китайской культуры в мире и выделения ее культурных продуктов по сравнению со всеми продуктами. Например, цель стимулирования была поставлена для повышения узнаваемости китайских культурных продуктов в таких организациях, как международные фестивали: в 2004 году во Франции, в России в 2007 году и в Турции в 2012 году.

Если посмотреть на политику мягкой силы китайской администрации в контексте внешней политики, становится очевидным, что она следует двумерной стратегии. То есть, управляя международными силами, с одной стороны, с другой стороны, Китай пытается повысить свою эффективность в странах третьего мира, где он может легко доминировать.

Цель этой стратегии – создать ощущение мирного подъема Китая. В этом контексте новое видение внешней политики, которое Китай разработал в рамках дискурса о «построении гармоничного мира» в качестве своего видения внешней политики, является источником подъема, основанного на мягкой силе. Эта новая внешнеполитическая стратегия Китая основана на четырех основных принципах:

- мирное сосуществование;
- взаимная экономическая зависимость;
- расширение диалога для мирного разрешения споров;
- мирное развитие.

Этим дискурсом Китай усиливает идею о том, что мир и стабильность в его регионе и во всем мире должны быть сохранены. В этом контексте также есть инициативы по активному участию Китая в региональных и глобальных организациях.

Основные организации, членом которых является Китай:

- Азиатско-Тихоокеанская организация экономического сотрудничества;
- Ассоциация государств Юго-Восточной Азии;
- Форум сотрудничества стран Восточной Азии и Латинской Америки;

- Шанхайская организация сотрудничества (ШОС);
- Саммит стран Восточной Азии;
- Форум сотрудничества Китая и Африки и т.п.

Китайская «мягкая сила» связана с воздействием на сердца и умы иностранных народов, а также с восприятием имиджа Китая в глазах международных лидеров, которые являются одной из главных целей китайской «мягкой силы». В то же время внешняя политика Китая стала более амбициозной, переходя от политики реагирования – «скрывать способности и ждать своего часа» – к инициативной политике – «трудолюбивой и многообещающей».

Заключение

Таким образом, «мягкая сила» – способность получать желаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики. Страна может добиться желаемых результатов в мировой политике, потому что другие страны (восхищаясь ее ценностями, подражая ее примеру, стремясь к ее уровню процветания и открытости) хотят «следовать» за ней. В этом отношении также важно определять повестку дня и вовлекать других в мировую политику, а не просто заставлять их меняться, угрожая военной силой или экономическими санкциями. Важным проявлением мягкой силы Китая выступает «тотальная дипломатия».

Отметим, что направления реализации «мягкой силы» были определены на XVII съезде КПК: тема «мягкой силы» была включена в раздел, посвященный культуре, а не внешней политике Китая. Поэтому можно утверждать, что «мягкая сила» Китая в большей мере действует в «культуроцентричном измерении». Что касается американской политики мягкой силы, в американской культуре все еще есть источники устойчивости, которые пессимисты в прошлом недооценивали. Свобода прессы, независимые суды и право на мирный протест являются одними из величайших источников мягкой силы Америки. Даже когда ошибочная политика правительства снижает привлекательность Америки, ее способность к самоанализу и самоисправлению делает ее привлекательной для других на более глубоком уровне.

Библиография

1. Кочетков В.В., Грачиков Е.Н. Идентичность как источник мягкой силы Китая // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 40-62.
2. Лексютина Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий. СПб., 2011. 298 с.
3. Най Д.С. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век. М.: АСТ, 2013. 444 с.
4. Callahan W., Varabantseva E. China Orders the World: Normative Soft Power and Foreign Policy. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2011. P. 78.
5. Eisenman J. (ed.) China and the Developing World: Beijing's Strategy for the 21st Century. Sharpe, 2007. 232 p.
6. Nye J. S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N. Y., 2004. P. 258-260.
7. Mavrodiya A. V. et al. Role of social media as a soft power tool in raising public awareness and engagement in addressing climate change //Climate. – 2019. – Т. 7. – №. 10. – С. 122.
8. Nye J. S. Soft power: the evolution of a concept //Journal of Political Power. – 2021. – Т. 14. – №. 1. – С. 196-208.
9. Zahran G., Ramos L. From hegemony to soft power: implications of a conceptual change //Soft power and US foreign policy. – Routledge, 2010. – С. 24-43.
10. Nye J. S. Soft power: the origins and political progress of a concept //Palgrave communications. – 2017. – Т. 3. – №. 1. – С. 1-3.

Soft power: American and Chinese approaches

Nikolai A. Medushevskii

Doctor of Political Science,
Associate Professor
of the Department of Comparative Political Science of PFUR;
Professor of the Department of Culture of Peace and Democracy,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6, Miuskaya square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: Lucky5659@yandex.ru

Anastasiya N. Ermakova

Graduate Student,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6, Miuskaya square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: Nastyaermwa@yandex.ru

Abstract

About 50 years have passed since the development of the concept of soft power by D. Nye, but throughout this period, the tools of soft power continued to change and incorporate new approaches and strategies. The approaches to soft power formed by the United States and China were no exception. In essence, these approaches differ and largely echo the ideological attitudes of the two countries, preserving and popularizing national specifics in the international arena. At the same time, we can also talk about the direct confrontational aspect of the practices of using soft power tools on the part of the two countries, as they direct their actions against each other, flirting with the general public, creating demand for national developments and achievements. It should be noted that the directions for the implementation of soft power were determined at the 17th CPC Congress: the topic of soft power was included in the section on culture, and not on China's foreign policy. Therefore, it can be argued that China's soft power operates to a greater extent in the culture-centric dimension. As far as American soft power politics are concerned, there are still sources of resilience in American culture that pessimists in the past have underestimated. Even when misguided government policies reduce America's attractiveness, its capacity for introspection and self-correction makes it attractive to others on a deeper level.

For citation

Medushevskii N.A., Ermakova A.N. (2022) Myagkaya sila: amerikanskii i kitaiskii podkhody [Soft power: American and Chinese approaches]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 273-282. DOI: 10.34670/AR.2022.30.92.033

Keywords

Soft power, USA, China, confrontation, image, cultural potential, economic superiority.

References

1. Callahan W., Barabantseva E. (2011) *China Orders the World: Normative Soft Power and Foreign Policy*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press.
2. Eisenman J. (ed.) (2007) *China and the Developing World: Beijing's Strategy for the 21st Century*. Sharpe.
3. Kochetkov V.V., Grachikov E.N. (2014) Identichnost' kak istochnik myagkoi sily Kitaya [Identity as a source of China's soft power]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics], 3, pp. 40-62.
4. Leksyutina Ya.V. (2011) *SShA i Kitai: linii sopernichestva i protivorechii* [USA and China: lines of rivalry and contradictions]. St. Petersburg.
5. Nye J. (2004) *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. N. Y.
6. Nye J.S. (2011) *The Future of Power*. PublicAffairs.
7. Mavrodieva, A. V., Rachman, O. K., Harahap, V. B., & Shaw, R. (2019). Role of social media as a soft power tool in raising public awareness and engagement in addressing climate change. *Climate*, 7(10), 122.
8. Nye, J. S. (2021). Soft power: the evolution of a concept. *Journal of Political Power*, 14(1), 196-208.
9. Zahran, G., & Ramos, L. (2010). From hegemony to soft power: implications of a conceptual change. In *Soft power and US foreign policy* (pp. 24-43). Routledge.
10. Nye, J. (2017). Soft power: the origins and political progress of a concept. *Palgrave communications*, 3(1), 1-3.

УДК 327

DOI: 10.34670/AR.2022.53.93.034

Эволюция энергетической стратегии США и перспективы ее реализации в XXI

Хлопов Олег Анатольевич

Кандидат политических наук,
доцент кафедры американских исследований,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: rggu2007@rambler.ru

Аннотация

В энергетической политике США за последние годы произошли глубокие изменения. «Сланцевая революция», позволившая увеличить объемы добычи нефти и газа, программа энергоэффективности, внедрение новых технологий возобновляемых источников энергии снизили зависимость Соединенных Штатов от импорта углеводородных ресурсов и увеличили их экспорт. Экономические, финансовые и технологические преимущества американской экономики усилили влияние США на глобальном энергетическом рынке, что привело к пересмотру их традиционной энергетической стратегии внутри страны и на международной арене. Значительно сократив импорт углеводородов, США начали пересматривать стратегию энергетической безопасности. Администрация Обамы сделала ставку на энергетическую независимость, стратегия Трампа «Америка прежде всего» была направлена на глобальное энергетическое доминирование США, экспорт сжиженного газа (СПГ) в ЕС и другие регионы, на оказание давления на стран-экспортеров, исходя из своих геополитических интересов. При Байдене правительство США объявило о плане чистой энергии – глобальной климатической повестки сокращения выброса углекислого газа и активного перехода американской экономики на возобновляемые источники энергии, ужесточив санкции в отношении экспорта российских энергетических ресурсов. Автор приходит к выводу, что энергетическая и национальная безопасность США все еще во многом зависит от ископаемого топлива, особенно от нефти. США необходимо удовлетворять растущие потребности в энергии по доступной цене, формировать комплексную стратегию, обеспечивающей как климатическую, так и энергетическую безопасность, избегая при этом прямой конфронтации и конфликтов с другими странами.

Для цитирования в научных исследованиях

Хлопов О.А. Эволюция энергетической стратегии США и перспективы ее реализации в XXI // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 283-293. DOI: 10.34670/AR.2022.53.93.034

Ключевые слова

Энергетическая стратегия, внешняя политика, углеводородные ресурсы, нефть, газ, возобновляемые источники энергии, соперничество, энергетический кризис, санкции, США.

Введение

Энергетическая политика в Соединенных Штатах сложна и взаимосвязана, имеет несколько заинтересованных сторон, включая граждан, выборных государственных и федеральных чиновников, правительственные учреждения, группы интересов на региональном и федеральном уровне, корпорации и аналитические центры. На реализацию энергетической политики США влияют несколько ключевых факторов: стоимость производства энергии, темпы роста экономики и инфляции, потребительский спрос, потенциальное воздействие на окружающую среду доступность энергетических ресурсов, географическое положение источников энергетических ресурсов, геополитические кризисы и международные вооруженные конфликты.

В статье раскрывается эволюция энергетической политики США, представлена анализ дискуссий и политики в области энергетической безопасности в условиях расширенного внедрения возобновляемых источников энергии и борьбы с изменением климата. В этой статье утверждается, что энергетическая безопасность, изменение климата и внедрение использование возобновляемых источников энергии тесно связаны между собой, и решение обоих вопросов требует фундаментальной энергетической стратегии США. Проблема изменения климата и широкое применение новых энергосберегающих технологий оказывает глубокое влияние на содержание энергетической политики США разными администрациями.

Представленный здесь анализ дискурса и политики энергетической безопасности США показал, что углеводородные ресурсы по-прежнему сохраняют свою значимость для национальной экономики и будут оставаться в центре конкурентной борьбы между ведущими потребителями и производителями на мировой арене.

В научной литературе о роли энергетики в международной политике большая часть исследований написана с позиции геополитики и реалистической парадигмы, сторонники которой акцентируют внимание на контроле над природными ресурсами и доступа к ним, а также на конкуренции между государствами за рынки сбыта и транспортные маршруты. Ключевые аспекты энергетической безопасности следует рассматривать с точки зрения геоэкономики, которая включает в своей анализ пересечение экономических факторов, взаимосвязей и глобальных событий [Munoz, 2017].

Эволюция энергетической политики Соединенных Штатов

С развитием процесса индустриализации США, вызвавший рост потребности в энергоресурсах, необходимость обеспечения безопасности и стабильности снабжения источников углеводородов и других природных ресурсов приобрели первостепенное значение, и энергетика стала объектом национальной безопасности США [Shaffer, 2009].

Энергетические ресурсы в современной международной системе стали инструментом внешней политики государства, наряду с военной мощью. Кроме того, сложились условия, при которых экономическая безопасность стран превзошла военную безопасность, а поскольку энергетическая безопасность определяется как составная часть экономической безопасности страны, достижение стран в плане энергетической безопасности, безусловно, иногда важнее, чем военная безопасность [Orban, 2008; Ковалев, 2020]. Например, экономический рост Китая, который требует постоянного увеличения энергетических ресурсов, по оценкам американских политологов, будет стремиться к господству в Азии, к расширению своего влияния в мире, к

обеспечению стабильных поставок сырья из других стран, в то время как Соединенные Штаты, полные решимости оставаться единственным региональным гегемоном в мире, сделают все возможное, чтобы этого не произошло, что, по мнению, Мершаймера, является «неизбежной трагедией политики великих держав» [Mearsheimer, 2014].

Для Соединенных Штатов стабильное потребление энергии в необходимых объемах и приемлемая цена на нее, является вопросом национальной безопасности. Энергетическую безопасность США понимают, как способность поддерживать стабильные поставки энергии по устойчивой цене [Geri, 2011]. Внешняя политика США направлена продвижение своих интересов, в том числе и на защиту своей энергетической безопасности, направленная на недопущения ограничений перебоев в энергоснабжении и быстрого реагирования на возможные энергетические кризисы [Sovacool, 2010].

С момента окончания Второй мировой войны энергетика играет ключевую роль в американской внешней и военной политике. На протяжении большей части этого времени энергетическая политика США определялась в основном ощущением уязвимости: поскольку считалось, что отечественная добыча нефти сталкивается с необратимым спадом и зависит от возрастающего импорта нефти из стран Ближнего Востока. Это стало очевидным в 1973-74 гг., когда арабские производители нефти ввели эмбарго на экспорт в США в отместку за их поддержку Израиля во время войны 1973 г., и снова в 1979 г., когда в Иране в результате Исламской революции произошел глобальный дефицит нефти [Palmer, 1992].

Чтобы преодолеть это чувство уязвимости, США установили постоянное военное присутствие в Персидском заливе и несколько раз использовали свою военную мощь для обеспечения бесперебойного потока нефти. Начиная с 1970-х гг. основными целями энергетической политики Соединенных Штатов являются: 1) обеспечение надежного снабжения энергией, 2) поддержание стоимости энергии на достаточно низком уровне для удовлетворения потребностей растущей экономики, 3) защита окружающей среды.

За прошедшие десятилетия было предложено несколько стратегий и программ, таких как «бензин никогда не будет превышать 1 доллар за галлон» (\$0,26 за литр) и «Соединенные Штаты никогда больше не будут импортировать столько нефти, как в 1977 году». В течение последних лет правительство США пыталось разработать комплексную политику в области энергетики, но эти усилия неоднократно терпели неудачу [Grosman, 2013].

Инновации в добыче нефти и газа с помощью горизонтального бурения и гидравлического разрыва способствовали значительному увеличению добычи нефти и газа и повлияли на изменения энергетического ландшафта США и всего мира.

Энергетическая безопасность остается приоритетной проблемой для Соединенных Штатов, которые уделяют большое внимание к устойчивости и стоимости поставкам энергоресурсов, признавая, что национальная и экономическая безопасность государства зависят от надежного функционирования ее энергетической инфраструктуры [Bernell, 2016].

Энергетика занимает центральное место во внешней политике Соединенных Штатов. Доминирующая политика США в области энергетической безопасности уже давно формализована «доктриной Картера», в которой говорилось, что любые попытки каких-либо внешних сил заблокировать поток нефти из Персидского залива будут рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединенных Штатов и такое нападение будет отражено «любыми необходимыми средствами, включая военную силу». [Carter, 1980] Чиновники продолжают интерпретировать политику государственного управления энергетикой в основном через призму углеводородных ресурсов. Однако массовые преобразования,

наблюдаемые сейчас в глобальном энергетическом секторе, и технологическая революция, происходящая почти во всех аспектах современной энергетики, влияют на внешнеполитические подходы США к решению энергетических проблем [Bazilian, 2017].

Учитывая, что энергетическая безопасность и доступ к энергоресурсам могут гарантировать благополучие американского электората за счет поддержания удовлетворительных экономических, промышленных, сельскохозяйственных и торговых условий, Государственный департамент США уделяет энергетике пристальное внимание. В 2017 г. в структуре Государственного департамента США появилась должность заместителя министра по экономическому росту, энергетике, и окружающей среде. Само создание этого органа демонстрирует то значение, которое правительство США придает вопросу энергетики в своей внешней политике.

Энергия как стратегический инструмент внешней политики США

«Сланцевая революция» позволила США достичь энергетической самодостаточности после десятилетий зависимости от импорта. Эта независимость придала ей смелости использовать энергию в качестве инструмента внешней политики. Этот сдвиг в официальном мышлении произошел во время администрации Б. Обамы, когда внедрение технологии гидроразрыва пласта позволило разрабатывать обширные сланцевые пласты Америки и резко увеличить добычу нефти в США.

Впервые изобретенный в 1947 г., гидроразрыв пласта, или фрекинг, не только стал основным источником энергии, меняет наше представление о том, как можно и нужно использовать ресурсы и энергию. Эта новая технология одновременно и угроза, и находка для окружающей среды, которая вызывает противоречие между экономическим развитием и опасениями по поводу ущерба окружающей среде, т.к. гидроразрыв пласта рассматривается некоторыми как жизненно важный «мост» к устойчивому энергетическому будущему, а другие эксперты видят в нем предлог, чтобы устранить риски наносимые окружающей среде [Gold, 2015].

По данным Управления энергетической информации (EIA) Министерства энергетики США, добыча сырой нефти в США снижалась на протяжении 1990-х и 2000-х гг., с 7,5 млн. барр\день в 1990 г. до 5,5 млн. барр\день в январе 2010 г. После начала «сланцевой революции» в 2015 г. добыча сырой нефти на внутреннем рынке достигал 9,1 млн. барр\день [Palmer, 1992]. Это привело к устранению фактора энергетической уязвимости и дало импульс американским политикам к возможности достижения геополитических преимуществ, энергетического изобилия и перестройки всего рынка нефти [Золина, 2019].

Такая переоценка энергетически преимуществ была впервые выражена в переговорах с Ираном по поводу его ядерной программы [Adeli, 2010]. Предыдущие администрации США с подозрением относились к введению жестких санкций в отношении нефтяной промышленности Ирана, опасаясь спровоцировать глобальный дефицит энергии. Однако администрация Б.Обамы пришла к выводу что любое снижение производства в Иране может быть заменено за счет увеличения внутреннего производства углеводородных ресурсов. Этот новый подход к энергетической политике стал приводить к изменениям баланса сил в регионе Персидского залива [Павлова, 2021].

Как объяснил советник по национальной безопасности Том Дониолон, «увеличение поставок энергоносителей в США действует как подушка безопасности, которая помогает снизить нашу

уязвимость перед глобальными перебоями в поставках и дает нам более сильную руку в достижении и реализации наших целей в области международной безопасности, в усилиях США убедить другие страны присоединиться к Вашингтону в санкциях против Ирана» [WH, 2013].

Сегодня, когда США в основном обеспечивают себя нефтью и газом, американская энергетическая политика больше не руководствуется прежним чувством уязвимости. Скорее, вновь обретенное энергетическое изобилие страны рассматривается в Вашингтоне как стратегический актив, который можно использовать в своих интересах на глобальной геополитической арене.

Такой подход стал преобладать на протяжении всей оставшейся части *администрации Б. Обамы* и с тех пор определяет американское стратегическое мышление. Начиная с администрации Б. Обамы американские политики стремились использовать это преимущество, пытаясь убедить своих европейских союзников избавиться от зависимости от российских энергоносителей. С тех пор, как ЕС начал импортировать газ из Советского Союза в начале 1980-х гг., американские политологи и эксперты рассматривали эту зависимость как потенциальную угрозу солидарности НАТО, мифически наделяя Москву способностью шантажировать или запугивать европейских лидеров в условиях кризиса «российским энергетическим оружием». США были не в состоянии критиковать европейцев, но, когда их собственная энергетическая зависимость стала значительно уменьшаться, они поставили этот вопрос в повестку дня в рамках трансатлантической солидарности.

Энергетическая политика *администрации Д. Трампа* отличалась «зеленых инициатив» Б. Обамы. Он выдал лицензии и снял ограничения на добычу больше нефти, газа и угля, приостановил участия США в Парижском соглашении по климату. В 2017 г. Инженерный корпус армии США утвердил федеральное разрешение на завершение строительства трубопровода "Keystone XL Dakota Access", идущий от нефтяных месторождений Канады до Мексиканского залива.

Д. Трамп провозгласил концепцию американского энергетического доминирования («energy dominance») [WH, 2017], строительство новых заводов по производству СПГ стало главным приоритетом, а экспорт в Европу главной целью его энергетической стратегии [Хлопов, 2022]. Администрация Д. Трампа выступала за расширение экспорта СПГ из США, подчеркивая, что Америка будет верным и надежным партнером в экспорте и продаже своих высококачественных и недорогих энергоресурсов.

В его срок случилась эпидемия коноровируса «Covid-19», которая подорвала поступательный рост американской экономики и привела к сокращению потребления нефти и газа и к снижению цены на них.

Также при Д. Трампе США приняли новую стратегическую доктрину: «соревнование великих держав». В основе этой политики, впервые изложенной в Стратегии национальной обороны в феврале 2018 г, лежит убеждение, что США и их союзники вовлечены в борьбу за геополитическое преимущество с Россией и Китаем [DOD, 2018]. Согласно стратегии, Запад должен объединиться в противодействие любым действиям Москвы и Пекина, а для этого требуется не только наращивание военного потенциала США, но и мобилизация их экономических и технологических ресурсов, ключевым компонентом которых является энергия.

Во время своего визита в Польшу президент Д. Трамп выступил на саммите Инициативы трех морей. 12 стран (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Румыния, Болгария, Литва, Эстония, Латвия, Хорватия, Словения и Австрия) являются частью инициативы, направленной на

укрепление экономических связей между США и Центральной и Восточной Европы. Инициатива трех морей направлена на расширение трансграничной энергетической и транспортной инфраструктуры и стимулирование экономического развития территорий между Адриатическим, Балтийским и Черным морями, сокращения региональных диспропорций внутри ЕС [Farber, 2017].

Эти страны выразили опасения по поводу доминирования России в энергоснабжении этого региона. Такие «критические настроения» усилились со строительством газопроводов «Северный поток-2» и «Турецкий поток», трубопроводных проектов, которые расширяли возможности России по доставке природного газа в Европу. Многие наблюдатели считают расширение энергетической инфраструктуры, включая строительство терминалов для поставки СПГ, необходимым условием для открытия новых маршрутов альтернативных поставщиков. Сторонники также рассматривают эту Инициативу как потенциальный противовес заинтересованности Китая в участии в региональных инфраструктурных проектах в рамках своего глобального проекта «Один пояс – один путь» [Dinic, 2020].

Продвижение Д. Трампом своей стратегии «Америка прежде всего» и защита другими государствами своих граждан во время пандемии Covid-19 высветили ухудшение трансатлантических отношений. Противодействие администрации Д. Трампа США реализации проекта «Северный поток - 2», и активные усилия по его политизации можно увязывать с продвижением Вашингтоном интересов расширения экспорта газа в Европу и другие регионы [Боровский, 2019].

В 2020 г. в результате глобальной пандемии в США было отменено более 100 грузовых партий СПГ покупателями по всему миру, поскольку цены упали до рекордно низкого уровня в Европе и Азии из-за сокращения спроса, вызванного воздействием глобальной пандемии «Covid-19».

Несмотря на ряд расхождений в реализации своей энергетической политики Соединенные Штаты и ЕС сходились в том, что энергетика является частью внешней политики и зачастую определяется внешнеполитическими соображениями конкретной страны. При этом экспорт СПГ из США в Европу рассматривается как средство и внешнеполитический инструмент для усиления конкуренции со стороны российского газа, и что США готовы помочь снизить зависимость европейских стран от России [Старкин, 2022].

Хотя влияние пандемии на рынок СПГ и нефти в целом закончилось, но возник новый геополитический кризис, и перебои с поставкой нефти и газа ввиду санкционной политики Запада в отношении России может изменить глобальный рынок и усилить риски, связанные с политизацией природных ресурсов. Европа стала домом для американского газа благодаря своим мощностям по хранению и регазификации, но, по оценкам экспертов рынок, ситуация может кардинально измениться, если поменяются условия торговли и логистические маршруты [Wettengel, 2020].

Одним из направлений *энергетической политики Байдена* стала программа, направленная на сокращение выбросов углекислого газа и перехода к возобновляемым источникам энергии. План Джо Байдена стоимостью \$2 триллиона по устранению всех выбросов парниковых газов был поддержан сторонниками климатической кампании, однако кардинальные изменения встретили сопротивление со стороны лоббистов традиционных источников энергии и защитников природы.

Ни одно событие не нанесло более резкого удара по экономической стабильности, чем санкции, наложенные Западом и США в отношении российской энергетики и энергетических

компаний, и ни одна отрасль не пострадала больше, чем энергетическая отрасль. Конфликт закрыла для многих доступ в Россию, второй по величине нефтедобывающей стране мира, что немедленно дестабилизировало рынок. Отказ стран Ближнего Востока увеличить добычу нефти, чтобы компенсировать российскую нефть, вызвал дальнейший скачок цен.

Эти глобальные события привели к тому, что цена на баррель WTI, составлявшая \$91 на 25 февраля 2022, подскочила до \$130 к 9 марта, а затем упала до \$94,46 16 марта. Такая волатильность рынка привела к росту мировых цен на бензин, что усугубляет инфляцию в США и других странах.

Но с 24 февраля 2022 г. в противодействие России США сосредоточили внимание на энергетике как на особо важном геополитическом факторе. Значение энергии в стратегическом мышлении США в отношении России заметно повысилось, т.к. в Вашингтоне понимают, что Москва зависит от доходов от российского экспорта нефти и газа для финансирования государственных программ, поэтому усилия по уменьшению военного потенциала Москвы, естественно, началось с сокращения этого экспорта.

Совокупность современных проблем: российско-украинский кризис, инфляция, глобальная нехватка продовольствия и энергии, раскручивание пузырей активов в Соединенных Штатах, долговые кризисы в развивающихся странах, а также сохраняющиеся последствия эпидемии «COVID-19», приведшая к разрыву цепочек поставок является самым серьезным кризисом за последние десятилетия. При этом мы не наблюдаем признаков коллективных действий, которые потребуются для решения этих глобальных проблем. В результате этого кризиса мир может разделиться на ряд конкурирующих блоков с целью поиска частичных ответов, а не на то, чтобы найти способ объединиться для решения общих глобальных проблемы [Alden, 2022].

Правительства США и Европы ответили беспрецедентными санкциями в отношении России, хотя Европейский Союз получает треть своих запасов нефти и четверть природного газа из России. В марте 2022 г. президент Д. Байден объявил о запрете на импорт российской нефти и газа в США. Через неделю цены на сырую нефть и газ в США начали резко расти, затем выровнялись, а затем снова выросли.

Сегодня для США остается вопрос, как реагировать на реакцию потребителей на повышение цен на нефтегазовые продукты. Стоимость перехода на электромобиль или принятия других энергоэффективных решений и изменений в жизни может быть непомерно высокой для людей с более низкими доходами. В то же время альтернативы, такие как электромобили и в некоторой степени биотопливо, помогли смягчить рост спроса на нефть. Риск заключался в том, политики полагаются на то, что альтернативы будут масштабироваться достаточно быстро, чтобы компенсировать рост спроса на нефть. Однако ряд решения Дж. Байдена в пользу сокращения добычи нефти и газа, приостановка строительства трубопровода "Keystone XL Pipeline" создали риски для необходимых объемов поставок, а нехватка предложения нефти оказывает влияние на рост цен.

Рост добычи нефти и газа в США в сочетании с желанием этой страны быть лидером в продвижении глобальной повестки дня, ускоренный переход экономики на возобновляемые ресурсы – все это ведет к трансформация глобальных энергетических рынков, к «энергетическому повороту»: переходу от использования ископаемых источников энергии – к миру, в котором все чаще будут применяться возобновляемые энергоносители [Ергин, 2021].

Заключение

Следовательно, то, что мы сейчас наблюдаем, является одним из возможных последствий энергетического перехода на альтернативные виды энергии, который не осуществляется достаточно быстро, чтобы заполнить разрыв между спросом и предложением на нефть и газ. С одной стороны, ряд американских экспертов выступали против любого дополнительного развития ископаемого топлива, полагая, что альтернативы появятся достаточно быстро и что нефть не понадобится. В этом случае нефтегазовые компании несут убытки. С другой, очевидны просчеты в темпах перехода на возобновляемые источники энергии, а поспешный отказ от традиционных углеводородных ресурсов, и введение санкций в отношении энергетического сектора России, приводят к разрыву логистических цепочек поставок сырья и нефтепродуктов и к их дефициту.

Учитывая устойчивый спрос на нефть и газ, можно сделать вывод, что углеводородные ресурсы по-прежнему сохраняют свою значимость для национальных и глобальной экономик и будут оставаться в центре конкурентной борьбы между ведущими потребителями и производителями на мировой арене.

Сегодня США необходимы дополнительные инвестиции в производство энергии из ископаемых видов топлива, чтобы нарастить добычу, обеспечить рынок и снизить цену, однако есть и те силы, которые выступают за альтернативы, и будут изо всех сил стараться убедить общественность, что они нужны.

В США аналитики и эксперты призывают американских лидеров приложить согласованные усилия для создания двухпартийной коалиции в поддержку решения экологических вопросов и проблем нефтегазовой промышленности. Очевидно, что сегодня существует потребность в комплексной стратегии, обеспечивающей как климатическую, так и энергетическую безопасность. Но это потребует от правительства гораздо большего государственного вмешательства, чтобы формировать и управлять энергетическими рынками, исправляя неудачи, которые резко обострились в результате сегодняшнего кризиса.

Библиография

1. Боровский Ю.В. Международное измерение современной энергетической политики США: вызовы России и мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 341-353.
2. Ергин Д. Новая карта мира. Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций. М.: Альпина Паблишер, 2021. 448 с.
3. Золина С.А., Копытин А., Резникова О.Б. «Сланцевая революция» в США как главный драйвер перестройки мирового рынка нефти // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т.12. № 6. С. 71-93.
4. Ковалев А.А. Экономическая безопасность государства. Калининград, 2020. 208 с.
5. Павлова П.М. Влияние энергетической политики США на изменение баланса сил в Персидском заливе // Баланс сил в интересах регионов мира: концептуализация и прикладной анализ. М., 2021. С. 237-248.
6. Старкин С.В., Приписнова Е.С., Кривов С.В. Вопросы энергетической безопасности во внешней политике США и ЕС: сравнительный анализ // Международные отношения. 2022. № 1. С. 75-89.
7. Хлопов О.А. Энергетическая политика администрации Д. Трампа: новые изменения и результаты // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 1А. С. 140-150.
8. Alden E. Why This Global Economic Crisis Is Different. 2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/06/14/inflation-stock-market-economic-crisis-trade-wto-ukraine-energy-food-shortages-fed-central-banks/>
9. Bazilian M., Sovacool B., Moss T. Rethinking energy statecraft: United states foreign policy and the changing geopolitics of energy // Global Policy. 2017. № 8 (3). P. 422-425.
10. Bernell D., Simon Ch. A. The Energy Security Dilemma: US Policy and Practice. Routledge, 2016. 232 p.

11. Carter J. The State of the Union Address Delivered Before a Joint Session of the Congress. 1980. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-state-the-union-address-delivered-before-joint-session-the-congress>
12. Dinic L. Recent Three Seas Initiative Summit Foreshadows the Future of China-US Strategies in Europe. 2020. URL: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/recent-three-seas-initiative-summit-foreshadows-the-future-of-china-us-strategies-in-europe>
13. DOD. Summary of the National Defense Strategy. Department of Defense 2018. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>
14. Eugene B., Trenin D., Zhao H. Central Asia: Views from Washington, Moscow, and Beijing. New York: Routledge, 2007. 232 p.
15. Farber M. Read Donald Trump's Remarks at the Three Seas Initiative Summit in Poland. 2017. URL: <https://time.com/4846780/read-donald-trump-speech-warsaw-poland-transcript/>
16. Geri L.R. Energy Policy in the U.S.: Politics, Challenges, and Prospects for Change. Routledge, 2011. 328 p.
17. Gold R. The Boom: How Fracking Ignited the American Energy Revolution and Changed the World. Simon & Schuster, 2015. 384 p.
18. Grosman P.Z. Energy Policy and the Pursuit of Failure. Cambridge University Press, 2013. 416 p.
19. Klare M. *Resource war. The new landscape of global conflict*. New York: Henry Holt, 2002. 304 p.
20. Mearsheimer J. The tragedy of great power politics. New York: W.W. Norton & Company, 2014. 592 p.
21. Munoz J.M. Advances in Geoeconomics. NY, 2017. 344 p.
22. Orban A. Power, Energy and the new Russian imperialism. PSI Reports. Praeger Security International. London, 2008. 264 p.
23. Palmer M.A. Guardians of the Gulf: a history of America's expanding role in the Persian Gulf, 1833-1992. New York, 1992. 320 p.
24. Shaffer B. *Energy politics*. University of Pennsylvania Press, 2009. 189 p.
25. Sovacool B. The Routledge Handbook of Energy Security. London: Routledge, 2010. 464 p.
26. The White House. Remarks by Tom Donilon, National Security Advisor to the President at the Launch of Columbia University's Center on Global Energy Policy. April 24, 2013. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/04/24/remarks-tom-donilon-national-security-advisor-president-launch-columbia>
27. White House. Remarks by President Trump at the Unleashing American Energy Event. U.S. Department of Energy Washington, D.C. June 29, 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-unleashing-american-energy-event/>
28. Wettengel J. Coronavirus crisis highlights risks of U.S.-European LNG deals diplomacy. 2020. URL: <https://www.cleanenergywire.org/news/coronavirus-crisis-highlights-risks-us-european-lng-deals-diplomacy>

The Evolution of the US Energy Strategy and the Prospects for its Implementation in the 21st Century

Oleg A. Khlopov

PhD in Political Science,
Associate Professor of American Studies,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6, Miuskaya square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: rggu2007@rambler.ru

Abstract

The US energy policy has undergone profound changes in recent years. The “shale revolution”, which allowed to increase the volume of oil and gas production, the energy efficiency program, the introduction of new renewable energy technologies has reduced the dependence of the United States on imports of hydrocarbon resources and increased their exports. The economic, financial and technological advantages of the American economy have increased the influence of the United States on the global energy market, that led to a revision of their traditional energy strategy at home

and in the international arena. Having significantly reduced imports of hydrocarbons, the United States began to revise their energy security strategy. The Obama administration relied on energy independence, D. Trump's "America First" strategy was aimed at the global energy dominance of the United States, to export of liquefied natural gas (LNG) to the EU and other regions, while putting pressure on exporting countries, based on their geopolitical interests. The Biden administration has announced a clean energy plan, a global climate agenda to reduce carbon emissions and active transition the US economy to renewable energy sources, tightening sanctions on the export of Russian energy resources. The author argues that the energy and national security of the United States are still largely depending on fossil fuels, especially oil. The United States need to meet growing energy needs at an affordable price, form a comprehensive strategy that ensures both climate and energy security, while avoiding direct confrontation and conflict with other countries.

For citation

Khlopov O.A. (2022) Evolyutsiya energeticheskoi strategii SShA i perspektivy ee realizatsii v XXI [The Evolution of the US Energy Strategy and the Prospects for its Implementation in the 21st Century]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 283-293. DOI: 10.34670/AR.2022.53.93.034

Keywords

Energy policy, foreign policy, hydrocarbon resources, oil, gas, renewable energy sources, rivalry, energy crisis, sanctions, USA.

References

1. Alden E. (2022) *Why This Global Economic Crisis Is Different*. Available at: <https://foreignpolicy.com/2022/06/14/inflation-stock-market-economic-crisis-trade-wto-ukraine-energy-food-shortages-fed-central-banks/> [Accessed 08/08/2022]
2. Bazilian M., Sovacool B., Moss T. (2017) Rethinking energy statecraft: United states foreign policy and the changing geopolitics of energy. *Global Policy*, 8 (3), pp. 422-425.
3. Bernell D., Simon Ch.A. (2016) *The Energy Security Dilemma: US Policy and Practice*. Routledge,
4. Borovskii Yu.V. (2019) Mezhdunarodnoe izmerenie sovremennoi energeticheskoi politiki SShA: vyzovy Rossii i mira [International Dimension of Modern US Energy Policy: Challenges of Russia and the World]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otsheniya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relations], 19, 3, pp. 341-353.
5. Carter J. (1980) *The State of the Union Address Delivered Before a Joint Session of the Congress*. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-state-the-union-address-delivered-before-joint-session-the-congress> [Accessed 08/08/2022]
6. Dinic L. (2020) *Recent Three Seas Initiative Summit Foreshadows the Future of China-US Strategies in Europe*. Available at: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/recent-three-seas-initiative-summit-foreshadows-the-future-of-china-us-strategies-in-europe> [Accessed 08/08/2022]
7. DOD. *Summary of the National Defense Strategy. Department of Defense 2018*. Available at: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> [Accessed 08/08/2022]
8. Ergin D. (2021) *Novaya karta mira. Energeticheskie resursy, menyayushchiysya klimat i stolknovenie natsii* [New map of the world. Energy resources, changing climate and the clash of nations]. Moscow: Al'pina Publisher Publ.
9. Eugene B., Trenin D., Zhao H. (2007) *Central Asia: Views from Washington, Moscow, and Beijing*. New York: Routledge.
10. Farber M. (2017) *Read Donald Trump's Remarks at the Three Seas Initiative Summit in Poland*. Available at: <https://time.com/4846780/read-donald-trump-speech-warsaw-poland-transcript/> [Accessed 08/08/2022]
11. Geri L.R. (2011) *Energy Policy in the U.S.: Politics, Challenges, and Prospects for Change*. Routledge.
12. Gold R. (2015) *The Boom: How Fracking Ignited the American Energy Revolution and Changed the World*. Simon & Schuster.

13. Grosman P.Z. (2013) *Energy Policy and the Pursuit of Failure*. Cambridge University Press.
14. Khlopov O.A. (2022) Energeticheskaya politika administratsii D. Trampa: novye izmeneniya i rezul'taty [The Trump administration's energy policy: new changes and the results]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (1A), pp. 140-150.
15. Klare M. (2002) *Resource war. The new landscape of global conflict*. New York: Henry Holt.
16. Kovalev A.A. (2020) *Ekonomicheskaya bezopasnost' gosudarstva* [Economic security of the state]. Kaliningrad.
17. Mearsheimer J. (2014) *The tragedy of great power politics*. New York: W.W. Norton & Company.
18. Munoz J.M. (2017) *Advances in Geoeconomics*. NY.
19. Orban A. (2008) *Power, Energy and the new Russian imperialism. PSI Reports. Praeger Security International*. London.
20. Palmer M.A. (1992) *Guardians of the Gulf: a history of America's expanding role in the Persian Gulf, 1833-1992*. New York.
21. Pavlova P.M. (2021) Vliyanie energeticheskoi politiki SShA na izmenenie balansa sil v Persidskom zalive [The influence of US energy policy on the change in the balance of power in the Persian Gulf]. In: *Balans sil v interesakh regionov mira: kontseptualizatsiya i prikladnoi analiz* [Balance of power in the interests of the regions of the world: conceptualization and applied analysis]. Moscow.
22. Shaffer B. (2009) *Energy politics*. University of Pennsylvania Press.
23. Sovacool B. (2010) *The Routledge Handbook of Energy Security*. London: Routledge.
24. Starkin S.V., Pripisnova E.S., Krivov S.V. (2022) Voprosy energeticheskoi bezopasnosti vo vneshnei politike SShA i ES: sravnitel'nyi analiz [Issues of Energy Security in the Foreign Policy of the USA and the EU: Comparative Analysis]. *Mezhdunarodnye otnosheniya* [International Relations], 1, pp. 75-89.
25. *The White House. Remarks by Tom Donilon, National Security Advisor to the President at the Launch of Columbia University's Center on Global Energy Policy. April 24, 2013*. Available at: [https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/04/24/remarks-tom-donilon-national-security-advisor-president-launch-columbia-](https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/04/24/remarks-tom-donilon-national-security-advisor-president-launch-columbia) [Accessed 08/08/2022]
26. *White House. Remarks by President Trump at the Unleashing American Energy Event. U.S. Department of Energy Washington, D.C. June 29, 2017*. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-unleashing-american-energy-event/> [Accessed 08/08/2022]
27. Wettengel J. (2020) *Coronavirus crisis highlights risks of U.S.-European LNG deals diplomacy*. Available at: <https://www.cleanenergywire.org/news/coronavirus-crisis-highlights-risks-us-european-lng-deals-diplomacy> [Accessed 08/08/2022]
28. Zolina S.A., Kopytin A., Reznikova O.B. (2019) «Slantsevaya revolyutsiya» v SShA kak glavnyi draiver perestroiki mirovogo rynka nefti [“Shale Revolution” in the USA as the main driver of the restructuring of the global oil market]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Contours of global transformations: politics, economics, law], 12, 6, pp. 71-93.

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.79.39.035

Торговые и финансовые санкции США как инструмент внешней политики США в АТР

Йовашевич Живан

Магистр, старший аналитик,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: zvovashevich@gmail.com

Тамганян Давид Мхитарович

предприниматель,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: kaikumu999@gmail.com

Шмелев Алексей Максимович

менеджер
ООО «Политех инструмент»
142700, Российская Федерация, Видное, Промзона;
e-mail: shmelev313@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются торговые и финансовые санкции, являющиеся одним из инструментов политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Обосновывается, что санкции являются одним из самых популярных экономических инструментов внешней политики США. С помощью них оказывается давление на государство-объект с целью принудить его скорректировать свою внешнюю или внутреннюю политику с учетом интересов США без военного вмешательства последних. В США введение и регулирование торгово-экономических санкций осуществляется преимущественно в соответствии с законодательными актами Конгресса США, указами Президента США, Правилами регулирования экспорта (EAR), а также в соответствии с рекомендациями Управления по контролю за иностранными активами Министерства финансов США (OFAC).

В заключении работы было показано, что Специфика АТР, в котором США и Китай соперничают за региональное лидерство, предполагает более тесную интеграцию любой страны АТР с Китаем в случае введения полномасштабных санкций со стороны США. Данный фактор в совокупности с ключевой ролью Пекина во внешней торговле в регионе создает угрозу создания существенного дисбаланса сил в регионе в пользу Китая. Именно поэтому на текущий момент в регионе существуют предпосылки введения новых полномасштабных санкций исключительно в отношении Пекина в случае эскалации

ситуации на Тайване. Вместе с тем, принимая во внимание роль Пекина в мировой экономике, введение ограничений будет сопровождаться анализом сопутствующих рисков для США и их союзников с целью не допустить ухудшения собственной экономической ситуации и митигировать риски, возможные негативные последствия для мировой экономики.

Для цитирования в научных исследованиях

Йовашевич Ж., Тамганян Д.М., Шмелев А.М. Торговые и финансовые санкции США как инструмент внешней политики США в АТР // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 294-306. DOI: 10.34670/AR.2022.79.39.035

Ключевые слова

Внешняя политика, международные отношения, санкции, экспортно-импортные ограничения, санкционное давление.

Введение

Во внешней политике США активно используется набор финансовых санкций и экспортно-импортных ограничений. Как инструмент внешней политики финансовые санкции США, могут быть введены в отношении страны, отраслей экономики (в том числе всех компаний из определенной отрасли), юридических или физических лиц из данной страны, организаций, транспортных средств (самолеты, корабли), в то время как экспортные ограничения преимущественно распространяются на государства и юридические лица.

Экспортно-импортные ограничения предполагают введение ограничений, лицензирование, запрет на поставку определенных видов продукции страной, вводящей санкции, в страну-объект санкций либо юридическим лицам из такой страны, или запрет на приобретение у страны-объекта санкций определенных видов продукции.

Финансовые санкции могут предполагать заморозку государственных активов страны-объекта санкции на территории США, либо активов физических или юридических лиц на территории США, запрет на осуществление расчетных операций в долларах США с контрагентами, включенными в санкционные списки, ограничение или запрет на предоставление займов или финансирования, запрет на осуществление инвестиций в страну-объект санкций, ограничения или запрет на осуществление операций по торговому финансированию в отношении сделок с юридическими и физическими лицами из страны-объекта санкций, запрет на ввоз наличных денег государства, вводящего санкции, в страну-объект санкций.

Основное содержание

За последнее десятилетие, ввиду увеличения взаимосвязанности субъектов мировой торговли, особую роль играют транспортные санкции, под которыми обычно понимаются запреты на использование аэродромов, портов, железнодорожной инфраструктуры страны, вводящей санкции для транспортных средств, зарегистрированных в стране-объекте санкций, запрет на осуществление автомобильных грузоперевозок транспортными средствами, зарегистрированными в стране-объекте санкций по территории страны, вводящей санкции,

введение запретов на страхование судов, зарегистрированных в стране-объекте санкций. Использование транспортных санкций зачастую существенно ограничивает торговлю страны-объекта санкций, оказывая негативное влияние на стоимость грузоперевозок и сроки доставки грузов, ввиду необходимости выстраивать логистические маршруты через не поддерживавшие санкции страны.

В качестве отдельного инструмента санкционного давления на элиту страны-объекта санкций с целью создания нестабильности внутри такой страны/попытки заставить часть элиты пойти на уступки США вводят санкции в отношении физических лиц, которые предполагают заморозку активов (включая недвижимость, транспортные средства, финансовые средства на банковских счетах) на территории США, запрет на въезд на территорию США, запрет на осуществление расчетов с включенными в санкционными списки физическими лицами.

Одной из главных целей торговых санкций является попытка ограничить экспорт и импорт (внешнюю торговлю) страны-объекта санкций, а также лишить страну-объект санкций доходов от продажи продукции собственного производства путем лишения такой страны возможности закупать критически важную для внутреннего производства и рынка продукцию, либо посредством введения запретов или ограничений на покупку продукции, произведенной в стране-объекте санкций. В тоже время финансовые санкции преследуют цель лишить страну-объект санкций возможности осуществлять торговое финансирование экспортно-импортных операций, лишить страну-объект санкций или важных для ее экономики юридических лиц возможности распоряжаться собственными активами, находящимися на территории США, а также осуществлять взаиморасчеты с контрагентами в других странах.

Введение торговых и финансовых санкций в отношении страны-объекта приводит к снижению доходов от экспорта, а также уменьшению поступлений в твердой валюте в бюджет страны, вследствие чего государство-объект санкций может начать испытывать трудности с покупкой зарубежных товаров на мировом рынке. [Братерский, 2010]

Отличительной особенностью американских финансовых санкций является их экстерриториальность и широкое распространение. Согласно своду федеральных нормативных актов (US Code of Federal Regulations), обязанность по соблюдению американских санкций возникает у американских лиц (US Person), под которыми понимаются американские физические и юридические лица [US Code of Federal Regulations, Section § 560.314 - United States person; U.S. person, www...]. При этом определение американских физических и юридических лиц является довольно широким. В частности, в категорию американских физических лиц подпадают граждане США, иностранцы с постоянным проживанием в США, или любые другие лица, находящиеся территориально в Соединенных Штатах. Таким образом, условно итальянская компания должна понимать, что она будет обязана соблюдать санкции США в случае, если от ее имени юридически значимые действия (в том числе действия по руководству) совершают: 1) граждане США, работающие за границей; 2) иностранные граждане, получившие вид на жительство в США; 3) физические лица, находящиеся в США, включая всех посетителей на время их пребывания. [OFAC Consolidated Frequently Asked Questions. Basic Information on OFAC and Sanctions, www...]

В тоже время в категорию американских юридических лиц входят юридические лица, расположенные в США, а также компании, зарегистрированные в соответствии с федеральным законодательством США или законодательством штата, включая филиалы за пределами США. [US Code of Federal Regulations, Section 560.305 - Person; entity // US Government, www...]. Некоторые санкционные режимы также распространяются на иностранные дочерние компании,

принадлежащие или контролируемые американскими юридическими лицами. [Frequently Asked Questions. Basic Information on OFAC and Sanctions, www...] Согласно законодательству США, предприятие «принадлежит или контролируется» лицом США (US Person), если лицо США: «(i) владеет не менее чем 50% голосов или стоимости в юридическом лице; (ii) занимает большинство мест в совете директоров; или (iii) иным образом контролирует действия или решения организации». [US Code of Federal Regulations, Section § 560.215 - Prohibitions on foreign entities owned or controlled by U.S. persons, www...]

Вместе с тем, как показывает практика, обязанность по соблюдению американских санкций возникает не только у американских лиц (US Person), но и у лиц, имеющих так называемый US Nexus (привязка к американской юрисдикции). В частности, US Nexus может возникнуть у любых компаний, совершающих долларовые расчеты, поскольку считается, что все операции, выраженные в долларах США, обрабатываются и проходят через финансовую систему США, что, в свою очередь, создает привязку к американской юрисдикции. Значение этой взаимосвязи можно проиллюстрировать следующим примером. В 2018 году французский банк Societe Generale выплатил властям США 1,4 млрд долларов США штрафов за урегулирование споров, возникших из-за обработки транзакций с участием лиц и юрисдикций, находящихся под санкциями, через американские банки. Банк скрыл информацию о компаниях, подпадающих под санкции, в формах и отчетах, предоставленных американским банкам. [Enforcement Information for November 19, 2018. Société Générale S.A. Settles Potential Civil Liability for Apparent Violations of Multiple Sanctions Programs, November 19, 2018, www...]

Еще одним основанием для возникновения US Nexus является использование предметов американского происхождения. Управление по контролю за иностранными активами Министерства финансов США (OFAC) считает нарушением режима санкций ситуации, при которых какое-либо лицо (не обязательно US Person) занимается поставкой продуктов, программного обеспечения и технологий американского происхождения сторонам или юрисдикциям, находящимся под санкциями. Например, в деле Yantai Jereh Oilfield Services Group Co. Ltd. китайская компания заплатила OFAC 2,8 млн долларов США для урегулирования спора о покупке нефтепромыслового оборудования американского производства для конечных пользователей в Иране. [Enforcement Information for December 12, 2018. Yantai Jereh Oilfield Services Group Co., Ltd. Settles Potential Civil Liability for Apparent Violations of the Iranian Transactions and Sanctions Regulations, December 12, 2018 // US Department of the Treasury, www...]

Нарушение американских санкционных режимов может повлечь за собой штрафы как со стороны Управления по контролю за иностранными активами Министерства финансов США (OFAC), так и параллельно со стороны других регуляторов как на федеральном уровне, так и на уровне штатов (например: Министерство юстиции США, Бюро промышленности и торговли Министерства торговли США (BIS), Федеральный резервный банк США). В результате нарушения санкций юридические и физические лица вне зависимости от того являются они американскими или нет, могут быть привлечены к гражданско-правовой и уголовной ответственности (в том числе до 20 лет лишения свободы), столкнуться с ограничениями в доступе к финансовой системе США (как в случае с BNP Paribas) и т.д. [International Emergency Economic Powers, United States Code // Office of the Law Revision Counsel, www...]

Таким образом, несоблюдение американских санкционных режимов создает риски для компаний и физических лиц по всему миру вне зависимости от того являются ли они американскими физическими или юридическими лицами, или нет. В настоящий момент

большинство международных компаний (прежде всего крупных) стремится соблюдать американские санкции в целях предотвращения наложения на компанию штрафных санкций со стороны американских регуляторов, а также привлечения сотрудников компании к уголовной и гражданско-правовой ответственности в США. Статус США как ключевого звена мировой финансовой системы создает для компаний по всему миру угрозу быть отрезанными от крупнейшего рынка капитала, а также инвестиций из США в случае несоблюдения американских санкций.

Дополнительным инструментом, обеспечивающим исполнение американских санкций по всему миру, являются так называемые вторичные санкции, которые запрещают как американским, так и неамериканским лицам, вступать в юридические отношения/совершать значимые сделки с лицами, включенными в американские блокирующие санкционные списки (списки SDN). С точки зрения американских внешнеполитических интересов, целью вторичных санкций является попытка предотвратить замещение американских компаний, уходящих с рынка страны против которой введены санкции, на компании из стран, не поддержавших введение санкций. В качестве инструмента давления на такие компании, США используют свой статус мирового финансового центра и крупнейшего рынка капитала, по сути, угрожая компаниям из стран, не поддержавших санкции, закрытием доступа к американскому рынку, наложением на них штрафных санкций, включением в блокирующие санкционные списки, в случае продолжения работы в стране или с компаниями, попавшими под американские блокирующие санкции.

Целесообразность введения санкций во многом зависит от размера экономик страны субъекта и страны объекта. Обычно, санкции вводятся страной, обладающей большими экономическими ресурсами против страны, обладающей меньшим экономическим потенциалом для того, чтобы обескровить экономику оппонента, сделав ответные санкции страны-объекта нецелесообразными. Эффективность санкций также зависит от количества стран, которые одновременно вводят санкции против государства-оппонента. Санкции, введенные несколькими странами против страны-оппонента, будут более эффективными, нежели санкции, введенные одной страной против другой. Такие санкции снижают политические издержки для страны-субъекта, придавая санкциям легитимность в глазах мирового сообщества. Однако нельзя сказать, что на данный момент санкции могут полностью подорвать экономику страны-объекта. Санкции заставят страну-объект найти альтернативные рынки закупок, сбыта и финансирования. Подобные рынки могут быть более дорогими или затраты на сделки с контрагентами из не поддержавших санкции юрисдикций увеличатся, что в свою очередь повысит расходы страны на ведение внешнеэкономической деятельности. [Братерский, 2010]

Исследования Г.Хауфбауера и Р. Эллиота продемонстрировали, что равные по мощи государства готовы вводить санкции против своих оппонентов только в случае, если они чувствуют явную угрозу своей национальной безопасности. Однако даже в этом случае страна субъект должна обладать как минимум десятикратным преимуществом над страной объектом в экономическом плане. Исследователи также утверждают, что если задача государства, вводящего санкции сводится лишь к «ограниченным изменениям» в политике страны объекта, то должно наблюдаться 200-и кратное преобладание экономики страны-субъекта над экономикой своего оппонента. Если целью страны-субъекта является смена политического режима в стране-объекте, то тогда экономическое преимущество вводящего санкции государства должно достигать 400 раз. [Elliott, Hufbauer, 1999]

Хафбауэр и Эллиотт разработали свой индекс эффективности санкций. Успех санкций определяется по шкале от 1 до 16, причем показатель 16 демонстрирует тот факт, что вводящее санкции государство добилось своих политических целей. Санкции США против Лаоса в 1956-1962 годах получили оценку 9, санкции США против Индонезии в 1963-1966 годах получили оценку 8, санкции США против Капмучии в 1975-1979 годах - оценку 1, санкции США против Ирана в 1979-1981 получили оценку 12, санкции США и Северного Вьетнама против Южного Вьетнама в 1954-1975 оценку 1, а санкции США, Японии и Германии против Бирмы в 1988 году оценку 6 баллов. По данным ученых, на момент составления индекса наибольшие потери США понесли от введенных против Ирана санкций. [Davis, Engelman, 2003]

Эффективность санкций также зависит от географического расположения государства (в том числе наличия у государства выхода к морю, количества стран, граничащих с данным государством) степени его вовлеченности в процессы международной торговли (зависимости отраслей экономики страны-объекта санкций от импорта комплектующих и оборудования). На эффективность санкций влияет уровень сотрудничества с ближнем и дальнем зарубежьем, странами, игнорирующими санкции. Защита от санкций зависит от возможности найти альтернативных импортеров для своей продукции и закупать необходимые товары и услуги у альтернативных поставщиков из стран, не поддерживавших санкции. Однако введение коллективных санкций со стороны США и ее партнеров (ЕС, Япония, Южная Корея, Тайвань, Канада, Австралия) могут сделать невозможным или существенно осложнить для страны-объекта санкций поиск альтернатив высокотехнологичной продукции, промышленного оборудования и комплектующих, микроэлектроники, которая до введения санкций импортировалась из США, ЕС и других западных юрисдикций. Вместе с тем, в случае с США, риски введения вторичных санкций в отношении компаний из стран, не поддерживавших санкции и помогающих стране-объекту санкций обойти их, могут, как минимум, существенно ограничить объемы закупок через страны, не поддерживавшие санкции, высокотехнологичной продукции, промышленного оборудования и комплектующих, а также микроэлектроники западного производства.

В своих работах исследователь феномена санкций Д. Дрезнер отметил так называемый «парадокс санкций». Он заключается в том, что санкции более эффективны против близких партнеров государства-субъекта, нежели против стран, для которых страна, которая вводит санкции не является значимым торгово-экономическим партнером, а в каком-то смысле выступает и геополитическим оппонентом. Это объясняется тем, что у геополитических оппонентов, зачастую, невысокий уровень торгово-экономических отношений и, следовательно, введенные ограничения не торговлю не сильно отразятся на двусторонних отношениях. Совершенно противоположная ситуация складывается с государством-партнером, с которым государство-субъект взаимозависимо в мировой экономике. [Drezner, 1999] Необходимо также отметить, что каждый раз, когда США вводили санкции против государств-объектов, то Вашингтон также сталкивался с убытками, как политическими, так и экономическими. Например, санкции, введенные против Мьянмы в 1988 году, привели к тому, что Мьянма начала сближение с Китаем. Если говорить об экономических потерях, то необходимо отметить тот факт, что государство, которое ввело санкции, теряет рынок сбыта для своих товаров, так как его место занимает либо иностранная компания другого государства, либо местная компания. Более того, американские компании, работающие в стране-объекте санкций, сталкиваются с рисками падения стоимости активов собственных компаний в стране-объекте-санкций, ростом себестоимости производства американской продукции ввиду

нарушения цепочек поставок (в случае если в цепочках поставок были компоненты/сырье из страны проив которой введены санкций), а также сокращения объемов продаж американской продукции. [Братерский, 2010]

В 2010-х в АТР американские санкции действовали в отношении Мьянмы и КНДР. Руководство Мьянмы после военного переворота в 1988 г. обвинялась в отсутствии демократии, нарушения прав этнических меньшинств (например: рохинджа), а также в бездействии в отношении торговли наркотиками. В 1993 г. Вашингтон ввел эмбарго на прямые и косвенные поставки вооружений и военной техники в Мьянму. В 1997 году президент США Б. Клинтон подписал исполнительный указ, запрещающий американские инвестиции в экономику Мьянмы. США обвинили руководство Мьянмы в «широкомасштабных репрессиях» демократической оппозиции, в том числе в отношении лидера партии «Национальная лига за демократию» (НЛД), лауреата Нобелевской премии мира Аун Сан Су Чжи. В эпоху администрации Дж. Буша-младшего США почти полностью запретили импорт товаров из Мьянмы, заморозили счета руководства Мьянмы и активы государственных компаний Мьянмы в американских банках (для того, чтобы ограничить финансовую поддержку действующему режиму), а также начали процесс блокировки финансовых операций с Мьянмой. В период управления США Б. Обамой наметились тенденции к улучшению сотрудничества между двумя странами, вызванные освобождением более 1,3 тысяч политзаключенных, проведением конкурентных выборов, а также подписанием соглашения о прекращении огня с восемью этническими вооруженными группировками. [Санкции США в отношении Мьянмы. Досье...] Более того, в 2015 году на парламентских выборах в Мьянме победу одержала Национальная лига за демократию. В 2016 году администрация Б. Обамы сняла санкции с Мьянмы. Однако в связи с кризом вокруг положения этнического меньшинства рохинджа американцы ввели санкции в отношении некоторых представителей генералитета Мьянмы. Большинство исследований пришли к заключению о том, что санкции США в отношении Мьянмы нанесли последней незначительный экономический урон. В 2001 году до введения санкций общий объем торговли Мьянмы составлял 6,28 миллиардов долларов, однако даже после введения санкций он увеличился до уровня 6,54 миллиарда долларов в 2003 году. В 2006 году общий объем торговли уже составлял 8,57 миллиардов долларов, то есть продолжилась тенденция к его увеличению. Санкции привели к тому, что в Мьянме начался процесс диверсификации торговых партнеров. Значительно укрепились торговые отношения Мьянмы со странами АСЕАН+6, которые во многом минимизировали потери страны от американских санкций. Особенно наглядно эта тенденция прослеживается на примере текстильной продукции: до введения санкций Мьянма экспортировала 46% своей одежды в США, однако уже к 2005 году основными покупателями одежды из Мьянмы стали страны ЕС, Япония и Южная Корея. Экономические санкции против Мьянмы также стали одним из факторов, подтолкнувших правительство этой страны к увеличению экспорта газа (в основном в Китай, Таиланд и Сингапур): в 2003 году Мьянма экспортировала газ на общую сумму 819 миллионов долларов, а уже в 2015 году экспорт газа из Мьянмы достиг отметки в 4,4 миллиарда долларов. [Ajmani. Joshi, Kishore, Roy, www...]

В настоящее время американские санкции действуют также в отношении КНДР в связи с северокорейской ядерной программой. Законом США (2016 г.) закреплено введение санкций против лиц и организаций, способствующих разработке ядерного оружия в Северной Корее. А также осуществляющих, с точки зрения США противоправным действия (нарушения прав человека, торговля оружием, металлами, минеральными ресурсами с КНДР). При установлении Минфином США, что КНДР занимается отмыванием денег законом предусмотрено введения

новых санкций. [Fifield, www...] Законом «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (2017 г) президент США наделялся дополнительными полномочиями в вопросах введения санкций при нарушении Северной Кореей (а также Россией и Ираном) резолюций СБ ООН. Американским финансовым институтам запрещалось создавать или поддерживать корреспондентские счета, используемые зарубежными финансовыми институтами для того, чтобы обеспечить КНДР косвенными финансовыми услугами. Закон также предусматривает отказ в предоставлении некоторых видов финансовой помощи странам, осуществляющим поставки или получающих от КНДР продукцию оборонной промышленности. Более того, закон предусматривает санкции в отношении северокорейских грузоперевозок, в том числе морских, а также товаров, произведенных с помощью принудительного труда или труда осужденных. [Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, www...] Политика применения ограничительных мер против КНДР получила свое распространение и при Дональде Трампе. Президент США в сентябре 2017 года издал указ № 13810, позволяющий блокировать доступ к финансовой системе США, замораживать активы юридических и физических лиц, осуществляющих экономическое сотрудничество с Северной Кореей. Посетившему Северную Корею морскому или воздушному судну запрещался въезд на территорию США в течение 180 дней. [US expands travel ban to include N Korea, www...] Санкции США наносят существенный урон северокорейской экономике. Американская политика в данном вопросе ставит компании и организации, выражающих готовность к сотрудничеству с КНДР перед выбором между доступом к американской финансовой системе, где можно несомненно больше заработать, и желанием извлечь прибыль из финансовых операций с Пхеньяном. Однако ущерб экономике КНДР не основывается только лишь на санкциях Вашингтона, а во многом зависит от того факта, что против Пхеньяна действуют коллективные санкции США, ЕС, Японии, Южной Кореи, а также Австралии. Более того, в отношении санкций против КНДР были приняты резолюции СБ ООН, имплементация которых обязательна для всего мирового сообщества. В частности, Резолюция СБ ООН № 1718 включает требования прекратить испытания ядерного оружия, экспорт в эту страну военной техники. Резолюция № 2270 запрещает экспортировать из Северной Кореи группу металлов (золото и редкоземельные металлы, титан, ванадий). Резолюция № 2321 запрещает экспорт из Кореи меди, никеля, цинка и серебра, ограничивает экспорт угля. В Резолюции СБ ООН № 2371 полностью запрещен экспорт из Кореи, наряду с углем, железом, свинцом даже морепродуктов. В Резолюции № 2375 установлен запрет на импорт в КНДР из государств — членов ООН нефти и нефтепродуктов, создание совместных предприятий с участием северокорейского капитала, а также экспорт северокорейского текстиля, газового конденсата и жидкостей в государства — члены ООН. Согласно положениям резолюции №2375 был установлен запрет для граждан КНДР работать за рубежом.

В случае с КНДР серьезными рычагами давления на ситуацию обладает Китай, который в большей степени, чем другие страны поддерживает экономические связи с Пхеньяном.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что использование Вашингтоном торговых и финансовых санкций является эффективным инструментом для достижения собственных внешнеполитических целей. Ключевая роль США в архитектуре мировой финансовой системы, роль доллара как наиболее используемого в мире платежного средства для совершения

внешнеторговых расчетов, значимость инвестиций американских резидентов для мировой экономики позволяют США распространять действия санкционных режимов за пределы собственной юрисдикции и фактически в ультимативном порядке требовать как от американских, так и от международных компаний неукоснительно следовать санкционной политике США под угрозой закрытия доступа к американскому рынку и частичной изоляции на мировых рынках. Вместе с тем, на практике введение торговых, финансовых, транспортных и иных санкций со стороны США не всегда систематически распространяется на всю страну, а может затрагивать точечно отдельные отрасли экономики, а также ограниченный перечень физических и юридических лиц. Масштаб введенных санкций зависит от степени эскалации конфликта между США и страной-оппонентом, значимости страны-оппонента для международной системы безопасности и мировой торговли, роль ее компаний в цепочках поставок (прежде всего в торговле с США), рисков переориентации страны-оппонента на страну, представляющую большую угрозу внешнеполитическим интересам США, степени поддержки введенных санкций со стороны союзников США (ЕС, Япония, Южная Корея, Канада, Австралия и т.д.). Учитывая специфику АТР, США будут готовы вводить полный спектр всех санкционных инструментов в случае наличия существенной угрозы собственным внешнеполитическим интересам и национальной безопасности (развитие ядерной программы КНДР, предполагаемая атака Китая на Тайвань, нападение на страны, которым США предоставили гарантии безопасности (Япония, Южная Корея)). Специфика АТР, в котором США и Китай соперничают за региональное лидерство, предполагает более тесную интеграцию любой страны АТР с Китаем в случае введения полномасштабных санкций со стороны США. Данный фактор в совокупности с ключевой ролью Пекина во внешней торговле в регионе создает угрозу создания существенного дисбаланса сил в регионе в пользу Китая. Именно поэтому на текущий момент в регионе существуют предпосылки введения новых полномасштабных санкций исключительно в отношении Пекина в случае эскалации ситуации на Тайване. Вместе с тем, принимая во внимание роль Пекина в мировой экономике, введение ограничений будет сопровождаться анализом сопутствующих рисков для США и их союзников с целью не допустить ухудшения собственной экономической ситуации и митигировать риски, возможные негативные последствия для мировой экономики.

Библиография

1. Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. – М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010 год. – 231 с.
2. US Code of Federal Regulations, Section § 560.314 - United States person; U.S. person // US Government [Official Site]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CFR-2014-title31-vol3/pdf/CFR-2014-title31-vol3-sec560-314.pdf>
3. OFAC Consolidated Frequently Asked Questions. Basic Information on OFAC and Sanctions // US Department of the Treasury [Official Site]. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/frequently-asked-questions/ofac-consolidated-frequently-asked-questions> (дата обращения: 26.07.2022)
4. US Code of Federal Regulations, Section 560.305 - Person; entity // US Government [Official Site]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CFR-2005-title31-vol3/pdf/CFR-2005-title31-vol3-sec560-305.pdf> (дата обращения: 26.07.2022)
5. Frequently Asked Questions. Basic Information on OFAC and Sanctions // US Department of the Treasury [Official Site]. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/faqs/11> (дата обращения: 26.07.2022)
6. US Code of Federal Regulations, Section § 560.215 - Prohibitions on foreign entities owned or controlled by U.S. persons // US Government [Official Site]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CFR-2014-title31-vol3/pdf/CFR-2014-title31-vol3-sec560-215.pdf>
7. Enforcement Information for November 19, 2018. Société Générale S.A. Settles Potential Civil Liability for Apparent Violations of Multiple Sanctions Programs, November 19, 2018 // US Department of the Treasury [Official Site]. URL: <https://www.treasury.gov/press-releases/Pages/20181119>

- https://home.treasury.gov/system/files/126/20181119_socgen_web.pdf; Katanga Johnson, Karen Freifeld, Inti Landauro. Societe Generale to pay \$1.4 billion to settle cases in the U.S. // Reuters [Website]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-fed-socgen-idUSKCN1NO26B> (дата обращения: 26.07.2022)
8. Enforcement Information for December 12, 2018. Yantai Jereh Oilfield Services Group Co., Ltd. Settles Potential Civil Liability for Apparent Violations of the Iranian Transactions and Sanctions Regulations, December 12, 2018 // US Department of the Treasury [Official Site]. URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/20181212_jereh.pdf (дата обращения: 28.08.2021); Townsend T. The Aggressive Extraterritorial Reach of U.S. Economic Sanctions: Foreign Company Exposure to OFAC Enforcement // The National Law Review [Website]. URL: <https://www.natlawreview.com/article/aggressive-extraterritorial-reach-us-economic-sanctions-foreign-companyexposure-to> (дата обращения: 26.07.2022)
 9. International Emergency Economic Powers, United States Code // Office of the Law Revision Counsel [Official Site]. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title50/chapter35&edition=prelim>; Carl A. Valenstein. What Can Foreign Financial Institutions Learn From The BNP Paribas Sa Case? // Morgan, Lewis & Bockius LLP [Website]. URL: <https://www.morganlewis.com/pubs/2014/08/what-can-foreign-financialinstitutions-learn-from-the-bnp-paribas-sa-case> (дата обращения: 26.07.2022)
 10. Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. – М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010 год. – 231 с.
 11. Elliott R.A., Hufbauer G.C. Same Song, Same Refrain? Economic Sanctions in the 1990s // American Economic Review. - 1999. Vol. 89. No. 2. - P. 403–408.
 12. Davis L., Engerman S. Sanctions: Neither War nor Peace // Journal of Economic Perspectives. - 2003. - Volume 17 - P. 187–197.
 13. Drezner D.W. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. - Cambridge, 1999. - P. 364.
 14. Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. – М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010 год. – 231 с.
 15. Санкции США в отношении Мьянмы. Досье // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/info/3623341> (дата обращения: 28.07.2022)
 16. Ajmani M., Joshi P. K., Kishore A., Roy D. How Did Sanctions Impact Myanmar? // The Diplomat [Website]. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/how-did-sanctions-impact-myanmar/> (дата обращения: 28.07.2022)
 17. Fifield A. Punishing North Korea: A rundown on current sanctions // The Washington Post [Website]. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/02/22/punishing-north-korea-a-run-down-on-currentsanctions/?utm_term=.e5c3b19b1f1b (дата обращения: 28.07.2022)
 18. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act // Congress. Gov [Official Site]. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ44/PLAW-115publ44.pdf>
 19. US expands travel ban to include N Korea // BBC [Website]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada41382585> (дата обращения: 28.07.2022)
 20. Резолюция 1718 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5551-м заседании 14 октября 2006 года URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/572/09/PDF/N0657209.pdf?OpenElement> (дата обращения: 28.07.2022)
 21. Резолюция 2270 (2016), принятая Советом Безопасности на его 7638-м заседании 2 марта 2016 года URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/058/25/PDF/N1605825.pdf?OpenElement> (дата обращения: 28.07.2022)
 22. Резолюция 2321 (2016), принятая Советом Безопасности на его 7821-м заседании 30 ноября 2016 года URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/407/53/PDF/N1640753.pdf?OpenElement> (дата обращения: 28.07.2022)
 23. Резолюция 2371 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8019-м заседании 5 августа 2017 года URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/246/71/PDF/N1724671.pdf?OpenElement> (дата обращения: 28.07.2022)
 24. Резолюция 2375 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8042-м заседании 11 сентября 2017 года URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/283/70/PDF/N1728370.pdf?OpenElement> (дата обращения: 28.07.2022)

USA trade and financial sanctions as a tool of USA foreign policy in the APAC region

Zhivan Iovashevich

Master, Analyst
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: zvovashevich@gmail.com

David M. Tamganyan

Entrepreneur
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: kaikumu999@gmail.com

Alexey M. Shmelev

Manager,
Polytech Tool LLC,
142700, Industrial Zone, Vidnoye, Russian Federation;
e-mail: shmelev313@mail.ru

Abstract

The article considers the trade and financial sanctions, which are one of the instruments of US policy in the Asia-Pacific region. In the article it is grounded that sanctions are one of the most popular economic instruments of US foreign policy. With the help of them, pressure is exerted on the target state in order to force it to adjust its foreign or domestic policy taking into account the interests of the United States without the latter's military intervention. In the USA, the introduction and regulation of trade and economic sanctions is carried out primarily in accordance with legislative acts of the US Congress, executive orders of the US President, Export Administration Regulations (EAR), as well as in accordance with the recommendations of the Office of Foreign Assets Control of the US Department of the Treasury (OFAC).

At the end of the paper, it was shown that the specificity of the Asia-Pacific region, in which the US and China compete for regional leadership, implies closer integration of any Asia-Pacific country with China in the event of full-scale US sanctions. This factor, together with the key role of Beijing in foreign trade in the region, creates a threat of creating a significant imbalance of power in the region in favor of China. That is why now there are prerequisites for the introduction of new full-scale sanctions exclusively against Beijing in the event of an escalation of the situation in Taiwan in the region. At the same time, taking into account the role of Beijing in the global economy, the introduction of restrictions will be accompanied by an analysis of the associated risks for the United States and its allies in order to prevent the deterioration of their own economic situation and mitigate the risks, possible negative consequences for the global economy.

For citation

Iovashevich Zh., Tamganyan D.M., Shmelev A.M. (2020) Torgovye i finansovye sanktsii SShA kak instrument vneshnei politiki SShA v ATR [USA trade and financial sanctions as a tool of USA foreign policy in the APAC region]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanií* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 294-306. DOI: 10.34670/AR.2022.79.39.035

Key words

Foreign policy, international relations, sanctions, export-import restrictions, sanctions pressure.

References

1. Bratersky M.V. Economic instruments of foreign policy and political risks. – M.: Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2010. - 231 p.
2. US Code of Federal Regulations, Section § 560.314 - United States person; U.S. person // US Government [Official Site]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CFR-2014-title31-vol3/pdf/CFR-2014-title31-vol3-sec560-314.pdf>
3. OFAC Consolidated Frequently Asked Questions. Basic Information on OFAC and Sanctions // US Department of the Treasury [Official Site]. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/frequently-askedquestions/ofac-consolidated-frequently-asked-questions> (accessed: 26.07.2022)
4. US Code of Federal Regulations, Section 560.305 - Person; entity // US Government [Official Site]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CFR-2005-title31-vol3/pdf/CFR-2005-title31-vol3-sec560-305.pdf> (date of issue: 26.07.2022)
5. Frequently Asked Questions. Basic Information on OFAC and Sanctions // US Department of the Treasury [Official Site]. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/faqs/11> (accessed: 07/26/2022)
6. US Code of Federal Regulations, Section § 560.215 - Prohibitions on foreign entities owned or controlled by U.S. persons // US Government [Official Site]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CFR-2014-title31-vol3/pdf/CFR-2014-title31-vol3-sec560-215.pdf>
7. Enforcement Information for November 19, 2018. Société Générale S.A. Settles Potential Civil Liability for Apparent Violations of Multiple Sanctions Programs, November 19, 2018 // US Department of the Treasury [Official Site]. URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/20181119_socgen_web.pdf; Katanga Johnson, Karen Freifeld, Inti Landauro. Societe Generale to pay \$1.4 billion to settle cases in the U.S. // Reuters [Website]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-fed-socgen-idUSKCN1NO26B> (accessed: 26.07.2022)
8. Enforcement Information for December 12, 2018. Yantai Jereh Oilfield Services Group Co., Ltd. Settles Potential Civil Liability for Apparent Violations of the Iranian Transactions and Sanctions Regulations, December 12, 2018 // US Department of the Treasury [Official Site]. URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/20181212_jereh.pdf (accessed: 08/28/2021); Townsend T. The Aggressive Extraterritorial Reach of U.S. Economic Sanctions: Foreign Company Exposure to OFAC Enforcement // The National Law Review [Website]. URL: <https://www.natlawreview.com/article/aggressive-extraterritorial-reach-us-economic-sanctions-foreign-companyexposure-to> (accessed: 26.07.2022)
9. International Emergency Economic Powers, United States Code // Office of the Law Revision Counsel [Official Site]. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title50/chapter35&edition=prelim>; Carl A. Valenstein. What Can Foreign Financial Institutions Learn From The BNP Paribas Sa Case? // Morgan, Lewis & Bockius LLP [Website]. URL: <https://www.morganlewis.com/pubs/2014/08/what-can-foreign-financialinstitutions-learn-from-the-bnp-paribas-sa-case> (accessed: 26.07.2022)
10. Bratersky M.V. Economic instruments of foreign policy and political risks. – M.: Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2010. - 231 p.
11. Elliott R.A., Hufbauer G.C. Same Song, Same Refrain? Economic Sanctions in the 1990s // American Economic Review. - 1999. Vol. 89. No. 2. - P. 403–408.
12. Davis L., Engerman S. Sanctions: Neither War nor Peace // Journal of Economic Perspectives. - 2003. - Volume 17 - P. 187–197.
13. Drezner D.W. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. - Cambridge, 1999. - P. 364.
14. Bratersky M.V. Economic instruments of foreign policy and political risks. – M.: Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2010. - 231 p.
15. US sanctions against Myanmar. Dossier // TASS [Electronic resource]. URL: <http://tass.ru/info/3623341> (accessed: 07/28/2022)
16. Ajmani M., Joshi P. K., Kishore A., Roy D. How Did Sanctions Impact Myanmar? // The Diplomat [Website]. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/how-did-sanctions-impact-myanmar/> (accessed: 07/28/2022)

17. Fifield A. Punishing North Korea: A rundown on current sanctions // The Washington Post [Website]. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/02/22/punishing-north-korea-a-run-down-on-currentsanctions/?utm_term=.e5c3b19b1f1b (accessed: 07/28/2022)
18. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act // Congress. Gov [Official Site]. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ44/PLAW-115publ44.pdf>
19. US expands travel ban to include N Korea // BBC [Website]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada41382585> (accessed: 07/28/2022)
20. Resolution 1718 (2006), adopted by the Security Council at its 5551st meeting on 14 October 2006 URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/572/09/PDF/N0657209.pdf?openElement> (accessed: 07/28/2022)
21. Resolution 2270 (2016), adopted by the Security Council at its 7638th meeting on 2 March 2016 URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/058/25/PDF/N1605825.pdf?openElement> (accessed: 07/28/2022)
22. Resolution 2321 (2016), adopted by the Security Council at its 7821st meeting on 30 November 2016 URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/407/53/PDF/N1640753.pdf?openElement> (accessed: 07/28/2022)
23. Resolution 2371 (2017), adopted by the Security Council at its 8019th meeting on 5 August 2017 URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/246/71/PDF/N1724671.pdf?openElement> (accessed: 07/28/2022)
24. Resolution 2375 (2017), adopted by the Security Council at its 8042nd meeting on 11 September 2017 URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/283/70/PDF/N1728370.pdf?openElement> (accessed: 07/28/2022)

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

title (name);

author (s): the surname, first name, patronymic (in full);

author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;

annotation (author's abstract);

key words;

the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;

list of references;

Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
 - substantive (to reflect the main content of an article and research results);
 - structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.

